

В О Е Н Н Ы Е
П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

Станислав Гагарин

**Три лица
Януса**

Scan Kreyder - 15.07.2016
STERLITAMAK

В О Е Н Н Ы Е
П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

СТАНИСЛАВ ГАГАРИН

**Три лица
Януса**

ПОВЕСТИ

О Р Д Е Н А Т Р У Д О В О Г О К Р А С Н О Г О З Н А М Е Н И
В О Е Н Н О Е И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
М И Н И С Т Е Р С Т В А О Б О Р О Н Ы С С С Р
М О С К В А — 1 9 8 1

P2
Г12

Гагарин С. С.

Г12 Три лица Януса: Повести.— М.: Воениздат, 1981.— 416 с.— (Военные приключения).

В пер.: 1 р. 50 к.

В книгу вошли четыре повести: «Три лица Януса», рассказывающая о героической деятельности советского разведчика Сиражудина Ахмедова в 1944—1945 годах в Кенигсберге, «Несчастный случай», «Бремя обвинения» и «Черный занавес» — повести о подвигах советских контрразведчиков, действующих в наши дни.

Г 70302-170 Без объявл. 4702010200.
068(02)-81

ББК 84Р7

Р2

© Воениздат, 1981

ри лица Януса

Яркое солнце ослепило глаза. Яшка Громакин, разбитной и шустрый малый, прищурился, ругнулся сквозь зубы и опустил тяжелый нож бульдозера на заросшую бурьяном землю. Впрочем, землей ее можно было назвать только условно. Щебень, обломки кирпича, остатки металлических конструкций, истлевшее дерево и затвердевшая пыль развалин... Закладывался новый квартал жилых домов. Он должен был возникнуть на месте разрушенных в войну зданий. От них остались сейчас лишь невысокие холмы щебня.

Громакин быстро снял верхний покров и углублял теперь котлован для фундамента. Бульдозер опустился уже метра на два, когда машина вдруг остановилась... Яшка отдал назад, заглушил двигатель и выскочил из кабины. Нож бульдозера беспомощно лежал на земле. Громакина поковырял носком ботинка красную сырую массу в том месте, где застопорился ход машины, и увидел бетонное перекрытие.

«Подвал, что ли?» — подумал Громакин.

— Ты чего встал? Клад нашел, да?

Это кричал прораб Степан Петрович. Он подошел поближе и молча смотрел, как Яшка Громакин очищал ногой бетонную преграду, остановившую его машину.

— Да-а,— протянул Степан Петрович, — дела... Тут, видимо, рвать надо. Перегони машину и копай пока в другом месте. А я пойду начальству звонить.

Пока Степан Петрович звонил, Яшка обкопал с одной стороны неожиданное препятствие и увидел овальный то ли проход, то ли окно в бетонной стене, заложенное кирпичом.

Он отодвинул машину подальше, поставил под углом к стене, врубил на полную скорость и ударил приподнятым ножом наискосок по кирпичам. Кирпичи искроши-

лись, но устояли. Прораб бежал от конторки и кричал, размахивая руками, когда Яшка в третий раз бросил на стену бульдозер, ахнул по кирпичной кладке, и она рухнула вовнутрь.

— А если б там снаряды, а? — спросил Степан Петрович. — Торопишься, дурья твоя башка... Куда полез? Стой, я тебе говорю!

Но Яшка уже исчез в образовавшемся проломе. Он чиркал там спичками.

Из пролома тянуло сыростью.

Прораб вздохнул и полез за бульдозеристом.

«Мы, нижеподписавшиеся, прораб участка № 4 Кузьмичев Степан Петрович, нарядчица Чекашина Наталья Ионовна, бульдозерист Громакин Яков Леопидович, составили настоящий акт в том, что 25 июня 19.. года был обнаружен подземный бункер. Внутри бункера находились останки двух человек, на которых была истлевшая немецкая форма. Один лежал возле панели с рубильниками и оборванными проводами. Второй сидел в коридоре перед комнатой с панелью. На его коленях лежал кожаный планшет, поверх которого был пожелтевший лист бумаги. На бумаге было написано по-русски: «Совершенно секретно. Передать в органы НКВД». Планшет мы не трогали, сразу вызвали милицию...»

В документах, обнаруженных в планшете майора Вернера фон Шлидена, удалось прочитать некоторые записи.

«...Разрывов больше не слышно. Очевидно, штурм пришел к концу. Часы свои я разбил и теперь не могу определить, сколько же здесь нахожусь. Глупо получилось с Вильгельмом Хорстом. Кстати, я должен сообщить о том, что Хорст все время принимал меня за агента союзной разведки, с которой он раньше установил или пытался установить связь. Спасибо товарищам, организовавшим дезинформацию».

«...Батарей бункера работали долго. Сейчас они почти разрядились. Пишу при свете карманного фонаря. Отсутствие воды и пищи не так мучит меня, как осознание того, что не могу выполнить главное задание: передать полные списки «вервольфа», карту с пунктами тайников и

имена агентов гестапо и СД, оставленных в Восточной Пруссии. Правда, один экземпляр есть у Вольфганга Фишера. Но боюсь, что с ним неладно... Иначе меня бы нашли. Фишер знал, где я буду в конце штурма».

«...Убежден, что меня когда-нибудь обнаружат, но сам я вряд ли выберусь отсюда. Руки больше не повинуются. Фонарь едва светит. Планшет с документами кладу на колени. Так их найдут сразу. Жалко, что...»

Здесь текст обрывался, карандашная линия соскользнула к краю страницы. Затем шли последние фразы, написанные твердо и крупно:

«Прощайте, товарищи... Капитан Красной Армии Ахмедов-Вилкс».

«ВАЛЬКИРИЯ» НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

1

В июне 1944 года подводная лодка германского флота «Валькирия» не вернулась из рейса.

Когда истекли контрольные сроки, корабли военноморской базы, к которой была приписана «Валькирия», приспустили флаги, офицеры надели траурные повязки, в штабе внесли подводную лодку в реестр пропавших без вести, и родные невернувшихся моряков узнали об их славной гибели в бою с врагами великого рейха.

Однако мало кто знал, что «Валькирия» и не предназначалась для военных действий. Более того, у нее никогда не было ни одного торпедного аппарата и никакого артиллерийского вооружения. Спаренный пулемет на рубке да пистолеты у офицеров. «Чтобы отправить себя в Валгаллу», — мрачно острил Теодор фон Бетман, старший помощник командира субмарины, чистопородный дворянин из Пфальца, элегантный моряк-наци, поклонник Вагнера и Гете.

Об истинном предназначении подводной лодки знали немногие. Еще в меньшей степени были известны маршруты ее длительных рейсов.

Перед очередным рейсом «Валькирии» начальнику базы вручали секретный пакет, привезенный фельдкурьером из Берлина. Начальник вызывал командира субмарины, и командир в присутствии первых двух вскрывал пакет после регистрации его в специальном журнале. За сур-

гучными печатями находился конверт, командир подводной лодки уносил его на корабль нераспечатанным. «Валькирия» отдавала швартовы, и только в открытом море ее командир мог узнать, куда предстоит ему проложить курс подводной лодки.

Такая процедура неукоснительно выполнялась перед каждым выходом субмарины. Так было и в апреле нынешнего года. «Валькирия» вышла в открытое море. Вышла — и не вернулась.

2

Загорелый мускулистый человек ступил из океана на золотистый песок пляжа, стряхнул капли и не торопясь двинулся вдоль кромки воды.

Стоял тот час, когда на пляже Копакабана в Рио-де-Жанейро людей было немного. С Атлантического океана тянул освежающий ветер, отодвигая в глубь континента плотное покрывало горячего воздуха, поднимающегося от асфальтовых улиц города.

Человек остановился и ногой шевельнул полузасыпанную раковину. Он наклонился, поднял ее, высыпал песок, повертел в руках, вдруг резко размахнулся и далеко забросил в воду.

— Здравствуйте, Герман, — обратился к нему пожилой мужчина с рыжеватой пкиперской бородкой и крепко сбитым, не по возрасту, телом. Он лежал на спине шагах в пяти и сейчас приподнялся на локте, рукою прикрывая от солнца глаза.

— Здравствуйте, доктор Зельхов, — ответил Герман и опустился рядом на песок.

— Вы опоздали на пятнадцать минут, — сказал доктор Зельхов.

— Чистейшая случайность, доктор, — сказал Герман. — Видите ли...

— Не надо подробностей. Давайте о деле, и да пусть обходят вас случайности стороной, мой мальчик. Хотите сигарету?

— Благодарю вас. Шхуна пришла ночью. Команда рассчитана сразу и теперь, верно, уже пропивает полученные деньги. На судне остались капитан и этот мексиканец Перес...

— Как он работает, Перес? — перебил доктор Зельхов.

— Надежный парень, на него можно положиться. У него темное прошлое, а концы все у меня в руках.

— Но вдвоем они не выведут шхуну из порта!

— Да, конечно, — ответил Герман. — Но я подготовил еще двоих. После перегрузки лишних людей устраним.

— Будьте осторожны. Не забывайте, что правительство этой страны формально соблюдает нейтралитет. Нам не нужны здесь никакие осложнения, Герман.

— Понимаю вас, доктор Зельхов. Где произойдет встреча?

— Квадрат 27-15. Вы должны находиться в нем с двадцати трех часов до полуночи. Сигнал — красный огонь, видимый по всему горизонту, и ниже его зеленые вспышки. Сигнал подаете вы. Они подойдут к вам сами. Их пароль: «Доброе утро!» Вы ответите: «Неисправен компас, ночи сейчас холодные». Разговор вести только на испанском языке.

— Все понятно, — сказал Герман. — Сегодня в ночь?

— Именно сегодня. Сколько груза на борту?

— Сто шестьдесят тонн, — сказал Герман. — Сто пятьдесят в слитках, остальное в монетах.

Доктор Зельхов поморщился:

— Надо переплавлять все. С монетами опаснее.

Герман пожал плечами.

— Это уже не наша с вами забота, доктор Зельхов, — сказал он.

— Да, — подтвердил доктор. — Идите, Герман. Сначала в воду. Потом выйдете где-нибудь. Отдохните днем. Сегодня ночью вам предстоит тяжелая работа. И помните: в квадрате 27-15.

3

Крупный марлин стремительно пошел в атаку. Стайка летучих рыб вырвалась на поверхность, поднялась над водой и на длинных плавниках заскользила в сгустившейся темноте, спасая жизнь... Вскоре рыбы опустились в воду, и только одна из стаи, летевшая выше остальных, не вернулась обратно. Зацепив перископ, она упала под ноги стоящих на мостике субмарины людей, едва не сбив фуражку с командира лодки.

— Пакость! — выругался командир и пинком отшвырнул летучую рыбу в угол.

— Срок через полчаса, — отозвался Теодор фон Бетман.

— Вы уверены в нашем месте? — спросил командир.

— Вполне.

— Хорошо, подождем.

«Валькирия» с погашенными огнями стояла в квадрате 27-15. Она находилась в позиционном положении: длинный узкий корпус ее прятался под водой, и лишь рубка, словно рифовый утес, едва угадывалась в ночи.

— Наше место как раз на тропике Козерога, — после минутной паузы нарушил молчание старший помощник.

Ему никто не ответил. Командиру не хотелось говорить, матрос-сигнальщик не имел права на праздные разговоры, и на мостике «Валькирии» наступила тишина.

Тем временем шхуна «Ориноко» приближалась к месту встречи. Несколько часов назад под командованием Ганса Древица, немца, родившегося в Аргентине, она вышла из порта Рио-де-Жанейро в открытое море. Портовые власти по заявлению капитана отметили в документах: порт назначения — Санто-Каравелос, груз — швейные машины, команда — пять человек.

На борту помимо капитана находились его помощник, мрачного вида мексиканец Перес, по слухам, отъявленный в прошлом бандит. Был здесь и Герман, а также два матроса с аргентинского парохода, отставшие от судна и соблазненные перспективой подработать немного в этом рейсе. Звали их Джо и Луис. На шхуне был установлен сильный двигатель с дистанционным управлением из рубки. Он гнал сейчас «Ориноко» в указанный квадрат. Капитан и Герман смотрели вперед. Перес стоял на руле, матросы играли в кубрике в кости.

— Кажется, на месте, — сказал капитан и сбросил ход до малого.

— Стопорите машину и приготовьте огни. Через пятнадцать минут начнем.

Над морем загорелась красная звездочка, а ниже ее мигнул зеленый огонек.

— Уже пора бы им появиться, — проворчал командир «Валькирии», поднося к глазам светящийся циферблат часов.

— Прошло только десять минут, — ответил фон Бетман, — они могли и опоздать.

— А вы уверены, что мы находимся там, где следует нам быть? — снова спросил командир.

Теодор фон Бетман обиженно засопел:

— Я лично проверил расчеты штурмана. Можете посмотреть сами.

— Вижу огни! — крикнул сигнальщик.

— Нельзя ли потише! — буркнул командир. — Вы не на загородной прогулке. Становитесь к штурвалу. Будем подходить. Это они.

...Перегрузка тяжелых ящиков со шхуны на субмарины продолжалась до рассвета. В ней участвовали экипажи обоих судов.

Дважды ходил на подводную лодку Перес и возвращался с бутылкой настоящего шнапса в руках. В один из таких походов, улучив момент, когда в отсеке никого не было, Перес быстро вынул из внутреннего кармана куртки металлическую плоскую коробку размером с портсигар, нагнулся и засунул ее под одну из многочисленных труб, идущих вдоль внутренней палубы «Валькирии». Потом он не спеша выбрался наружу, перешел на шхуну, отдал бутылку Герману, выпил полстакана и спустился в трюм, где работали Джо и Луис.

К утру все «швейные машины» лежали в стальной утробе «Валькирии». Герман поднялся на мостик лодки, минут пять поговорил с командиром, склонившись к его уху, затем вернулся на «Ориноко». Матросы с «Валькирии» отдали концы, и корабли разошлись в разные стороны.

— Пойдем на север, капитан, — сказал Герман, — в Ресифи. Перес, станьте к штурвалу. Хочу выдать аванс этим ребятам. Эй, Джо, Луис!

Матросы, сидевшие на трюме, опустив уставшие от ночной работы руки, тяжело поднялись и направились к стоявшему у дверей рубки Герману.

«Валькирия» скрылась из виду. «Ориноко» набрала скорость и быстро удалялась от места встречи на север.

— Вы молодцы, парни, — сказал Герман. — Что скажете в отношении доброго глотка и пары монет авансом?

Джо, здоровенный мулат, радостно засмеялся и подпрыгнул на палубе.

— Хорошо, хозяин, это хорошо, — сказал он.

Луис, длинный худой индеец-полукровка, застенчиво улыбнулся.

— Держите бутылку и деньги, — сказал Герман. — И можете отдохнуть.

Матросы повернулись и плечом к плечу пошли в свой кубрик на баке. Герман посмотрел на капитана, стоявшего у открытого окна рубки, показал глазами на длинную спину Луиса и левой рукой достал из шкафчика короткий автомат.

Выстрелы грянули одновременно. Луис споткнулся, ничком упал на палубу, дернулся, затих, и бутылка из его рук медленно покатилась к фальшборту. Пуля остановилась Джо, словно стена возникла перед ним. Мгновение он стоял не двигаясь с места, и Герман стал вновь поднимать короткий автомат. Но он не успел выстрелить в спину мулата. Джо резко повернулся, на светлой рубашке расплылась вишневая клякса. Побелевшими глазами мулат смотрел перед собой и надвигался на Германа, поднимавшего автомат. Джо приближался, а Герман дергал затвор и пятился к рубке. Наконец над притихшим утренним океаном разнесся треск очереди, и пули из автоматной обоймы разодрали в клочья здоровенную грудь мулата.

Он сделал последний шаг.

— Хозяин, — прохрипел Джо, — зачем...

Изо рта показалась кровавая струйка, глаза закатились. Он вскинул руки и повалился навзничь на деревянную палубу «Ориноко».

...Субмарина германского флота «Валькирия» некоторое время шла в надводном положении, затем командир приказал начать погружение. Лодка пересекала район интенсивного судоходства, и немецким подводникам не хотелось быть обнаруженными кем-либо.

— Послушайте, Теодор, я посплю часа два, — обратился командир к фон Бетману. — Идите к острову Мартин-Вас. Оттуда повернем к экватору. Я сменю вас через два часа, Теодор...

Бесшумно работали электромоторы. Вахтенные стояли на своих местах, старший помощник сидел в командирском кресле в центральном посту управления, время от времени подогревал кофе и пил его из фарфоровой чашки маленькими глотками. Потом проверял курс и глубину, с тоской думал о немислимой сейчас сигарете и поглядывал на часы.

Все остальные спали на узких койках, спали без сновидений, тяжелым сном измученных ночной работой людей.

Теодор фон Бетман сидел и думал о превратностях судьбы, забросившей его, блестящего офицера-подводника, в эту жестяную банку, начиненную «швейными машинами» вместо грозных торпед. Он, Теодор фон Бетман, понимает, конечно, как важен этот груз для рейха, но его дело топить корабли врага, а не мотаться через океан на субмарине без торпедных аппаратов. Он взглянул на часы, выругал рулевого, отклонившего лодку на три градуса от курса, и, сгибаясь в овальных дверях отсеков, пошел в свою каюту. Дойти Теодору фон Бетману не удалось. Плотный воздух толкнул его в спину. Фон Бетман упал вперед, ударившись подбородком о комингс двери. Боль в подбородке — последнее, что ощутил старший помощник командира.

Рулевой в центральном посту увидел, как развернулась вовнутрь обшивка и черная вода ринулась к нему, чтобы схватить, смять его и уничтожить. Командир лодки умер не просыпаясь. Матросы в носовом отсеке, оторванном взрывом, по сохранившем герметичность, прожили еще немного. Железная урна, кувыркаясь, падала на дно океана, и где-то на третьей сотне метров ее раздавила толща воды.

...В полумиле по правому борту грузового парохода, идущего из Рио-Гранди в Монровию, поднялся и заискрился на солнце водяной купол. Он помедлил мгновение, а затем лопнул, вызвав переполох среди экипажа бразильского парохода «Санта Паулу».

Радужное пятно ширилось на месте исчезнувшего купола. Пароход подвернул к нему, спустил шлюпку, стал подбирать обломки и трупы, выброшенные вместе с воздушным пузырем.

Время было военное, и капитан «Санта Паулу» запретил сообщать о случившемся в эфир. Он попытался определить национальность тех, кого выловили его матросы, но это не представлялось возможным. Ни документов, ни каких-либо примет, кроме признаков расы, капитан не обнаружил.

Трупы были похоронены в океане, а по приходе в свой

порт капитан написал о случившемся рапорт судовладельцам. Рапорт был прочитан и спрятан в секретный сейф фирмы. Возможно, он лежит в нем до сих пор...

4

На подводной лодке «Валькирия», исчезнувшей при загадочных для германского командования обстоятельствах, находилось сто шестьдесят тонн никеля в слитках и монетах Соединенных Штатов Америки и Канады.

Никель — серебристо-белый металл, значащийся в периодической системе Менделеева под номером 28, тугоплавкий, твердый и неизменяющийся на воздухе, — был такой же сложной проблемой для Германии, как и горючее, а может быть, и более сложной. Ведь горючее из нефти можно хоть чем-то заменить. Никель же незаменим. Без никеля нет брони. Без брони нет танков. Без танков нет победы на огромных военных театрах второй мировой войны. Природа обделила Германию никелем. Незначительные запасы его есть в Рейнской долине. Основную часть никеля Германия получала из Канады.

Началась война, и канадский никель был потерян для рейха. Гитлер захватил Грецию, а вместе с нею и никелевые рудники. Вассальная Финляндия открыла для немцев рудники на Севере, в районе Петсамо. Там работали заключенные и военнопленные. Целый эсэсовский корпус обеспечивал охрану рудников и гарантировал бесперебойную добычу красного никелевого колчедана и отправку его в Германию на металлургические заводы.

Когда советские танки Т-34 появились на полях сражений, немецкие специалисты были поражены неуязвимостью их брони.

По приказу из Берлина первый же захваченный Т-34 был доставлен в Германию. Здесь за него взялись химики. Они установили: русская броня содержит большой процент никеля, что и делает ее сверхпрочной.

Недостаток никеля в стали привел к тому, что к 1944 году имперские военные заводы вынуждены были изготавливать танковую броню повышенной толщины. Но и такая броня была хрупкой, и «тигры», «пантеры», «фердинанды», одетые в нее, оказывались тяжелее и слабее советских танков и самоходок.

Никель и никель! Больше никеля!

Ведомство Гиммлера получило указание фюрера взять никелевую проблему под особый контроль.

Помимо европейских источников никель решено было добывать через немецкую агентуру на Северо-Американском континенте. «Пятая колонна» Германии в Штатах и Канаде не гнушалась даже сбором никелевых монет, часть которых переплавлялась в слитки, а часть прямо монетами, вместе с серебристыми брусками, отправлялась в рейх.

Тщательно продуман был маршрут таких транспортов. Никель отправляли в нейтральные латиноамериканские государства на обычных судах. Там в условленном месте их ждали подводные лодки — «Валькирии». С лодок снимали торпедные аппараты, чтобы взять побольше никелевых брусков.

Со второй половины войны Германия потеряла преимущество в танковых силах. Советский Союз, создав новую танковую промышленность на Урале, выставлял против немецких танковых армий все новые и новые машины с непроницаемой броней. Чтобы успешно соперничать с русскими, необходимы были новые танки, нужна была отличная броня. Нужен был никель. Никель — любой ценой!..

5

Карл-Хорст, загородный район Берлина, разбросал свои улицы, составленные из уютных особняков, на берегу озера Руммельсбург. Предмесье надвое разрезает железная дорога, идущая из Франкфурта в столицу.

В тот день, один из последних дней июля 1944 года, погода с утра была солнечной. Но ближе к полудню, когда человек среднего роста в новеньком мундире гауптмана германской армии вышел из вагона метро на последней станции в северной части Карл-Хорста, небо затянуло тучами. Вскоре стал накрапывать дождь. Переходя мост через железнодорожную линию, гауптман развернул черный клеенчатый плащ и набросил его на плечи.

Вдоль озера он прошел километра полтора и свернул наконец в тенистую улицу. Огромные липы на ней сомкнули кроны, на улице было темно, словно наступил вечер. Дождь продолжался, но листья деревьев закрывали ему дорогу, и мостовая оставалась сухой.

На калитке третьего от поворота дома висела бронзовая табличка с готической надписью: «Д-р Иоганн фон Шванебек. Профессор медицины. Урология и венерические болезни. Прием с 9 до 12 часов».

Гауптман помедлил, оглядел пустынную улицу — очевидно, так поступали все клиенты профессора, — нажал кнопку звонка. Над головой его что-то щелкнуло, и один из двух массивных столбов из песчаника — между ними находилась калитка — откашлялся и пророкотал:

— Входите, не заперто.

Гауптман толкнул калитку, быстро прошел к входной двери особняка, взбежал по ступенькам и открыл тяжелую дверь со львиными головами вместо ручек.

После небольшой прихожей гауптман попал в просторный высокий холл с мягкими креслами вдоль стен и лестницей, спиралью поднимающейся наверх, где опоясывал помещение круглый балкон. Вдоль балкона, за резной балюстрадой, поблескивали книжные шкафы библиотеки.

Офицер сделал шаг и остановился, осматриваясь.

— Молодой человек — жертва любви?

Гауптман обернулся. За спиной его стоял плотный седой старик с короткой клочковатой бородой, обрамлявшей румяные щеки. Старик улыбался.

— Здравствуй, Янус, — тихо сказал он. — Наконец-то...

— Дядя Иоганн!

Гауптман бросился к старику и обнял его.

— Полегче, эй, полегче! — смеялся старик. — Сумасшедший!

Он вдруг напрыгнул, легко оторвал того, кого назвал Янусом, от пола и закружил по комнате.

Наконец они оба угомонились и принялись хлопать друг друга по плечам.

Вдруг гауптман остановился, улыбка пропала с его лица, он обвел рукою вокруг и вопросительно взглянул на старика.

— Чудак! — сказал дядя Иоганн. — И меня ты хочешь учить конспирации, поросенок?

Янус запротестовал.

— Ладно-ладно! Дома никого нет. Пойдем наверх. Угощу тебя чем-нибудь. И поговорим. Сколько лет мы не виделись?

— Восемь, — сказал Янус, — восемь лет. «Крепок старик, — подумал он, — и время его не берет...»

Янус вспомнил свою первую встречу с профессором, когда он, недавний курсант разведшколы, впервые приехал в Германию и два месяца жил в доме Иоганна Шванебека в качестве «родного племянника», гостившего у столичного дядюшки.

Согласно разработанной для Януса легенде, он вырос в Азии, потом жил в Южной Америке, в семье германского дипломата, и почти не бывал в фатерланде.

Профессор Иоганн Шванебек был первым человеком, с которым встретился Янус на чужой земле, его наставником, по-настоящему добрым другом, оберегавшим молодого разведчика от неосторожных поступков, за любой из которых пришлось бы заплатить жизнью.

Они стояли наверху у открытого окна и смотрели на блестящие от дождя листья деревьев. Сиреневый сигаретный дым лениво подбирался к окну и, достигнув его, начинал метаться в стороны, не решаясь покинуть комнату.

— В чем дело? — сказал Янус. — Почему на меня надели этот мундир? Ведь я был прочно гарантирован от возможности служить в вермахте.

— Указание Центра, мой дорогой. Приказ... Завтра ты явишься в свое ведомство и получишь назначение в Кенигсберг. Будешь работать в штабе, у генерала Отто фон Ляша.

— А мое задание у Круппа?

— Ты его выполнил, Янус. Теперь мы имеем надежные связи в Швеции. И все это благодаря тому, что именно ты руководил поставками оттуда редких металлов для Круппа. Очень полезными оказались сведения о некоторых американских монополиях, которые сотрудничают с немцами через нейтральные государства. Эта информация передана правительству, и оно использует ее по назначению. Я уполномочен передать тебе благодарность командования. И большой привет от твоего отца... — Профессор Иоганн фон Шванебек протянул Янусу руку и крепко стиснул его ладонь: — Прими поздравления и от меня тоже.

— Спасибо, дядя Иоганн, — сказал гауптман. — Служу Родине.

— Сейчас твой старик — наш непосредственный и главный шеф.

— Какой он сейчас? — задумчиво произнес Янус. — Столько лет не виделись!..

— Ну, судя по его указаниям да разносам, Арвид Янович еще хоть куда! Я ведь его больше, нежели ты, не видал. А когда-то вместе с ним воевали в дагестанских горах.

Гауптман грустно улыбнулся.

— Горы... Увижу ли я их когда-нибудь?

— Э, брось, дружок! Ты что-то хандришь! Ведь недавно побывал в горах...

— Это Альпы, дядя Иоганн. А мои горы далеко отсюда.

— Ладно, перестань! Еще вместе с тобой туда уедем, шашлыки будем жарить! И обязательно поедем в то ущелье — поклониться могилам Ахмеда и Муслимат. Да! Есть приятная новость. В Латвии нашли Велту...

— Мама Велта! — воскликнул гауптман. — Говорите же, что с ней?

— Все в порядке. Она была в партизанском отряде под другой фамилией. Сейчас ее вывезли в Москву самолетом. Индра была ранена, ее демобилизовали. Анита тоже хотела удрать на фронт — не пустили, мала еще. Так что все Вилксы в сборе, один ты еще здесь.

— Не пришло время, дядя Иоганн, — сказал Янус.

— Кстати, пользуюсь случаем сообщить тебе о новой акции, проведенной твоими воспитанниками в Бразилии. Исчезла еще одна лодка.

Гауптман улыбнулся:

— Перес — молодец. Отличный он человек, этот мексиканский патриот. Внешность — ну только детей пугать, а большой души человечище... В Испании воевал. Я ему жизнью обязан.

— Ловко они эти операции проводят, — сказал профессор. — Там ведь не один Перес, да, Янус?

— Дядя Иоганн, ты ведь сам понимаешь... — Гауптман укоризненно посмотрел на старика.

— Молчу-молчу! — Профессор замахал руками. — Стар становлюсь, Янус. Разболтался, любопытствую... Ты прав, мой мальчик, излишняя, не по делу, информация мешает разведчику. Лучше знать меньше, да только то, что нужно знать... А о Бразилии я начал говорить все же неспроста.

— Знаю, дядя Иоганн. Вы никогда не говорите просто так.

— Слушай. Сейчас немцы хотят отказаться от доставки никеля через океан: они наладили активную разработ-

ку никелевых рудников на севере Финляндии, в Петсамо. Оттуда они доставляют руду в порт Турку. А от Турку рукой подать до Кенигсберга. Это ближайший германский порт, к тому же с отлично оборудованным грузовым хозяйством. Транспорты с никелем идут в Кенигсберг, а затем по сухопутью никель поступает в центральные районы. Надо закрыть и этот источник. Командованию нужен график движения транспортов. Более того, если транспорт ускользнет от подводных лодок на Балтике, нужно предпринять другие меры. Но никель не должен поступать в Германию.

— Понятно, дядя Иоганн.

— У нас в Кенигсберге есть старый работник — Слесарь. Я тебе дам к нему открытое рекомендательное письмо. Будешь держать через него связь. Он в курсе всех дел.

— У меня будет прямой выход в Центр? — спросил Янус.

— Да. Через Слесаря. Твоя миссия в Кенигсберге основная. Наши люди, связанные со Слесарем, будут работать на тебя.

— Подробную ориентировку я получу от вас?

— И только от меня. Здесь тебя никто больше не должен знать. Но это не все. Нам известно, что в Управлении имперской безопасности подготовлен проект приказа о создании на германских территориях, занимаемых Красной Армией, диверсионных подразделений. Заниматься этим будут гестапо и СД. Возможно, к организации таких групп привлекут армию. По крайней мере, с технической стороны. Имей это в виду.

— Когда вступит в действие приказ?

— Его прочитал Гиммлер и сделал ряд замечаний. Они учитываются сейчас. Я думаю, что, когда приказ вступит в силу, ты будешь уже в Восточной Пруссии. Это твое второе задание. И я не знаю, какое из них важнее.

— Надеюсь не подвести, дядя Иоганн.

— Только не зарывайся, береги себя. Мне хочется вместе с тобой отпраздновать нашу победу. И еще раз побывать в твоих горах.

— Так оно и будет, дядя Иоганн.

— Дай бог! — сказал профессор. — Ладно, садись в кресло и слушай. Слесарь живет в Кенигсберге под фамилией...

ОРАНЖЕВАЯ ОСЕНЬ 1944 ГОДА

1

— Кофе, месье? Боюсь, что огорчу вас сегодня. Вы же знаете, как трудно достать натуральный. В Европе война, месье. Там убивают, а в Швейцарии тихо. Только нет натурального кофе... Конечно, конечно, вы старый клиент, аккуратно платите по счетам. Я понимаю вас, месье, только я согласен совсем отказаться от кофе, только бы они... Знаете, я никогда не любил бешей. Их и сейчас слишком много в Швейцарии. Нужна валюта, месье, кофе можно найти на черном рынке. Возьмите этот пакетик. Только для вас, месье, вы старый клиент...

Выходя на улицу, покупатель кофе осторожно придерживал дверь, услышал, как нежно звякнул колокольчик, и улыбнулся. Поправил неопределенного цвета мохнатую кепку, сунул руки в карманы светлого плаща и, ощупывая сквозь бумагу кофейные зерна, медленно двинулся по тротуару.

Через пятнадцать минут человек подошел к небольшой площади в старом районе Женевы. Он купил в киоске газету, развернул ее и пробежал глазами заголовки. Последнюю полосу рассматривал, может быть, несколько дольше и пристальней.

Часы на башне пробили четыре раза. Человек в светлом плаще свернул газету, сунул ее в карман и быстро пошел по тенистой аллее, ведущей к городскому кладбищу.

Метров за триста до главного входа он замедлил шаги. Выражение скорби появилось на его лице.

Он долго выбирал цветы у пожилой расплывшейся торговки, которая даже не глядела на него, занятая спицами, клубками разноцветной пряжи и чем-то невообразимо пестрым, создаваемым ее проворными руками.

Не посмотрев на букет, она равнодушно назвала цену, и человек осторожно положил монету в массивную фаянсовую тарелку с идиллическими пастушками на дне.

На кладбище было пустынно. Две старушки в черных одеждах встретились ему по дороге.

Листья еще не начали опадать, но осень уже тронула их своим дыханием. Они потеряли часть изумрудных красок, зарделись горячим румянцем, а солнце, все еще горячее солнце наполняло их радостным светом, и деревья

словно смеялись, забыв о неизбежном завтра; деревья смеялись, они не знали, что это неуместно здесь, на кладбище, куда попали они волею человека, чтобы создавать ему иллюзию умиротворенности и покоя, помогать предаваться размышлениям о бренности мира и тщетной суете сует.

Человек свернул на боковую дорожку. Он медленно шел мимо мраморных надгробий и, когда увидел хорошо одетого мужчину в шляпе, сидевшего на скамейке со склоненной на грудь головой, не изменяя ритма движения, прошел мимо.

Шагов через пятьдесят он остановился, повернулся, внимательно посмотрел по сторонам и пошел обратно. Когда сел на скамейку, мужчина в шляпе не шевельнулся.

— Красивая осень в этом году! — громко сказал человек в плаще, глядя в сторону.

Мужчина в шляпе не ответил.

— Оранжевая осень, правда? — продолжил человек в плаще и повернулся к соседу.

Тот не ответил.

— Оранжевая осень, правда? — повторил человек в плаще и тронул соседа за рукав.

Мужчина в шляпе склонился в сторону. Человек в плаще вскочил на ноги. Его сосед медленно, неестественно медленно упал рядом со скамейкой, раскинув в стороны руки. Шляпа покатилась по дорожке и застыла на обочине полями кверху.

Широко раскрытые глаза трупа удивленно смотрели в синее небо Швейцарии.

С дерева оторвался первый лист и, вспыхнув янтарным светом на солнце, кружась, опустился на черный мрамор.

2

Начальник третьего отдела абвера не любил солнца. Окна его кабинета выходили во внутренний двор здания и большую часть суток были закрыты шторами.

И сейчас в комнате царил полумрак. Свет небольшой лампы с зеленым абажуром освещал блестящую поверхность дубового стола и, отражаясь, падал на лицо шефа, делая его неестественно бледным.

На столе ничего не было, кроме нескольких листов с

отпечатанным на машинке текстом и скромного чернильного прибора.

Шеф собрал листки, поднес к глазам и близоруко сощурился.

На панели вспыхнула синяя лампа. Шеф бросил листки и протянул руку к кнопке. Почти одновременно открылась дверь. Вошел человек в таком же темном костюме, какой был на сидящем за столом.

— Есть новости, Шмидт?

— Да, экселенс. Комба подтвердил сообщение о ликвидации Зероу.

— Давайте сюда. Дело принесли?

— Так точно.

Шмидт подошел к столу, подал листок бумаги, потом развязал тесемки объемистой папки в черном переплете.

Внутри лежала другая папка несколько иной формы. На переплете было написано: «Агент № E-117 — Зероу». Он раскрыл ее и подал шефу.

Тот перевернул страницу.

— «Иоахим-Мария-Генрих фон Штакельберг», — прочитал вслух шеф. — Вы знали его лично, Шмидт?

— Так точно, экселенс. Он работает, простите, работал с 1915 года. Находка полковника Николаи. Помните, знаменитое дело на русском фронте в 1916 году? Это его, Штакельберга.

Шеф перелистывал страницы:

— Россия, Бразилия, Штаты, Испания, Франция, Швейцария... И везде был натурализован?

— Он знал пять языков, как свой родной. Это был разведчик высшего класса, экселенс.

— И все же... — Шеф выпрямился в кресле и щелкнул пальцами.

— Пути господни неисповедимы, экселенс.

— Не сваливайте на бога, Шмидт. Нам оторвут головы, если мы не раскопаем этого дела. Вернее, оторвут мне, а уж о вашей голове позабочусь я сам. Гораздо раньше, гораздо раньше, Шмидт! Ваши соображения?

— Русские или англичане.

— «Или» в устах разведчика? Старее, Шмидт... А почему не янки?

— Очень уж аккуратно сделано. Я бы сказал, элегантно. Американцы работают грубее. Это не их почерк, экселенс.

— Недооцениваете противника, оберст.

— Я десять лет работал с ними, экселенс, — обиженно произнес Шмидт.

— Ладно, ладно. Поручите расследование Комбе.

— Уже сделано, экселенс.

— Важно знать, почему произошел провал. Вы помните, к чему готовили Зероу?

— Разумеется.

— Значит, вам понятно, почему мы должны знать причины его провала. Кто-то докопался до этой идеи. И наверное, знал, что Зероу мы перебрасываем в Кенигсберг.

Он снова раскрыл папку, с минуту смотрел на большую фотографию, наклеенную на первой странице, потом написал несколько слов на листе бумаги, положил сверху на фотографию, захлопнул папку и протянул ее Шмидту. Встал из-за стола, мягко потянулся, медленно подошел к окну и поднял штору.

За окном умирал день. Последние лучи спустившегося солнца проникли во двор и зажгли пожелтевшую листву каштанов.

Сощурившись от непривычного света, шеф посмотрел на верхушки деревьев, сказал, не поворачиваясь:

— Кажется, уже осень?

— Так точно, осень, экселенс, — ответил Шмидт.

8

Второй день над городом висели низкие тучи, и самолет долго скользил вниз, выходя на посадку, пока вдруг не показалась в чахлых перелесках земля. Последние обрывки облаков, словно клочья ваты, рванулись вверх, исчезли, и майор Климов облегченно вздохнул.

Двухмоторный «дуглас» подвернул влево, резко притормозил, так что пассажиров, сидящих на металлических скамейках, бросило вперед, качнулся из стороны в сторону — зазвенело пустое ведро в хвосте, — мягко прикоснулся к земле и побежал полосой, разбрызгивая лужи.

Климов думал, что его встретят, но машины не было видно. Подошла «санитарка», забрала восьмерых раненых. Четверо летчиков, прибывших пассажирами, подхватили свои вещички и, весело галдя, подались к низкому строению аэродромного штаба. Майор достал было панировку, потом вспомнил, что курить здесь нельзя, и по-

ложил ее обратно в портсигар. Забросил на плечи рюкзак и хотел идти вслед за парнями, чтобы позвонить в управление, и тут он услышал шум мотора, обернулся.

Черная эмка затормозила рядом с ним. Открылась передняя дверца, и сидящий рядом с солдатом-шофером человек в кожаной, военного образца, фуражке, черной, без погон, куртке быстро спросил:

— Майор Климов?

— Да.

— Садитесь в машину.

...Худощавый, среднего роста человек, с редкими блестящими седины в темно-русых волосах, вышел из-за большого стола и шагнул навстречу Климову с протянутой рукой:

— Здравствуйте, подполковник! Удивлены? Приказ о присвоении вам нового звания подписан только сегодня. Поздравляю. И благодарю за отличное выполнение задания. Садитесь.

Климов ответил на приветствие и продолжал стоять, растерянно глядя на хозяина кабинета.

— Простите... — запинаясь начал он, — только я вас видел уже... Не может быть... Нет, я не ошибаюсь. Вы ведь товарищ Ян? Ян Милич?

Климов теперь окончательно узнал в этом человеке тяжело раненного советника испанской республиканской армии. Его привезли на рыбацкой шхуне к борту парохода, где находился Климов, уже получивший радиogramму с приказом забрать человека по имени Ян Милич и доставить его в Советский Союз. Только перед Одессой Ян Милич пришел в себя. Климов много раз заходил к нему в каюту, но пассажир его был очень плох, и разговаривать им не пришлось.

В порту Яна Милича встретили местные чекисты и бережно перенесли в санитарную машину. Климов получил благодарность командования и больше с тем человеком не встречался. Это было в тридцать девятом году...

— Откуда вы знаете Милича? — спросил генерал.

— Помните пароход «Красный Крым»? Я принимал вас на борт у тех берегов...

— Так это был ты? — Голос генерала дрогнул. — Спасибо, родной ты мой человек!..

Генерал подошел к Климову и крепко обнял его.

— Теперь я должник твой, Климов, — сказал он, затем усадил Климова в кресло и, взяв стул, сел напротив. — Житейскими делами займешься позднее. Подробный отчет напишешь завтра. Жилье приготовлено. Обедом покормили?

— Так точно, товарищ генерал.

— Меня зовут Арвид Янович. Кури. — Он протянул Климову пачку папирос. — Надо бы тебе отдохнуть с дороги, да уж никак нельзя. Собственно, дело не в тебе, а в том товарище, который завтра рано утром должен уехать. Пейте с ним крепкий чай: работать придется всю ночь. Примешь у него дела. Для этого мы и вызвали тебя так срочно.

Арвид Янович отложил в сторону коробок со спичками, встал и подошел к карте.

— Так вот, Алексей Николаевич, решено оставить вас в Центре, — сказал, снова переходя на «вы», Арвид Янович. — Возглавите отделение по Восточной Пруссии и сопредельным районам. Участок трудный, предупреждаю, но интересный... Подойдите сюда. Вот Кенигсберг. Оплот и твердыня пруссачества. Плацдарм для нападения на славянские земли, железная перчатка к горлу России.

— И пистолет, приставленный к виску России, — подхватил Климов.

— Да-да! Ведь вы историк, Алексей Николаевич. Я читал ваш реферат об исторических предпосылках двойственной природы философии Канта. Знаете, мне понравилась смелость ваших суждений... Весьма.

— Читали мой реферат? Господи, да я и думать о нем забыл!

— О Канте в следующий раз, — мягко остановил его Арвид Янович. — Перейдем к делу. — Он посмотрел на часы: — Сейчас придет ваш предшественник, а я еще должен ввести вас в курс дела в самых общих чертах. Район у вас будет трудный. На местное население рассчитывать нельзя. Правда, в сопредельных польских, литовских и белорусских землях это не исключено. Впрочем, и в самой Польше обстановка довольно сложная. Я имею в виду деятельность Армии Крайовой и те надежды, которые возлагают на нее эмигрантское правительство в Лондоне и стоящие за ним англичане. Этим занимаются другие товарищи, вам придется работать с ними в контакте. Вопрос с Польшей деликатный. Постоянно учитывайте это обстоятельство.

— Понимаю вас, Арвид Янович.

— Ну и отлично. Главная ваша задача — Кенигсберг, промышленные районы Пруссии, порты, секретные военные заводы, оборонительные объекты. Ваши сотрудники там — это, с одной стороны, кадровые, натурализовавшиеся работники Центра. Сюда я включаю и настоящих немцев, завербованных в последнее время. С другой стороны, наши люди среди военнопленных и угнанных из России в Германию на работу. Между теми и другими поддерживается сложная многоступенчатая связь. Связь надежная, но процесс прохождения сведений следовало бы ускорить. Общая задача: сбор военной и экономической информации, нейтрализация немецкой агентуры, расширение наших разведывательных связей, организация диверсионной работы в Восточной Пруссии и постоянные контакты с работниками Штаба партизанского движения через отряды, действующие в районах Польши, Литвы и Белоруссии. Главное, — продолжал Арвид Янович, — сведения о деятельности немцев по созданию нового оружия. У нас есть кое-какие данные. Они проверяются, и, если подтвердятся, новое оружие — по-настоящему опасная вещь.

Когда наши войска пойдут по территории Восточной Пруссии, их встретит оцетинившаяся оружием и укреплениями земля. Ваше отделение и вы сами, конечно, должны сделать все, чтобы облегчить русским солдатам этот путь. Понимаете?

— Так точно! — сказал Климов. — Понимаю...

— И вот еще что. Хочу довести до вашего сведения предложения Верховного Главнокомандующего на Тегеранской конференции глав великих держав в отношении Восточной Пруссии. Решено навсегда уничтожить это гнездо германского милитаризма. Поэтому Кенигсберг и Мемель¹, с прилегающими промышленными районами — Гильзит, Инстербург, Гумбиннен и так далее, — отходят к нам. Об этом, естественно, знает союзное командование. К сожалению, информация уже попала в руки немцев. По каким каналам? Теперь это не имеет уже значения. Впрочем, рано или поздно все стало бы им известно. Так или иначе, но такой фактор в своей работе вы должны учитывать тоже. — Он осторожно закрыл карту шторой и взглянул на часы.

¹ Бывшее название литовского города Клайпеды.

Открылась дверь. Вошел высокий широкоплечий мужчина лет сорока. Светлые волосы, крупный, с горбинкой, нос и серые выразительные глаза. Отлично сшитый костюм, белая сорочка с тщательно завязанным галстуком придавали ему чуждый военной Москве вид.

— А, полковник! — весело сказал Арвид Янович. — А вот и твоя замена. Знакомьтесь, товарищи, — продолжал он, — и за работу! К утру все надо закончить. — Генерал вздохнул: — Такова наша жизнь... За дело. Времени у вас немного. Желаю успеха.

— Пойдемте, коллега.

Высокий полковник обнял Климова за плечи и легонько повернул к двери.

— Устраивайтесь поудобнее, Алексей Николаевич, — сказал он, когда они вошли в кабинет, — теперь это ваша епархия.

Он жестом показал на письменный стол и удобное кресло за ним. Потом подошел к большому сейфу и, трижды меняя ключи, открыл тяжелую дверцу. На стол легла стопка папок.

— Начнем? — сказал полковник.

Климов согласно кивнул.

— В настоящее время, — проговорил, развязывая тесемки одной из папок, его предшественник, — главной нашей опорой в Восточной Пруссии является Янус...

Всю ночь на Москву сыпал мелкий холодный дождь. К утру облака поредели. Поднялся ветер и разогнал их остатки. Кончилось трехдневное сырое сумрачье, и москвичи вновь увидели солнце.

4

Голубовато-серый «линкольн» миновал предместье американской столицы, развил скорость до семидесяти миль в час, пересек окружную дорогу, свернул на узкий асфальтированный проселок и вскоре остановился. С двух сторон автомобиль теснили красные, в осенней листве, деревья. Двое мужчин средних лет, в твидовых костюмах, с непокрытыми головами, стояли у замершего «линкольна». Они молчали, замороженные яркими красками готовящегося к зимнему сну леса.

— Я люблю это время года, Джим, — сказал наконец один из них. — Искренне рад тому, что вижу все это снова... Индейское лето... Нет, здесь просто чертовски хорошо, Джим!

— Я знал, тебе будет приятно, Эл. Вот и привез сюда для разговора. Надоело просиживать стул в кабинете. Итак?

— Сработано чисто. Сам разрабатывал операцию. Нашему человеку в Кенигсберге Зероу больше не страшен. Зероу был единственным, кто знал о вербовке Ирокеза. Теперь Ирокез может спокойно работать в Кенигсберге. Что ж, мы вовремя исправили допущенный просчет. Ты бы посмотрел, какая физиономия была у того типа, который пришел на явку к Зероу! Я наблюдал эту комедию из фамильного sklepa какого-то часовщика. Негативы проявлены. Сдать в отдел?

— Давай сюда. Что еще?

— В Швейцарии немцы упорно подсылают своих людей к нашим парням. На всякий случай я разрешил завязать ни к чему не обязывающие контакты.

— Молодец, Элвис! Именно то, что сейчас нужно. Можешь рассчитывать на благодарность Дяди Билла¹.

— А на премию?

— Разумеется. Ну, остальное в письменном докладе. И готовься к отъезду.

— Слушай, Джимми, я буду жаловаться в профсоюз! Гм, его у вас нет, а надо бы... Надежнее станет фирма. Послушай, Джимми, я хочу подышать американским воздухом! Слышишь, Джимми, американским воздухом!..

— Однако ты становишься сентиментальным, Элвис. Что ж, хороший патриотизм и доллары — отличное сочетание. Ты будешь дышать в старой доброй Америке ровно сорок восемь часов после сдачи доклада и всех материалов. И потом... Мы снимаем тебя со Швейцарии, Эл. Дела передашь... Впрочем, об этом дома. Ты полетишь в Москву, Элвис Холидей.

ОБОРОТНИ РОЖДАЮТСЯ НОЧЬЮ

1

— Вы у нас недавно, гауптман?

— Так точно, экселенс, с начала августа. Прибыл из Рейнской области. Инженер по вооружению одного из заводов Круппа. Подготовку проходил в...

¹ Условное имя Уильяма Донована, руководителя Управления стратегических служб, переименованного затем в Центральное разведывательное управление.

— Достаточно, фон Шлиден. Ваши документы я смотрел. Подойдите поближе.

Генерал от инфантерии Отто фон Ляш, командующий Первым военным округом Восточной Пруссии, подтянутый, выше среднего роста, начинающий полнеть, но умело скрывающий это мужчина, мягко ступая по ковру, вернулся к столу и взял в руки пакет, заклеенный сургучом.

— Гауптман фон Шлиден! Я поручаю вам сугубо секретное задание. Вы, конечно, знаете, что русские стоят на границе. Пройдет месяц-другой, и они, возможно, будут на нашей территории. По приказу рейхсфюрера Гиммлера в оставляемых нами районах должны быть созданы группы «вервольф» — наши немецкие партизаны. Этим сейчас занимаются господа из СД, гестапо, партии и «Гитлерюгенда». Армии приказано оказать им содействие, в частности выделить необходимое оружие и боеприпасы. Вы, гауптман, старший офицер отдела вооружения и сделаете это лучше других. — Ляш протянул фон Шлидену пакет: — Здесь ваши полномочия, инструкции, списки частей, у которых возьмете оружие. Вы поступаете в распоряжение оберштурмбанфюрера Хорста. Отправляйтесь немедленно в гестапо. Вас ждут. У вас есть машина?

— В ремонте, экселенс.

— Возьмите одну из моих.

2

Машина тронула с места, выбралась за ворота штаба и, набирая скорость, понеслась через Альтштадт.

Центральная часть Кенигсберга, превращенная в развалины летними бомбардировками англо-американской авиации, подавляла обезображенными стенами домов, слепыми окнами и красной кирпичной пылью, словно кровавыми пятнами покрывавшей землю. Вернер фон Шлиден, прибывший в самый разгар бомбардировочного сезона, на себе испытал, что это такое, когда сотни самолетов по нескольку раз подряд заходят на смертоносный курс.

В последующие дни Кенигсберг получил передышку. Второй фронт застрял под Арденнами. Союзникам было не до Восточной Пруссии, а русские город беспокоили пока редко. «Затишье перед бурей», — мрачно говорили товарищи Вернера. Фон Шлиден отмалчивался и лишь из-

редка таинственно намекал на главный шанс фюрера, который повернет ход событий.

Улицы уже расчистили, и черный «мерседес» быстро добрался до площади. Обогнув Нордбанхоф¹, он повернул в проулок между канареечного цвета зданием криминальной полиции и угрюмой громадой судебных учреждений Восточной Пруссии. Через сотню метров Ганс — здоровенный детина, шофер, ефрейтор из личной охраны командующего — резко затормозил у здания Управления имперской безопасности.

— Поедем во двор, господин гауптман?

— Не стоит. Ждите здесь.

Фон Шлиден открыл дверцу, подхватил с сиденья сумку с пакетом и шагнул к подъезду. Навстречу ему шел штурмфюрер в фуражке с высоченной тульей.

— Гауптман фон Шлиден? — отрывисто спросил он. — Идемте за мной.

Они прошли подъезд с автоматчиком у входа, миновали тесный вестибюль, поднялись на второй этаж и долго шли длинными коридорами, заполненными эсэсовскими офицерами в черных мундирах и сотрудниками гестапо в штатских костюмах.

У одной из дверей, обитой черной клеенкой, офицер, сопровождающий гауптмана, знаком предложил последнему остановиться. За дверью была маленькая приемная с двумя узкими диванчиками и небольшой конторкой, за которой у пишущей машинки сидела молодая женщина в эсэсовской форме.

Штурмфюрер приоткрыл дверь, потом распахнул ее шире и пригласил фон Шлидена войти.

Тот прошел вперед, остановился, щелкнув каблуками, и выбросил в приветственном жесте руку.

— Входите, входите, гауптман... — Оберштурмбанфюрер Хорст поднялся из-за стола и направился к Вернеру: — Вы привезли пакет?

— Так точно, оберштурмбанфюрер!

— Давайте сюда. Можете сесть.

Он показал ему на кресло, потом вернулся к столу, сломал сургучные печати, вытащил несколько напечатанных на машинке листков бумаги, быстро пробежал глазами первый из них, заглянул в последний, отложил их

¹ Северный вокзал в Кенигсберге.

на край стола и повернулся к сидящему в кресле гауптману.

— Сидите, — сказал Хорст, увидев, что Вернер попытался вскочить. — Генерал инструктировал вас, фон Шлиден?

— В самых общих чертах, оберштурмбанфюрер.

— В общих чертах! — Хорст усмехнулся. — Что ж, частности я возьму на себя.

Он уселся за стол, пододвинул листки из пакета, привезенного Вернером, стал внимательно рассматривать каждый. Потом отобрал некоторые из них и звонком вызвал молодую женщину из приемной.

— Зарегистрируйте, Элен, и под расписку передайте этому офицеру. Это экземпляр для вас, гауптман, — продолжал он. — После операции не забудьте сдать в канцелярию нашего отдела. А теперь слушайте меня внимательно, — сказал он, когда Элен вышла из кабинета. — Вы поступаете в мое распоряжение на четыре-пять дней, может быть, на неделю. С собой ничего не брать. Все приготовлено. Выезжаем немедленно. Вы с машиной?

— Так точно, машина генерала Ляша. И со мною шофер.

— Машину отпустите. Поедем вместе. Подождите в приемной.

— Слушаюсь, оберштурмбанфюрер. — Вернер поднялся: — Разрешите идти?

Хорст вместе с ним подошел к двери.

— Гельмут, — сказал он вскочившему с диванчика в приемной штурмфюреру, — отпустите машину гауптмана. Он едет с нами. И сразу зайдите ко мне.

Вернер сидел в приемной, изредка поглядывая на стучавшую на машинке женщину за конторкой. Она работала очень быстро, не обращая никакого внимания на постороннего офицера. Появился штурмфюрер и молча прошел в кабинет Хорста.

Разглядывая женщину в эсэсовской форме, Вернер старался угадать, что она за человек, какой ключ подойдет к ее сердцу и надо ли вообще подбирать ключи к женскому сердцу, чтоб использовать его хозяйку в своей работе. Гауптман считал, что женщин опасно вовлекать в такие дела, какими занимается он сам. Вернер отнюдь не умалял женских достоинств, но не доверял преданности, основанной только на чувстве. Это всегда осложняло

работу и требовало излишних затрат духовной энергии. А на такую роскошь гауптман не имел права.

«И все же надо выяснить, кто эта мадам, — подумал он. — И вообще, поручение генерала подоспело вовремя...»

Из кабинета показался оберштурмбанфюрер в длинном блестящем плаще. Вернер фон Шлиден встал.

— Едемте, гауптман.

Длинными коридорами они проходили быстро. В здании стало безлюдно, словно и не было час назад тех эсэсовцев в черных мундирах и сотрудников в штатском, которых видел фон Шлиден. Во дворе стоял «мерседес», похожий на тот, что привез гауптмана, но за рулем сидел рыжий солдат в черной форме. Рядом был уже знакомый Вернеру офицер-эсэсовец.

— Гельмут фон Дитрих, — сказал он, протягивая руку Вернеру.

Шлиден назвал себя, и штурмфюрер сел с шофером.

— Садитесь, гауптман, — жестом показал рядом с собой на сиденье Хорст.

«Мерседес» выехал на Гендельштрассе, повернул налево, и Вернер на повороте увидел, что за ними следом идет крытый грузовик.

3

Старый Кранц давно собирался сходить в Ландсберг — достать табак у двоюродного брата, держащего небольшую лавку на самом перекрестке дорог, идущих через городок. Днем его совсем одолевали хозяйственные заботы. Один мужчина на весь дом, от невесток проку мало, старуха почти не встает, а купить на бирже Арбайтсамт в Кенигсберге русского или польского батрака и потом содержать его — старику Кранцу не по карману. Да и не по душе ему такие работники. Мать у Кранца происходила из мазурских славян. Нет-нет да и вспоминал Кранц, что немец он только наполовину. Особенно в последнее время.

Осеннее солнце низко висело над горизонтом, когда он собрался наконец в дорогу. От хутора до Ландсберга добрых восемь километров по шоссе, но, если идти баронским лесом, просекой, останется не больше шести.

— Пойду к Вальтеру. Если задержусь, останусь ночевать. Не забудь почью встать к стельной корове, Луиза, — сказал он старшей невестке, высокой худой женщине с

сумрачным лицом и безразличными глазами. Такими стали они после того, как ее Курт, сын Кранца, пропал без вести под Сталинградом.

Кранц прошел те триста метров, что отделяли его дом от шоссе, пересек его и сразу свернул по боковой дороге к лесу, сипевшему вдали. Когда он подходил к первым деревьям, словно выбежавшим навстречу, стал накрапывать дождь. Солнце село, лиловые тучи затягивали небо, и старик подумал, что не самый удачный вечер выбрал он для визита к брату. Потом вспомнил, как мучился весь день без табака, и прибавил шагу. Он подумал еще, что ему совсем не хотелось мокнуть под дождем, и, вступив в лес, свернул с просеки к большой разлапистой ели. Там он стоял с полчаса. Дождь не прекращался. Кранц махнул рукой и вышел на дорогу. Он вспомнил о тропе вдоль озера — она сократила бы его путь в Ландсберг.

Быстро темнело. Дождь лил не переставая.

Уже на тропе Кранц услышал шум моторов. Сначала он удивился — давно никто не пользовался просекой. Потом выругал себя за торопливость. Возможно, машины пошли на Ландсберг.

Беда пришла неожиданно. Разбухшая от дождя тропа резко свернула вправо и круто пошла вниз. В этом месте и подвернулась нога у Кранца. Старик сполз с тропы на увядшую траву, подобрался к высоченному вязу, сел под ним, протянул онемевшую ногу и принялся растирать ее. Совсем стемнело, дождь продолжался. Вдруг Кранц услышал человеческие голоса.

Раздался треск сломанной ветки, раздраженное чертыханье — и на тропе показались черные фигуры.

Кранц хотел позвать на помощь, но внутренний голос подсказал ему, что благоразумнее не обнаруживать своего присутствия...

Люди приближались, и Кранц различил их, согнувшихся под тяжестью ящиков и мешков. Впереди шли три человека без ноши. Последний из троих, поравнявшись с Кранцем, оглянулся, догнал впереди идущего человека, тронув его за рукав, что-то сказал ему, протягивая руку вперед. Старику показалось, будто он знает, чей это голос. Он стал припоминать, а люди шли и шли мимо него...

Вот они спустились там, где у Кранца подвернулась нога, и исчезли, двигаясь по направлению к озеру.

Размякший ком земли оторвался от стенки бункера и скатился вниз, рассыпавшись по ящикам.

— Все это надо накрыть, — сказал Вернер фон Шлиден Дитриху.

— Здесь не успели сделать накат, как обычно, — ответил штурмфюрер. — Закроем просто брезентом. Упаковка ящиков надежная, не подведет. Послушайте, целенлейтер¹, как вас там? — обратился он к местному партийному вождю.

— Ганс Хютте, штурмфюрер.

— Почему не подготовили настоящий бункер?

— Поздно получили приказ, штурмфюрер...

— Черт побери, это не оправдание!

— Перестань, Гельмут, — сказал фон Шлиден. — Он действительно не виноват. И потом, ведь у нас есть еще военнопленные, они все сделают.

За эти дни они сблизились, и однажды во время одной из попоек, устроенной Хорстом в лесной резиденции Домбойса, перешли на «ты».

— Я промок, как... — Фон Дитрих не договорил: тяжелый брезент — его тащили двое пленных — ударил Гельмута по ногам, едва не свалил в яму.

Вернер схватил приятеля за полу плаща, и тот, с трудом выпрямившись, выхватил парабеллум.

— Идиоты!

— Не надо... Остановись, Гельмут! — Шлиден перехватил руку штурмфюрера. — Не поднимай шума в лесу. Зачем привлекать внимание? — спокойно сказал он. — Это сделать никогда не поздно.

Пленные выпустили из рук брезент и стояли у края ямы, исподлобья посматривая на офицеров.

Дитрих махнул шарфюреру рукой.

— Работать, работать! — заорал шарфюрер, замахиваясь на пленных автоматом.

Один из пленных спрыгнул в бункер. Шарфюрер загнал туда еще двоих, и втроем они принялись закрывать уложенные внизу ящики.

— Ну и жизнь! — проворчал Гельмут. — На своей родине я должен бояться пристрелить паршивого русского, чтобы, видите ли, не привлечь внимания выстрелом...

¹ Партийный руководитель небольшого городка, местечка.

— Что делать, дорогой Гельмут! — сказал Вернер. — В таких делах, как наше, лучше соблюсти осторожность. Не мне тебя учить этому.

— Ты прав, гауптман. Не хочешь ли глоточек?

5

Дождь перестал, и старик подумал, что если до утра не зарядит снова, то тропа может просохнуть. О ноге он старался не думать и растирал ее машинально. В чаще крикнула сонная птица, на востоке ветер разорвал облака и обнаружился кусок звездного неба.

Старик пошарил в карманах, вытащил трубку и снова принялся растирать ногу.

— Сейчас бы чашечку кофе покрепче, — сказал он.

6

— Давайте фонарь, сержант, — сказал лейтенант Новиков. — И плащ-палатку... Накрывайте!

Сержант Изет Гаджиев протянул фонарь. Вдвоем с Кузьмичевым они накрыли плащ-палаткой лейтенанта, скорчившегося на земле с картой и фонарем. Пять человек стояли вокруг и молча смотрели вниз, на землю, на которой лежал командир, изучающий карту под плащ-палаткой. Противный, въедливый ветер шуршал кустами и раскачивал высокие кроны сосен. Кузьмичев локтем коснулся сержанта Гаджиева и что-то хотел сказать, но в это время лейтенант откинул маскирующее свет фонаря покрывало, рывком поднялся, взмахнул зажатой в руке картой и шепотом сказал:

— Ребята, можно тихонько «ура»...

Догадываясь, в чем дело, разведчики трижды прошептали «ура». Лейтенант свернул карту, положил ее в планшет, кивком подозвал товарищей поближе, обнял их за плечи и с силой топнул сапогом по земле:

— Германия! Вы понимаете, это Германия!

7

— Вас вызывает Берлин, обергруппенфюрер!

Ганс-Иоганн Бёме, начальник службы безопасности Восточной Пруссии, вздрогнул от неожиданности и недовольно посмотрел на стоящего напротив адъютанта. Бёме

тряхнул головой, прогоняя мрачные мысли, которыми был занят перед появлением этого вылизанного хлюста. Недавно обергруппенфюрер был вынужден ликвидировать своего прежнего адъютанта по делу о покушении на фюрера 20 июля и к новому еще не привык.

Еще до неудачного покушения на Гитлера, совершенного одноруким полковником Штауффенбергом, хитроумный адмирал Канарис был освобожден от должности начальника военной разведки, и рейхсфюрер Гиммлер окончательно подмял под себя осиротевший абвер. Он сумел убедить Гитлера в необходимости объединения гестапо, СД, абвера и криминальной полиции в одно целое. Рейхсфюрер, таким образом, сосредоточил в одних руках все тайные силы рейха, а его, Бёме, назначил главой такого объединения по Восточной Пруссии, подкинув ему и местный абвер, который больше уже не назывался абвером: рейхсфюрер позаботился и об искоренении самого названия ведомства побежденного им адмирала. Но теперь военной контрразведкой в Кенигсберге руководит чудом уцелевший любимчик «черного адмирала» оберст фон Динклер. Он в фаворе и у Гиммлера, а к нему, Бёме, этот Динклер относится прямо-таки по-свински. Сегодня утром была у них неприятная стычка, и сейчас, идя к телефону, обергруппенфюрер подумал: «Не продал ли фон Динклер своего бывшего хозяина, адмирала Канариса, Гиммлеру? Иначе чем объяснить столь благосклонное отношение шефа СС к бывшему абверовцу?..»

— Будете говорить с рейхсфюрером, — слышался в трубке далекий голос, и у Бёме засосало под ложечкой: Гиммлер не раздавал наград по телефону.

— Это вы, Бёме? — услышал он голос Гиммлера. — Меня интересует, как выполняется распоряжение от 6 августа?

— Все сделано, рейхсфюрер, — ответил Бёме. — Сегодня старший офицер по особым поручениям оберштурмбанфюрер Хорст заканчивает основную работу. Завтра со специальным курьером отправим для вас полный отчет.

— Могли бы и сегодня, Бёме. Вам там лучше знать, что время не ждет. Что у вас с новым имуществом?

«Спрашивает о военной контрразведке, — мелькнула мысль. — Нажаловаться на Динклера? А если мои догадки верны?» Бёме вспомнил о своих подозрениях и произнес:

— Все в порядке, рейхсфюрер, с новой мебелью все в порядке.

— Это хорошо. Последнее: спецкурьера не нужно. С отчетом в Берлин приедете сами. Наш фюрер хочет лично убедиться в качестве сделанной вами работы.

Трубка щелкнула, послышался короткий гудок, и наступила тишина. Обергруппенфюрер СС Ганс-Иоганн Бёме стер рукавом мундира холодный пот со лба.

8

Работали они вторую неделю, вторую неделю не спали по ночам. Хорст со своим помощником Гельмутом, гауптман фон Шлиден как представитель вермахта и команда эсэсовцев, охранявшая рабочую силу — русских военнопленных. На местах Хорст устанавливал контакты с лесничими. Для связи с ними Рейнгольд Домбойс, главный лесничий Восточной Пруссии, дал своего человека, а иногда и сам выезжал с офицерами в лес.

Хорст не давал им и часа лишнего отдыха. Сам оберштурмбанфюрер иногда оставался в местечке, а в лес отправлял Гельмута. Дважды за это время Хорст уезжал в Кенигсберг. Маршрут был довольно сложным. Сразу из Кенигсберга отряд направился в Виттенберг. Затем они посетили Тарау, Кройцбург и Ландсберг. В своем имении близ Ландсберга главный лесничий устроил отличный банкет для офицеров. Присутствовали и дамы. В тот вечер Гельмут и Вернер выпили на брудершафт и несколько дней вспоминали пикантные подробности. Когда они возвратились в Ландсберг, Вильгельм Хорст вновь отправил в лес Дитриха, а сам собрался в Кенигсберг.

— Сегодня последняя ночь, друзья, — сказал он. — Утром возвращайтесь домой.

...Работы по устройству бункера были закончены. Дитрих подозвал шарфюрера, начальника эсэсовской команды.

— Что будете делать с пленными? — спросил он.

— Определенных указаний не получал, штурмфюрер, — ответил шарфюрер. — Мне приказано выполнять все ваши распоряжения.

— Пленных ликвидировать, следы уничтожить. Используйте яму, что не подошла для бункера. Ясно?

— Так точно, штурмфюрер.

— Послушай, Гельмут, но я слышал, как Хорст говорил, что пленных отправят в западные земли, — сказал фон Шлиден.

— По-моему, их лучше отправить на небо, — сказал Гельмут и махнул шарфюреру рукой: — Идите!

— Мне думается, что Германия, как никогда, нуждается сейчас в десятке-другом лишних рабочих рук, Гельмут. Впрочем, тебе лучше знать, — сказал Вернер, повернулся и пошел по тропинке.

Через сотню шагов он вздрогнул, услышав, как справа полоснули тишину сухие автоматные очереди. Раздался заглушенный лесом человеческий крик. Его перебили новые выстрелы... Вернер фон Шлиден с силой прижался лбом к морщинистой коре старой сосны.

...А за двести — триста шагов от него старый Кранц попытался подняться, опираясь спиной о ствол вяза. В это время раздалось выстрелы, и Кранц неожиданно вспомнил, что услышанный им голос принадлежал их лесничему Августу Шранке.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД

1

— Ну, братцы, — сказал Арвид Вилкс, — начнем, пожалуй... — Он привстал в седле и выхватил шашку из ножен: — Во имя революции! Вперед!

Десять конников вырвались из-за скалы на дорогу перед ущельем и, сверкая клинками, понеслись к провалу между утесами. Дорога была узкой, и конники растянулись по двое — в три корпуса скакать невозможно.

Пулемет молчал. Наверно, ошеломил белогвардейцев мужественный бросок красной десятки. Но это было лишь в первые мгновения. И вдруг пулемет заговорил: «ду-ду-ду-ду-ду-ду!»

Первая очередь прошла высоко, и всадники продолжали рваться в ущелье. Но вот срезало пулями задних бойцов. Один завалился в седле, а лошадь продолжала нести вперед его тело. Конь второго взвился свечкой и с маху, вместе с седоком, ринулся в пропасть. Еще очередь — и новые жертвы. Не доскакал отряд Арвида Вилкса до мертвого пространства, не успел доскакать. Ударила пуля в начальника разведки. Согнулся он, припав лицом к гриве коня, а рядом кунак его скачет, Ахмед.

— Арвид! — крикнул он, а Вилкс молчит, и только ниже и ниже клонится его голова.

Ахмед оглянулся и увидел, что лишь двое они верхом. Порезал пулемет ребят, вот только его никак не берет... Тогда Ахмед выхватил Вилкса из седла, бросил к себе на коня, поперек, развернулся и, бросая лошадь из стороны в сторону, поскакал к спасительной скале. И не хватило ему десятка шагов. Пуля догнала коня, споткнулся тот — и Ахмед вместе с другом покатались по серой от пыли дороге. Но тут же выскочили бойцы и втащили их за скалу. Арвида Вилкса отнесли к лекарю на перевязку, а Ахмед, весь в пыли, стоял перед командиром полка латышских стрелков Лапиньшем, скрипел зубами и требовал коня, чтоб одному пойти под пули и разделаться с этой сволочью.

— Успокойся, джигит! — сказал Лапиньш. — Я знаю, что ты пойдешь на смерть, не дрогнув. Только нам, товарищ, нужна твоя жизнь.

И тут к командиру полка подошел адъютант и тронул его за рукав.

2

Суровая страна — Дагестан...

А люди, что живут здесь, искренние, добрые к тем, кто пришел к ним с открытым сердцем, и беспощадные к врагу. Горы научили их верить человеку на слово и свято относиться к законам гостеприимства. Свободные в своих горах, словно соседи их — орлы, дагестанцы мужественно защищали свои сакли от многочисленных врагов и не опускали оружия даже тогда, когда их враг был в тысячу раз сильнее и не было надежды на победу.

...Словно снежная лавина, неслась по Кавказу гражданская война. А когда достигла она дагестанских гор, пришла в даргинские, лезгинские и аварские аулы, горские джигиты встали под знамена Советской власти. Не было человека на земле, которого бы горцы любили так, как любили Ленина. Сложной была обстановка в горах в те грозные годы, когда отец шел на сына, а брат на брата, но и в общей неразберихе горцы чуткими сердцами своими улавливали голос вождя, всегда ясный и добрый, и они шли на голос Ленина, следовали его призывам. И когда горцы Дагестана узнали, что по приказу Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Иль-

ича Ленина в горы идет полк латышских стрелков под командованием коммуниста-ленинца Лапиньша, идет, чтоб добить белогвардейскую нечисть и сбросить ее в Каспий, дагестанские аулы направили своих сыновей на помощь посланцам вождя.

Разбитые на Северном Кавказе части белой армии пробивались через Дагестан к Азербайджану и Грузии, оккупированным английскими интервентами. Белые офицеры надеялись перегруппировать свои силы в Закавказье и оттуда вновь угрожать существованию Советской власти.

Латышские стрелки вместе с красными партизанами Дагестана по пятам преследовали беляков, стремясь обойти их, перекрыть горные перевалы и не дать уйти на ту сторону Главного Кавказского хребта. Наконец полку Лапиньша удалось вырваться к перевалам. Ему оставалось пройти горное ущелье и выйти в тыл белым частям. Тогда врагов уже ничто не могло бы спасти.

Казалось, еще немного, заключительный бой — и операция выполнена. Можно будет по прямому проводу доложить в Кремль, что ни один белогвардеец не ушел в Закавказье.

Но... Едва первые разъезды втянулись в ущелье, сверху полоснула кинжальная очередь пулемета. Дорога через ущелье была закрыта напрочь: белые опередили Лапиньша.

Полк укрылся за скалой. Нечего было и думать идти через ущелье, очереди скосили бы людей, вернос самоубийство, а другой дороги не было.

— Что будем делать, товарищи? — обратился к своим командирам Лапиньш.

— Может, в обход? — неуверенно сказал один из собравшихся.

Начальник штаба прикинул по карте.

— Переход займет не меньше двух суток, — сказал он.

— Не годится, — произнес командир. — Белые уйдут...

— Есть предложение... — Вперед выступил начальник разведки Арвид Вилкс. — Беру с собой десяток ребят, из-за прикрытия разгоняем коней, проскакиваем аллюром пристрелянную зону, пока сообразят, влетаем в мертвое пространство, под скалу, а там... — Арвид поднял руку и с силой рубанул воздух.

Лапиньш с сомнением покачал головой.

— Не успеешь, Арвид, — сказал он.

— Успею, товарищ Лапиньш, разреши! — с жаром заговорил начальник разведки, прижимая руку к груди.

— Можно успеть, командир... — Ахмед подошел к Арвиду и встал рядом: — Если разрешишь, буду с ним вместе.

— Спасибо, друг! — Вилкс пожал Ахмеду руку.

— Ну хорошо, пробуйте, — сказал Лапиньш.

Они попробовали... Отчаянная вылазка не удалась.

3

Лапиньша тронул за рукав адъютант и, склонившись, шепнул что-то на ухо.

— А что она хочет? — спросил командир полка.

— Не знаю.

— Ну ладно, позови.

Перед Лапиньшем стояла худенькая молодая женщина-горянка, голова закутана в большой белый платок, черные блестящие глаза спокойно смотрят на Лапиньша.

— Я пойду, командир, — сказала она. — Женщину они не тронут.

— Куда пойдешь? — не понял Лапиньш.

— К пулемету! — Она развернула складки платка, сунула руку за пазуху и вытащила длинный кинжал.

— Еще не хватало, чтоб вместе с нами гибли женщины! — сердито сказал Лапиньш.

— Разреши мне пойти, — повторила она. — Женщину они не тронут.

— Верно она говорит, товарищ Лапиньш, — сказал один из горцев. — Помочь нам может только женщина... Она зайдет к пулеметчикам с тыла.

В это время оказался в толпе бойцов Ахмед, он уходил к фельдшеру, чтобы перевязать голову, ушибленную при падении с коня. Ахмед увидел женщину, стоявшую перед командиром с кинжалом в руке, и крикнул:

— Муслимат!

Она обернулась и спрятала оружие на груди.

— Ты знаешь ее, Ахмед? — спросил Лапиньш.

— Это жена моя, командир!

— Жена? А ты знаешь, что она предлагает одна снять пулеметчиков в ущелье?

— Раз она так говорит, значит, сможет, — сказал Ахмед. Он повернулся к Муслимат. — Я знаю, что ты сумеешь подойти к ним близко, — заговорил он с ней по-

аварски. — Но скажи, не дрогнет у тебя рука, когда ты станешь убивать их? Это не женское дело...

— Не дрогнет, Ахмед.

— Тогда иди. Наш сын Сиражутдин в надежном месте?

— Да, он у твоей матери, Ахмед.

— Иди, Муслимат. И да поможет тебе аллах! — Он повернулся к Лапинышу: — Эта женщина пройдет, командир. Разреши ей...

— Хорошо, — поморщившись, сказал командир. — Только не по дороге же тебе идти...

— Да, я пойду с другой стороны, — ответила Муслимат. — Когда все будет готово, я крикну и махну платком.

Весь отряд, сидя в седлах и изготовившись к решительной атаке, нетерпеливо ждал сигнала. Лапиныш смотрел на часы и тихонько ругал себя по-латышски за то, что согласился отпустить Муслимат.

— Надо найти другой вариант, — сказал он, поворачиваясь к начальнику штаба.

И вдруг один из наблюдателей крикнул:

— Платок! Платок вижу! Белый!

Из ущелья донесся женский крик.

— Вперед! — скомандовал Лапиныш.

Лавою вырвались конники из-за скалы и понеслись к ущелью.

Пулемет молчал...

Оглушительное «ура!» разорвало горный воздух и многократным эхом прокатилось по горам.

...Когда окончился бой, Лапиныш попросил привести к нему Муслимат.

Он вышел с нею и перед строем бойцов крепко, по-мужски, пожал ей руку.

— От имени революции объявляю благодарность...

В это время из стоявшей поодаль толпы пленных белогвардейцев вырвался офицер, обросший рыжей щетиной, без фуражки, с оборванным погоном на левом плече. Он выхватил из-за пазухи пистолет. Все замерли от неожиданности, и только Лапиныш, стоявший к офицеру боком, ничего не видел и приветливо улыбался Муслимат. Она вдруг бросилась командиру на шею, и тут грянули выстрелы.

Белогвардеец заваливался на бок, рука его с пистолетом вздернулась, и палец на спусковом крючке, кон-

вульсивно двигаясь, посылал пули в небо. Военный фельдшер Иоганн фон Шванебек, из пленных немцев, примкнувший к революции и сражавшийся за нее в рядах латышских стрелков, на ходу засовывая в деревянную кобуру дымящийся маузер, бежал к Лапиньшу, державшему в руках неподвижное тело Муслимат. С другой стороны, вытянув руки, спотыкаясь, неровной походкой, будто слепой, двигался Ахмед...

4

Арвид Вилкс поправился быстро. Вскоре он уже мог принимать участие в боевых операциях отряда.

Потерявший жену Ахмед не отходил от своего друга. Он перестал разговаривать, весь высох, почернел и преобразался только в бою. Тогда вселялась в него неведомая сила, молнией метался он среди врагов, сокрушал их не знающим пощады клинком. А после боя напряжение спадало, Ахмед сникал, замыкался, и только Арвид Вилкс мог добиться от него слова.

— Он ищет смерти, — говорил Вилкс Лапиньшу о своем друге, — нарочно бросается под пули... А смерть боится джигита, прячется от него.

Но однажды, в одной из последних операций, косая не сумела увернуться, и пришлось ей столкнуться с Ахмедом.

Когда начальника разведки позвали к другу-побратиму, тот умирал. Он увидел Арвида и знаком попросил наклониться.

— Ухожу, брат, — прошептал Ахмед. — Аллах позволил мне снова встретиться с Муслимат... Прошу тебя... — Ахмед попытался приподнять голову.

— Не надо, лежи спокойно, — сказал Вилкс.

— Прошу... Сын мой... Сиражутдин... Брат, пусть он будет твой сын...

Он задвигал рукой, нащупал ладонь Арвида, с силой сжал ее, и это было его последним движением.

Когда полк латышских стрелков выполнил свою задачу в Дагестане, вместе с приемным отцом уехал в Россию и Сиражутдин.

Арвида ждала в Москве Велта, его невеста. Они вскоре поженились, и Орел Аравии, так переводится с арабского языка имя Сиражутдин, стал их сыном. Звали его

и дома, и в школе попросту Сережей, а фамилию он носил двойную: Ахмедов-Вилкс.

Позднее появились у него две сестренки: Индра и Анита. Семья была дружной. Сережа знал все о своих настоящих родителях — приемный отец часто рассказывал ему о Муслимат и Ахмеде, — но никогда не чувствовал себя чужим в этой латышской семье.

...Шли годы. Арвид Вилкс работал в Управлении военной разведки, часто неожиданно исчезал из дому. А дети его учились, Велта хлопотала по хозяйству и в библиотеке, которой она заведовала.

У мальчика рано проявились способности к технике, и после окончания школы он поступил в Высшее техническое училище имени Баумана. Когда Сиражутдин заканчивал училище, в Германии победил фашизм. Более осведомленный, нежели его приятели, в том, что делается в мире, Сиражутдин дождался возвращения отца из очередной командировки и решительно заявил ему:

— Я должен быть там, где дерутся с фашизмом, отец! Хочу стать разведчиком, пойти по твоим стопам.

После некоторых колебаний Вилкс-старший согласился с доводами приемного сына.

Участь в спецшколе, он параллельно закончил и бауманское училище. На этом настаивал его приемный отец, имея в виду предстоящую работу Сиражутина.

Немецким языком он владел в совершенстве еще с детства, потому что приемные родители хорошо знали этот язык. Неплохих успехов добился Сиражутдин и в английском, который он изучал в десятилетке и в училище.

Учеба в спецшколе была сложной, но интересной. Каждый день был расписан по минутам. Свободного времени не было — Сиражутдин проходил ускоренную подготовку.

Время шло быстро, чему способствовало разнообразие изучаемых предметов. Преподаватели — знатоки своего дела — обладали большим опытом оперативной работы.

Подготовка Сиражутина уже была закончена, а случая забросить его за кордон пока не представлялось. Одна за другой разрабатывались операции по внедрению, но все они отвергались, как таящие в себе ту или иную опасность будущего провала.

Наконец стало известно, что германский дипломат в одной из ближневосточных стран, известный своими ан-

тифашистскими взглядами, которые он теперь, в сложившейся политической обстановке, старался не афишировать, переводится в Южную Америку. У дипломата был сын от жены итальянки, ровесник Сиражутдина. Когда получили его фотографии, люди, готовившие Ахмедова-Вилкса, обнаружили внешнее сходство их подопечного и сына дипломата. С фон Шлиденем доверительно встретился наш человек и предложил принять участие в подготавливаемой операции. Дипломат не возражал. Он не хотел, чтобы его сын служил Гитлеру. Согласился с позицией отца и Вернер фон Шлиден.

Берлинский экспресс уходил из Стамбула точно по расписанию. Фон Шлиден и его сын Вернер прибыли сюда на пароходе, чтобы по железной дороге следовать на родину. Днем они обедали в ресторане. После второго блюда сын дипломата поднялся из-за стола и прошел в туалет. Оттуда он черным ходом отправился на соседнюю улицу, где стоял большой автомобиль со шторками на окнах. Вернер сел в него и недолго побыл в нем. Вскоре дверца распахнулась, и молодой человек неторопливо покинул лимузин, вернулся в ресторан, уселся за стол и принялся за десерт.

Никто не заметил подмены. Сиражутдин спокойно завершил обед в обществе своего «отца», а подлинный Вернер фон Шлиден отправился на автомобиле в порт. Из Стамбула сын дипломата ушел на советском пароходе в Одессу.

...Так перестал существовать Сиражутдин Ахмедов-Вилкс.

Вернер фон Шлиден благополучно прибыл с «отцом» в Рио-де-Жанейро. Но вскоре Вернер вернулся в Германию и два месяца гостил у своего «дядюшки» Иоганна фон Шванебека, профессора медицины и давнишнего резидента советской разведки в Берлине. Затем отправился в Соединенные Штаты Америки учиться в техническом колледже. Война застала его в Рио-де-Жанейро, где «сын» дипломата работал уже инженером в южноамериканском филиале одной из германских технических фирм.

Бразилия оставалась нейтральной, но она кишела германскими агентами. Вернер фон Шлиден, известный в Центре как Янус, занялся организацией разведывательной сети, которую можно было бы использовать против интересов рейха в Бразилии.

Когда эта работа была выполнена, умер «отец»-дипломат. Оставаться в Бразилии не имело смысла, и по указанию Центра Янус перебрался в Германию. Солидные рекомендательные письма открыли ему дорогу к Круппу, где он выполнял обязанности инженера для особых поручений и был освобожден от службы в армии.

И вот в 1944 году он надел мундир офицера вермахта и получил назначение в штаб Первого военного округа, в Кенигсберг.

РАЗГОВОР ЗА ЧАШКОЙ ЧАЮ

1

Сильные взрывы потрясли столицу Британской империи.

Третий рейх, разваливающийся под ударами Красной Армии, пытался спасти свою шкуру, надеясь за спиной Советского Союза договориться с другими членами антигитлеровской коалиции. И чтобы англичане стали стоворчивее, фашистская Германия решила «вдохновить» их дождем из ракет «Фау».

Где-то в желтых дюнах Голландии и в мрачных фиордах Норвегии ударяло в многострадальную землю оплавляющее ее пламя, и в небо уходила ракета, несущая лондонцам разрушения и смерть.

Зловещие «Фау» направляли свой курс через стратосферу не только к английской столице. Они падали на Ковентри, Манчестер, Ливерпуль и в первое время сумели вызвать панику среди населения, падение акций на лондонской бирже, хотя военное значение этих «фэргелтунгсмиттель» — средств возмездия — ведомством Геббельса было чересчур преувеличено. Довольно скоро английские летчики научились сбивать «Фау» на подступах к намеченным гитлеровцами объектам.

Но разведкам стран, воюющих с третьим рейхом, было известно, что самолеты-снаряды и ракеты не последнее средство из того арсенала, с помощью которого Гитлер надеялся выиграть войну. Истеричные выкрики нацистских пропагандистов о новом оружии «дьявольской силы», которое спасет тысячелетнюю империю и уничтожит всех ее врагов так, что «содрогнется мир», имели под собой вполне реальную почву. Уже после захвата Чехословакии, когда нацисты получили доступ к урану, уче-

ным, работающим в области теории атомного ядра, стало ясно, какая угроза нависла над человечеством.

И Франклин Делано Рузвельт незадолго до войны получил письмо от Альберта Эйнштейна. Великий физик предупреждал президента Соединенных Штатов Америки о том, что в гитлеровской Германии может быть создана невиданной силы бомба...

И она действительно создавалась. Английские диверсанты — командосы — взорвали в Норвегии завод по производству тяжелой воды. Немцы построили новые заводы, они перенесли работы на свою территорию. Помимо Чехословакии нацисты получали сырье для работ над созданием чудовищного оружия через третьи и четвертые руки, из других мест, широко используя для этого свою агентуру в нейтральных странах.

И когда первые ракеты пронизали стратосферу, и в Москве, и в Лондоне, и в Вашингтоне стали понимать, что может произойти, если наполнить их взрывчатым веществом особой силы, хотя о действии его люди могли пока судить только по теоретическим расчетам физиков.

2

Черный лимузин с задернутыми шторками на боковых и заднем окнах пересек центр Лондона, свернул в одну из улиц и остановился перед воротами построенного в викторианском стиле четырехэтажного особняка. Ворота отворились, и машина въехала во двор. Шофер предупредительно открыл заднюю дверцу и поддержал за локоть выходящего из машины пожилого джентльмена в элегантном темном костюме и старомодной шляпе.

У широких дверей дома показались двое молодых людей. Они склонили головы и, своим видом выражая глубочайшее почтение к пожилому джентльмену, направились к машине.

— Рады вас видеть, сэр, — сказал один из молодых джентльменов. — Нам поручено проводить вас, сэр.

Пожилой джентльмен, сопровождаемый молодыми людьми, вошел в дом, который был не чем иным, как резиденцией главного шефа Секрет интеллидженс сервис — знаменитой английской разведывательной службы.

Собственно, слова «Интеллидженс сервис» служили и служат по сей день в качестве собирательного наименования широкой сети самых различных имперских и ве-

домственных разведок и контрразведок Великобритании. Центральные разведывательные и контрразведывательные органы находятся в непосредственном ведении кабинета министров, например Сикрет сервис — секретная служба — центральный орган разведки, к шефу которой шел сейчас пожилой джентльмен.

У Форин-Оффис — английского министерства иностранных дел — есть Политикал интеллидженс департамент — орган политической разведки.

Особенно сложной является система военной разведки и контрразведки. Здесь и объединенный разведывательный комитет при комитете начальников штабов, и объединенное разведывательное бюро, и департамент разведки при министерстве обороны, разведывательные департаменты военного министерства, министерства авиации и адмиралтейства. Для борьбы с вражеской агентурой существует центральный орган контрразведки, специальный отдел контрразведки при Скотланд-Ярде и служба безопасности министерства снабжения.

Деятельность Сикрет сервис особенно тщательно конспирируется. Опасное и коварное оружие британского империализма, секретная служба окружила себя покрывалом зловещей таинственности. По традиции имя шефа Сикрет сервис известно лишь королю и премьер-министру. Этакая полумистическая фигура таинственного главного рыцаря плаща и кинжала...

Интеллидженс сервис успешно помогала английскому капиталу завоевывать мир, укрепляла его позиции в колониях, а после Октября семнадцатого года не раз и не два направляла свое отравленное жало против Республики Советов. Достаточно вспомнить заговор Брюса Локкарта и мрачную фигуру международного авантюриста Сиднея Рейли. Да и сейчас, несмотря на союзнические отношения с СССР, английская разведка действовала по отношению к последнему не всегда лояльно...

— Как здоровье внучки, Генри? Сейчас подадут чай, — сказал шеф.

— Благодарю вас, сэр. Все в порядке, сэр, — ответил пожилой джентльмен. Он сидел в жестком кожаном кресле, неестественно выпрямившись.

Пожилой джентльмен заведовал разведывательным департаментом министерства авиации, знал шефа по Оксфорду, где шел курсом старше, и считал его выскочкой, не любил его манеры разговаривать с ним как со старым

приятелем и сейчас всем своим видом подчеркивал, что не намерен говорить о чем-либо не относящимся к службе.

Шеф отлично понимал это, но ему нравилось поддразнивать старого Генри, так кичащегося своим происхождением. Он сидел в тени, отбрасываемой непрозрачным абажуром настольной лампы, и думал, что его старый университетский товарищ в общем-то неплохой разведчик, но не успевает за временем, а сейчас времена полковника Лоуренса прошли, и старые методы далеко не эффективны.

Принесли чай.

— Передайте работникам вашего департамента благодарность премьер-министра. — Шеф перешел на официальный тон: — Материалы аэрофотосъемки территории Игрек весьма удачны. Они подтверждены агентурными сообщениями. Дабл-Ю¹ рекомендует шире использовать для этой цели челночные полеты наших бомбардировщиков.

— Нами уже предприняты шаги в этом направлении, сэр.

— Хорошо. Теперь о главном. Вам известны материалы Тегеранской конференции Большой тройки? Нелишне будет взглянуть на них еще раз.

Шеф протянул директору разведывательного департамента министерства авиации синюю брошюру. Тот развернул заложенное место и прочитал:

— «Четвертое заседание конференции глав правительств СССР, США и Великобритании. Тегеран, 1 декабря 1943 года...»

Он пробежал глазами то место, где обсуждался вопрос о передаче Советскому Союзу части итальянского военно-морского флота. Хмыкнул и подумал о коллеге из адмиралтейства, когда увидел предложение Черчилля ввести в Черное море несколько английских подводных лодок и утвердительное замечание Сталина по этому поводу. Задержал внимание на дебатах о польском эмигрантском правительстве в Лондоне — он поддерживал с ним самые тесные связи — и наконец дошел до страницы, отчеркнутой зеленым карандашом.

Сталин. Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы не-

¹ Первая буква имени Уинстон. Условное обозначение премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля.

замерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически — это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем.

Черчилль. Это очень интересное предложение, которое я обязательно изучу.

— Ну как, Генри? — спросил шеф. — Вы улавливаете теперь мою мысль? Я должен вам сообщить, что предложение Сталина принято всеми окончательно и бесповоротно. Русские получают лакомый кусочек. Наша задача — как можно больше снизить его ценность. Сейчас они застряли в Прибалтике... Получена официальная просьба русских помочь им бомбардировочной авиацией. Наш Дабл-Ю уже сообщил о своем согласии в Москву. Но надо сделать так, чтоб летчики королевских ВВС сбросили свой груз на Кенигсберг. И сбросили аккуратно. Вы понимаете, Генри?

— Конечно, сэр. Мы имеем схемы оборонительных укреплений города. Они не пострадают...

— Отлично, дружище. Это именно то, что нужно. И помощь русским окажем, и...

— Простите, сэр, но мне кажется, что янки с удовольствием ухватятся за эту мысль. Ведь насколько мне известно, они тоже примут участие в оказании «помощи» русским...

— Именно об этом я хотел вас просить. Наши люди из Восточной Пруссии сообщают, что немцы укрепили ее на славу. Русским придется поломать об нее зубы. А когда они придут туда, от Кенигсберга останется одно воспоминание. Какой нам смысл откармливать русского медведя, хотя бы и за чужой счет. Не правда ли, Генри?

— Совершенно справедливо, сэр!

— Еще чашечку чаю? Давненько мы не играли в крокет, Генри!

...Отпустив директора разведывательного департамента, шеф достал из сейфа черную папку и долго рассматривал лежащие в ней документы. Это были агентурные сообщения, прямо или косвенно связанные с ракетами «Фау». Через час внимательного изучения материалов шеф со вздохом захлопнул папку и из секретного отделения сейфа достал другую, потоньше. На обложке значилась греческая буква «тау». Шеф Секрет интеллидженс

сервис поднял обе папки руками, развел их в стороны, как бы взвешивая, потом сложил вместе, отодвинул на край стола и нащупал кнопку звонка. В дверях показался человек с длинным лицом и зализанными назад бесцветными волосами. Глаза его бесстрастно смотрели на патрона.

— Мистера Кларка, Джим.

Через две минуты в кабинете стоял один из встречавших пожилого джентльмена молодых людей, улыбающийся розовощекий супермен, словно сошедший с рекламного проспекта.

— Послушайте, Кларк, вы имеете что-нибудь еще по работам русских над новым оружием?

— Есть интересные сведения, сэр. Получены только сегодня. Проходят обычную перепроверку. Я собирался доложить вам об этом к концу дня.

— Я просмотрел комментарии к работам русских физиков Зельдовича и Харитона, опубликованных в открытой печати перед войной, — сказал шеф. — Судя по заключениям наших референтов, русские в области теории атомного ядра добились больших успехов. Наши сведения показывают, что и на практике они наступают кое-кому на пятки.

— Вы правы, сэр, — сказал Кларк.

— Особенный интерес, на мой непросвещенный взгляд, представляют исследования Игоря Курчатова, русского физика. Вот посмотрите-ка сюда, Кларк. Здесь анализ различных путей цепной ядерной реакции. Деление одного килограмма урана, пишет этот физик, даст энергию, равную взрыву двадцати тысяч тонн тротила! Каково, Кларк?

— У нас есть материалы по этому вопросу.

— Отлично, Кларк. Вам предлагается выделить эти материалы в особое производство. Это будет самостоятельная отрасль, которую вы возглавите. Все, чем вы занимались раньше, передайте мистеру Хеддоу. Понятно?

— Вполне, сэр. Благодарю вас за доверие, сэр.

— Подробные инструкции и дополнительные сведения от наших коллег из ведомственных департаментов вы получите позднее. А сейчас идите и поторопитесь доставить мне ваши новые сведения. Кстати, передайте Джиму, чтобы он вызвал ко мне мистера Харрингтона из агентурного управления.

В РЕСТОРАНЕ «КРОВАВЫЙ СУД»

1

Майор Баденхуб, командир танкового батальона, стал набираться еще с обеда и сейчас находился в той стадии опьянения, после которой либо буйствуют, либо заваливаются спать.

Надо отдать ему справедливость: пить майор Баденхуб умел. Внешне он почти ничем не отличался от офицеров, сидевших в малом зале знаменитого кенигсбергского ресторана «Блютгерихт» — «Кровавый суд», расположенного в замке Альтштадт.

В зале было пустынно, и майор сидел один за столиком в углу. Перед ним стояла наполовину опорожненная бутылка и лежала погасшая трубка. Время от времени майор выливал содержимое бутылки в высокую рюмку, залпом выпивал и принимался сосать трубку, тупо уставившись в пространство перед собой.

Постепенно зал наполнялся офицерами в зеленых мундирах вермахта и в черных войсках СС. Свободных мест становилось все меньше и меньше. Дошла очередь и до столика Баденхуба. К нему подошли двое — низенький майор с большой плешью, рыжими усами и наметившимся брюшком и высокий подтянутый обер-лейтенант.

— Здравствуй, Отто, — приветствовал майор Баденхуба. — Не возражаешь, если мы нарушим твоё одиночество?

Тот мотнул головой и молча протянул руку.

— Знакомьтесь, друзья, майор Баденхуб... Позволь, Отто, представить тебе моего молодого друга обер-лейтенанта фон Герлаха.

Фон Герлах щелкнул каблуками, майор медленно оторвал зад от стула и снова тяжело плюхнулся обратно.

К столику спешил обер-кельнер.

— Подождите, — сказал низенький майор, — заказывать будет наш приятель, который подойдет через десять минут. Впрочем, принесите пока по рюмочке кюммеля.

Из большого зала слышались звуки оркестра: началась вечерняя программа. В дверях появилась большая группа эсэсовцев и принялась рассаживаться за банкетный стол, очевидно заказанный для них заранее.

— А вот и фон Шлиден, — сказал низенький майор Генрих Махт, комендант одного из кенигсбергских фортов.

Обер-лейтенант тоже увидел Вернера, который медленно пробирался между столиками, высматривая приятелей. Он увидел их и махнул рукой.

— Надеюсь, не заставил вас долго ждать, господа? — спросил Вернер, подходя к столику и улыбаясь.

— Ну что вы, гауптман, — запротестовал Махт, — мы не успели и рюмки выпить!

Он хотел познакомить Баденхуба с фон Шлиденем, но Вернер сказал, что с майором они знакомы, и командир батальона утвердительно кивнул головой.

Увидев севшего за стол гауптмана, обер-кельнер просял и с готовностью подбежал к столу. Он уже хорошо знал этого щедрого на чаевые офицера, заказывающего, конечно, за особую плату всегда то, что не значилось в скудном, конца сорок четвертого года, меню ресторана... Скоро весь стол был заставлен, и Вернер фон Шлиден радушно пригласил майора Баденхуба принять участие в небольшом дружеском вечере, посвященном годовщине со дня кончины «его любимого отца». Баденхуб позвал кельнера, заказал бутылку коньяку, и когда ее принесли, молча поставил в центр стола, подтверждая тем самым свое согласие войти в общую компанию.

Майор Махт рассказывал:

— ...Конечно, сначала, она возмущалась: «Как вы можете так?! Да у меня муж на фронте! Я честная женщина!» Ну, думаю про себя, все вы честные... Моя тоже так говорила до тех пор, пока я не поймал ее с тыловой крысой. Да... Скрутил ей руку, ну и... Прав был Ницше, когда говорил: «Идешь к женщине, не забудь с собой плеть...»

Махт закончил свой рассказ, выпил и торжествующе оглядел сидящих за столом офицеров. Все они уже изрядно выпили, хотя до майора Баденхуба им было далеко. За столом говорил в основном Генрих Махт. Вернер только поддакивал, фон Герлах с еле скрываемой насмешкой поглядывал на «героя» многочисленных любовных похождений, а Баденхуб разговорчивостью не отличался.

— Да, Ницше был великим человеком, — сменил тему разговора Генрих Махт. — Он первым заложил основы новой религии, религии настоящих людей, которые поставят мир на колени! За здоровье фюрера!

Обер-лейтенант поставил рюмку на стол и тихо сказал:

— А русские у границ Восточной Пруссии...

— Временные трудности, дорогой Фридрих. Новое ору-

жие изменит положение. И потом, мне не нравится твой пессимизм, — заметил Махт.

— Давайте выпьем за победу, — предложил Вернер.

Он всегда старался показать, что тяготится умными разговорами, и сам таковых никогда не затевал. Гауптман уже прослыл в гарнизоне хорошим парнем, у него всегда водились деньги для угощения приятелей, все считали Вернера добрым немцем, умеющим крепко выпить с друзьями и быть на своем месте в любой компании... С обер-лейтенантом Фридрихом фон Герлахом гауптман познакомился еще в Берлине на одной из вечеринок. Вернер оказался с Фридрихом рядом за столом, потом они вместе курили, выйдя в прихожую, угощали друг друга сигаретами, договорились встретиться еще раз. Но следующая встреча произошла уже в Кенигсберге.

Фон Герлах был потомком одного из великих магистров Тевтонского ордена, аристократом чистейших кровей. Об этом Вернер разузнал уже после первой встречи. И Шлидена удивили пессимизм и критические замечания молодого офицера, вернувшегося в Кенигсберг после ранения на Западном фронте и оставленного теперь при штабе.

Вернера заинтересовал этот человек. Обер-лейтенант, не стесняясь присутствующих, ронял такие замечания, что Вернеру часто становилось не по себе. В данном случае он не мог опасаться провокации, эту возможность гауптман уже проверил, но его кредо — держаться подалеже от политики — исключало всякую ответную реакцию, и фон Шлиден попросту отмалчивался или переводил разговор на другое.

И тем не менее Герлах тянулся к Вернеру, старался бывать с ним вместе, и Вернер стал всерьез присматриваться к своему новому приятелю. По крайней мере, он представлял для гауптмана фон Шлидена интерес уже возможностью психологического анализа настроений среди критически мыслящей верхушки германской элиты.

— Великий Ницше говорил, что нет более ядовитой отравы, чем учение о равенстве, — продолжал философствовать комендант форта. — Проповедуя справедливость и учение о равенстве, человечество на самом деле стремится к гибели справедливости. Равное равным, неравное неравным — вот что говорит истинная справедливость, а отсюда следует, что низкое нельзя сравнивать с высоким.

И действительно... Что может быть общего между мной и каким-то поляком или русским? Я не говорю уж о паршивых евреях. Белокурая бестия — и только он должен властвовать над миром.

— А ты рыжий, Генрих, и плешивый, — сказал майор Баденхуб.

Это были его первые слова за весь вечер.

Махт хотел было обидеться, но потом счел за лучшее обратить все в шутку:

— Возраст, милый Отто, возраст. Двадцать лет назад я был совсем не такой.

— А я не знал, Генрих, что вы специалист в области философии, — сказал фон Шлиден. «Рыжая свинья», — подумал он о Махте.

— Меня выгнали с третьего курса философского факультета. Я учился в Гейдельберге и проломил голову пивной кружкой одному чересчур умному еврейчику. Тогда это считалось преступлением.

— Вас, гауптман! — буркнул майор Баденхуб и глазами показал Вернеру на банкетный стол, за которым сидели эсэсовцы.

Фон Шлиден повернулся и увидел пристально смотревшего на него оберштурмбанфюрера Вильгельма Хорста. Хорст заметил, что Вернер увидел его, и сделал знак рукой, приглашая к столу.

— Извините, друзья, — сказал Вернер, — я покину вас на минутку.

Когда он подошел к Вильгельму Хорсту, все сидевшие за столом офицеры замолчали и выжидающе посмотрели на оберштурмбанфюрера, возглавлявшего, судя по всему, эту компанию.

— Представляю вам гауптмана Вернера фон Шлидена, господа, — сказал Вильгельм Хорст. — Мой хороший знакомый и отличный офицер, хотя и не служит в СС.

Один из эсэсовцев громко заржал:

— Выпейте с нами, гауптман, за то, чтоб и вы когда-нибудь вступили в наше братство.

— Долг каждого из нас — выполнять волю фюрера, — сказал Вернер. — Зиг хайль!

Троекратное «Хайль!» ударило в сводчатый потолок зала.

— Неплохой парень этот Шлиден, — сказал майор Махт, когда Вернер отошел от стола. — Ты давно его знаешь, Фридрих?

— Я познакомился с ним в Берлине, — ответил фон Герлах. — До этого Вернер долгое время жил в Бразилии. Его отец был советником нашего посольства. Вернер окончил технический колледж в Штатах, потом отец умер на чужбине, и Шлиден вернулся домой.

— Он, по-видимому, с юга, твой щедрый приятель, — сказал Махт. — Такие темноволосые немцы водятся на границе с Италией. Откуда у него деньги? Получил большое наследство?

— Ты угадал наполовину, Генрих. Вернер происходит из старинного, но давно растерявшего свои поместья дворянского рода в Баварии. Словом, его предки бродили по ту и по эту сторону Альп... А мать его, кажется, и вовсе итальянка. А что касается денег... Я не из тех, Отто, кто считает деньги в чужом кармане. Вернер — способный инженер. До того как прийти в вермахт, он работал у Крупфа. По-моему, на ответственной работе, связанной с поставками из Швеции.

— Тогда понятно, — сказал Махт. — На такой работе надо быть полным кретином, чтобы не набить себе как следует карман.

Когда Вернер вернулся к столу, Генрих Махт продолжал разглагольствовать.

— Что является основным стремлением жизни? — говорил он. — Воля к власти. Сильная или слабая воля — это прежде всего характеризует человека. Вся история человечества представляет собой отношение сильных к слабым и наоборот. И именно мы, представители арийской расы, люди сильные и властные, способны руководить другими. Только в нас воплощается разум и искусство господствующих рас. Помните у Ницше: «Орда белокурых, хищных животных, раса завоевателей и господ...» или «Цель истории — в существовании избранных», «Рабство составляет одно из существенно необходимых условий культуры, и эта истина, конечно, не оставляет места для каких-нибудь сомнений».

— Недурно для недоучившегося философа, — иронически заметил обер-лейтенант фон Герлах.

— Наш фюрер и есть тот сверхчеловек, о которых всегда тоскует человечество, — не обратив внимания на замечание Фридриха, продолжал майор-ницшеанец. — Наша нация велика уже потому, что она дала миру этого человека. Фюрер оставит след своей руки на тысячетиях, как на мягком воске, повелитель и властелин мира

из плеяды тех немногих, «при виде которых, — по словам Ницше, — побледнеют и исчезнут все бывшие на земле страшные и добрые духи».

— Вот тут ты безусловно прав, Генрих, — сказал оберлейтенант, — духи давно уже побледнели...

«Очень мне пужны разговоры на скользкие темы!» — подумал гауптман.

В последнее время Вернер стал уставать от общества этих людей. Он прекрасно играл свою роль, даже не играл — разведчик научился думать так, как должен был думать Вернер фон Шлиден, сын германского дворянина и дипломата, верный слуга фюрера и рейха. Он ни на йоту никогда не отступил от созданного в свое время образа, гауптман привык к своему искусно сформированному психологическому двойнику и чувствовал себя в этом обличье свободно и легко. Но теперь временами Вернера охватывало чувство тяжести, будто нес он большую и неловко уложенную на спине ношу. Свое, настоящее настойчиво рвалось наружу, с этим было все труднее справляться. Конечно, он был далек от того, чтобы сорваться, выдать себя. Но первые сигналы усталости насторожили Вернера, заставили его вызвать к действию новые запасы душевной энергии.

И еще он устал от одиночества... Это тяжелое бремя. Одинок ли разведчик, находящийся во вражеском стане при исполнении служебных обязанностей? И да, и нет. В силу особенности профессии разведчик не имеет права на откровенность с кем бы то ни было, не имеет права на искренность, а следовательно, у него нет настоящего друга, который был бы посвящен во все замыслы, во внутреннюю жизнь разведчика. Иными словами, перефразируя древнегреческого философа, мы можем сказать о разведчике: «Все свое он носит в себе». Но один человек не в состоянии ничего сделать. И разведчик находит людей, которые помогают ему. Разными мотивами руководствуются эти люди, но их помощь разведчику необходима. И еще необходимы товарищи по невидимому фронту, которые идут от Центра для связи с ним, находящимся в тылу врага. И необходимы те, кто остался по другую сторону баррикад, его близкие и родные, которым он не имеет права послать и самой малой весточки о себе. Да, разведчик одинок для себя, и он не одинок для всех... Постоянное перенапряжение может вызвать опасность психологического срыва. В тех случаях разведчику необ-

ходима разрядка, отдых, смена обстановки. И, зная об этом, руководство разведки время от времени устраивает своему работнику вызов в Центр, переброску в другую страну. Но когда идет война, это исключается. Теперь она близилась к концу, и у Ахмедова-Вилкса тем более не было права на передышку.

А за столом продолжался разговор.

— Ты, Генрих, большой знаток философии Ницше, — сказал Герлах. — Я учился не на философском факультете, но кое-что читал тоже. Вот объясни мне, как понимать неоднократные высказывания Ницше против антисемитизма? Ведь он всегда защищал евреев и даже предлагал включить их в новую, сильную, смешанную расу европейцев. Что ты скажешь на это?

«Удар ниже пояса, — подумал Вернер. — И довольно смелый... Как выкрутится этот «философ»?»

Махт едва не подавился куском шницеля, он стал жевать его, когда заговорил фон Герлах.

— Действительно, ты читал Ницше! — зло проговорил он, глотнув вина из бокала. — Защита евреев — одна из его ошибок, которые вполне возможны и у великих людей. И вообще...

Майор Баденхуб хрюкнул. Все посмотрели на него и поняли, что это означало смех.

— Этот ваш Ницше сам был евреем, — сказал он, похрюкивая. — Мне как-то говорили об этом...

В это время в большом зале хлопнул выстрел. Все вскочили из-за стола. Раздались женский визг и возбужденные голоса мужчин. Эсэсовцы, сидевшие с Хорстом, быстрее других покинули стол и побежали в большой зал. Вернер направился за ними, но у дверей его остановил голубоглазый, с рукой на перевязи, оберштурмфюрер и попросил вернуться на место.

К столу возвращался Вильгельм Хорст.

— Любопытствуете, гауптман? — сказал он Вернеру. — Ничего особенного. Один молокосос летчик пустил себе пулю в лоб. Алкоголь и нервы... Дерьмо, а не офицер. Надеюсь, с вами этого никогда не случится, гауптман...

Ночью советская авиация бомбила Кенигсберг. Когда первые звенья тяжелых машин появились над городом, четверка немецких офицеров давно уже покинула «Кро-

вавый суд» и весело опорожняла бутылки, захваченные предусмотрительным Вернером из ресторана. Им с успехом, свидетельствующим о немалом опыте, помогали в этом занятии три девицы из варьете, которых удалось подхватить в конце вечера.

Расположились они в двухэтажном просторном особняке, принадлежавшем отцу фон Герлаха. Родители Фридриха уехали в поместье, подальше от бомбежек, и дом в Амалиенау служил отличным местом для кутежей приятелей обер-лейтенанта.

Когда слышался гул моторов, девицы подняли было панику и пытались бежать в убежище. Но добрый коньяк, его разлил всем в бокалы Вернер, привел девиц в чувство, а хозяин сказал:

— Русские не бросают здесь бомбы, щадят мирное население.

Горькая усмешка тронула его губы.

Вскоре майор Баденхуб храпел на диване в гостиной, и это было кстати, так как девиц на всех не хватало. Офицеры вышли в соседнюю комнату и разыграли их между собой. Вернеру выпало ухаживать за миловидной шатенкой с длинными ресницами, грустными глазами и стройной фигурой. Звали девушку Ирмой.

Генрих Махт вскоре совсем захмелел и лез целоваться к фон Шлидену, повторяя, что Вернер великолепный парень. Обер-лейтенант уже исчез со своей подругой, а белокурая толстушка, доставшаяся Махту, дергала его за рукав и тянула к лестнице, ведущей в верхние комнаты.

Наконец Вернер остался один с Ирмой. Они прошли небольшой коридор и очутились в комнате с широкой кроватью. Гауптман снял мундир, повесил его на спинку стула и сел спиной к Ирме, стоящей у кровати.

В доме затихло. Вернер достал из кармана сигареты и сидел не поворачиваясь.

Докурив сигарету, он смял ее, поднялся, развел в стороны руки, потягиваясь, и обернулся.

Ирма, одетая, сидела на краешке кровати и в упор смотрела на гауптмана.

— Я думал, ты уже спишь, — сказал Вернер.

Она сощурилась:

— Купил бутылку — и сразу в постель?

— Ну зачем ты так? — сказал Вернер и шагнул к женщине.

— Не подходи! — зло выкрикнула Ирма.

— Глупая! — сказал Вернер фон Шлидеп. — Плохо знаешь людей, дорогая фрейлейн. Я отношусь к тем мужчинам, которые только тогда могут быть с женщиной, если она хочет этого. — Он отвернулся и снял со спинки стула мундир: — Спи, маленькая, спи спокойно. Пойду поищу другое пристанище.

Гауптман открыл дверь и шагнул в коридор.

— Подожди! — громким шепотом остановила его Ирма.

Вернер вернулся, прикрыв дверь, и остановился перед Ирмой, продолжавшей сидеть на кровати.

— Оставь мне сигареты, — сказала она.

Гауптман протянул ей пачку, потом нашарил в кармане зажигалку и отдал ее тоже.

— Не уходи, — сказала вдруг Ирма. Она привстала, схватила Вернера за рукав мундира и потянула к себе. Судорожно всхлипнув, вздохнула. — Посиди со мной...

8

Владелец бакалейного магазина на Оттокаррштрассе Вольфганг Фишер обосновался в Кенигсберге около двадцати лет назад. Приехал он откуда-то из Силезии, имея небольшой капитал, и сразу приобрел лавку разорившегося торговца в Понарте. Дела у Фишера шли хорошо. Он обладал особым чутьем на конъюнктуру. Клиенты Фишера оставались довольны умеренными ценами и высоким качеством его товаров.

Через два года Вольфганг Фишер женился на Шарлотте Венк, единственной дочери Иоганна Венка, члена городского магистрата. Женился Фишер удачно. Шарлотта была хорошей женой, и не менее хорошее он взял за ней приданое. Первое обстоятельство принесло Фишеру постоянное, никогда не оставляющее его чувство душевного равновесия, а второе — возможность прикрыть торговлю в Понарте и обосноваться на Оттокаррштрассе, в Амалиенау, аристократическом районе Кенигсберга.

У Вольфганга Фишера связи были в самых различных кругах. Ведь независимо от социального положения подавляющее число людей любит хорошо поесть и вкусно выпить, а Фишер обеспечивал эту возможность для сильных мира сего и тогда, когда замахнувшимся на

всю планету третьему рейху пришлось-таки основательно затянуть пояс.

Даже в конце сорок четвертого года бакалейщик сохранил приличные запасы продуктов и редких вин. Он поставлял их важным чинам из различных военных и гражданских ведомств.

Фишер доставал кое-что и для простых офицеров, если у них были хорошие деньги и солидные рекомендации.

У гауптмана фон Шлидена было и то и другое.

По приезде в Кенигсберг Вернер фон Шлиден зашел к Фишеру в магазин и передал письмо от одного из берлинских знакомых бакалейщика. Это обстоятельство вкупе с паличными, которыми всегда платил гауптман, поставило последнего в ряд привилегированных клиентов Вольфганга Фишера.

...В особняке на Хертеаллее проснулись поздно. Майор Баденхуб сразу уехал в свой танковый батальон, у остальных день оказался свободным, и Генрих Махт предложил освежиться. У всех болели головы, а у девиц был и вовсе помятый вид.

Мужчины с надеждой посмотрели на Вернера. Он выглядел более свежим и подтянутым, нежели другие.

— Трудновато, но попробую что-нибудь сделать, — сказал Вернер сразу повеселевшим приятелям.

ЧЕРНЫЕ ЦИФРЫ ФИШЕРА

1

— Пока я буду принимать ванну, Джим, закажи, пожалуйста, кофе, — сказал Эл Холидей, выходя из спальни первоклассного номера одного из отелей Нью-Йорка.

— Может быть, лучше виски? — спросил Джим.

— Виски мы выпьем позже, когда спустимся вниз. А сейчас кофе, по которому я соскучился. Ты ведь даже представить себе не можешь, какую гадость я пил в последние недели.

Эти слова Эл произнес, скрываясь в дверях ванной комнаты. Джим позвонил, заказал кофе, выложил на маленький столик сигареты и зажигалку, опустился в кресло и приготовился ждать. Закурив, он протянул руку к столу, взял журнал «Холостяк», с длинноногой красоткой на обложке, и увидел под журналом небольшой крас-

ный томик. Это была традиционная библия в издании Гендерсона, которой снабжают своих постояльцев хозяева всех отелей Соединенных Штатов. Джим отложил утку холостяков в сторону, усмехнулся по поводу экстравагантного соседства и развернул библию.

Эл плескался за дверью, напевая и побрякивая от удовольствия. Мылся он не менее получаса, и, когда появился, запахнув мохнатый халат, Джим не преминул съязвить по поводу времени, прошедшего после последней ванны Эла.

— Ты зря смеешься, старина, — сказал Эл. — Европа сорок четвертого года — это серьезная штука, и совсем не комфортом определяется то, что там сейчас происходит.

Он хотел произнести еще какие-то слова, но в дверь постучали — принесли заказанный кофе. Эл нетерпеливо схватил чашечку с подноса и, сощурившись от удовольствия, выпил кофе маленькими глотками. Потом он тщательно возился с туалетом, время от времени выходил из спальни полуодетым, чтобы хлебнуть еще глоточек из второй чашечки. Джим отказался от кофе, заявив, что всем напиткам он предпочитает виски. Элвис между делом рассказывал ветхозаветные анекдоты и спрашивал Джима, что ищет он в библии и не подумывает ли о спасении души. Когда Эл был готов, они вышли из номера, прошли бесконечным коридором, безмерность которого усиливал мертвенный свет люминесцентных ламп на подволоке, и остановились у шахты люка, бросив окурки сигарет в прикрепленную к стене урну.

Лифтер, сопровождавший обоих джентльменов пятнадцать этажей вниз, равнодушно принял чаевые, скользнул безразличным взглядом по спинам выходящих из кабины лифта мужчин и вернулся к своим обязанностям. Обычные жильцы, да и только. Не миллионеры, не боксеры и даже не обитатели Голливуда. Так, биржевые маклеры или мелкие бизнесмены с Запада. И если бы лифтер знал хотя бы о сотой доли деятельности этих джентльменов, его интерес к ним, несомненно, возрос бы. Разумеется, лифтеру не было известно, что тот, что пониже ростом и массивнее в плечах, является руководителем одного из отделов Управления стратегических служб, а высокий блондин, Элвис Холидей, — эмиссар центра американской разведки, вернувшийся из поездки по ряду стран воюющей Европы.

А джентльмены прошли сквозь вертящиеся двери ресторана и, сопровождаемые услужливым метрдотелем, через огромный зал направились к указанному им столику у стены.

Деловой разговор начался сразу, и они умело меняли тему, когда к их столу, стоявшему несколько обособленно, подходил прислуживающий им официант.

— Наиболее впечатляющим для меня в России был тот неоспоримый факт, что коммунисты сумели мобилизовать все материальные и духовные ресурсы страны, — сказал Эл. Он добавил содовой в стакан с виски. — И сделали они это на самом высоком уровне. Я был у них в июле сорок второго. Та армия, которую я видел тогда, сейчас не может быть сравниваема с прежней ни в коей мере. Отличная техника, и в больших количествах. Уральские и сибирские заводы работают круглые сутки, выбрасывая все новые и новые танки и самолеты. Кстати, наши машины уступают тем и другим. Это следует иметь в виду при составлении обзора и плана целевых заданий.

— Не сгущаешь ли ты краски, Эл? Пойми, это может не понравиться кое-кому...

— Россию надо видеть своими глазами, Джим. Я видел русских. И тех, кто собирается идти в атаку, и тех, кто стоит у станков, и тех, кто направляет умы первых и вторых. Более десяти миллионов поставлено под ружье. Эта гигантская масса неудержимо рвется на Запад. Временные затруднения в Прибалтике русские ликвидировали, прижав немецкие дивизии к морю и отрезав их от Восточной Пруссии. Они уже освободили свою территорию и перенесли войну на чужие земли. И все это за короткое время, пока наши Айк и Монти¹ топчутся на месте.

— Это я знаю из сводок, Эл, — мягко остановил его Джим.

— Прости. Мне легче рассказывать, начиная с прописных истин. Для нас важно то, что в самых разных слоях русского населения можно услышать разговоры о необходимости покончить не только с немецким, но и со всяким нацизмом вообще. И это не просто лозунги, а трезвая убежденность в необходимости распространить освободительную миссию Красной Армии до берегов Ат-

¹ Эйзенхауэр и Монтгомери.

лантического океана. И у меня есть данные, правда не абсолютно точные, что таково и убеждение Сталина...

— Это следует особо выделить, — сказал Джим.

— Разумеется. Я беседовал с Авереллом¹. Он не хочет этому верить и отказывается официально сообщать в государственный департамент, пока мы не представим ему надежную информацию.

— Как тебя принимали русские, Эл?

— Хорошо. Ты знаешь ведь, что ехал я с прикрытием, но чекисты отлично помнят меня. Впрочем, я играл с ними в открытую. Ведь мы союзники! — усмехнулся Холидей. — Правда, «ошечали» меня крепко, — продолжал он, — вежливо, предупредительно, но надежно. Сам я почти ничего не смог сделать. Лишь через третьи руки собрал информацию у прежних агентов, введенных сейчас в работу.

— Как вербовка среди русских?

— Почти никаких результатов. Возросший во сто крат патриотизм и наши союзнические отношения — основные причины. На нашу долю остаются явные подонки.

— Ладно. Хватит пока о России, — сказал Джим. — Переезжай в Восточную Пруссию. Вернись, перелетай. Ты ведь по воздуху попал туда?

— С помощью русских, — сказал Холидей.

2

— Наши войска, как вам известно, товарищи, готовятся перейти границу Восточной Пруссии. — Подполковник Климов подошел к карте и отдернул штору. — Настало время серьезно заняться «вервольфом» и восточно-прусской агентурой, которую гестапо и СД оставляют в будущем тылу нашей армии. Впрочем, наш отдел и существует для этого... Начнем с «вервольфа».

Что они знали о «вервольфе»? «Волк-оборотень» — так переводится это слово. Сказалось в названии немецкая приверженность к напыщенному слогу, символике и мистике. Ведомство доктора Геббельса настойчиво проводило параллель между будущими оборотнями и русскими партизанами. Цель преследовалась двоякая: с одной стороны, объявить отряды головорезов, формировавшиеся

¹ Аверелл Гарриман — посол США в Советском Союзе во время второй мировой войны.

исключительно из членов национал-социалистской партии и «Гитлерюгенда», народными мстителями, а с другой — заранее распространить миф о их будущей неуязвимости, по аналогии с партизанами.

Организация отрядов оборотней началась после минского котла, показавшего, что война вот-вот перебросится на территорию третьего рейха. Шестого августа 1944 года создание «вервольфа» было оформлено особым актом. Основное руководство по организации отрядов возлагалось на рейхсфюрера Гиммлера, который развернул бурную деятельность, постоянно докладывая главе тысячелетней империи о новых и новых когортах «сильных и смелых», призванных задержать Красную Армию. Наиболее широкой и хорошо оснащенной предполагалось сделать сеть восточнопрусских оборотней.

— По имеющимся у нас данным, стало известно, что формирование «вервольфа» в Восточной Пруссии закончено, — сказал подполковник Климов. — Возглавлял его майор Шмитцель, недавно он заменен оберштурмбанфюрером Гетцелем. Штаб «вервольфа» находится в Кенигсберге, на Ленсштрассе, 3/5. Нам также известна часть, примерно одна треть, потайных складов оборотней, фамилии некоторых командиров отрядов. Это, разумеется, очень и очень мало. Нашим коллегам, армейским контрразведчикам, мы должны дать полную ориентировку, позволяющую обезвредить скрытого врага.

3

— Русские помогли мне выброситься в Восточной Пруссии после тщательных попыток прощупать цель моего визита туда, — сказал Эл.

— Мы сделали все, чтобы такое разрешение тебе дали.

— Спасибо, Джим. Конечно, никаких явок, никакой связи с их агентурой. «У вас там должны быть свои люди, мистер Холидей», — сказал мне по-английски с техасским выговором один русский чекист. Не удивлюсь, встретившись с ним в Сан-Антонио. Конечно, они правы, эта их всепоглощающая конспирация, сплошная засекреченность приносит плоды. И потом, у русских отлично налаженная разведка в Европе, да и не только там. Просто удивительно, как многого они достигли за столь короткое время... Вспомни хотя бы деятельность «Красной ка-

пеллы» в Западной Европе, доктора Зорге, столько лет водившего за нос знаменитую контрразведку джапов, или совершенно точную информацию, полученную советской разведкой от ответственных работников министерства экономики и министерства информации с помощью латиноамериканского негодянта, оказавшегося офицером советской разведки, о том, что после взятия Ростова Гитлер обязательно пойдет на Сталинград...

— Тебя прельщает место преподавателя истории разведки в одной из наших школ, Эл? Стареешь, парень...

— Извини, давно не говорил по-английски. Терпеть не могу этот фельдфебельский язык джерри, на котором болтал и даже думал целый месяц.

— Но говоришь ты на нем как бог... Немецкий бог! — заметил Джим.

— Итак, высадка прошла удачно, — пожав плечами, продолжал Холидей. — Нашего Ирокеза я разыскал, чувствует он себя хорошо. Пользуется серьезным влиянием в СД. Местечко — просто клад для такого человека. Когда я сидел с ним за бутылкой в Кенигсберге, то еще и еще раз мысленно благодарил всевышнего за удачу в Женеве. Ведь если б я не убрал Зероу тогда, на кладбище, он спокойно бы прибыл в Кенигсберг и Ирокезу пришла бы крышка. В любом случае ему понадобилось бы сматываться из такого уютного гнездышка, как фирма его шефа обергруппенфюрера Бёме. Только и нам он не был бы после этого нужен.

— Операция «Кактус»? — перебил его Джим.

— Начинает развиваться. Ирокез готовит к этому своих немецких хозяев. Англичане продали нам идею, а сами, как обычно, хотят остаться в стороне. Я их немного щелкнул по носу, перевербовав в Польше нескольких второстепенных деятелей из Армии Крайовой. Будут работать для нас. А вообще, в Польше Интеллидженс сервис чувствует себя посильнее, нежели мы.

— Послушай, Эл, есть что-нибудь по «Проекту Мэн»? — спросил Джим. — Ты ведь знаешь, что наши «большие мозги» из кожи вон лезут, чтобы обогнать немцев. И успехи у них огромные. Но беда в том, что русские тоже интенсивно работают в этом направлении. Мы получили значительную информацию от Интеллидженс сервис. В Норвегии остались интересные материалы по новому оружию. Немцы стараются любыми путями пере-

бросить все это в Германию, и я боюсь, что тебе снова придется поехать в Европу.

У Холидея вытянулось лицо.

— Ладно-ладно! Может быть, поедет кто-нибудь другой, только ты сам никому этого не позволишь доверить. Расскажи мне лучше о твоей встрече в Женеве с доверенным Гиммлера...

4

Оставив собутыльников в особняке на Хертеаллее, гауптман Вернер фон Шлиден, размахивая саквояжем, спешил в магазин Фишера на Оттокаарштрассе.

Открывал Фишер всегда поздно, и гауптман, зная об этом, миновал витрины магазина, затянутые сейчас жалюзи, свернул в переулок и остановился у железной решетчатой калитки. От нее тянулась к небольшому, приятному на вид особняку красноватая дорожка.

Шлиден нажал кнопку звонка, и в глубине двора почти сразу показалась кряжистая фигура хозяина.

— Господин гауптман! — Фишер издали поднял вверх правую руку и заспешил к калитке.

— Меня ждут друзья, Фишер, — сказал Вернер. — Вы понимаете?

— Конечно, конечно! — Фишер с готовностью притронулся рукой к локтю офицера и повел его по дорожке.

Потом они свернули направо и вышли на задний двор магазина, где двое русских военнопленных не спеша возились в моторе хозяйского «опель-кадета», стоящего посреди двора с поднятым капотом.

Увидев хозяина с офицером, они бросили работу и вытянулись рядом.

— Беру из лагеря помощников, — объяснил Фишер. — А эти двое постоянно живут у меня. Хорошие механики, но уж очень медленно работают...

Вернер фон Шлиден с любопытством посмотрел на русских:

— Как это у вас?.. «Русские медленно запрягают...»

— Но зато быстро едут! — перебил его высокий худой человек. На чисто выбритом лице его светились умные глаза. — Вы совершенно правы, гауптман, равно как и ваш знаменитый соотечественник, которому принадлежат эти слова.

— Вы знаете Бисмарка? О! — удивился Шлиден.

Пленный пожал плечами, а Фишер увлек офицера на крыльцо. В небольшой кладовой с полками, заставленными бутылками, Фишер принял у гауптмана саквояж и стал наполнять его. Потом он достал снизу еще одну бутылку и протянул Вернеру:

— А это только для вас, господин гауптман, коллекционное.

Шлиден поблагодарил хозяина и протянул пачку кредиток, вложенных в одну, покрупнее, согнутую пополам.

— Передайте сегодня, Фишер. Новые сведения по «вервольфу». Правда, это далеко не все. К сожалению, полностью отдаюсь операции с графиком движения транспортов с рудой. Сообщите: кое-что сдвинулось. Через несколько дней будет график.

— Все сделаю, — сказал Фишер. — Деньги возьмите обратно.

Он взял сложенную пополам кредитку, спрятал ее в карман, а остальные ассигнации передал Вернеру фон Шлидену.

— Вам нужны еще деньги? — спросил бакалейщик гауптмана.

— Спасибо. Пока нет. Добудьте мне сведения о начальнике порта. Это необходимо сделать быстрее. Боюсь, что график движения транспортов постоянно изменяют. Последние данные по «вервольфу» передали?

— Да.

— Это хорошо!

— Рюмочку настоящей водки, Вернер? А? — сказал Фишер. — За победу...

— Вы змей-искуситель, Фишер, — сказал улыбаясь гауптман. — Ну, разве что рюмку водки! У вас, поди, и огурчик соленый найдется!

— Огурчика нет, а вот капуста, маринованной по особому рецепту моей Шарлотты, я вам предложу. Деликатесная, скажу я вам, вещь...

Фишер вышел и через несколько минут вернулся с бутылкой, обернутой в папиросную бумагу. В другой руке он держал фаянсовую салатницу с капустой. Бакалейщик поставил капусту на стол и стал разворачивать бутылку.

— Ого! — сказал Вернер. — Настоящая водка!

— А вы думали, я угощу вас эрзацем? Я, лучший бакалейщик Кенигсберга?! Еще в сорок первом заказал с Восточного фронта три ящика. Сейчас осталось две бу-

тылки. Эта и еще одна. Ту мы разошьем с вами в день, когда вы снимете свою форму, господин гауптман.

Вернер пододвинул рюмки:

— Для того дня одной бутылки нам будет мало, господин лавочник...

Они рассмеялись

— Ну, поехали! — сказал Фишер. — Прозит!

— Как идет торговля? — спросил Вернер, заедая водку хрустящей капустой.

— Торговля моя идет плохо. Поставщики почти все исчезли, сижу на старых запасах...

— Не горюйте, Фишер. Будет и на нашей улице праздник.

— Спасибо, Вернер.

Вольфганг Фишер крепко пожал гауптману руку.

Фон Шлиден похлопал хозяина по плечу, поднял изрядно потяжелевший саквояж с бутылками и направился к выходу.

Фишер проводил его до калитки и вернулся во двор. «Опель-кадет» по-прежнему стоял во дворе с открытым капотом. Разговаривавший с гауптманом пленный оперся на крыло и поигрывал большим разводным ключом. Второго пленного не было.

— Вы неосторожны, Иоганн, — сказал Фишер, вплотную подходя к пленному.

Тот пожал плечами.

— Интеллигентное лицо у вашего приятеля, — сказал он.

Фишер улыбнулся, прижал палец к губам, покачал головой и направился в дом. По узкой лестнице он поднялся наверх, где был небольшой кабинетик, приспособленный для проведения коммерческих операций.

Давно осевший в Кенигсберге бакалейщик Вольфганг Фишер, антифашист и докер из Гамбурга, оказался оборотистым торговцем и талантливым разведчиком. Главную свою задачу — организацию разведывательной сети в Восточной Пруссии и руководство ею — он выполнял так же добротнo, как и торговал бакалейными товарами, надежно ограждая от провала своих людей.

Сам Фишер не занимался непосредственно сбором разведывательных данных. С ним сотрудничали другие, доставлявшие бакалейщику иногда через третьи и четвертые руки необходимые сведения. Он принимал курьеров из Центра, руководил подпольной радиосвязью, был свя-

зан с деятельностью нелегальной антифашистской организации, наблюдал за работой групп Сопротивления в лагерях военнопленных.

Когда Янус прибыл в Кенигсберг, Вольфганг Фишер получил указание Центра обеспечить деятельность Ахмедова-Вилкса необходимой помощью: людьми, деньгами и связью.

Гауптмана Вернера фон Шлидена знал лишь Вольфганг Фишер. Частые визиты к бакалейщику любящего покутить с приятелями старшего офицера отдела вооружения штаба генерала Ляша не могли ни у кого вызвать подозрений.

Указания Центра для Януса, полученные Фишером, передавались бакалейщиком Ахмедову-Вилксу нанесенными особым невидимым составом на оборотной стороне этикетки бутылки с марочным вином. Были и другие каналы связи.

И вот теперь, после встречи с Янусом, Вольфганг Фишер поднялся в свой кабинет, вошел в комнату, тщательно запер дверь, сел к столу и вытащил ассигнацию, переданную ему ранним покупателем. Затем он подошел к небольшому стеклянному шкафчику, служащему домашней аптечкой, и достал два небольших пузырька. На одном было написано «Желудочные капли», второй, без этикетки, содержал в себе бесцветную жидкость.

Вернувшись с пузырьками к столу, Фишер выдвинул один из ящиков и достал две кисточки. Осторожно разгладив кредитку на столе, он, обмакнув одну из кисточек в бесцветную жидкость, стал водить ею по поверхности ассигнации. Покрыв ее полностью, Фишер осторожно поднял за угол и несколько раз помахал ею в воздухе, чтобы скорее просохла.

В пузырек с желудочными каплями он окунул другую кисточку и осторожно провел по ассигнации. На ее поверхности неожиданно появились черные цифры.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ГРУЗ «ТЮРИНГИИ»

1

Корабль резко положило на левый борт, командир с трудом удержался на ногах и судорожно вцепился в обмерзшие релинги.

«Уйти от английских и русских субмарин, чтобы утонуть в шторм у самых ворот Пиллау!» — горько усмехнулся про себя командир.

— Двадцать градусов право! — крикнул он в самое ухо помощнику, который склонился к нему, увидев, что командир хочет что-то сказать.

Услышав команду, помощник, перебирая руками поручни, двинулся к рулевой рубке.

Корабль подвернул вправо, ветер пришелся почти по корме, и размахи качки заметно уменьшились. Командир по-прежнему стоял на открытом крыле мостика и вглядывался в иззубренный волнами горизонт.

Из рубки выглянул помощник. Ветер отнес его слова, но командир понял, о чем тот кричал, и, стараясь не держаться за релинги, пошел ему навстречу.

В рубке он увидел в руках матроса дымящийся кофейник, которым тот размахивал в такт качке, и улыбнулся. Кофе был совсем кстати, и командир подумал, что вскипятить его сейчас не менее трудно, чем вести по взбесившемуся морю, набитому субмаринами, вот эту посудину с дьявольским грузом.

Легкий крейсер германского флота «Тюрингия», изрядно потрепанный штормами и авиацией союзников, ускользнувший от подводных лодок англичан в Северном море и от русских субмарин в Балтийском, на форсированном режиме работы главных двигателей мчался в Пиллау. Этот порт был последним в перечне убежищ, рекомендованных командиру секретной инструкцией.

Десять дней назад Отто фон Шлезингер, командир крейсера «Тюрингия», был вызван из Киля, где стоял его корабль, в резиденцию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в Берлине. Рейхсфюрер принял его лично, но о цели вызова не сказал ни слова, кроме общих фраз о том, что он, Отто фон Шлезингер, должен быть счастлив выполнить задание, от которого зависит судьба великой Германии. Инструкции командир получил в одном из отделов Управления имперской безопасности. Там же представили ему штурмбанфюрера Германа Краузе. Эс-эсовец должен был сопровождать его в походе. Он спит сейчас мертвецки пьяным сном в отведенной ему каюте.

Герман Краузе давно проклял свою судьбу и начальство, перебросивших его из теплой спокойной Бразилии, из яркого и бесшабашного Рио, в эти дьявольские края, где с неба пикируют самолеты, а под зеленой водой Балтики и Северного моря рыщут готовые вцепить в борт торпеду подводные лодки.

После гибели субмарины «Валькирия» в Берлине приняли решение отказаться от доставки никеля столь сложным и, как оказалось, небезопасным путем. Германа Краузе и доктора Зельхова отозвали из Рио-де-Жанейро в столицу рейха. Здесь доктор Зельхов довольно быстро получил назначение в нейтральную Швейцарию. «Везет этому пижону! Опять попал подальше от войны!» — злился Герман, узнав об этом. Он-то ведь получил приказ остаться в Берлине в качестве офицера особой службы, занимающейся различными деликатными операциями в самых горячих местах военных действий.

Доктор Зельхов уехал в Швейцарию, и Краузе слышал, что ему предстоит сложная миссия по установлению контактов с секретными организациями противников Германии. А ведь это солидная гарантия уцелеть в случае катастрофы, которая уже чувствовалась, особенно теми, кто был связан с тайными службами рейха. Правда, Германа Краузе повысили в звании за командировку в Италию, где он едва не попал в лапы партизан, а теперь вот сопроводит этот чертов груз на «Тюрингии».

Пока крейсер находится в море, ему совершенно нечего делать, а чтоб оставили голову мрачные мысли, он пьет и пьет без просыпу...

Из Килия крейсер вышел, держа путь на Датские проливы. В Скагерраке фон Шлезингер вскрыл пакет и узнал дальнейшее направление пути своего корабля. Таких пакетов пришлось вскрыть еще два, чтобы войти наконец в один из небольших норвежских портов.

Здесь «Тюрингию» уже ждали. Рота эсэсовцев окружила причал, пока с него на корабль доставлялся неведомый груз, в ценности которого командир не сомневался, памятуя об атмосфере секретности, в которой проводилась операция.

Погрузка окончилась довольно быстро, и «Тюрингия» взяла курс на Гамбург. Но уже в море штурмбанфюрер Краузе вручил командиру пакет, предписывающий идти в Киль Датскими проливами. Через час после изменения курса крейсер еле ушел от эскадрильи английских самолетов. «Тюрингию» спасла полоса тумана, куда она успела вовремя забраться. Герман Краузе в тот день напился — в первый раз за все время пребывания на корабле — и с тех пор пил не переставая. Вот тогда-то он и разболтал командиру, что хранится в стальном брюхе «Тюрингии».

— Впереди земля! — крикнул помощник.

— С нами бог! — сказал командир. — Это Пиллау...
Запросите разрешение на проход через боны.

2

Данные о начальнике Кенигсбергского порта, полученные от Фишера, заставили Вернера фон Шлидена принять решение. Транспорты с никелем беспрепятственно приходили в Кенигсбергский порт, драгоценная руда доставлялась из Пруссии в центральные и западные земли Германии, а он, надежный Янус, от которого ждали график движения пароходов, бездельничал и пил шнапс с подонками, не представляющими для его дела никакой ценности!

Но вскоре Вольфганг Фишер сообщил Янусу, что в молодости начальник Кенигсбергского порта баловался демократическими идеями и даже принимал участие в некоторых выступлениях против правительства. Было это в незапамятные времена, до прихода Гитлера к власти, но грехи начальника порта в гестапо известны. Тайная государственная полиция не трогает его. Начальник порта не однажды доказал свою лояльность и преданность делу фюрера, даже вступил в нацистскую партию, но до сих пор чувствует себя неуверенно. Страх перед неминуемым арестом постоянно висит над ним как дамоклов меч.

На этом страхе начальника порта и решил сыграть Вернер фон Шлиден.

...Начальник порта жил один, семью он отправил к родителям жены в Баварию, дома оставалась лишь старуха экономка.

Сегодня он поздно вернулся домой, поужинал, ото-слал спать старую Луизу и закурил сигарету, сидя у камина, где тлели угольные брикеты. День был ветреным и зябким. Начальник порта продрог и сейчас наслаждался теплом, исходящим от углей.

Внезапно он вздрогнул. В дверь забарабанила нетерпеливая рука. Хозяин дома выбежал в переднюю. На его вопрос из-за двери ответили:

— Гестапо!

Дрожащими руками начальник порта отодвинул щеколду. Дверь распахнулась, едва не ударив его, в комнату стремительно вошел офицер в шинели с меховым

воротником, в фуражке с низким козырьком, закрывающим половину лица.

— Вы?.. — Он назвал фамилию начальника порта.

Тот, клацая зубами, ответил утвердительно.

— Собирайтесь немедленно!

Начальник порта заметался по комнате, хватаясь за вещи. На нем были надеты только халат и брюки, но поздний гость подал ему мундир, лежащий на одном из кресел, снял с вешалки и сунул в руки пальто, нахлобучил на голову фуражку с «крабом» и, подталкивая в спину пистолетом, повел к выходу.

На крыльце начальник порта споткнулся и едва не упал. Гестаповец поддержал его за плечо и негромко проговорил:

— Осторожнее! Не сломайте себе шею. Она вам еще пригодится.

Начальник порта уловил в этих словах зловеющий смысл и окончательно пал духом. Перед калиткой его особняка стоял длинный легковой автомобиль. Они сели на заднее сиденье. Машина сорвалась с места и умчалась в слепую ночь затемненного Кенигсберга.

— ...Итак, вы отрицаете свою связь с английской разведкой? — спросил гестаповец.

— Да-да, конечно, это недоразумение, — бормотал начальник порта.

Они находились вдвоем в кабинете. После долгих блужданий по безымянным улицам вовсе павшего духом начальника порта привезли сюда, откуда он никогда бы не сумел выбраться самостоятельно. Он попросту не знал, где находится сейчас. Но в том, что попал в лапы гестапо, начальник порта ни разу, конечно, не усомнился.

— Мы имеем сведения, что вы намерены передать англичанам график движения транспортов из Турку, — сказал гестаповец. — Транспортов с никелевой рудой.

— Какой абсурд! Кто-то оболгал меня, господин...

Начальник порта забыл дома очки и теперь близоруко сощурился, силясь рассмотреть знаки различия на мундире гестаповца.

— Оберштурмбанфюрер, — подсказал офицер.

— Это ложь, господин оберштурмбанфюрер, и это легко доказать.

— Попробуйте.

— Дело в том, что я не могу передать график, так как такого графика не существует...

— Поясните,— с трудом сдерживая волнение, равнодушным голосом произнес Вернер фон Шлиден, мнимый гестаповец.

— О выходе каждого транспорта сообщается заранее, а идут они к нам безо всякой системы. Иногда мы узнаем о выходе постфактум, когда корабль уже следует в Кенигсберг. Я полагал, что это вам известно, господин обер...

— Молчать! В последний раз я спрашиваю: когда вы были завербованы английской разведкой? С кем держите связь? Фамилии, пароли, явки! Если солжете, я передам вас в руки специалистов по развязыванию языка. Когда вас завербовали англичане? Отвечайте!

Начальник порта приподнялся в кресле и вдруг рухнул обратно. Он был без сознания. «Только этого мне не хватало!» — подумал Вернер, подходя к начальнику Кенигсбергского порта.

Он похлопал его по щекам, и тот открыл глаза, испуганно глядя на фон Шлидена.

— Встаньте, — сказал фон Шлиден и протянул руку.

Начальник порта поднялся и смотрел на Вернера, помаргивая глазами от яркого света лампы, направленного ему в лицо.

— От имени рейхсфюрера СС я благодарю вас за стойкость и верность идеалам фюрера, — сказал Вернер. — Приношу вам извинения за этот небольшой спектакль. Дело в том, что вами действительно заинтересовалась английская разведка. Мы имеем сведения: в вашем аппарате находится их человек. Они пытались скомпрометировать и вас, но мы разобрались во всем и пришли к выводу, что имеем в вашем лице верного слугу рейха.

— Благодарю вас, — прошептал ошеломленный начальник порта. — Это так неожиданно...

— Война есть война, — сказал Вернер. — Но это не все. Мы решили с каждым транспортом посылать своего человека, который бы обеспечивал интересы службы безопасности. Для этого нам необходимо знать сроки выхода транспортов из Турку.

— Я могу официально извещать ваше ведомство...

— Нет-нет! Это опасно. Мы до сих пор не знаем, кто из ваших сотрудников является английским шпионом. Давайте условимся. Вы никому, понимаете, никому не сообщаете сроков выхода. Нам же эту информацию будете передавать следующим образом. Я буду звонить вам

по телефону. Пароль: «Говорит Вилли. Когда придет Грета?» Ведь это ваша жена, не так ли? Если в кабинете будут посторонние, отвечайте: «Позвоните позже». Если вы одни, передавайте кодом, который я вам дам, срок выхода очередного судна. О том, чтобы ваш телефон не прослушивался посторонними, мы уже позаботились.

Вернер подошел к сейфу, открыл его и положил перед начальником порта листок бумаги с машинописным текстом и внушительным штампом Управления имперской безопасности наверху.

— Это обязательство не разглашать ничего из того, что произошло с вами сегодня. Помните: молчание — золото. А зачастую молчание — это жизнь. Еще раз прошу извинить нашу службу за причиненное вам беспокойство. Позвольте предложить рюмку коньяку...

3

Лагерь военнопленных располагался между Главным Кенигсбергским вокзалом и морским портом. Основная часть содержащихся там людей использовалась в качестве грузчиков. Раньше почти весь лагерь комплектовался из русских военнопленных. Но в последнее время, по мере приближения Красной Армии к границам Восточной Пруссии, русских вывозили в западные районы Германии. А совсем недавно в этот лагерь перевели остатки двух лагерей, находившихся за чертой Кенигсберга.

Значительные изменения в людском составе осложнили деятельность подпольной организации лагеря. Организация существовала второй год и за это время сумела превратиться в значительную силу, сплотила всех сильных духом, поддержала ослабевших, по мере возможности устраивала диверсии и даже установила связи с немецкими антифашистами, чудом уцелевшими в Кенигсберге.

Во главе организации, носившей название «Свободная Родина», был штаб, состоявший из пяти человек. Начальником штаба был капитан Красной Армии Степан Волгин, сотрудник Особого отдела армии, «попавший» в плен под Харьковом. Конечно, немцы и не догадывались, что в руки к ним попал советский разведчик. Волгин проходил у них как пленный интендантский офицер. Он сумел войти в доверие к лагерной администрации и теперь заведовал вещевым довольствием военнопленных.

«Свободная Родина» строилась по принципу строгой конспирации, которая исключала провал всех в случае предательства или неосторожности кого-либо из ее членов. Самые большие хлопоты и неудобства приносили перемещения людей, которые время от времени проводила лагерная администрация. Вот и сейчас в лагерь прибыла новая группа военнопленных. К ним надо внимательно присмотреться, прощупать и попытаться заметить ими товарищей, отправленных в западные районы.

...В полутемной каморке, служившей Волгину чем-то вроде кабинета, собирались члены штаба и командиры четырех отрядов, на которые были разделены все боевики организации.

— Почему нет Гайлитиса? — спросил кто-то Волгина.

— Его пока не будет, товарищи. Он выполняет важное задание, о котором я не могу ничего сказать вам сейчас.

Гайлитис — один из пяти членов штаба — пользовался правом свободного выхода из зоны и часто бывал на работах за пределами лагеря. Доцент университета в прошлом, прекрасно говоривший на немецком языке, Гайлитис попал в разведку лишь в сорок первом году, когда ушел из Риги добровольцем Красной Армии. Кроме того, Гайлитис был замечательным механиком, и его часто посылали для различной работы в город по специальным запросам предприятий или частных лиц. Но была в деятельности Гайлитиса и еще одна сторона, о которой знал только Волгин.

— Давайте, друзья, доложите, как проходит проверка вновь прибывших людей, — сказал Волгин.

4

Старшая дочь генерала Вилкса, Индра, подошла к отцу и, заглянув в глаза, сказала:

— Я знаю, отец, что не имею права об этом спрашивать... Но ты мне скажи одно: как Сережа? Тебе известно о нем?

Арвид Янович взял ее за плечи.

— Допустим, — сказал он.

— И как он?

Вилкс вздохнул:

— Трудно ему, дочка, трудно... Сережа устал. Он ничего не сообщает об этом, но где-то между строк его сообщений я чувствую, как тяжело ему сейчас. Ты пони-

маешь, ему, словно Антею, надо бы прикоснуться к родной земле, набраться от нее сил... Но я не могу ему этого позволить, а впрочем, он и сам бы не смог себе разрешить такое... Вот еще немного осталось.

— Я понимаю, отец. Жалко, что ты не можешь ему написать, как все мы любим его и ждем домой...

Генерал улыбнулся.

— Ну уж это мы как-нибудь ему сообщим. Придется мне использовать свое служебное положение.

На следующий день он срочно вызвал подполковника Климова.

— Важное сообщение от Януса, Климов, — сказал Арвид Янович. — Он передает, что интересующий нас груз прибыл в Пиллау. Крейсер «Тюрингия» сумел прорвать все заслоны и вывез материалы из Норвегии. Предполагается, что немцы попробуют доставить весь груз в глубь Германии через Польшу. Ознакомьтесь вот с этими документами, и давайте вместе подумаем, как помешать фрицам осуществить их планы. Располагайтесь поудобнее и думайте. Я вас оставляю минут на двадцать. — Арвид Янович протянул Климову папку, которую просматривал перед его приходом, и вышел из кабинета.

Когда он вернулся, Климов стоял посреди комнаты с блокнотом в руках и чертил в нем карандашом замысловатые фигурки. Папка с документами была закрыта и лежала на столе генерала.

— Надумали, Алексей Николаевич? — веселым голосом спросил Вилкс. — Вижу, вижу, какие-то идеи вас посетили.

Климов улыбнулся:

— Какие уж там идеи, Арвид Янович! Есть тут, правда, некоторые соображения, не знаю, как вы посмотрите...

— Ты давай выкладывай, выкладывай, скромник! — переходя на «ты», заговорил Арвид Янович.

— Из сообщения Януса ясно, что разгрузка крейсера «Тюрингия» будет производиться в морском порту Кенигсберг. Исходя из этого можно использовать группу Портного, Волгина и Гайлитиса для организации диверсии. Отправить в небо крейсер вместе с грузом. Контроль за исполнением можно возложить на Януса.

— Его вы старайтесь загружать как можно меньше, — сказал Арвид Янович. — Не забывайте, что он работает не только на ваше отделение...

— Не забываем, Арвид Янович. Так вот об этом варианте. Нет слов, он эффектен, но есть здесь одно «но».

— Вы имеете в виду техническую документацию?

— Конечно. Мне кажется, что ее-то нет смысла отправлять в небо.

— Вы совершенно правы. Но и рисковать нельзя. Материалы ни в коем случае не должны уйти в Германию. А кроме того, на документацию могут покушаться и другие...

— Понимаю, Арвид Янович.

— Что вы надумали еще? Ведь первый вариант может провалиться по независящим от нас обстоятельствам.

— Мне думается, что груз немцы будут отправлять по сухопутью. Для авиации это сложно, да и ненадежен сейчас воздушный маршрут. В этом случае необходимо связаться с польскими товарищами, подкрепить их нашей группой, которую в нужный момент выбросим по воздуху. Кого-то из наших людей в Восточной Пруссии можно подключить для связи с польскими партизанами и выброшенной группой. В этом варианте уже не имеет смысла идти на уничтожение всего груза. Ведь за группой все равно будем посылать самолет. Значит...

— Понимаю вас, Климов. Давайте разрабатывать оба варианта. Не позднее чем завтра вы представите мне развернутый план обеих операций. Посоветуйтесь с коллегами из своего отделения, поломайте головы над вариантами, а завтра с утра жду вас здесь. Документы возьмите с собой. — Арвид Янович взял в руки папку со стола и протянул ее Климову: — Это еще не все. Как протекает операция по выяснению графика движения транспортов с никелем?

— Янус передает, что никакого графика нет.

— Поясните.

— Выход каждого судна из Турку в Кенигсберг намечается в произвольное время, безо всякой системы.

— Совсем не в духе немцев.

— Научились. Раз нет графика, Янусу придется передавать информацию по каждому судну.

— Это сложно, — сказал генерал.

— Конечно, — согласился Климов. — Поэтому он предупредил, что возможны случаи, когда суда с никелем проскочат в Кенигсберг. А пока Янус сообщил выход из Турку очередного судна.

— Моряков информировали?

— Разумеется. Моряки ждут.

Все разошлись по одному, соблюдая осторожность. Степан Волгин решил сходить в пятый блок и узнать, как идет работа по подготовке потайного хранилища для оружия. Они с большим трудом доставали его, готовясь в решающий момент в бою завоевать свободу.

Когда Волгин пересекал апельплац, он обернулся и увидел Гайлитиса, быстрыми шагами идущего от ворот лагеря.

«Ищет меня», — подумал Степан, незаметно сбавив шаг.

Гайлитис слегка изменил направление своего движения так, чтобы пройти рядом с товарищем. Когда они поравнялись, Гайлитис негромко, не глядя в сторону Степана, сказал:

— Вернись к себе. Важный разговор есть, — и скрылся за соседним баракком.

Степан прошел апельплац до конца, заглянул все-таки в пятый блок, но не стал заниматься тем, для чего шел туда. Минут через пятнадцать начальник штаба «Свободной Родины» был уже в своей каморке. Гайлитис ждал его там.

— Что случилось? — тревожно спросил Степан.

— Слушай, надо во что бы то ни стало сделать так, чтобы наши люди попали на разгрузку крейсера «Тюрингия», который сейчас следует морским каналом из Пиллау в порт. Надо так сделать... Это приказ... оттуда! — И Гайлитис многозначительно повел глазами в потолок.

Степан неопределенно хмыкнул:

— Попробовать можно. Ты же сам знаешь, что это не всегда зависит от нас. А что дальше?

— Пока это все. Дополнительно сообщат. Главное — чтобы наши люди попали на разгрузку крейсера «Тюрингия». Мне дали понять, что задание это величайшей важности...

ОПАСНАЯ ИГРА ХОРСТА

1

Кенигсберг готовился к рождеству. Невеселым было оно в этом году. Сорок четвертый год развеял иллюзии большинства немцев. Немного осталось тех, кто верил в возможность иного поворота войны, в новое оружие,

в раздоры между членами антигитлеровской коалиции, в непогрешимый гений своего фюрера. Все заманчивее становилась мысль о сепаратном мире с Англией и Соединенными Штатами Америки, и «верные слуги» Гитлера снова подумывали о бомбе для своего вождя.

Но было бы неправильным считать, что победа над фашистской Германией уже не потребует от нас каких-либо значительных усилий.

Изрядно потрепанный зверь еще не был ранен смертельно и продолжал огрызаться, требуя все новых и новых жертв.

На Западном фронте немецкие войска совершенно неожиданно, после того как целые гарнизоны гитлеровцев сдавались случайно завернувшему в город американскому мотоциклисту, перешли в наступление по всему фронту.

В то же время сорок четвертый год был годом целого ряда поражений вермахта на Восточном фронте. Несколько сильных ударов Красной Армии в различных направлениях обратили в беспорядочное бегство германские войска. Двести девятнадцать немецких дивизий и двадцать две бригады были разбиты и выведены из строя. Германская армия потеряла один миллион шестьсот тысяч человек, шесть тысяч семьсот танков, двадцать восемь тысяч орудий и минометов, двенадцать тысяч самолетов. Гитлеровский союз профашистских государств распался: Финляндия, Румыния и Болгария были выведены из войны, советские войска вступили на территорию третьего рейха.

Стремясь спасти положение на Востоке, Адольф Гитлер бросил против Красной Армии последние стратегические резервы. Он стал снимать отборные части с Западного фронта для переброски на советско-германский фронт.

Когда английские и американские войска вышли на линию Зигфрида и продолжали наступать с запада, они втрое превосходили западную группировку вермахта в живой силе и в оснащении боевыми и техническими средствами.

Казалось, ничто не может задержать наступления союзнических войск, вступивших на территорию Бельгии и приближающихся к границам Германии. Но напрасно ждал мир широких и решительных действий англо-американского командования. У Лондона и Вашингтона была

своя стратегия. Реакционные силы Соединенных Штатов Америки и Великобритании из кожи вон лезли, чтобы затянуть мировую войну, максимально ослабить первое в мире социалистическое государство, обескровить ненавистную им Россию.

Но как часто бывает в истории, те, кто хотел поживиться за счет хитроумных закулисных расчетов, переиграли. Сориентировавшись в обстановке, сложившейся на Западном фронте, Адольф Гитлер принял решение перейти к активным действиям в районе Арденн. Целью немецкого командования являлся разгром 21-й армейской группы англо-американских войск. Гитлер намеревался задержать движение союзников к границам Германии, это позволило бы продвинуть вперед идею о сепаратном перемирии и высвободить определенные резервы для затыкания брешей, пробитых Красной Армией.

16 декабря 1944 года мощный артиллерийский удар обрушился на бельгийские города Льеж, Намюр, Динан и Аахен, занятые уже союзниками. На 1-ю американскую армию набросилась хорошо отмобилизованная, имеющая значительный боевой опыт группа германских армий «Б». В направлении главного удара действовали десять дивизий и несколько мотобригад 6-й танковой армии СС и 7-я дивизия 5-й танковой армии.

И американцы дрогнули. Они оказались совершенно неподготовленными к неожиданному массированному удару эсэсовцев и вермахта. Управление войсками было потеряно. Солдаты и офицеры, штабы частей в панике бежали с поля боя.

В первые два дня германские войска ликвидировали сорок километров обороны американской армии, а на третий день эсэсовцы-танкисты ворвались в города Вьельсальм, Мальмеди и Спа...

Несколько ранее войска Красной Армии, освободив Белоруссию, вышли к границам Польши и Восточной Пруссии. На севере над нашей армией нависала восточнопрусская группировка гитлеровских войск в составе сорока дивизий. По территории Восточной Пруссии проходили магистрали, которые связывали окруженные в Прибалтике тридцать немецких дивизий армейской группы «Курляндия» с центральными районами Германии. Здесь располагались наиболее важные военно-морские базы, крупнейшие промышленные предприятия оборонного значения. Наконец, Восточная Пруссия надежно прикрывала

с северо-востока столицу третьей империи, с которой Кенигсберг связывало знаменитое Берлинское шоссе.

«Любой ценой удержать Восточную Пруссию!» — таков был категорический приказ Гитлера.

«Отрезать восточнопрусскую группировку немецких войск от основной территории Германии и ликвидировать ее!» — решила Ставка Верховного Главнокомандующего.

Эта задача возлагалась на войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии И. Д. Черняховского и на 2-й Белорусский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

Восточную Пруссию советские войска окружили полукольцом со стороны Литвы и Белоруссии. У восточных границ оплота германского милитаризма стояли войска Черняховского. Маршал Рокоссовский готовился нанести удар с юга, в направлении западнее Кенигсберга.

Войскам обоих фронтов предстояло разгрызть крепкий орешек. От песчаных дюн косы Куриш-Нерунг, у самого Балтийского моря, до правого берега Вислы протянулась сплошная линия укреплений. Триста с лишним километров противотанковых рвов, надолб, танковых ловушек, тысячи километров колючей проволоки, оцетинившиеся стволы орудий и минометов, укрепленные и превращенные в настоящие крепости деревни, хутора и юнкерские имения, с их метровыми стенами, по пятьсот — шестьсот мин на каждом квадратном километре и выстрелы в спину «волков-оборотней» — вот что ожидало русского солдата в Восточной Пруссии.

Остановившись у ее границ, советские войска стали накапливать силы для решительного броска вперед.

А Кенигсберг готовился к рождеству...

По приказу гаулейтера НСДАП, обер-президента и имперского комиссара обороны Восточной Пруссии, имперского комиссара Украины и начальника гражданского управления Белостокской области, кавалера золотого знака национал-социалистской партии Эриха Коха, а попросту палача народов, городской магистрат Кенигсберга принял решение о широком праздновании рождества Христова. По мысли восточнопрусских наместников Гитлера, это должно было поднять боевой дух войск и населения, показать всем, что земля Восточной Пруссии — незыблемый бастион и Красной Армии, стоящей у ее границ, никогда не одолеть эту неприступную крепость... Вместе с тем нацистские руководители надеялись не толь-

ко на бога. По всей Восточной Пруссии шла лихорадочная работа по подготовке новых укреплений и модернизации старых, передислоцировались войсковые подразделения с учетом возможных направлений русского удара, части пополнялись солдатами и офицерами — уроженцами Восточной Пруссии.

Рождественский бал для офицеров Кенигсбергского гарнизона намечалось провести в ресторане «Блютгерихт» — «Кровавый суд». Всех желающих, а ими были все офицеры гарнизона, ресторан вместить не мог, поэтому билеты распределялись по списку, попасть в который было нелегко.

Вернер фон Шлиден, снискавший славу отличного товарища и гостеприимного, не жалеющего денег офицера, попал в список приглашенных. Поскольку рождественский бал собирались почтить присутствием гаулейтер Эрих Кох, креслейтер¹ Кенигсберга Эрнст Вагнер, обербургомистр доктор Гельмут Вилл и другие высокопоставленные лица, список утверждался старшим офицером по особым поручениям при Гансе-Иоганне Бёме оберштурмбанфюрером Вильгельмом Хорстом. Пробежав список глазами и поставив маленькие птички возле трех или четырех фамилий, Хорст увидел фамилию фон Шлидена, и его рука с карандашом нависла над ней.

Вошел его помощник штурмфюрер СС Гельмут фон Дитрих.

— Послушайте, Гельмут, этот гауптман фон Шлиден, кажется, ваш приятель?

— Отличный офицер и настоящий ариец, оберштурмбанфюрер, — ответил фон Дитрих.

— Нет, я не об этом, — сказал Хорст. — Я его знаю тоже. Мне хотелось сообщить вам, Гельмут, что вы сможете с ним выпить на рождественском балу в «Блютгерихт». Надеюсь, вы не забудете при этом угостить и своего шефа? Не правда ли?

— Разумеется, оберштурмбанфюрер. Разрешите сообщить Вернеру эту новость?

— Конечно, конечно, мой Дитрих, сообщите...

¹ Глава городской партийной организации нацистов.

Монотонный шум моторов убаюкивал, и кое-кто из пассажиров начал клевать носом. Командир группы разведчиков-десантников, направленных Центром для проведения операции «Лотос», капитан Петражицкий переменял позу. Он вытянул затекшую от неудобного положения правую ногу и стал потирать ее руками. Потом взглянул на часы. По его приблизительным расчетам самолет миновал Прибалтийские республики и идет сейчас над Балтийским морем, между Ботническим заливом справа и побережьем Восточной Пруссии слева. Петражицкий посмотрел на противоположный борт самолета, за которым паходила Восточная Пруссия, и попытался представить ее аккуратно возделанные поля, с немецкой педантичностью проложенные дороги, остроконечные кирпичи местечек, желтые дюны и рукастые сосны на берегу. Все это он видел на многочисленных фотографиях, постоянное рассматривание которых входило в круг обязанностей сотрудников отделения, которое возглавлял подполковник Климов. Правда, до войны капитану пришлось проезжать по территории Восточной Пруссии, когда он возвращался из Берлина в Москву. Но из окна вагона многого не увидишь, особенно в том случае, если твой поезд идет по Пруссии ночью.

Капитан Петражицкий еще раз посмотрел на противоположный борт, за которым где-то далеко внизу была Восточная Пруссия, поднес к уху часы — вдруг показалось, что они остановились, — успокоившись, закрыл глаза, вспоминая интересные беседы, которые проводил с ними подполковник Климов...

Когда Гельмут фон Дитрих любезно сообщил своему другу Вернеру о том, что тот включен в список приглашенных и сама, стало быть, судьба предписала провести им рождественские праздники вместе, гауптман столь же любезно предложил заказать общий столик.

И вот они вдвоем за столиком, стоящим в удобной нише, откуда хорошо просматривались зал и эстрада.

После официальной части, во время которой местные вожди и отцы города Кенигсберга провозглашали тосты за победу германского оружия и здоровье фюрера, в ресторане началось откровенное пьянство. Цвет прусского

офицерства, собранный в «Блюттерихте», пытался алкоголем заглушить беспросветный страх перед неумолимо надвигающимся будущим.

Гельмут, по обыкновению, быстро набрался, попытался затеять драку с компанией летчиков, и его с трудом выручил Вернер, еле успокоивший «мальчиков Геринга», не на шутку обозлившихся на наглого эсэсовца. Потом он затащил Дитриха в ватерклозет и предпринял самые радикальные меры к протрезвлению штурмфюрера.

Они снова уселись за свой стол, и Гельмут по совету Вернера перешел исключительно на рислинг. Потом Дитриха позвали какие-то офицеры в эсэсовской форме, и, сказав фон Шлидену, что он отлучится только на одну минуту, штурмфюрер ушел в другой зал.

Вернер подумал, что Гельмут, опираясь на поддержку своих друзей-эсэсовцев, может снова затеять драку с летчиками, а это вовсе ни к чему — быть втянутым в неприятную историю.

К столу подошел оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст. Он поздоровался, поздравил Вернера с праздником и, подчеркнуто вежливо спросив разрешения, уселся рядом.

В это время на эстраде широкобедрая прима в который раз резко повернулась спиной к зрителям и потрясла обтянутым трико задом. Офицеры довольным ревом снова одобрили ее «искусство».

— Вам не нравится, гауптман? — спросил Вернера Хорст.

Вернер пожал плечами:

— Я не ханжа, оберштурмбанфюрер, но предпочитаю балет.

— Балет? — переспросил Хорст. — Мне казалось, что вам должно нравиться вот это... — И он кивнул головой в сторону эстрады.

— Почему, оберштурмбанфюрер? — спросил гауптман.

— Ведь вы воспитывались в Новом Свете, а насколько мне известно, старое классическое искусство там не в чести.

— Я вырос в Азии, потом жил в Рио-де-Жанейро и несколько лет учился в Штатах. Но в Бразилии и в Соединенных Штатах достаточно поклонников классического балета. И потом в нашей семье поддерживались старые добрые традиции. Мой покойный отец считал, что

немецкий дом должен быть немецким домом, даже если немец живет среди эскимосов.

Оберштурмбанфюрер усмехнулся:

— Скажите, а среди эскимосов вам не приходилось жить? Я понимаю, что германского представительства у них нет, но вы могли проводить свои каникулы, гауптман, на Аляске... В ту пору, когда учились в американском колледже.

«Что ему нужно? — подумал Вернер. — Не нравится мне этот разговор. Ведь это же форменный допрос...»

Вслух он сказал деланно-равнодушно, будто пытаюсь скрыть обиду, вызванную словами Хорста:

— Многие немцы учились в американских колледжах, оберштурмбанфюрер. Не думаю, чтоб это считалось отрицательным обстоятельством. Перенять техническую мысль потенциального противника, а потом использовать ее в борьбе с ним же!.. Именно этому учит нас фюрер. А каникулы я проводил на родине, в нашем имении. Фон Шлидены — коренные баварцы, оберштурмбанфюрер.

— Простите, гауптман, я не хотел вас обидеть. В последнее время нервы на пределе, вот и сострил неудачно. А ваш отец был настоящим немцем, — сказал Хорст. — Предлагаю за него тост.

— С большим удовольствием, оберштурмбанфюрер. Благодарю вас, оберштурмбанфюрер, — дрогнувшим голосом сказал растроганный Вернер.

— Вы, верно, очень любили своего отца? — спросил Хорст. И не дожидаясь ответа: — Кстати, перестаньте называть меня по званию. Мы с вами не на службе сейчас.

Он долил бокалы и снова поднял свой.

— Называйте меня просто Вилли, — вдруг сказал он по-английски. — Или Билл, если бы мы были с вами в другом месте. — Хорст усмехнулся: — Вы удивлены? А я ведь тоже бывал в Штатах. И вы правы: у янки есть чему поучиться. Итак, давайте выпьем, — продолжал он уже по-немецки. — Только не будем целоваться, мне не нравится этот наш немецкий обычай. Но после этого бокала вы можете говорить мне «ты».

Вернер твердой рукой поднял над столом бутылку, наклонил ее над бокалом Хорста и вдруг испугался возникшего желания: ему захотелось изо всей силы ударить бутылкой в приветливое, улыбающееся лицо Хорста.

«Нервы, парень, нервы... Возьми себя в руки! — приказал он себе. — И улыбнись...»

— Проклятый германский сентиментализм, — сказал Хорст, — из-за него ты порой совершаешь непоправимые ошибки.

«Что это? — подумал Вернер. — Игра в кошки-мышки? Или случайное совпадение? Вряд ли такой тип, как Хорст, стал бы вести эти разговоры попусту...»

По природе своей вспыльчивый и несколько неуравновешенный в детские и юношеские годы, Янус-Сиражутдин поставил себе целью изменить свой характер, стать сдержанным и невозмутимым при любых жизненных обстоятельствах. Он понимал, что кровь, текущая в его жилах, может подчас заставить забыть про инстинкт самосохранения, когда речь пойдет о необходимости ответить на действие, задевающее честь и достоинства сына Ахмеда. Об этом говорил Сиражутдину и Арвид Вилкс, когда согласился с намерением приемного сына стать разведчиком.

Разработанный им самим и настойчиво проводившийся комплекс мер по воспитанию новых психологических качеств в своем характере, система самовоспитания, от которой ни на йоту не отступал Сиражутдин, привели к тому, что он превратился в полную свою противоположность.

Вернер фон Шлиден был спокойным, немногословным немцем, исполнительным и аккуратным. Он никогда не повышал тона при общении с подчиненными, был ровен с друзьями, всегда выступал в роли миротворца, когда обстановка в кругу друзей накалялась, а это происходило в последнее время все чаще: у офицеров германской армии были все основания нервничать и терять самообладание.

Товарищи Вернера в его присутствии чувствовали себя спокойнее, словно заражались от гауптмана его хладнокровием и выдержкой. В нем было нечто неуловимое, что привлекало остальных, особая цельность натуры, вера в себя и в дело, которому он служит.

Когда они выпили на брудершафт, к столу, пошатываясь, подошел Гельмут. Увидев оберштурмбанфюрера, он вытянулся и попытался сохранить это состояние насколько было возможно.

— А, Гельмут! — сказал Вильгельм Хорст. — Как настроение, мой дорогой?

— Отличное, мой шеф, — несколько развязным тоном ответил Дитрих. — Я пришел сказать Вернеру, что мои друзья ждут его, но я не знал, что здесь и вы тоже.

— Хорошо, Гельмут, вы можете идти, а я пока посижу с гауптманом. Потом он придет к вам.

Штурмфюрер щелкнул каблуками, повернулся, качнувшись в сторону, и направился в другой зал, к своим друзьям.

Снова раздался тогот. Зал приветствовал появление героини сегодняшнего вечера, одетой в весьма вольный, если не сказать больше, костюм.

— Пир во время чумы, — сказал оберштурмбанфюрер.

Вернер фон Шлиден удивленно взглянул на него:

— Не понимаю, оберштурм... простите, Вилли...

— У русских есть национальный поэт — Пушкин. Он не особенно популярен на Западе, но русские его весьма почитают. Я читал его драму «Пир во время чумы». Почему-то она мне вспомнилась именно сейчас. — Вильгельм Хорст испытующе посмотрел на Шлидена. Тот, казалось, не слушал своего нового друга, сидел к нему вполоборота, равнодушно оглядывая зал. «Спокойно, Вернер, спокойно», — твердил про себя в это время фон Шлиден.

— Ты любишь русскую литературу? — тихо спросил Хорст по-русски.

Вернер фон Шлиден не повернул головы.

— Тебе нравится русская литература? — громко спросил Хорст уже по-немецки.

Вильгельм Хорст безукоризненно говорил по-русски. В слове «литература» он нажал на «а», и это получилось у него как у завязного москвича. Вернер почувствовал, будто сдавили сердце клещами, тысячи предположений, самых фантастических, пронеслись в голове. Может быть, Хорст наш человек, не знающий пароля для связи? Нет, такого не бывает... И все же... Ловушка?! Ведь Хорст гестаповец... А что он может знать о Шлидене? Провал в другом месте? А оттуда цепочка дотянулась до Вернера? Ну ладно, вопрос на английском — это понятно. Все знают, что Шлиден учился в Америке... А вот русская фраза...

Вильгельм Хорст не заметил замешательства гауптмана. Вернер ничем не выдал своего смутения. Разве что выглядел несколько удивленным, но это было вполне по-

нятым. Обратитесь к любому человеку на незнакомом языке — и увидите тот же результат.

«Что это было? — подумал Янус. — Проверка? Может быть, где-нибудь я оставил след?! Или весь этот разговор в праздничную ночь можно целиком отнести за счет дьявольской интуиции Вильгельма Хорста, матерого волка из службы безопасности?! Мне ничего, увы, неизвестно... Но теперь нужно быть настороже. Что ж, вызов принимается, Вилли. Необходимо в свою очередь прощупать старшего офицера для особых поручений при обергруппенфюрере Бёме, того самого Бёме, который ведает всеми тайными службами Восточной Пруссии. Хорошо, хорошо... Так и запишем. Рядовой штабист-гауптман, призванный в вермахт инженер, получив вызов, пусть неофициальный, начинает скрытую дуэль с Хорстом...»

А оберштурмбанфюрер неспроста затеял с гауптманом этот «милый» рождественский разговор. Он давно присматривался к этому человеку, который за короткий срок сумел расположить к себе многих офицеров гарнизона. Да и его помощник, штурмфюрер Гельмут фон Дитрих, без ума от бывшего крупновского инженера. Разумеется, им стоило заняться. Люди, вызывающие сильную неприязнь или большую симпатию окружающих, всегда интересовали Хорста. Опытный работник секретной службы, он считал, что неяркие люди не проявляют в других людях повышенных эмоций, а Вернер фон Шлиден внешне выглядел заурядным, и тем не менее пользовался репутацией замечательного человека. Нет-нет, право же, стоило присмотреться к нему поближе! Да и прощупать в профилактических целях не грех... Вот он и закинул Вернеру крючок с русской литературой вместо наживки.

Гауптман повернулся к Хорсту, пожал плечами:

— Я с нею мало знаком. Читал кое-что Достоевского. «Преступление и наказание», например. Когда меня призывали в армию, я пытался понять, чего стоят все эти разговоры о загадочной русской душе. Чтобы успешно воевать, надо знать противника! Не правда ли, Вилли?

— Ты совершенно прав, Вернер. К сожалению, этот факт мы почти не учитывали, а теперь... — Он махнул рукой. — Выпьем еще, Вернер! — Он наполнил бокал. — Хорошо вам, обычным офицерам, — сказал Хорст. — Делаете свою работу, и все у вас ясно и понятно. А у нас очень трудная служба, Вернер. Мы живем двойной жизнью.

Вильгельм Хорст помолчал.

— Ты слышал легенду о Янусе? — вдруг спросил он, Вернер внутренне вздрогнул:

— Это из древнеримской мифологии, кажется?

— Да, это бог времени у древних римлян. У него два лица. Одно обращено в прошлое — старое, другое смотрит в будущее — оно молодое. У разведчика тоже два лица, но, к сожалению, и ему не дано видеть свое будущее.

— Выше голову, Вилли! Я верю в гений фюрера и то сверхоружие, которое он обещает. Не надо так мрачно думать.

— Об этом оружии я знаю побольше, чем ты, Вернер. Весь вопрос в количестве времени, отпущенного нам судьбой...

— Будем надеяться. А что касается Януса, то, по моему, его двуликости мало для разведчика. Разведчик должен иметь и третье лицо.

— Какое же, Вернер? — с улыбкой спросил Хорст.

— Настоящее, — сказал Вернер фон Шлиден.

«Третье лицо Януса, — подумал он. — Это неплохая идея... Посмотрим, как будут развиваться мои отношения с Хорстом дальше. Пока я для него Вернер фон Шлиден, баварский немец. Пока ли? Этот его рассказ о Янусе весьма подозрителен. А если... Да, тут есть нечто. Версия третьего лица нуждается в проработке, но именно здесь я вижу зацепку, на которой надо строить игру с Вильгельмом Хорстом».

Хорст тем временем внимательно смотрел на гауптмана.

— Неплохо сказано, — произнес он, помедлив. — Расскажите мне что-нибудь, Вернер. Вы человек, многое повидавший на свете... Поживший в самых разных странах.

— Не больше, чем вы, Вилли, даже гораздо меньше, — ответил Шлиден.

«Погоди же, — подумал он, — сейчас я расскажу тебе...»

— Кстати, к разговору о вашей работе, — начал Вернер. — Ваша профессия, насколько я понимаю, вырабатывает способность подмечать вещи, которые для непосвященного не представляют никакого интереса...

— Разумеется, — перебил его Хорст.

— Так вот мне рассказывали в Берлине историю провала одного русского разведчика. Он сидел в ресторане в форме немецкого офицера, его окружали друзья, считав-

шие его стопроцентным немцем. Они пили шнапс. За этим же столом сидел ваш коллега, контрразведчик, хорошо знавший Россию и русские привычки. Ну совсем как у нас сейчас, только русского шпиона не хватает за нашим столом, Вилли... И вот после очередной рюмки русский разведчик в немецком мундире поднес к носу и понюхал хлебную корочку. Привычка, присущая только русским. И разведчик сделал это инстинктивно. Но сотрудник службы безопасности подметил жест... Вот вам и мелочь, Вилли. Забавная история, не правда ли? Между прочим, вы все время держите корочку хлеба в руке... Не хотите ли понюхать ее, дорогой Вилли?

Вильгельм Хорст глянул на свои пальцы, действительно катавшие кусочек хлеба, криво усмехнулся и отбросил хлеб в сторону.

— А ты шутник, Вернер, — сказал он. — Я рад, что познакомился с тобой поближе... Не хочешь ли выпить?

— С тобой всегда с удовольствием, — ответил гауптман.

«Заурядный офицер технических войск германской армии — таким я должен быть для всех окружающих, — думал Вернер, поднимая рюмку. — Видимо, от особо проницательных людей, обладающих профессиональной интуицией, а у Хорста хорошо развито чувство разведчика, мне куда труднее скрывать свое настоящее лицо... Это опасный враг!»

Тем временем Хорст выпил свою рюмку и, будто прочитав мысли гауптмана, задумчиво произнес:

— Значит, по-твоему, Вернер, у Януса три лица... Забавно. Если у разведчика три лица, то как узнать, какое из них настоящее... Первое, второе или третье?

Фон Шлиден усмехнулся. Он понимал, как не просто играть с Вильгельмом Хорстом, только не удержался от того, чтоб оставить последнее слово за собой:

— Ищите и обряцете, — сказал Янус.

4

Снова показался штурман и знаком дал десантникам понять, что пора прыгать. Ребята разом встали, хотя все они твердо знали, кто за кем прыгает из самолета. Капитан Петражицкий поднял вверх правую руку, призывая их к вниманию, и показал пальцем на широкоплечего

лейтенанта Сорокина, своего помощника, который должен был прыгать первым.

Ребята один за другим покинули самолет. Капитан Петражицкий завершил выброску десантно-разведывательной группы. Когда истекли строго отмеренные секунды, над его головой хлопнул серый, под цвет ночи, купол парашюта. Капитан поправил автомат на груди и увидел далеко внизу неведомую затаившуюся землю.

5

— Вам известно, Хорст, безопасность какого груза вы должны обеспечить?

— Нет, экселенс, ведь сопровождающий его человек оттуда! — Вильгельм Хорст показал пальцем в потолок кабинета своего шефа обергруппенфюрера СС Ганса-Иоганна Бёме. — У него особые полномочия рейхсфюрера, а такие посланцы не любят делиться секретами с провинциалами! — Хорст попробовал улыбнуться.

— По-моему, вы сожалеете о своей неосведомленности, Хорст, — сухо сказал обергруппенфюрер. — Хотя следовало бы радоваться этому.

Оберштурмбанфюрер согнал с лица последние следы улыбки и застыл в ожидании.

— Все готово к отправке транспорта?

— Так точно, экселенс. Время отправки и маршрут до Данцига знаю лишь я и этот... как его... Краузе. Согласно инструкции наши охранные функции заканчиваются в Данциге. Там транспорт получит новый маршрут и конвой наших коллег из службы безопасности генерал-губернаторства.

— Хорошо, — сказал Бёме. — Надеюсь, вы, как всегда, добросовестно выполнили это особое поручение? Идите, Хорст, и помолитесь господу богу или дьяволу, для вас это, по-моему, все равно, чтобы эти грузовики благополучно добрались до места. По крайней мере, до Данцига...

6

В один из дней рождественских праздников небольшой «опель-кадет» пересек центральную площадь Кенигсберга, на повышенной скорости прошел мосты через Прегель, лихо пролетел Штейндамм и, минуя район Розенау,

вкатился на Берлинскую автостраду. Здесь водителю уже ничто не мешало выжимать из машины максимальную скорость. Он сбавил ход только неподалеку от Альтенберга, увидев впереди дорожный пост и группу эсэсовцев возле него. Но машину никто не остановил, и она продолжала мчаться в сторону Данцига.

Еще утром водитель машины был военнопленным одного из лагерей в Кенигсберге, отпущенным без конвоя для работ во время рождества Христова у бакалейщика Вольфганга Фишера. И звали его Августом Гайлитисом. Но сейчас, если б машину остановили на дороге, он предъявил бы документ на имя Анджея Косински, следователя полиции города Данцига, возвращающегося домой после служебной поездки в управление криминальной полиции Кенигсберга. И этот аусвайс был надежным.

Август Гайлитис прибавил газу, подумав, что все теперь зависит от скорости, с которой идет машина. С диверсией в порту ничего не вышло. К разгрузке «Тюрингии» немцы не допустили ни одного из военнопленных. В порту работали солдаты одного из саперных подразделений под сильной охраной эсэсовцев. Груз с «Тюрингии» был сразу перенесен на огромные грузовики. Они, по имеющимся данным, в сопровождении бронетранспортеров сегодня ночью выйдут из Кенигсберга в центральные районы Германии. Про их маршрут знает весьма ограниченный круг лиц. Гайлитис представляет, как было трудно узнать про это и еще кому-то. Поэтому его «опель-кадет» и мчится сейчас с максимальной скоростью по Берлинскому шоссе, чтобы где-то на территории Польши об этом маршруте вскоре узнали нужные люди.

Но мнимому следователю данцигской полиции Анджею Косински неизвестно о том, что час назад оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст вручил своему помощнику штурмфюреру Гельмуту фон Дитриху заляпанный сургучными печатями пакет.

— Немедленно в машину, Гельмут. Заправьте ее как следует горючим и выезжайте в Данциг. По приезде сразу явитесь в местное отделение службы безопасности. Пакет передайте лично оберштурмфюреру СС Готфриду Рёпке. Он носит руку на черной перевязи. Узнаете сразу. Но тем не менее, прежде чем передавать пакет, потребуйте от Рёпке удостоверение личности и расписку в получении пакета. Расписку отдадите только мне. Слышите: лично мне! Никаких канцелярий! Никому ни сло-

ва! Впрочем, я надеюсь на вашу выучку, дорогой Гельмут...

— Будет исполнено, оберштурмбанфюрер, — сказал фон Дитрих. — Я готов выполнить ваше задание.

Действительно, сборы не заняли у Дитриха более получаса, и его серый «мерседес» вскоре проследовал тем же путем, что и выехавший раньше скромный «опель-кадет».

В Данциг обе машины въехали почти одновременно.

7

«Что он знает, этот эсэсовец? — думал Вернер фон Шлиден; — возвращаясь со службы домой. — Он вел со мной явно провокационные разговоры... Но этот дружеский тон! Не понимаю. Кто он такой на самом деле? Необходимо немедленно запросить Центр. Пусть тщательно проверят досье на Вильгельма Хорста».

— Вернер! — окликнули его.

Гауптман обернулся и увидел Ирму. После той ночи у Герлаха они встречались еще не раз. Теперь Ирма прочно значилась в подружках гауптмана. Это останавливало ретивых поклонников Ирмы — Вернера знали и уважали офицеры гарнизона. Впрочем, Ирма и Вернер действительно подружились и часто бывали вместе.

— Не хочешь ли заглянуть ко мне? — спросила Ирма.

— Если ненадолго — с удовольствием, — сказал Вернер. — Завтра рано утром выезжаю в Пиллау.

— Пойдем. Я приготовила тебе сюрприз.

Им оказался настоящий кофе.

— Где ты достала его, моя маленькая? — спросил гауптман.

— Это уже секрет. Сейчас сварю тебе кофе, дорогой.

Вскоре на столе дымились чашечки с кофе. Ирма достала из шкафа бутылку коньяку.

— Выпьем немного, Вернер, — сказала она. — Ты знаешь, мне так тошно в последнее время. Опротивело все, надоело. И страшно, Вернер. Страшно... Эти бомбежки... И русские. Я боюсь их, Вернер!

— Не надо, Ирма. Это у тебя распатались нервы. Русские не придут сюда, в Восточную Пруссию. Ведь это оплот Германии!

— С тобой так спокойно всегда. Ты уверенный, сильный...

— Успокойся. Ну чего тебе бояться русских, глупенькая?

— Ты прав, я ничего не сделала им плохого. Но все остальные! Думаешь, я не знаю? Мне рассказывали те, кто прибыл с Восточного фронта... А ты сам, Вернер? Ты не боишься?

— Я никогда не был на Восточном фронте, — сказал фон Шлиден. — И вообще я липовый, не настоящий офицер. Я инженер, на которого надели военный мундир.

— Зачем ты дружишь с Дитрихом, этим эсэсовским щенком? Он ублюдок, Вернер. Ах как я их всех ненавижу!

— Перестань, Ирма! Выпей глоток.

— Ненавижу! Они принесли на нашу землю несчастье. Они! И землю эту ненавижу!

Вернер обнял Ирму за плечи и притянул к себе. Она спрятала голову на груди гауптмана.

— Не надо так говорить, Ирма, — сказал он. — Не имеешь права так говорить. Нельзя ненавидеть родину. Она не виновата. Родина и люди, которые принесли ей зло, далеко не одно и то же. Успокойся, глупышка.

«Что ему надо? — подумал Вернер фон Шлиден. — Что ему надо, проклятому Хорсту?»

БОЙ В ГЕМБИЦКОМ ЛЕСУ

1

Начиная наступление на Западном фронте в районе Арденн, Адольф Гитлер вовсе не стремился к проведению стратегического маневра, имевшего целью отбросить англо-американские войска к побережью Атлантического океана.

Фюрер третьего рейха отлично сознавал опасность войны на два фронта и, памятуя, правда с большим опозданием, о завете Бисмарка в отношении опасности любых направленных против Германии коалиций, до самого последнего надеялся расколоть антифашистский блок, столкнуть между собой членов антигитлеровского союза.

Наступление под Арденнами должно было показать правительствам США и Великобритании, а также стоящим за ними кругам, что германская армия достаточно еще сильна, чтобы противостоять ударам союзников. Это был ход, который по замыслу Гитлера заставил бы англи-

чан и американцев форсировать переговоры о сепаратном мире, переговоры, которые давно были завязаны через сверхсекретные каналы разведок трех государств.

В создавшейся ситуации германское руководство особое значение придавало обороне Восточной Пруссии, где по планам гитлеровских военных теоретиков должны были увязнуть советские армии. Задержав наступление советских войск на этой территории, организовав одновременно массовые террористические выступления оставленных в тылу советских частей отрядов «вервольф», Гитлер надеялся выиграть время с двоякой целью. Во-первых, для того, чтобы расколоть коалицию воюющих против Германии государств и натравить их друг на друга. Во-вторых, чтобы завершить работы над новым оружием и, применив его, ошеломить и разгромить противника... Главный гитлеровский агитатор, гаулейтер Берлина и министр информации, доктор Геббельс в выступлениях по радио и в печати призывал немецкие войска сохранять стойкость, обещая им, что в самое ближайшее время будет применено сверхмощное секретное оружие и «доблестные войска» начнут генеральное наступление на Восточном фронте.

Итак, два последних козыря оставались на руках у незадачливого ефрейтора. Сепаратные переговоры и сверхоружие. Но в условиях беспредельной ненависти человечества к фашизму тем, кто мечтал повернуть оружие гитлеризма только против Советского Союза, приходилось считаться с настроением и своих собственных народов. А до создания атомной бомбы немецким физикам было еще далеко.

В фанатичной уверенности в свою исключительность, в патологической вере в рок, который в последнюю минуту повернет колесо истории, Адольф Гитлер надеялся на случай. Вроде того, который спас в 1762 году прусского короля Фридриха II от полной катастрофы. В разгар Семилетней войны, когда русские войска наголову разбили пруссаков и знамена их полков развевались в Берлине, неожиданно скончалась русская императрица Елизавета. На российский престол вступил Петр III, скорее немец, нежели русский, слабовольный и ничтожный человек, преклоняющийся перед Фридрихом II, считающий его своим учителем. Петру III были чужды интересы России, и он вернул прусскому королю, уже готовившемуся подписать отречение от престола, все завоеванные

русским оружием земли. Такого случая ждал и Адольф Гитлер. Но политика — не только искусство, а история — не рабыня случайного.

2

Вторая мировая война началась нападением Германии на буржуазную Польшу. Несмотря на невиданную самоотверженность населения, героизм солдат и офицеров, первое столкновение с агрессором окончилось для польского народа трагически. Его буржуазные правители удрали за границу, страна была оккупирована гитлеровскими войсками.

Но поляки не покорились. Народ поднялся на борьбу с захватчиками. Созданная в условиях глубокого подполья Польская рабочая партия организует отряды Гвардии Людовой, призванной вести вооруженную борьбу с оккупантами. Впоследствии она переименовывается в Армию Людову.

Правые организации также создают свои военно-политические соединения. Одним из крупнейших являлась Армия Крайова, созданная на базе «Союза вооруженной борьбы». Деятели АК исповедовали теорию «двух врагов», согласно которой врагами Польши являются и гитлеровская Германия, и Советский Союз. Эта организация полностью поддерживалась лондонским эмигрантским правительством, за которым стояли англичане.

Армия Крайова и ее вожди руководствовались лозунгом: «Ждать, взяв винтовку к ноге». Это означало: не выступать с оружием в руках против Германии, а выжидать подходящего момента.

В 1944 году, когда Красная Армия подошла к границам Польши, все чаще и чаще теория «двух врагов» деятелями АК расшифровывалась таким образом, что врагом номер один является Советский Союз, а не Германия. Кульминационным моментом сползания АК на враждебные по отношению к советскому народу позиции явилось включение в свой состав польской фашистской организации НСЗ — Народовы силы збройны (Национальные вооруженные силы).

Командовал Армией Крайовой генерал-лейтенант граф Тадеуш Комаровский, известный под кличкой Бур. Все приказы он получал от военного представителя эмигранционного правительства Миколайчика — генерала Сосн-

ковского. О личности и убеждениях этого человека можно судить хотя бы по его предложению фиктивно распустить Армию Крайову и создать засекреченный запасной штаб для диверсионно-подрывной работы в тылу Красной Армии, прогнавшей нацистов из Польши.

В Гвардию Людову, в ее отлично организованные отряды, всегда интересующейся Польшей Интеллидженс сервис не удавалось, несмотря на огромные усилия, внедрить свою агентуру. Но в Армии Крайовой, которой руководили те, кто мечтал вернуть страну к временам Пилсудского, хотя в ней и воевало много честных поляков, тайных агентов англичан было достаточно. Поэтому английская разведка, которая имела в Польше широко разветвленную агентурную сеть и снабжала отряды Армии Крайовой боеприпасами, могла рассчитывать на поддержку любых задуманных ею операций.

3

Зимний тяжелый туман заполнил и без того темные в декабрьских сумерках улицы Лондона.

Жители британской столицы в такие дни старались как можно реже выходить из дому. Погода вовсе не способствовала прогулкам, а плохая видимость, вернее, отсутствие почти всякой видимости делало улицы далеко не безопасными. Особенно в последнее время, когда после высадки союзников в Нормандии город наводнили эти бесцеремонные янки, на большой скорости гоняющие на автомашинах даже вот в такие безотрадные дни.

На улицах было холодно и сыро, но это совсем не чувствовалось в просторной комнате ничем не примечательного на вид здания в одном из кварталов лондонского Сити. Дом был удивительно похож на таких же своих близнецов-соседей, во множестве разбросанных в этом районе города. В них помещались страховые общества, конторы маклеров, адвокатов, респектабельные «Икс, игрек, сыновья и компания», основанные еще в эпоху первоначального накопления британского капитала.

Но дом, о котором идет речь, населен был совсем другими специалистами, хотя, в общем-то, связь их с теми, о которых шла речь выше, не была такой уж отдаленной.

Здесь располагался один из филиалов Интеллидженс сервис, и в просторной, жарко натопленной комнате на-

чальник отдела Джордж Маккинли принимал своего заокеанского коллегу.

Они сидели у погасающего камина, положив ноги на решетку и, глубоко утонув в креслах, непринужденно беседовали. Не нужно было особенно присматриваться к гостю английского разведчика, чтобы узнать в нем вездесущего Элвиса Холидея.

— Вам известно, что оба наших правительства условились объединить все усилия по сбору материалов, касающихся создания сверхоружия в Германии? — спросил Холидей.

— Я уже проинформирован об этом, равно как и о том, что мне поручено оказывать вам посильную помощь. Боюсь только, что вряд ли эта помощь будет достаточно эффективна: нам мало что известно о работах немцев в этой области.

— Скромность всегда украшала настоящих джентльменов, — усмехнулся гость. — Но я должен заметить, что в данном случае она чрезмерна. Впрочем, сейчас меня интересуют ваши польские связи, в частности с отрядами Армии Крайовой. Ведь они непосредственно в вашем ведении, не так ли?

— Вы неплохо осведомлены, мистер Холидей, — холодно произнес Джордж Маккинли. — Мне хотелось, чтобы вы конкретизировали то, что вам требуется.

— Извольте.

Эл Холидей приподнялся в кресле и ловко швырнул в тлеющие угли камина окурок сигареты.

— Вы передайте нам — например, мне лично — одного или двух ваших резидентов в Польше, которые связаны с отрядами Армии Крайовой. Они будут выполнять некоторые акции по плану, который я сообщу вам сейчас. Приказ пусть исходит от вашего имени. Для начала давайте посмотрим кого-нибудь в районе Данцига.

4

— Для выполнения этого важнейшего поручения рейхсфюрера мне необходимы шестнадцать армейских грузовиков и соответствующая охрана, герр комендант.

— Но...

— Никаких «но»! Или вы не ознакомлены с моими полномочиями? В таком случае я вам их напомним.

— Что вы! Что вы! Я сочту за честь оказать всевозможные услуги вашему ведомству, хотя с транспортом в городе очень и очень трудно, господин штурмбанфюрер.

— Если к указанному мной сроку грузовики будут готовы, я обещаю не забыть вашего рвения и исполнительности. Если нет!.. — Штурмбанфюрер Герман Краузе, не договорив фразы, резко повернулся и вышел из кабинета коменданта Данцига.

Хлопнула дверь. Комендант вздохнул и тяжело плюхнулся в кресло. Через боковой вход неслышно проскользнула в кабинет высокая фигура в черном мундире.

— А, это ты, Готфрид! — сказал комендант. — Видел этого типа?

— Птичка из Берлина, с такими лучше не связываться, — сказал оберштурмфюрер Готфрид Рёпке. — Но на кой черт ему шестнадцать грузовиков? Ведь транспорт, который он сопровождает, прибыл из Кенигсберга только на восьми...

— Послушай, у меня голова и без того забита всяким дерьмом, а ты мне подсовываешь загадки! Сейчас надо добыть ему грузовики, а что он с ними сделает — решительно паплевать!

— Ты совершенно прав, Фридрих, — сказал Рёпке. — Но мне пора. Ждем тебя вечером у меня. Будет веселенькая компания.

5

Уже совсем стемнело, когда на шоссе, соединяющем Данциг с Варшавой, показалась колонна из полутора десятков тяжелых армейских грузовиков. Колонну возглавляли два бронетранспортера с эсэсовцами, замыкал ее такой же бронетранспортер и легковая машина, в которой ехал штурмбанфюрер Краузе.

Ровно через час после выхода колонны из Данцига головной бронетранспортер прижался к обочине и сбавил ход. Потом затормозил и остановился. Машины встали одна за другой. Освещающая грузовики скудным лучиком замаскированных фар, камуфлированный «опель-адмирал» Германа Краузе вырвался вперед и вскоре подвернул к переднему бронетранспортеру. Из кабины бронемашины выпрыгнул эсэсовский офицер — начальник охраны — и перешел в машину Краузе, продолжавшую стоять у броне-

транспортера. Минут через пятнадцать начальник охраны вернулся к себе, и колонна двинулась по шоссе.

Ровно через полтора часа колонна вновь замедлила ход и остановилась. Где-то в середине ее один из грузовиков вывернул из строя и повел за собой остальные машины. Колонна разделилась поровну. Одна ее часть свернула налево, по дороге на Краков, вторая продолжала идти прежним маршрутом. Ее по-прежнему сопровождали два бронетранспортера с эсэсовцами и начальником охраны во главе. Замыкавший прежнюю колонну бронетранспортер и «опель-адмирал» штурмбанфюрера Краузе свернули по дороге налево.

6

Сильный ветер, с утра раскачивавший высокие верхушки деревьев Гембицкого леса, со второй половины дня стал стихать, а к вечеру совсем потерял силу. Лес успокоился, с неба медленно сыпал редкий снежок, застревая на лапах темно-зеленых елей.

С сумерками подморозило. Когда в наступившей темноте отряд Армии Людовой снялся с последней стоянки и двинулся к месту засады, под сапогами бойцов мягко поскрипывал снег. Командир советской десантной группы капитан Петражицкий потер рукой ухо и шепотом сказал ребятам, чтоб развязали и опустили ушанки, форсить, мол, ни к чему..

Приземлились они удачно, если не считать вывихнутого большого пальца руки у радиста. К счастью, рука оказалась левой, и срывом связи это не грозило. Правда, ребятам уже порядком надоела виртуозная ругань радиста, награждавшего несчастный палец изысканными эпитетами, но с этим можно было уже примириться.

На земле их ждали связные одного из партизанских отрядов Армии Людовой. Его командир был оповещен о визите группы заранее. Через два часа после приземления капитан Петражицкий объяснил суть предстоящей операции поручику Мазовецкому, известному больше по кличке Безрукий и стоившему, по оценке гитлеровской администрации в Польше, десять тысяч рейхсмарок.

Беседа проходила на польском языке, который капитан Петражицкий знал в совершенстве, и продолжалась почти до утра. Рано утром из места расположения отряда вышли двое: варшавский студент, участник нескольких диверсионных актов, Адам Мшивек, и один из тех

парней, которые еще вчера садились в самолет на подмосковном аэродроме. Ребята миновали посты сторожевого охранения, не останавливаясь прошли партизанскую деревню, служившую перевалочной базой отряда, и, стараясь не привлекать внимания посторонних, с черного хода вошли в просторный особняк местного ксендза, отца Алоиза, в соседнем селе, расположенном в двух километрах от железнодорожной станции. Чрез час на парадном крыльце показался ксендз, почтительно провожавший двух эсэсовских офицеров.

Гитлеровцы часто навещали гостеприимный дом ксендза, и на этих гостей никто не обратил внимания.

Вечером того же дня гостей святого отца можно было встретить на улицах Данцига.

7

«Молодец, Ирокез! — подумал Элвис Холидей. — Так тщательно сумел подготовить операцию!.. Ведь он распространил свое влияние до Польши, а может быть, и дальше... Люди Ирокеза связались с Армией Крайовой, и теперь исход операции предрешен. Не зря, совсем не зря убрал я в Швейцарии Штакельберга — Зероу, единственного, кто мог провалить Ирокеза в Кенигсберге. Кончится война, я потребую с него ящик виски за эту услугу...»

Он поднялся из кресла, подошел к окну и отдернул штору. Лондонская ночь безлико смотрела ему в глаза. Холидей передернул плечами, отошел от окна, остановился посередине комнаты и потянулся.

«Теперь все дело в руках этих парней из АК. Черт побери, как бы не завалили операцию! Не нравится мне этот Маккилли. Напыщенный сноб, а не разведчик. Но ничего не поделаешь. Без помощи англичан сейчас в Польше нечего делать... Пора нам и в тех местах готовить своих людей».

Элвис Холидей пристально посмотрел на огонь в камине, сощурился, протянул руку к бутылке с виски, стоящей на низком трапециевидном столике, и плеснул немного в стакан.

8

Едва ребята вернулись из Данцига, тридцать лучших бойцов из отряда Безрукого и семеро парней группы Петражицкого, во главе со своими командирами, поки-

нули лагерь и довольно сложным маршрутом, тщательно соблюдая все меры предосторожности, двинулись к намеченному пункту.

Было уже за полночь, когда постовые сообщили о приближении колонны грузовиков.

— По местам! — приказал поручик Мазовецкий.

После того как колонна грузовиков разделилась на шоссе, та ее половина, с которой двигалась легковая машина Германа Краузе и которую ждали сейчас бойцы Армии Людовой и прилетевшие из Москвы парни, перестроила порядок своего движения. Бронетранспортер стал вторым, перед ним шел грузовик с солдатами, потом три тяжелые машины, кузова которых были тщательно укрыты брезентом, затем машина штурмбанфюрера и еще четыре грузовика за нею следом.

Мазовецкий — Безрукий — сжал единственной рукой правое плечо капитана Петражицкого.

— Как твои ребята, капитан? — спросил он.

Петражицкий обернулся:

— Сейчас увидишь. Они не новички в таких делах. Со взрывчаткой работают, будто ювелиры. Хваткие у меня парни.

Когда колонна грузовиков, вышедших из Данцига вечером, разделилась, штурмбанфюрер Краузе разрешил себе немного вздремнуть. «Опель-адмирал» уютно покачивало, просторное заднее отделение машины позволило как следует вытянуть ноги. Сон долго не приходил, но затем Краузе как-то вдруг сразу провалился в другой мир: он заснул.

Ему снился бессвязный, весь в непоследовательных и нелогичных обрывках, сон. Явь и страшные фантазмы, перемешиваясь, заполнили подсознание штурмбанфюрера. Вначале снился ему солнечный пляж Копакабана в Рио-де-Жанейро. Потом он увидел себя в строю штурмовиков на улице Нюрнберга, асфальт которой вдруг уплыл из-под ног и оказался палубой военного корабля, проваливающегося в морскую бездну. Потом Герман поднимался в воздух в гондоле гигантского дирижабля, а вокруг спускались на парашютах ухмыляющиеся типы, в каждом из которых штурмбанфюрер с содроганием узнавал рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Он застонал во сне...

Все три заряда, заложенные искусными руками парней капитана Петражицкого, сработали одновременно. Передний грузовик подпрыгнул над шоссе, в воздухе развернулся почти на сто восемьдесят градусов и рухнул, накренившись набок. Все это произошло так мгновенно, что водитель бронетранспортера, идущего позади, не сумел отвернуть и врезался в грузовик, в кузове которого раздались крики солдат, беспорядочные выстрелы, а из-под капота вырвалось оранжевое пламя.

Другим взрывом разнесло вдребезги грузовик, замыкавший колонну, и вспыхнувшие его обломки закрыли ей путь для отступления.

Гости отца Алоиза недаром разгуливали по улицам Данцига. Минируя шоссе, десантники уже знали план построения колонны, и на машину штурмбанфюрера достался заряд меньшей силы. Но подрывники не знали, что между сиденьем шофера и задним отделением машины находится добрый заряд сильного взрывчатого вещества, заложенного неизвестными им друзьями.

Два взрыва последовали почти одновременно. Бежавший к колонне Петражицкий посмотрел на лейтенанта Сорокина, руководившего минированием.

— Не понимаю! — крикнул тот, на ходу вскидывая автомат и скупыми очередями открывая огонь по остановившимся грузовикам. — Все было по инструкции! Может быть, он возит тол в чемодане...

— Ладно, разберемся, — махнул рукой Петражицкий. — Потом...

Командир отряда Армии Людовой выбрал для нападения на колонну крутую котловину в южной части Гембицкого леса. Взрывы раздались, когда первый грузовик выбрался на один из склонов, а последний начал спускаться в котловину. Все машины оказались внизу и представляли собой отличные мишени.

Солдат охраны оказалось около полусотни, но неожиданность нападения решила успех боя. Большие неприятности мог причинить пулемет бронетранспортера, но в первые же минуты схватки Адам Мшивек, подобравшись поближе, удачно забросил в железное чрево машины немецкую гранату на длинной ручке.

Пленных не было. Отряд мстителей, загнанных эсэсовскими карателями в лесные бункеры непроходимых лесов, не мог позволить себе такой роскоши, а группе Петражицкого было известно, что «языков», заслуживающих

транспортировки в Москву вместе с грузом, ради которого они устроили весь этот фейерверк, среди пассажиров колонны не было.

— Быстрее ищите контейнеры с грузом! — приказал капитан Петражицкий. — Они должны быть в четвертом грузовике!

Выстрелы стихли. Машины горели, и только четвертый грузовик был совершенно не поврежден, если не считать отверстий на лобовом стекле автоматной очереди, прошившей шофера. Его труп свешивался сейчас через полуоткрытую дверь кабины:

— Скоро, скоро! — покрикивал на своих людей Безрукий.

Бойцы собирали оружие, обыскивали трупы эсэсовцев, откладывая в сторону документы.

Лейтенант Василий Сорокин и тот самый десантник, который ходил в Данциг, первыми подбежали к четвертому грузовику и, с маху откинув брезент, прыгнули в кузов. Одинокий выстрел среди наступившей уже лесной тишины прозвучал неожиданно громко. Потом под брезентом четвертого грузовика загрохотала вдруг автоматная очередь. Все бросились к машине. Из-под края брезента показался ствол автомата. Бойцы схватились за оружие, но увидели, как, отвернув свисавший полог, десантник сбросил автомат на мерзлую землю и освободившейся рукой подтащил к краю кузова тяжелое тело лейтенанта Сорокина.

Люди подхватили его впизу и бережно опустили на шоссе, залитое бензином и кровью.

— Гад, гад там прятался! — сказал десантник. — Недобитый гад...

— Что же ты, Вася, как же так, а? — спросил Петражицкий мертвого Сорокина и медленно стащил с головы ушанку.

9

— Самолеты королевской авиации дважды летали к нашим людям в Польшу, но оба раза безрезультатно. Если вы настаиваете, то они полетят в третий, хотя риск вряд ли оправдан...

Начальник отдела Джордж Маккинли развел руки в стороны, всем своим видом показывая, что если бы не строгая инструкция шефа Интеллидженс сервис оказы-

вать максимальную помощь этому заносчивому янки, то он, Джордж Маккинли, вряд ли удостоил бы его своим вниманием.

«Паршивый сноб! — подумал Элвис Холидей. — Левый крюк в корпус и апперкот правой по челюсти — вот как надо с тобой разговаривать, напыщенная обезьяна!» Вслух он сказал:

— Вы ведь знаете, мистер Маккинли, как важна для наших стран та операция, которую мы с вами вместе проводим. Если самолеты летали зря, то это значит, что наши агенты не успели провести операцию по независящим от них обстоятельствам, и сегодняшней ночью...

— Вчерашней, мистер Холидей, вчерашней...

Элвис остоленело посмотрел на Маккинли, позволившего себе весьма тонко улыбнуться, когда он подавал американскому разведчику листок с расшифрованной радиограммой.

— Вы так торопились обвинить меня в бездействии, что не дали мне даже сообщить вам эту новость. Планируемая акция проведена одним из отрядов Армии Крайовой вчерашней ночью. В руках у вас донесение нашего резидента. Читайте, мистер Холидей, читайте.

И Элвис Холидей прочитал:

«Отрядом АК, командир Януш Урода, уничтожена колонна грузовиков на шоссе из Данцига в Познань. Ничего похожего на груз согласно письму, привезенному агентом Красулей, не оказалось. В грузовиках находились металлические бочки с неизвестной рудой. Прошу разъяснений. Лесник».

10

Из рапорта капитана Петражицкого, написанного им по прибытии десантно-разведывательной группы в Центр:

«...Таким образом, наши потери составили: героически погибший на боевом посту заместитель командира группы лейтенант Василий Пименович Сорокин (представление о посмертном награждении прилагается) и умерший от ран по дороге в лагерь боец отряда Армии Людовой...

Помимо груза и материалов, указанных в инструкции, в грузовиках находились бочки с рудой. Образцы руды прилагаются.

Контейнеры с грузом и материалами были доставлены в лагерь на волокушах.

Самолеты в количестве двух машин прибыли в лагерь через час после нашего возвращения.

Согласно агентурным данным, полученным нами от начальника разведки соединения Армии Людовой майора Пашинского перед вылетом с лесного аэродрома, в ту же ночь неизвестным отрядом уничтожена вторая часть колонны, игравшая роль громоотвода.

Отмечаю особую доблесть и бескорыстную самоотверженную помощь бойцов Армии Людовой и их боевого командира поручика Анджея Мазовецкого. Ходатайствую перед командованием Центра о награждении польских товарищей...»

11

— Но, рейхсфюрер, послушайте, ведь даже он сам по особенно верил эффективности именно этого оружия...

Это была первая фраза, которую группенфюрер СС Мюллер, шеф IV управления РСХА, сумел вставить в поток угроз и проклятий Генриха Гиммлера, произносимых рейхсфюрером тихим зловещим голосом.

Могущественный и невозмутимый шеф тайной государственной полиции, заметно укрепивший свое влияние в рейхе после бесславного конца начальника военной разведки — абвера адмирала Вильгельма Канариса, стоял посреди просторной комнаты, скорее холла, служившего Гиммлеру кабинетом, вытянув руки по швам, слегка выпятив грудь и чуть склонив голову вперед и вправо.

— Вы не сумели обеспечить безопасность транспортов с никелем, идущих из Турку в Кенигсберг, вы проворонили события в Иране, вы, возглавляющий сборище подопков и отъявленного жулья, умеющего делать только грубую, «мясную», работу, позволили, наконец, из-под самого носа увести последнюю возможность создать сверхоружие, вы...

Мюллер мог, конечно, возразить Гиммлеру, что все перечисленные упреки следует отнести ко всей службе безопасности в целом и что управление, возглавляемое им, не может нести ответственность за... Но Мюллера недаром боялись даже и те, кто не был подведомствен ему, стоял рангом выше, — Мюллер, прошедший суровую полицейскую школу, был хитер. Хитер и мудр. Он отлично знал суть гестаповского варианта поговорки: «Слово — серебро, а молчание — золото».

Гиммлер выдохся, замолчал. Потом, набрав в легкие воздуха, хотел еще что-то сказать, вернее, выкрикнуть в лицо Мюллеру, подобострастно глядевшему шефу в глаза, но махнул рукой.

— Да, вы правы, Мюллер, — заговорил он через минуту, — фюрер не придавал значения именно этому оружию. Но только потому, что физики не гарантировали близких сроков ввода его в действие.

Мюллер вздохнул и развел руками.

— Вы знаете, конечно, — продолжал Гиммлер нормальным голосом, — директиву фюрера, которой устанавливался максимальный срок для любой работы над любым оружием... Все остальное, что не сулило возможность уложиться в полгода, исключалось из планов научно-исследовательской работы. Это была ошибка, дорогой Мюллер, и теперь уже слишком поздно ее исправлять. Но вы ведь знаете нашего фюрера, и мне не хотелось бы обременять его гений последним неприятным событием. Видите ли, это может стоить кое-кому головы... Вы поняли меня, Мюллер?

— Так точно, понял, рейхсфюрер, и совершенно с вами согласен: гений нашего дорогого фюрера должен быть направлен только на победу германского оружия, а неприятные события — паш с вами удел.

— Вы далеко пойдете, Мюллер. Будь вы помоложе, я бы постарался, чтоб путь ваш был не длиннее моего. Да, не длиннее моего.

Потом до него дошел двойной смысл сказанной фразы, и, откинувшись на спинку кресла, рейхсфюрер довольно хихикнул.

12

Радиограмма была внесена во всевозможные реестры, обросла грифами и подписями и наконец легла на столик одного из многочисленных людей с наушниками на голове, сидящих в большом зале радиоцентра.

Еще несколько минут — и текст, составленный час назад, переведенный на непонятный для непосвященного язык, сорвался с оголенных проводов радиоантенны и понесся над земной планетой, во все концы ее, со скоростью света. Почти одновременно домчались точки и тире до заснеженных Гималаев и мертвой Антарктиды, до острова Пасхи и горной деревушки в Швейцарии.

Пришел текст и туда, где его ждали. И здесь он был пойман куском проволоки, подвешенным в самой обычной комнате самого обычного дома на одной из погруженных в темноту военной ночи улиц Кенигсберга.

В этой комнате приняли радиogramму и тут же ее расшифровали. Ключки бумаги сгорели на пламени свечки, и теперь текст хранился лишь в архиве и в памяти принявшего радиogramму человека:

«Слесарю. Благодарим помощь, оказанную операции «Лотос». Награждены орденом Красной Звезды. Поздравьте Януса орденом Ленина. Готовьте новые сведения «вервольфе». Желаем успеха».

ЯДОВИТЫЕ СЕМЕНА «КАКТУСА»

1

Январские штормы обрушились на Южную Балтику. Холодный норд-вест, идущий от берегов Норвегии, развел крутую волну. Она остервенело бросалась на желтые пляжи Земландского полуострова, бросалась и отступала, свирепо рычала в бессильной ярости, теряя могучую силу в зыбучих дюнах Фриш и Куриш-Нерунг.

Тяжелые серые облака, возникнув над Янтарным морем, широким фронтом наступали на южный балтийский берег. Они проносились над землями Польши, Литвы и Восточной Пруссии, все дальше и дальше уходили на юг, чтобы за многие километры от места рождения белым одеялом закрыть чернеющие пятна военных пожарищ.

Иногда ветер стихал, и море медленно убирало свои зеленые щупальца, оставляя на песчаном берегу обломки спасательных плотов и шлюпок, трупы людей с торпедированных судов.

Но кончалось недолгое затишье, снова усиливался норд-вест, и рассерженная Балтика уносила с берега свои страшные подарки.

А облака продолжали без устали путь на юг, чтобы где-нибудь, уже за Кенигсбергом, превратиться в пронзительную метель, выжимающую слезы из глаз.

...Старый Кранц сидел у окна на кухне, посасывал трубочку, поглядывая на суесящихся у плиты невесток, и ждал, когда стемнеет, чтобы отправиться в лес к тайнику и поймать наконец того, кто вот уже третью неделю берет оттуда продукты.

Мысль о создании такого тайника пришла Кранцу еще летом, когда старый егерь окончательно убедился в том, что война проиграна. Теперь он уже не верил этому крикуну ефрейтору, обещавшему когда-то каждому немцу добрый кусок хлеба с маслом. Не то чтобы старик был антифашистом — политики он всегда сторонился, — но Кранц считал надежным лишь тот кусок хлеба, который сотворен своими руками. А если б его сыновья остались с ним вместе и работали бок о бок, то кусок Кранцева хлеба увенчивал бы приличный слой масла. Такая была у Кранца философия, и ничего ему не надо чужого, лишь бы не отобрали свое. А у него отняли сына, который никогда не вернется, второй сидит в Кенигсберге или в Пиллау — Кранц точно не знает. Сосед Шмидт говорил, что видел Рудольфа в кузове грузовика в тамошних краях. И писем Рудольф почему-то давно не писал. Последнее было из Венгрии, а вот, оказывается, он здесь. Может быть, обознался старый Шмидт — Фриц ведь ровесник Кранца, он всегда был подслеповатым, даже в детстве. Но может быть, это и правда, говорил ведь целенлейтер Ганс Хютте, что, если русские придут в Восточную Пруссию, защищать ее земли будут те, кто здесь родился. Но почему нет писем от Рудольфа?

Тайник Кранц устроил надежный, запас продуктов не помешает, семья у него большая, а реквизиции уже начались... Попробуй откажи тому же Хютте, ведь он заявит, что для доблестной армии фюрера старается... Но скоро придут русские, а в том, что они придут, Кранц давно уже не сомневается. Русским солдатам тоже надо кушать. Подавай, скажут русские, старый Кранц, все, что у тебя есть съестного. Чем он накормит тогда внучат и невесток? Да и старуха, хоть и не встает, но есть тоже просит.

Кранц раздраженно засопел: «Кто бы мог это быть? На зверя не похоже, берет аккуратно. Человек?» Но Кранц знает людей. Человек забрал бы все, по крайней мере столько, сколько можно унести на себе. А здесь трижды замечал Кранц недостачу, но взято было всего по-немногу. Сегодня, когда стемнеет, он попробует раскрыть эту тайну. Ночь будет метельная, самая подходящая для того, чтоб шарить по чужим тайникам. Да и Кранцу, впрочем, следует остерегаться. В его расчеты совсем не входит посвящать в эту тайну не только соседей, но и своих домочадцев.

У плиты вполголоса переругивались женщины. Старик поднялся, глухо буркнул, чтоб перестали ссориться, снял со стены ружье и направился к выходу. Отворив дверь, он вышел на крыльцо и зажмурился. Метель швырнула в лицо старику добрую пригоршню снега и торжественно завывала за углом дома.

Снег был глубоким, и Кранц с запоздалым сожалением подумал, что зря не взял лыжи. Держа ружье под мышкой, тяжело ступал он по глубокому снегу. Вскоре, облепленный им с ног до головы, старик стал похож на Деда-Мороза.

В лесу идти было легче, и Кранц зашагал быстрее.

Километра через полтора он свернул направо и стал спускаться в глубокий, заросший кустарником овраг. На самом дне его, под корнями двухсотлетней липы, окруженной густым молодняком, находился тайник с продуктами. Осторожно раздвигая ветки, Кранц почти ползком добрался до тайника и сразу увидел, что опоздал. Неизвестный уже побывал здесь.

Старик крепко выругался и вдруг заметил след, уже наполовину заметенный снегом.

— Теперь ты не уйдешь, молодчик! — вслух сказал Кранц.

Он вновь замаскировал вход в тайник, потрогал курки своего старенького ружья, выпрямившись, посмотрел кругом, потом склонился, внимательно приглядываясь. Но разобрать нечто определенное было трудно, след значительно деформировался и был почти занесен снегом.

Кранц покачал головой, потом решительно встал и двинулся вперед. Сначала старик шел по дну оврага, потом повернул влево. Следы вывели старика в густой ельник, где Кранц потерял было направление и только необъяснимым чутьем обнаружил следы метров через двести от того места, где они пропали.

В глубине ельника находилась большая поляна, на краю ее стоял полусарай-полусторожка, сейчас используемая под хранилище старого сена.

Старик увидел цепочку полузапесенных ямок в снегу. Она тянулась вдоль кромки леса, а потом резко сворачивала к потемневшему от времени деревянному строению. Он осторожно подобрался к сараю, лучом электрического фонаря нашарил щеколду, взвел курки и потянул на себя дверь. Скрипнув, она отворилась. В свете фонаря Кранц увидел сено, и только сено. Он постоял в нерешительно-

сти, водя фонарем по сторонам. Кранц перехватил ружье, крепко сжал его одной рукой за цевье, протянул вперед, стволом раздвинул сено перед собой и отступил назад.

Защищая правой рукой глаза от электрического света, перед ним лежал человек без шапки, в рваной шинели и огромных башмаках на деревянной подошве...

Человек приподнялся на локте правой руки и тяжелым взглядом в упор смотрел на старого Кранца. Левая рука безжизненно висела вдоль тела. Рядом лежали кусок ветчины и два сухаря из тайника.

Они молча смотрели друг на друга. Старик отвел фонарь немного в сторону. Человек не шелохнулся и не отводил взгляда от светлевшего в темноте лица старика.

Пауза явно затягивалась, и Кранц наконец сказал: — Кушай, кушай, пожалуйста.

Потом прислонил ружье к косяку двери и присел на корточки рядом с человеком.

— Не бойся, я не наци, — сказал Кранц, и ему вдруг показалось, что перед ним лежит его старший сын, пропавший под Сталинградом.

Кранц встряхнул головой.

— Русский? — спросил он.

Человек кивнул головой.

— Давно здесь лежать?

Кранц говорил на ломаном русском языке.

— Три недели, — сказал человек по-немецки.

— Рука? — Кранц осторожно дотронулся до левой руки человека.

— Уже лучше. Донесешь на меня?

Старик отрицательно качнул головой.

Он решил это сразу, едва человек назвал себя русским.

Кранцу трудно было объяснить, почему он так поступил. Все-таки лежащий перед ним человек считался его врагом. Может быть, именно он убил его сына на далекой Волге! А может быть, сын Кранца находится в плену и жует сейчас кусок хлеба, поданный ему русским крестьянином?! И все-таки очень опасно скрывать русского военнопленного. Но его ведь, этого парня, обязательно расстреляют, если Кранц сообщит о нем наглецу целенлейтеру. Старик до сих пор помнит выстрелы в баронском лесу. А что, если он из тех!.. А сейчас русские у ворот Пруссии. Наверно, правильно сделает Кранц, выручив их со-

отечественника и передав его им целым и невредимым... А если его самого выдадут гестапо...

Конечно, это весьма произвольный анализ размышлений старого Кранца — трудно развернуть весь клубок мыслей, мелькнувших у него в голове. Но старик уже утвердился в своем решении выручить этого русского и, пододвинув сухарь с ветчиной к его руке, спросил.

— Как твое имя?

— Август, — ответил русский. — Август...

2

Когда раздались первые выстрелы, Август Гайлитис, стоявший во втором ряду военнопленных, почувствовал тупой удар в голову. Он покачнулся и рухнул в яму, вырытую только что собственными руками.

В этот момент вторая пуля эсэсовского автомата пронизала мякоть руки, но оглушенный капитан Гайлитис боли уже не чувствовал.

Еще после первых бункеров, устроенных в самых укромных уголках Восточной Пруссии командой из русских военнопленных, Гайлитис предвидел подобный исход операций: гитлеровцы не оставляют свидетелей.

Двойственность положения мучила Августа Гайлитиса. В команду, отобранную в концлагерях Кенигсберга, он попал совершенно случайно: налетел на прибывшего за людьми штурмфюрера и чем-то привлек его внимание. Начальник не хотел расставаться с искусным мастером, прекрасным механиком. Но спорить с помощником самого оберштурмбанфюрера Хорста, требовавшим именно этого русского, начальник не решился.

Август Гайлитис находился в лагере со специальным заданием — организовать подполье, направлять соответственно его работу, обеспечивать связь с советскими разведчиками, действующими на территории Восточной Пруссии и прилегающих районов Латвии, Белоруссии и Польши. Основная его деятельность должна была развернуться в тот период, когда войска Красной Армии перейдут границу и начнут операции по ликвидации восточнопрусской группировки вермахта.

И вот чудовищная случайность... Первой была мысль о побеге. Но ее быстро пришлось оставить: охрана не спускала глаз с военнопленных. Впрочем, очень скоро Гайлитис отказался от первоначального плана и по дру-

гой причине. Стало ясно, для какой цели готовят гитлеровцы лесные бункера. И Гайлитис решил выждать, чтобы иметь возможность получить, как говорится, из первых рук важнейшую информацию о расположении тайников. А уж потом бежать.

К этому он стал готовиться сразу, постепенно склоня к побегу товарищей по команде. К сожалению, кроме него, здесь не было никого из членов лагерной подпольной организации, он рисковал налететь на провокатора, да и времени было в обрез...

Капитан Гайлитис просчитался именно во времени. Его группу решили ликвидировать раньше, чем он предполагал. А к побегу все было готово.

...Ватное одеяло укрывало с головой. Растаявший снег насквозь пропитал его, и одеяло тяжело придавило все тело. Он подумал, что надо вставать на службу, совсем не удивляясь тому, что спит под снегом, хотел отбросить промокшее одеяло рукой, и боль заставила его очнуться.

Еще не придя в сознание, он снова пытался сбросить несуществующее одеяло, но только не сумел этого сделать. И он понял: погребен заживо... Осознание этой страшной мысли вернуло ему силы и помогло в сильном рывке сбросить с себя труп какого-то бедолаги и тонкий слой земли пополам со снегом, который наспех набросали на тела расстрелянных эсэсовские солдаты штурмфюрера Гельмута фон Дитриха. И Август вновь потерял сознание...

Холодный дождь со снегом через полчаса вновь привел его в чувство. Пролежи Гайлитис в братской могиле еще полчаса, и тогда уже ничто не спасло бы Августа. Целенлейтер Ганс Хютте по приказанию фон Дитриха прислал в лес фольксштурмовцев — они должны были заровнять могилу и укрыть всяческие следы. И Гайлитис, едва успев выбраться из ямы, услышал в кустах голоса тех, кто сбрасывал на его товарищей размокшие комья земли.

Первые сутки Август Гайлитис пробыл в этом лесу. Ночью сделал вылазку в близлежащее баронское имение, но съестного добыть не смог и только разжился чистой простыней, которая пошла на перевязку. Не ел капитан Гайлитис двое суток, а потом случайно наткнулся на тайник старого Кранца.

...Никому не сказал Кранц о человеке, найденном им в старом сарае. В ту же ночь он помог ему перебраться в новое, более укромное и благоустроенное место, осмотрел рану на руке и сменил повязку. Царапина, которую оставила оглушившая капитана пуля на излете, уже подсохла.

Старик навещал своего подопечного через день-два. Он приносил ему пищу, постепенно заменил Гайлитису всю одежду, перевязал руку... Первые дни они почти не разговаривали. Потом старик принялся задавать капитану вопросы. Август Гайлитис очень осторожно рассказал обо всем, пытаясь в свою очередь нащупать позицию старика и понять его поведение. Но вытянуть что-нибудь из Кранца было довольно трудно. Задавая вопросы, сам он больше отмалчивался.

Рука подживала, но Гайлитис хандрил. Его мучила бездеятельность, неизвестность и двусмысленность своего положения. Здоровенный парень, коммунист, организатор подпольного движения Сопротивления в фашистских концлагерях, разведчик, черт возьми, отсиживается в тайнике, словно какой-нибудь дезертир. Но куда пойдешь, если до Кенигсберга сотня километров, на дорогах эсэсовские посты, в деревнях жандармы и нацистские ищейки, а у него никакого аусвайса.

Есть, правда, солидная явка в самом Кенигсберге, у Фишера, на самый крайний случай оставлена. Но до нее надо добраться так, чтоб тебя не сцапали по дороге. А что, если...

Гайлитис несколько дней обдумывал мелькнувшую у него мысль, взвешивал все «за» и «против», наконец дождался очередного визита старого Кранца и решился.

3

— Проезжаем мимо владений Генриха Махта, того философа, с которым мы встречались в «Блютгерихт»... Вы помните его, Вернер? — сказал Фридрих фон Герлах, когда они пересекли окружную дорогу и машина вырвалась на гладкий асфальт шоссе, ведущего в Прейсиш-Эйлау. — Вот там, справа, форт «Кёнитц». Генрих на «Кёнитце» комендантом... Простите меня, Вернер, — продолжал он, — но старый год позади, а у нового нет ничего, что могло бы обещать нам забвение.

— Вы хотите забыться, Фридрих?

— Это не те слова, Вернер. Нельзя забыться, если нечего забывать и вспоминать тоже.

— Откуда такой пессимизм, дорогой Фридрих? Мы еще не знаем всех возможностей, которыми располагает наш фюрер, и...

— Бросьте, Вернер... — Фон Герлах устало откинулся на сиденье и резко увеличил скорость машины. — Я ведь не Генрих Махт, Вернер, и не майор Баденхуб, — сказал он после минутной паузы. — Не надо со мной так... — Он улыбнулся и, не отрывая глаз от дороги, тихо проговорил: — Да и вы, Вернер, не такой уж ортодокс, каким пытаетесь казаться.

Гауптман пожал плечами.

— Впрочем, это ваше дело, — продолжал Фридрих. — Для меня вы всегда были настоящим человеком, ибо я имел возможность в этом убедиться.

Он сбросил газ, машина замедлила бег и въехала в Людвигсвальде.

...Приглашение навестить дядю фон Герлаха Вернер получил вскоре после рождества Христова. Барон Карл фон Гольбах жил в своем старом поместье неподалеку от Прейсиш-Эйлау, никуда не выезжая вот уже несколько лет. Обладатель больших земель, крупных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, барон прослыл немалым чудаком, грубияном и вообще опасным человеком, позволяющим себе отпускать такие замечания в адрес ближайшего окружения фюрера, что у правоверных немцев волосы поднимались дыбом. Но старику все это сходило с рук. Он был знатен, богат и являлся одним из самых почетнейших представителей элиты прусского юнкерства.

Вернер фон Шлиден не один раз слышал в Кенигсберге об этом человеке, которого побаивался даже «коричневый вождь» Пруссии Эрих Кох. Барон Карл фон Гольбах уже давно интересовал Вернера, и гауптман незамедлительно принял приглашение обер-лейтенанта... Теперь они ехали вдвоем на машине фон Герлаха, которую вел хозяин. Обер-лейтенант был мрачен. В последнее время его не оставляло чувство человека, стоящего у разваливающегося дома. Ему хотелось выговориться, облегчить душу, но Фридрих не видел рядом никого, кто мог бы его понять. Фон Герлах уважал Вернера, но инстинктивно чувствовал стену, стоящую между ними. Он, естественно, не подозревал, какая это стена, но присутствие ее им

ощущалось, и фон Герлах не мог до конца делиться с гауптманом своими сомнениями.

А Вернер фон Шлиден давно уже догадывался о причинах душевной подавленности своего приятеля, но гауптман не спешил. Он не хотел форсировать события, закономерно считая, что яблоко еще не созрело и не надо преждевременно трясти дерево. Их совместный визит к барону теперь вполне отвечал его намерениям. Вернер надеялся, что лучше поймет Фридриха, воочию убедится, как глубоко зашел процесс духовной переоценки ценностей, который происходил в сознании молодого офицера.

Фридрих быстро гнал машину и, миновав Людвигсвальде, через полчаса уже ехал по главной улице Прейсш-Эйлау. От здания городской ратуши машина свернула вправо, прошла рядом с высоченной, господствующей над местностью водонапорной башней, выкатилась за город и остановилась у лесистого холма. Его пересекала широкая аллея, ведущая к памятнику, сжато по бокам двумя полевыми орудиями образца прошлого века.

— Посмотрите, Вернер... Вот вам пример прусской чванливости и хвастовства, — махнул рукой в сторону памятника обер-лейтенант. — Вы здесь никогда не были, Вернер?

— Но это же памятник трем генералам: Бенигсену, Дирике и Делорбу, героям Эйлауского сражения! — воскликнул фон Шлиден. — Я узнал его по фотографиям.

— Вот именно, — горько усмехнулся Фридрих, — героям. Таким, как мы с вами, Вернер... Ладно, поедem дальше. Дядя ждет нас к обеду, там мы и вернемся к этой теме.

4

— Четыре дивизии нашей армии окружены в районе Бастонь 5-й танковой армией немцев, которая продолжает двигаться на запад. По последним оперативным данным, германское командование изменило маршрут 6-й танковой армии СС. Теперь вместо Льежа 6-я армия пошла на Динан и Живе, где уже соединилась на левом фланге с частями 5-й танковой армии и продолжает наступление во взаимодействии с ними...

— Но как это могло случиться? — спросил Элвис Холлидей.

Джим, прилетевший в Лондон из Вашингтона, пожал плечами.

— Сейчас трудно полностью в этом разобраться. У нас были кое-какие данные о возможном контрударе противника, и мы информировали штабы Эйзенхауэра и Монтгомери, но решающего значения этому никто не придал. И наша 1-я армия, приняв на себя основной натиск немцев, драпанула без оглядки...

— Да, Арденнскую операцию не отнесешь к светлым страницам нашей истории, — задумчиво сказал Эл.

— Еще бы! После триумфального шествия от Нормандии до Брюсселя такой щелчок по носу!.. Ведь за восемь дней наступления немецкие войска расширили фронт прорыва до ста километров и углубились в нашу оборону на сто десять километров. И это не вводя резервы! А какие потери у союзнических войск... Вообще фронт разрезан надвое, и немцы готовят новый удар левым флангом группы армий «Б». Они перебросили туда десять дивизий и одну бригаду. Ты представляешь, что это значит? Нас спасти может только чудо...

— Или русские, — сказал Холидей.

Джим пристально посмотрел на него.

— Ты уже знаешь об этом? Что ж, пожалуй, ты прав. Наше ведомство делает ставку и на дипломатические каналы. Но главное сейчас не в этом. Надо убедить здравомыслящих руководителей рейха, что они выбрали не тот метод для повышения своих акций. Западный фронт должен исчезнуть, как таковой. Пусть немцы дерутся с большевиками, с нами им нечего делить. Убедить германское командование в необходимости массовой сдачи в плен немецких частей, сохраняя их боеспособность и боеприпасы, оружие, которое можно было бы повернуть на Восток, — вот те задачи, которые определены нашему отделу.

— Ты вылетаешь в Швейцарию с паспортом на имя бразильского скотопромышленника Рибейро де Сантоса, — продолжал Джим. — Оттуда переберешься в Берлин, где будешь связующим звеном между нами и ведомством Гиммлера. Он разумный человек, и шеф, кажется, намерен серьезно поставить на эту лошадку.

Холидей молчал.

— Ты, кажется, не рад, Эл? — спросил Джим.

— Отчего же! — сказал Элвис. — В Швейцарии я как дома.

— Вот и о'кэй. Выпьешь виски? Кстати, ты здорово открутился от провала этой операции в Польше... Расскажешь подробнее! Передай-ка содовую...

5

Капитану парохода «Померания» было страшно. Под вечер вышел он из Турку с тысячью тонн никелевого концентрата в трюмах и в сопровождении шести кораблей боевого охранения направился в Кенигсберг. Небольшой переход по зимней Балтике. Ничего особенного для опытного капитана. Если забыть, конечно, о проклятых русских субмаринах. Он не спал ночь, мерил каюту шагами, иногда выпивал рюмку коньяку. Потом выходил на мостик, с крыла оглядывая два эскадренных миноносца и четыре корабля противолодочной обороны, чьи длинные тела угадывались во мраке, снова уходил к себе и опять мерил каюту шагами, заложив руки за спину. К утру потеплело, ветер угас, море заштилело, и капитан вздохнул, подумав, что субмарине в абсолютный штиль труднее высунуть стеклянный глаз из воды.

— Пусть принесут мне кофе на мостик! — распорядился капитан «Померании».

Кофе принесли. Но не успел он сделать и глотка, как над судном послышался шум авиационных моторов.

Капитан оставил чашку, расплескав кофе на карту, выскочил на крыло мостика и увидел атакующие «Померанию» торпедоносцы. Он хотел объявить боевую тревогу и защищаться теми пушчонками, что стояли на баке и на корме, удивился, увидев, что корабли охранения продолжают спокойно идти прежним курсом. Самолеты приближались, и теперь капитан разглядел на плоскостях кресты.

— Наши, — прошептал он, снимая руку с рычага ревуна и провожая торпедоносцы глазами.

Между тем советская подводная лодка давно держала «Померанию» под прицелом. Сильный конвой заставлял командира субмарины еще и еще раз оценить свою позицию, выбрать такой момент, когда удар был бы эффективным и безнаказанным.

Над караваном прошли немецкие торпедоносцы. Матросы и офицеры, задрав головы, смотрели, как разрывают воздух ревом моторов тяжелые воздушные корабли...

Именно эти минуты выбрал для атаки командир советской субмарины.

Капитан услышал внизу истошный крик: «Торпеда!», скомандовал рулевому отвернуть вправо, но было поздно. Сдвоенный взрыв двух торпед расколол «Померанию» пополам. Затонула она быстро. Эсминцы и «охотники» рыскали вокруг, прощупывая гидролокаторами море. Один корабль вылавливал из воды уцелевших матросов. Капитана «Померании» не нашли. Он был в рубке разорванного взрывом парохода, наполненного никелевой рудой.

Дивизия будущих танков перестала существовать.

Командир советской подводной лодки точно вычислил маршрут «Померании». Он хорошо знал, когда она выйдет из Турку.

6

Они сидели за роскошно сервированным столом, покрасневшие от выпитого вина, которым с поистине царским радушием угощал их старый барон... Фридрих несколько посветлел, перестал хмуриться, порою даже шутил. Вернер фон Шлиден сумел сразу понравиться хозяину, который при представлении племянником гостя заявил, что он терпеть не может всех этих выскочек в черных мундирах и рад, что приятель его Фридриха черного мундира не носит. Гауптман, таким образом, в самом начале знакомства получил возможность убедиться в том, что слухи об оппозиционных чудачествах барона верны.

Пока накрывали на стол, хозяин показывал гауптману старый, добротной кладки, трехэтажный дом с изумительной библиотекой, в которой особенно ценными были редчайшие пергаментные рукописные свитки десятого и одиннадцатого веков. Барон гордился своим собранием и особенно тем, что подобных экспонатов не было ни в одном из музеев мира... Фон Гольбах показал гостю и коллекцию старого оружия — от дротиков древних пруссов до аркебузов и мушкетов времен Семилетней войны.

— Скажите, гауптман, — неожиданно обратился он к Вернеру, когда тот вертел в руках старинный двухствольный пистолет, — мне, старику, не пора ли отправлять все это куда-либо подальше или зарывать в землю?

Гауптман улыбнулся:

— Я маленький человек в армии, господин барон, и мне трудно судить о стратегических замыслах нашего фюрера.

— Вашего фюрера... — буркнул под нос барон и повернул к двери. Гауптману показалось, что уже в дверях старик ворчливо добавил: — Черт бы его побрал...

Был он высок ростом, сухощав, но не худ. Голову держал прямо, упрямый «ежик» серебристых волос придавал лицу барона задиристое выражение. Крупный нос с легкой горбинкой, стальные, начинающие блекнуть от старости глаза, поджатые губы и большой кадык, выпирающий из-под воротника крахмальной рубашки.

За столом ел он немного, но зато часто подносил к губам бокал с вином. Его наполнял бесшумно двигавшийся по затянутому гобеленами залу слуга. Племянник не отставал от дяди.

— Я спросил твоего друга, Фридрих, когда мне укладывать чемоданы... — Барон откинулся в кресле, в правой руке его поблескивал хрустальный бокал с вином. — А что скажешь по этому поводу ты?

— Лучше позаботься о гробах, дорогой дядюшка, — ответил угрюмым голосом фон Герлах.

— Ты мрачно настроен, мой дорогой! — Барон покачал головой. — Твой друг, как раз наоборот, заражен завидным оптимизмом.

— Каждому свое, господин барон, — вступил в разговор Вернер.

— Вот именно, каждому свое. И тот, кто забывает об этом, кончает тем, что стирает свои штаны! — вдруг вспыхнул фон Гольбах.

Он протянул бокал и, не дожидаясь, когда слуга нальет доверху, поднес ко рту, роняя капли на ковер и костюм. Жадно выпил.

— Пачкуны, алкоголики, педерасты! — громко сказал он. — Разворовали Германию, обгадили ее с ног до головы, натравили на себя весь мир, а теперь ищут куст понадежнее, где можно было бы спрятать свой вонючий зад!

У Фридриха фон Герлаха весело блеснули глаза.

«Начинается», — подумал Вернер.

— Это несчастный училищник с комплексом неполноценности и разумом мясника, хромоногий неврастеник, обожравшийся золотом боров, грязный импотент-мазил-

на, которого я не взял бы к себе и в маляры, — эти люди решают, вернее, решили судьбу Германии... И это «сильные» личности, цитирующие Ницше! Да он переворачивается в гробу, когда слышит в их устах свои бессмертные слова! Разве таких вождей ждал он от человечества? Паршивые шулеры, не умеющие вовремя остановиться, подонки, получившие власть и не сумевшие ею воспользоваться для блага Германии! — Барон неожиданно закашлялся.

Фридрих откровенно посмеивался. Гауптман решил, что разговор принимает опасный оборот. На этот раз он не опасался провокаций, но береженого бог бережет...

— Позвольте, господин барон, — начал он, — мне не совсем ясны ваши упреки...

Барон уставился на гауптмана.

— Ведь Клаузевиц указывал, что вообще нельзя порицать одно средство, если не можешь указать на другое — лучшее. Не так ли, Фридрих? — Вернер повернулся к обер-лейтенанту.

— Я с удовольствием вам их поясню, свои упреки, гауптман! Да-да, поясню с удовольствием! Надеюсь, я говорю с порядочным человеком, ибо вы друг Фридриха...

Вернер с возмущенным видом развел руками.

— А впрочем, мне все равно, — махнул рукой барон. — Я уже пытался высказать это Эриху Коху, тупому выскочке, и заставил его заткнуться, когда он хотел возражать мне в моем доме, в доме, в котором мои предки как равных принимали Фридриха Великого и «железного канцлера». Так вот, — продолжал барон фон Гольбах, — в отличие от некоторых кретинов мне известно, что история Германии началась не с 1933 года. Значительно раньше. В молодые годы я имел честь быть лично знакомым с Бисмарком, гауптман. Это был великий человек. Именно он сделал Германию такой, какой она стала. Он хотел для нашей страны настоящего будущего, и я тоже этого хочу. Сильную Германию, диктующую свою волю Европе...

— Но фюрер и создал такую Германию, — перебил его фон Шлиден. — Наши танки топчут Версальские поля и улицы Варшавы...

— Топтали, — сказал барон. — Из Парижа нас выставили пинком под зад.

— Но сейчас ситуация на Западном фронте изменилась, — снова возразил гауптман. — Мы крепко стукнули англичан и американцев под Арденнами. Они продолжают откатываться назад под ударами наших танковых армий.

— Это агония, гауптман. У нас нет больше резервов для войны на два фронта. Если русские пойдут сейчас в наступление, нам придется снимать части с Западного фронта и перебрасывать их на Восточный.

Барон замолчал. Он пристально смотрел поверх голов своих собеседников, словно видел нечто значительное за стенами старого замка. Офицеры тоже молчали, Вернер комкал край салфетки, Фридрих снова впал в меланхолический транс.

— Высьемте, господа! — вдруг громко сказал барон. — Германия — не Россия, с ее громадными пространствами и большим населением, — продолжал барон. — Нам надо помнить об этом всегда и никогда не трогать русского медведя в его берлоге. Германия может диктовать свою волю Западу, но только в коалиции с Востоком или хотя бы заручившись его нейтралитетом. Да! Только в союзе с Россией! Именно так строил германскую политику Бисмарк, именно это завещал он своим преемникам. Мы занимаем центральное положение в Европе и открыты для нападения со всех сторон. Не обезопасив себя с Востока, нельзя воевать с Западом. Теперешние политики и генералы знать не хотят ни Клаузевица, ни Бисмарка. Их библией стала эта безграмотная пачкотня, бред этого...

Фридрих фон Герлах предостерегающе поднял руку. — А... — махнул барон.

Он поднялся из-за стола, подошел к окну, потом быстро вышел из зала.

— Не обращайтесь на него внимания, Вернер. Дядюшка неплохой человек, но уже слишком стар, чтобы приспособливаться к тому, что происходит с Германией.

— Что вы, Фридрих, мне очень нравится господин барон, хотя он и несколько резковат в своих суждениях, — ответил Шлиден.

Хозяин вошел в зал, держа в руках несколько книг.

— Вот послушайте, — сказал он, — это письмо князя Бисмарка графу Шувалову. — Барон поднес одну из книг к глазам и прочитал: — «Пока я буду оставаться на своем посту, я буду верен традициям, которыми руководствовался в течение 25 лет... относительно услуг, кои могут

оказать друг другу Россия и Германия и кои они оказывали более ста лет без ущерба для специальных интересов той и другой стороны. Два европейских соседа, которые за сто с лишним лет не испытывали ни малейшего желания стать врагами, должны уже из одного этого обстоятельства сделать вывод, что их интересы не расходятся...»

За окнами быстро темнело, и барон поднес книгу еще ближе к глазам. В это время вспыхнула высоко над столом яркая лампа, и фон Гольбах опустил руку с книгой.

Он вернулся к столу, оставив книгу на подоконнике, оглядел своих гостей пытливыми глазами и глубоко вздохнул.

— Когда «железного канцлера» отправили в отставку, он часто навещал моего отца, подолгу жил у нас и даже писал в этом доме свои мемуары. Именно здесь он написал строки о том, что «между Россией и Пруссией-Германией нет таких сильных противоречий, чтобы они могли дать повод к разрыву и войне», что «германская война предоставляет России так же мало выгод, как русская война Германии... Если рассматривать Германию и Россию изолированно, то трудно найти для какой-либо из этих стран непреложное или хотя бы только достаточно веское основание для войны». И последнее. Послушайте, что написал в этом доме Отто фон Бисмарк, гауптман. Невредно послушать и тебе, Фридрих, ведь ты находишься в кровном родстве с этим великим человеком. — Барон вновь вооружил глаза очками в металлической оправе и ровным, чуть глуховатым голосом прочитал: «Мы должны радоваться, когда при нашем положении и историческом развитии мы встречаем в Европе державы, с которыми у нас нет никаких конкурирующих интересов в политической области, и к таким державам по сей день относится Россия. С Францией мы никогда не будем жить в мире, с Россией у нас никогда не будет необходимости воевать, если только либеральные глупости или династические промахи не извратят положения».

Офицеры молчали. Барон фон Гольбах наполнил бокалы и жестом пригласил Вернера и племянника.

Они взяли бокалы и выжидающе смотрели на хозяина.

— Никому не пришло в голову подумать над пророчествами Бисмарка сейчас, — горько произнес барон. — Большевики, конечно, далеко не русские цари. И с их взглядами, с их мужицким государством, с их развращаю-

щей идеей всеобщего равенства мне никогда не примириться. Но и с коммунистами лучше ладить, чем драться. Ведь ладили мы почти два года, пока обделывали свои старые делишки за Рейном и на Балканах...

Я сегодня же начинаю укладывать чемоданы, ибо не имею ни малейшего желания отчитываться перед русскими за поступки всяких проходимцев... Прозит!

7

В эту ночь кенигсбержцы спали спокойно. В течение всей длинной зимней ночи ни разу не завывали сирены, ни разу не рывкнул металлический голос диктора:

— Ахтунг! Ахтунг! Ахтунг! Алярм! Люфтваффен! Люфтваффен! Алярм!¹

А утро было солнечным и морозным. Выспавшиеся, это было редкостной удачей, жители Кенигсберга спешили на работу. Колонны военнопленных уже прошли в ворота комбината вооружений «Остверке». В гаванях порта поблескивали неправильной формы куски молодого льда, деревья заиндевели и казались выкрашенными серебряной краской. Война как будто не ощущалась ни в чем, и воробы дрались на изгородях особняков Амалиенау так же, как и в мирное время. И только пустые коробки обгорелых жилых домов в центре города и чудовищные свалки из обломков правительственных зданий возвращали столицу Восточной Пруссии и ее обитателей в январь 1945 года...

Этим солнечным январским утром по улицам Кенигсберга шел старик. По одежде его можно было признать сельским жителем. Он шел медленно, поглядывая по сторонам, останавливаясь; читал приказы комендатуры и распоряжения городского магистрата, исподлобья поглядывал на патрули эсэсовцев, покачивал головой при виде развалин и вдруг вздрогнул, когда на него глянул с плаката тип в надвинутой на глаза шляпе и буквами «ПСТ» над головой... Человек пересек почти весь город. Наконец он остановился перед витриной бакалейного магазина. Она была закрыта гофрированной шторой. Старик обогнул магазин, разыскал калитку, нащупал рукой кнопку звонка и нажал ее большим пальцем... На дорожку —

¹ Внимание! Внимание! Внимание! Тревога! Воздушная опасность! Воздушная опасность! Тревога!

она начиналась от калитки и была уже очищена от выпавшего утром снега — вышел человек в меховой шапке с козырьком, в жилете и щегольских бриджах, заправленных в тупоносые шевровые сапоги. «Похож на нашего целенлейтера», — подумал старик, и сомнения охватили его душу.

— Что нужно? — грубо крикнул человек на дорожке.

— Бакалейщик Вольфганг Фишер, это вы? Я от дядюшки Рихарда с письмом из деревни.

— Он еще скрипит, дядюшка? А ведь ему без малого восемьдесят.

— Восемьдесят один, да еще с половиной.

— И две недели в придачу?

— Три недели, господин Фишер.

ВЫСТРЕЛ В МАШИНЕ

1

Одно из самых значительных наступлений Красной Армии началось 12 января 1945 года. От берегов Янтарного моря до лесистых отрогов Карпатских гор обрушилась на гитлеровскую армию советская техника, бомбы, снаряды, ринулись на позиции немецких войск безудержные в своем стремлении добить врага в его логове русские солдаты. Вражеская оборона была взломана на протяжении тысячи двухсот километров. В огромный прорыв устремлялись все новые подразделения, развивая наступление и закрепляя успех Красной Армии... Большие потери в технике, в людских резервах, быстрый отход немецких частей, не способных противостоять ударам русского оружия, заставили Гитлера отказаться от дальнейшего развития операции на Западном фронте под Арденнами и перебросить 5-ю и 6-ю танковые армии на восток, чтобы сдержать расширяющееся наступление советских войск. Красная Армия выполнила свой союзнический долг и в который уже раз приняла удар на себя, спасая западноевропейскую цивилизацию и заокеанских солдат от гитлеровских пришельцев!

2

Наутро Вернер фон Шлиден и Фридрих фон Герлах сердечно простились с гостеприимным бароном, заставившим их на дороге распить две бутылки мозельвейна.

В замке былолюдно и шумно, стучали молотки, раздавались голоса работников, заколачивающих ящики с ценными экспонатами коллекций фон Гольбаха.

«Старик, видимо, всерьез убедился в скором приходе русских, — подумал гауптман. — Следует это отметить...»

Ночью выпал снег, и на дороге, ведущей от имения барона к шоссе, его уже примяли резиновые колеса повозок. Сейчас машину вел фон Шлиден. Обер-лейтенант сидел рядом, ежась от холода и пряча лицо в меховой воротник шинели.

Когда миновали памятник трем генералам, гауптман сказал, повернув голову к Фридриху и чуть-чуть замедляя ход:

— Вы хотели что-то рассказать мне вчера об этом.

Фон Герлах буркнул в ответ и еще глубже втянул голову в плечи.

— Болит голова, Фридрих? Ничего, после Прейсиш-Эйлау я остановлю машину, и мы посмотрим, что дал нам в дорогу ваш гостеприимный дядюшка.

Обер-лейтенант молчал. Вернер не задавал ему больше вопросов и только изредка посматривал искоса на нахолившегося приятеля, с чуть заметным сожалением покачивая головой.

Наконец они оставили позади Прейсиш-Эйлау, обогнали колонну военных грузовиков с боеприпасами, двигающуюся в направлении Кенигсберга, и Вернер свернул вправо по лесной дороге, уходящей в густой ельник.

Мотор фон Шлиден не заглушил, в кабине было тепло, а после первых рюмок доброго копытца и уютно.

— Станный вы человек, Вернер, — вдруг сказал обер-лейтенант. — Давно вас знаю и никак не могу разгадать...

— А надо ли, дорогой Фридрих? — улыбнулся фон Шлиден. — Не такая уж я примечательная личность, чтоб ломать над этим голову.

«Что это он? — подумал гауптман. — Или я был где-то неосторожен?..»

— Налейте еще, — сказал Фридрих.

— Вам — с удовольствием, а я воздержусь, если мы хотим целыми вернуться в Кенигсберг, — ответил фон Шлиден.

— Как хотите, а я выпью. Что же касается моей шкуры, то она уже вряд ли кому пригодится. Мне — тем более... Кому мы теперь нужны, Вернер?

«Запутался, парень, — подумал фон Шлиден. — Теперь

ты, кажется, созрел для серьезного разговора. Но начинать его следует не сегодня и не вдруг. Подожду до приезда в Кенигсберг. Кажется, из Герлаха кое-что может получиться...»

Он понимал, что практической пользы от Фридриха, рядового штабиста, будет немного, но его соображения по поводу этого человека не исчерпывались только желанием использовать обер-лейтенанта в своих делах. Вернеру нравился Герлах, его острый, не желающий мириться с обыденным и привычным ум, доброе сердце и тщетные попытки вырваться из круга, в котором Герлаху надлежало пребывать с рождения. Но для себя Вернер еще не решил главную задачу. Он не мог с полной уверенностью утверждать, что духовный портрет Герлаха, написанный им, соответствует истинному внутреннему облику обер-лейтенанта.

«Подождем еще немного, — подумал Вернер. — Все это не так просто».

Неслышно упал ком снега, и зеленая лапа ели выпрямилась и задрожала.

— Вот так бы сбросить с себя то, что носишь на сердце, — задумчиво произнес Фридрих фон Герлах. — Кстати, — продолжал он, — о тех генералах. Вы, верно, тоже учили о том, как геройски сражались они под Прейсиш-Эйлау в 1807 году?

— Конечно. Об этом знает каждый гимназист, а уроженец Пруссии, как вы, Фридрих, тем более. Я, правда, родом из Баварии, но историю этого сражения знаю неплохо.

— Неплохо? — усмехнулся обер-лейтенант. — Вы наивный чудак, Вернер. Не было никакого геройства, есть только памятник этому. Во-первых, сражались с Наполеоном русские войска, которых Фридрих-Вильгельм III пригласил спасти Пруссию от разгрома...

— Ну об этом-то я знаю, — сказал Вернер. — Но ими командовал все-таки Бенигсен...

— Бенигсен... Ха! После первой атаки Наполеона под Янковом он увел армию к Кенигсбергу, оставив в арьергарде конные эскадроны русского генерала Багратиона. Именно они позволили армии отойти без потерь и занять позиции для контратаки у Прейсиш-Эйлау. Конница Багратиона да казаки Платова едва не захватили в плен самого Наполеона. И в битве при Фридланде, полгода спустя, именно Багратион основательно пощипал фран-

дузов. Я читал мемуары Наполеона, и он считает, что только этот русский обеспечил успех обоим операциям. Но его имени нет на том памятнике. Я родился в этих местах, Вернер, люблю свою Пруссию, но я согласен со своим дядей. И давай еще выпьем, Вернер...

3

Цюрих, крупнейший город Швейцарии, разбросал свои кварталы на берегу одноименного озера, у истока реки Лиммат. На правом берегу Большой город — старинные здания, романский собор XI века, своеобразной архитектуры ратуша; на левом Малый город — индустриальный район Цюриха, выросший в последние десятилетия.

Немало достопримечательностей в Цюрихе, но все-таки туристы посещают его реже, нежели Женеву или Люцерн. А сейчас, в годы войны, о туристах и думать не приходится.

Но владельцы отелей нисколько не огорчены этим обстоятельством. В их карманы по-прежнему поступает валюта. Идет она из кошельков богатых эмигрантов неарийского происхождения, бежавших от нацистского режима, неплохо платят и сами гитлеровцы, их агенты наводнили город. В последнее время все чаще и чаще появляются в Цюрихе знающие себе цену джентльмены из-за океана. А эти уж совсем платежеспособны. И отели Цюриха всегда переполнены, как и в старое доброе время.

Элвис Холидей, которого портье отеля записал под именем Рибейро де Сантоса, медленно шел по улицам Цюриха, направляясь к месту встречи с одним из агентов германской службы безопасности. Через этого человека обе разведки — и ведомство Гебриха Гиммлера, и ведомство Уильяма Донована через свою швейцарскую резидентуру, обосновавшуюся в Берне и возглавляемую Алленом Даллесом, — осуществляли контакты.

Мнимый бразильский скотопромышленник обогнул новое здание Цюрихского университета и сразу увидел мордастого мужчину в тирольской шляпе и в коротком кожаном пальто с шалевым воротником вязаной шерсти.

Он стоял, широко расставив ноги, подле приземистой машины, курил сигару, засунув ее в угол губастого рта, и презрительно смотрел прямо перед собой, сощутив маленькие свинячьи глазки, уж слишком маленькие для его мясистого лица.

Очевидно, он знал Элвиса по фотографиям. Едва тот вступил на мостовую, намереваясь пересечь ее и подойти к машине, стоявшей у обочины, толстяк вынул сигарету изо рта, щелчком отбросил ее в сторону, открыл дверцу машины и неторопливо сел за руль, одновременно нажав рукой рычаг, открывающий противоположную дверцу.

Мельком взглянув на номер машины, Холидей обошел ее сзади и остановился. Водитель не повернул головы.

— На озере сегодня волны, — сказал Холидей негромко по-пемецки.

— Я люблю жареную форель, — последовал ответ на французском языке. — И садитесь быстрее. Вы опоздали на пятнадцать минут.

— На тринадцать, мсье Жозеф, — перешел на французский Холидей. — Надеюсь, проверка закончена и мы действительно можем ехать?

— На чем языке будем говорить? — осведомился толстяк, включая зажигание. — На моем, вашем?.. — Машина тронулась. — Или на русском? — покосился на Холидея его спутник.

— Ну, поскольку мы с вами на севере Швейцарии, где говорят в основном по-пемецки, нам ничего другого не остается, как перейти на этот язык, — ответил Элвис. — И это будет выглядеть как дань уважения по отношению к немецкому большинству кантона Цюрих! Не правда ли?

— Вы правы, — усмехнулся водитель. — Итак, едем к озеру. Надо посмотреть, действительно ли там большие волны...

Промелькнуло и осталось позади здание консерватории. Холидей поерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее и рассеянно поглядывая по сторонам.

Они на большой скорости миновали новые кварталы Цюриха, застроенные многоэтажными и башенного типа домами, повертелись, меняя направление и возвращаясь на те улицы, где только что побывали, выехали в предместье и повернули наконец к озеру.

— Мы должны были ехать в Веденсвиль, — сказал Холидей, когда Жозеф остановил машину на высоком берегу озера и, пятясь, зажал ее в боковой проезд.

— Да, но планы изменились. Поговорим здесь. — Он сидел, не снимая с руля рук в кожаных перчатках. — Определенные круги, для связи с которыми вы прибыли сюда, сеньор де Сантос, поручили мне сообщить, что

там... — При этих словах он поднял глаза к брезентовому тенту машины, и вся его физиономия выразила глубочайшее почтение к тем самым «определенным кругам». Элвис открыто усмехнулся. Сейчас он мог не прятать своей усмешки, и это очень нравилось ему. — Там принято решение согласиться с вашими предложениями. И чем скорее мы договоримся о конкретных деталях, тем лучше.

— Почему так поспешно? Еще вчера вы были склонны затягивать переговоры, стараясь выиграть время, а сегодня... Или русские действительно дали вам добрый пинок на Востоке?

— Вы уже знаете? — зло глянул на Элвиса Жозеф.

— Я ваш коллега, дорогой герр Жозеф, — улыбнулся Холидей. — Американский разведчик. Надеюсь, вы не принимаете меня за классного наставника из пансиона для благородных девиц? А может быть, это ваша профессия, герр Жозеф?

— Я не могу принять ваш легкомысленный тон, сеньор де Сантос, — ответил тот. — Положение слишком серьезно. Наша армия испытывает крупные затруднения на Востоке. Командование снимает 5-ю и 6-ю танковые армии с Западного фронта и тем самым свертывает наступление против союзнических войск. Прошу передать это вашему шефу. Считайте переданную мной информацию первым залогом нашего будущего сотрудничества. Завтра во второй половине дня в Эммене, неподалеку от Люцерна, мы ждем вашего человека с полномочиями, которых будет достаточно, чтобы окончательно договориться о деталях и принять наши условия.

— Полномочия? — спросил Холидей. — Ваши условия?

— Да, мы согласны с вашими предложениями в принципе, но в деталях... Тут следует подумать еще.

— Хорошо. На встрече будете вы?

— Нет. Молодая блондинка в голубой шубке. Она будет со светлым «мерседесом» у заправочной станции в южной части Люцерна.

— А она ничего, эта ваша новая Мата-Хари? — игриво спросил Холидей.

— Это не относится к делу, — сухо сказал Жозеф. — Впрочем, она достаточно миловидна. Итак, блондинка в светлом «мерседесе» на заправочной станции рядом с кафе «Молчаливый дрозд». Пароль: «Мадам, если вы боитесь дорожной скуки, возьмите меня до Берна». Ответ:

«А что дальше, Лозанна или Берн?» Второй ответ: «Рекомендую вам доктора Дриттенбау».

— Нельзя ли полегче? — проворчал Элвис. — Попробуй запомнить...

— Эта дама отвезет вашего человека в Эммен, — не обращая внимания на слова Холидея, продолжал Жозеф. — Кто будет на встрече?

— Может быть, я, — сказал Холидей.

4

Гауптман Вернер фон Шлиден и обер-лейтенант Фридрих фон Герлах проехали уже Людвигсвальде, когда их машина была остановлена эсэсовским патрулем, состоявшим из десятка солдат со штурмфюрером во главе.

Офицер медленно просматривал документы, и Вернер видел, как постепенно наливается злостью его приятель.

Штурмфюрер наклонился к открытому окну машины и с шумом втянул воздух.

— Неплохо повеселились, а? — подмигнул он обер-лейтенанту.

Фон Герлах сощурился, уголки его рта презрительно опустились вниз.

— Вынюхивать — это у вас природное качество или присваивается вместе со званием офицера СС? — сказал он.

Вернеру стало жарко. Он-то уж знал, чем могут обернуться такие слова.

Штурмфюрер побледнел, отступил на шаг. В это время сзади противно взвизгнули тормоза, и длинный черный лимузин поравнялся с задержанной машиной.

Продолжая держать документы офицеров в левой руке, штурмфюрер длинным прыжком обогнул капот машины фон Герлаха и застыл подле лимузина со вскинутой в приветственном жесте рукой.

— В чем дело? — слышался знакомый голос из лимузина, и Вернер понял, что на этот раз неслыханная дерзость сойдет Фридриху с рук. — В чем дело? — опять спросили из лимузина.

Штурмфюрер открыл уже рот, чтобы ответить, но гауптман быстро распахнул дверцу машины, выскочил на дорогу и, прежде чем эсэсовец успел ему помешать, подошел к лимузину, нагнулся к полуотпущенному оконному стеклу.

— Оберштурмбанфюрер?! — сказал он. — Какими ветрами?

— О, да это же гауптман фон Шлиден! Здравствуйте, Вернер! Что здесь случилось? — И оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст стал вылезать из машины.

— Этот молодой человек принял нас с Фридрихом за русских шпионов, нагрубил обер-лейтенанту и вообще вел себя недостойно офицера прославленных войск СС! — бойко стал рассказывать Вернер фон Шлиден, памятуя о том, что наступление — лучший вид обороны.

— Но позвольте, оберштурмбанфюрер...

Начальник патруля даже задохнулся, услышав такую наглую ложь.

— Молчать! — рявкнул Хорст. — Вы оскорбили лучших офицеров вермахта, вели себя как свинья! Разве этому нас учит фюрер, партия? И это в такое тяжелое для нас время!.. Молокосос! На фронт захотелось?

— Это у него, верно, от молодости, — примиряюще сказал Шлиден.

— Идите! — Вильгельм Хорст махнул рукой. — И не попадайтесь мне на глаза!

— Вы поедете со мной? — обратился он к Вернеру. — Я еду в Кенигсберг.

— Но я с фон Герлахом, моим другом, — замялся гауптман. — И потом... В общем, машину веду я.

— Понятно, — сказал оберштурмбанфюрер. — Он подошел к машине обер-лейтенанта. — Я приглашаю вас и гауптмана пообедать со мной в Кенигсберге, — сказал он безучастно смотревшему прямо перед собой Фридриху. — Поедьте в моей машине. А вашу отведет в город мой унтерфюрер. — И он кивнул головой в сторону своего шофера.

— Благодарю вас, — сказал фон Герлах. — Если Вернер хочет ехать с вами, значит, так нужно. Мне же все равно, и поэтому я поеду тоже.

Он приподнялся на сиденье, напарил ручку дверцы и, пошатываясь, сделал несколько шагов по дороге.

— Мы были в гостях у дядюшки Фридриха, — сказал Вернер, предваряя возможный вопрос Хорста и опасаясь ответа Фридриха.

— У барона фон Гольбаха? — спросил Хорст. И обращаясь к Фридриху, сказал: — Отличный человек ваш дядюшка, обер-лейтенант. Мне доводилось встречаться с ним...

— Да? — сказал фон Герлах и полез в лимузин Хорста.

По дороге они несколько раз встречали эсэсовские пикеты и длинные вереницы машин, у водителей и пассажиров которых проверяли документы.

Но лимузин Хорста лишь замедлял скорость, и эсэсовцы расступались, вскидывая вверх правые руки, едва увидев за лобовым стеклом Хорста, сидевшего за рулем.

— В чем дело? — спросил Вернер у Хорста. — Почему такие строгости? Ведь мы только вчера проезжали по этой дороге...

— Как? — оберштурмбанфюрер повернул голову. — Вы ничего не знаете?

— А что мы должны знать? — спросил сидевший позади Фридрих фон Герлах.

— Русские прорвали фронт от Балтики до Карпат, — сказал Хорст. — Бои идут здесь. Мы держимся стойко. Особенно жарко в районе Пилькалена. Мобилизуем все резервы. Вас, очевидно, давно ждут в штабе, гауптман. Да и вас тоже, фон Герлах.

— Да, я еду сейчас прямо в штаб, — проговорил Вернер.

— Я заеду за вами вечером, фон Шлиден, — сказал Хорст. — А что вы будете делать, обер-лейтенант?

Фридрих не отвечал. Вернер повернулся назад — он сидел рядом с Хорстом — и увидел бледное лицо обер-лейтенанта, подернутые тусклой пленкой глаза и дрожащие, выговаривающие что-то губы.

— Тебе плохо, Фридрих? — с тревогой спросил гауптман. — Скоро приедем, потерпи...

— Русские в Восточной Пруссии, — расслышал Вернер шепот Фридриха. — История повторяется...

Лимузин мчался по улицам Розенау. Когда он пересек мост через Прегель и мимо замка Альтштадт поднимался к Параденплац, на заднем сиденье раздался выстрел.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

1

Они не спали вторые сутки и, возвращаясь из штаба, буквально шатались от усталости.

— Большое спасибо, ребята, — сказал начальник армейской разведки. — «Язык» ваш очень знатный. Всех

представляю к награде. А сейчас спать. До обеда. Если сумеете...

Он хитро прищурился и подмигнул сержанту Изету Гаджиеву. Разведчики вернулись в расположение, хотели позавтракать, но после вылазки за линию фронта, бессонной ночи есть не хотелось, и, поковыряв ложками в банках с тушенкой, они завалились спать со своим командиром лейтенантом Анатолием Новиковым.

Спали разведчики беспокойно и чутко, как спят на войне, заново переживая во сне подробности похода в немецкий тыл. В то же время сон их был крепок, и пророчество начальника разведки не сбылось. Канонада, начавшаяся утром, не разбудила ребят.

Уже закончилась двухчасовая артиллерийская подготовка, и войска 3-го Белорусского фронта с криками «ура» рванулись вперед, туда, где синеватое утро скрывало ненавистную землю, и уже захлебнулись первые атаки, и русская кровь окропила снежное покрывало, сейчас почерневшее от порохового дыма, а ребята все спали и спали, и они имели право на этот сон.

Первым поднялся Степан Кузьмичев. Ему захотелось курить, но табака не было под рукой, и Кузьмичев окликнул дневального. От звука его голоса проснулся и приподнялся на локте Гаджиев.

— Почему шумишь? — спросил он.

Дневальный не отзывался. Степан натянул сапоги, пересек большую комнату, оборудованную под жилье для разведчиков, и вышел в коридор.

Дневального он нашел на крыльце. Тот стоял вместе с какими-то солдатами-артиллеристами и, задрав голову, смотрел в небо, наполненное рокотом самолетов.

— Наступаем! — сказал дневальный. — Видишь? — И он махнул рукой к горизонту, из-за которого вырвались новые стаи штурмовиков.

— Черт ты полосатый! — сказал Кузьмичев. — Не мог разбудить, да?

— Ха! — ответил дневальный. — Такая была команда. А после обеда лейтенанту Новикову в штаб велено.

— Обед — это хорошо, — слышался голос Гаджиева, и его кудлатая голова высунулась из-за двери. — Давай обед, завтрака не было, два обеда надо...

Из-за угла двухэтажного дома напротив вывернула санитарная машина и на большой скорости рванула по улице поселка.

— Вот и первые, — тихо сказал один из артиллеристов и потянул приятеля за рукав. — С этих ребят уже хватит.

Кузьмичев проводил машину глазами и, поеживаясь от холода, пошел в дом, где уютно потрескивали дрова в печке, пахло свежим хлебом и человеческим духом.

Когда он вернулся в комнату, разведчики уже поднялись.

2

Здесь все построили надежно и добротно. Железобетонные доты оцетинились стволами пулеметов. Дзоты защищало трехслойное покрытие. Укрепления из бревен в обхват и километры колючей проволоки. Рвы с отвесными стенами и острые надолбы, словно хищные зубы неведомых чудовищ. И земля, зловещая и чужая. Каждый метр ее пристрелян, каждый метр начинен смертью. Два часа разговаривал с немцами бог войны. Два часа предъявляли гитлеровцам артиллеристы кровавый счет за содеянное ими в России. И летели в воздух обломки металла и дерева, комья земли и куски человеческих тел... И наступила тишина. Страшная тишина. Потом на востоке раздался зловещий комариный писк. Он ширился и рос, превращаясь в раскатистый гул и рокот... А с земли вдруг поднялись и двинулись вперед такие маленькие с воздуха фигурки! И в массе своей они превращались в силу, не знающую равных. Вслед за огненным валом, не отрываясь от него, устремлялись на врага русские солдаты.

В атаку шли пехота и танки. Двадцать с лишним пехотных дивизий и девять танковых бригад с маху ударили в первую линию немецкой обороны. Ударили одновременно по участку фронта в сотню километров шириной... Это была неодолимая сила. Ее питали заводы Урала, слезы солдаток и святая ненависть советского человека. Ничто, казалось, не сможет устоять перед первым ударом.

Но первая линия устояла. Яростно штурмовала Красная Армия бетон и колючую проволоку. Войска откатились и вновь пошли на приступ, неудержимые в своей священной озлобленности. И закончился первый день наступления. Только несколько тысяч метров прусской земли было захвачено в этот день. 3-й Белорусский рвался к Гумбиннену, но каменные форты Пилькалдена закрыли

ему дорогу. Сильный еще враг пришел в себя. Он подтянул резервы и попытался контратаковать. Все тяжелее и тяжелее русским солдатам продвигаться вперед. И надо не упустить инициативу. Надо расширять прорыв, гнать врага все дальше и дальше.

И прошел еще один день.

«Теперь пора», — решает Черняховский и бросает в бой танковый корпус. Надрывно режут моторы, гусеницы с противным скрежетом утюжат немецкие окопы, разлетаются в прах бревенчатые накаты и замолкают жгущие пехоту пулеметы. Танкисты генерала Бурдейного прорывают вторую линию обороны.

Первые дни были самыми трудными. Многим матерям и женам в России полетели в эти дни с прусской земли жестокие похоронки... Но через пять таких дней, 18 января 1945 года, 28-я армия генерала Лучинского вышла на подступы к городу Гумбиннену.

Опорный пункт Байтчен был крепким орешком. Трудно пришлось его разгрызть, но русским по зубам и не такие! Разгрызли, а 21 января красный флаг развевался над Гумбинненом.

На второй день войска 3-го Белорусского фронта вошли в Инстербург — в город, лежащий на пути к Кенигсбергу.

История повторялась. Сто восемьдесят семь лет назад в этот город на белом коне торжественно въезжал командующий русской армией фельдмаршал граф Апраксин... Армия двигалась на запад. На тринадцатый день наступления, 26 января 1945 года, жесткими, но всему привычными сапогами солдаты 3-го Белорусского фронта отмерили сто двадцатый километр тяжелого пути. Линия Дайме встала у них на дороге. Крутой и обрывистый берег реки — сплошная крепостная стена. За нею — тридцать километров пути до Кенигсберга.

3

Незадолго до наступления советских войск в Восточной Пруссии на одном из совещаний штаба подпольной лагерной организации «Свободная Родина» было принято решение о переходе к активным действиям. Нельзя сказать, что подпольщики, находящиеся за колючей проволокой, день и ночь живущие под наведенными стволами автоматов и пулеметов, не были активными в своей борь-

бе с нацистами. Их деятельность, тайная, но эффективная, приносила немалую пользу сражающейся Родине и доставляла достаточно хлопот немцам. Горели буксы железнодорожных вагонов, взрывались на перегонах паровозные котлы, ценные грузы, идущие из Кенигсбергского порта в другие районы Германии, оказывались безнадежно испорченными, снаряды и мины, изготовленные на заводах боеприпасов «Попарт» и «Остланд», не взрывались, падая на позиции частей Красной Армии. Саперы, разряжающие их, находили среди безопасной теперь взрывчатки ключки бумаги с двумя словами «Свободная Родина». Неоднократно были случаи, когда новенькие «юнкеры» и «мессершмитты» с моторами кенигсбергских заводов фирмы «Даймлер — Бенц» вдруг неожиданно камнем падали на землю, а летчик, успевший выпрыгнуть на парашюте, заявлял, что у самолета по непонятной причине отказал двигатель.

Умный и тонкий саботаж организовывала одна из групп «Свободной Родины» на комбинате вооружения «Остверке», где работало более двух тысяч военнопленных.

— Все это так, товарищи, — сказал Степан Волгин своим друзьям, собравшимся в его темной каморке, — и Родина по достоинству оценит вашу работу. Сейчас надо подготовить такой удар в спину немцам, который нанес бы им не только материальный, но и моральный ущерб. Но прежде чем мы начнем разговор об этом, я хочу сообщить вам: жив наш Август Гайлитис и здоров.

— Что ты говоришь, Степан! — воскликнул Сергей Петлин, член штаба, ведающий боеснабжением организации. — Где же он?

— Этого я сказать не могу, сам не знаю. Но сведения точные. Мы его, наверное, больше не увидим. По крайней мере, до прихода Красной Армии. Сами понимаете, ему больше нельзя выступать в роли военнопленного, ведь он был «ликвидирован» эсэсовцами. Но Август остается членом нашего штаба и будет заочно участвовать в некоторых наших операциях. Только в другом качестве. Ясно?

— Понятно.

— Главное — он жив.

Люди возбужденно заговорили.

— Ладно, товарищи, не отвлекайтесь. Времени у нас мало. Слово для изложения сути предстоящей операции представляю Сергею. И учтите, это задание оттуда...

Часовой зябко повел плечами, отпустив автомат, который он прижимал правой рукой, похлопал ладонями одна о другую и затоптался на месте, стараясь разогнать кровь и хоть немного согреться. Недавно ему исполнилось девятнадцать, но Рудольф Кранц считал себя уже старым солдатом, он второй год воевал, был ранен в Венгрии, и вот попал оттуда на родину, так и не сумев повидать отца, старого Кранца.

А теперь там, где родился Рудольф, в их доме вблизи Лаудсберга, появились русские... Они уже неподалеку от Кенигсберга. Молодой Кранц просился в боевую часть, а его заставили торчать здесь, у элеватора, на посту, где сошел бы и какой-нибудь старый хрыч из фольксштурма.

Он снова прижал автомат и заходил взад и вперед, с нетерпением ожидая, когда приведет разводящий смену и можно будет в теплой караулке съесть свою порцию горохового супа.

Время тянулось медленно. С Балтики наплывал тяжелый серый туман, хотелось курить, хотелось в тепло, к людям, да и от стопки шнапса Рудольф Кранц не отказался бы тоже.

Вдруг ему почудились какие-то тени, мелькнувшие за углом. Он насторожился, сделал несколько шагов, но все было тихо, и часовой успокоился, в который раз подумав, что надо просить перевода туда, где есть настоящее дело для солдата фюрера. Он снова подумал о котелке горячего, вкусно пахнущего горохового супа, и тут стало вдруг Рудольфу зябко. Всем существом своим ощутил молодой Кранц холод стального лезвия, прошившего его сердце. Он удивленно вздохнул и опустился на колени. Пробитое ножом сердце остановилось, но мозг еще жил, и Рудольф Кранц додумывал свою мысль о гороховом супе...

Он по-прежнему стоял на коленях, привалившись плечом к стене и опустив на грудь голову с погасшими глазами, рукоятка ножа продолжала торчать под лопаткой солдата.

Потом точными ножевыми ударами были сняты еще двое часовых, и тени исчезли в воротах элеватора.

Дайме — река, в общем-то, небольшая. Правый берег — болотистый и низкий, левый — обрывистый и крутой. Где-то в среднем течении реку пересекают шоссе и

железная дорога Инстербург — Кенигсберг... Оборонительная линия Дайме была сооружена еще в годы первой мировой войны. В середине тридцатых годов крепостные сооружения модернизировали. Были построены десятки новых, современных опорных пунктов. Дополнительные укрепления установили уже в декабре сорок четвертого года. Шесть десятков железобетонных дотов, вооруженных 210-миллиметровыми орудиями, пулеметами и огнеметами, прикрытыми броней. Они зловеще смотрели на восток амбраурами и бойницами.

Едва началось наступление Красной Армии, немецкие саперы взорвали плотины, регулирующие уровень воды в Дайме, и река затопила правый берег, превратив его в топкое болото, простреливаемое со всех сторон.

В это болото и ввалились первые валы наступающей армии. Останавливаться было нельзя. Только вперед! И началась дуэль. На восток били орудия шести десятков железобетонных чудовищ. По их вспышкам отвечала советская артиллерия. А солдаты в кромешной темноте форсировали ледяное болото, и вот уже один, второй... десятый... сотый лежат на левом берегу Дайме.

Их жгли огнеметы — они не отступили. Их встретили танки — солдаты жалили насмерть стальные громады из верных испытанных пушек. Их оставалось мало, русских солдат, но сбросить в воду они себя не позволили. А с востока катились все новые и новые волны разгневанного моря, они охватывали линию Дайме с флангов, рассекали ее на части, и не было такой силы, которая устояла бы под натиском русских.

6

В эту ночь жители Кенигсберга проснулись от взрыва. Они к ним привыкли, к слабым и сильным, но в этом было нечто особое... Содрогнулась земля, из развалившихся стен набитого хлебом Кенигсбергского элеватора вырвалось смрадное пламя.

Жители осажденного города слышали только взрыв, который был не сильнее, быть может, взрыва больших фугасок... Кенигсбержцы ничего не знали, но многие из них, охваченные неясным беспокойством, не могли уснуть до утра.

А утром стало известно, что взорван элеватор и в пламени погибли большие запасы хлеба...

Инспектору полиции и СД, обергруппенфюреру СС
Гансу-Иоганну Бёме

от начальника II отдела гестапо
штурмбанфюрера СС Рюберга

Р а п о р т

Довожу до Вашего сведения, что мною предприняты первоначальные следственные действия по установлению причин и виновников диверсии на элеваторе.

Как установлено, между двумя и тремя часами почти неизвестными лицами были ликвидированы часовые, охранявшие вход в элеватор: наружный — рядовой Крапц, и внутренние — ефрейтор Штарк и эсэсман Губер.

Взрыв произошел сразу в четырех местах, что позволяет судить о синхронной системе взрывного механизма, использованного злоумышленниками.

Сразу после взрыва начался пожар. Все попытки потушить его пресекались сильным автоматным огнем, который вели оставшиеся на месте диверсии неизвестные лица. В результате с нашей стороны потеряно восемнадцать человек, в том числе обер-штурмфюрер СС Хаффнер. Шесть человек тяжело ранены.

Выстрелы продолжались до тех пор, пока не обрушилась кровля горящего элеватора.

После ликвидации пожара под обломками здания были обнаружены останки четырех человек, личность которых выясняется...

Вот и прогремел тот взрыв, с которого начались поиски следов Януса... Трудно было выбрать более удобное время для такой акции. Русские армии со всех сторон подходят к Кенигсбергу, в городе паника, приходит время платить по счету, и единственная надежда — попытаться удержать Кенигсберг, эту первоклассную крепость, продержаться как можно дольше, а там, глядишь, и сбудутся пророчества Гитлера о новом оружии, оно может повернуть ход войны, или еще какой поворот в судьбе Германии выйдет...

И в этот напряженный момент — взрыв элеватора с запасами продовольствия.

А по дорогам Восточной Пруссии с боями спешит к устью реки Прегель, где раскинулась столица провинции, идет сюда, преодолевая все препятствия, русский солдат... Как и два века назад, грохочут его сапоги по аккуратным, обсаженным липами дорогам Восточной Пруссии. Неутомимый и непобедимый солдат России снова пришел на эту землю, чтоб повторить забывчивым немцам урок истории.

КРОВЬ НА АСФАЛЬТЕ

1

— Вот что, дорогой Гетцель, — сказал Вильгельм Хорст, — пора уходить в подполье.

— Вы считаете, что это серьезно, оберштурмбанфюрер?

— Вы чужак, Гетцель. Ведь русские у стен Кенигсберга! И если бы не самоотверженность и героизм солдат фюрера да не чрезвычайные меры, которые мы срочно предприняли, то вполне вероятно, что сейчас в этом кабинете сидел бы не руководитель восточнопрусского «вервольфа» оберштурмбанфюрер Гетцель, а какой-нибудь полковник советской контрразведки, или, как они ее называют, «Смерш» — «Смерть шпионам». Веселое название, не правда ли, Гетцель?

— Мне не до шуток, Хорст. Вы знаете, что к переходу на нелегальное положение у нас все готово. Тайники с оружием и припасами разбросаны по всей территории провинции, люди проинструктированы и ждут только сигнала.

— Считайте, что этот сигнал уже получен. Я уполномочен сообщить вам приказ обергруппенфюрера.

— Какого? — спросил Гетцель. — Моего или вашего шефа?

— Обергруппенфюрер СС Ганс Приютцман, руководитель всех отрядов «вервольф», в Берлине, а обергруппенфюрер Ганс-Иоганн Бёме находится в одном городе с вами, Гетцель... Я понимаю, что двойное подчинение вам не по сердцу, но дело-то ведь общее, мой дорогой.

— Слушаю вас, Хорст.

— Сейчас в городе паника. Правда, положение на фронте несколько стабилизировалось, и паника идет на убыль. Поэтому под шумок следует поторопиться с пере-

дислокацией штаба «вервольф». Здесь, на Ленсптрассе, вам нечего больше делать. Приступайте немедленно к уничтожению всех документов, оставьте только самое необходимое из имущества. Сегодня первое февраля... Значит, через два дня, третьего числа, вы должны будете перебраться в местечко Нойхойзер, это в шести километрах к северу от Пиллау. Если Кенигсберг будет взят русскими, действуйте согласно инструкции, находящейся в пакете под номером один.

— Все понятно, — сказал Гетцель.

— И вот еще. Завтра в 17.00 вас хочет видеть обергруппенфюрер. Да-да, именно тот, что к нам с вами поближе...

— Напутственная речь? — усмехнулся Гетцель.

— Вот именно, — сказал Вильгельм Хорст.

2

Когда войска 3-го Белорусского фронта прорвали линию Дайме, а правое их крыло разорвало цепь оборонительных сооружений «Гранц-Кенигсберг» и вышло к северным окраинам столицы Восточной Пруссии, паника в городе достигла наивысшего предела. В Кенигсберге перестали выходить газеты, закрылись магазины, хлебозаводы, по улицам черными птицами носились куски горелой бумаги — жгли архивы. Армия, еще ранее переведенная на самоснабжение, превратилась в шайку мародеров. Число дезертиров определялось уже трехзначными цифрами. Дороги были забиты беженцами и отступающими частями.

Одним из первых поддался панике гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох. Его бегство в Пиллау подстегнуло остальных чиновников Кенигсберга. Гитлер прислал Коху категорическую радиogramму с требованием вернуться в Кенигсберг под страхом виселицы. Гиммлер отдал приказ по своему ведомству: расстреливать каждого, кто попытается покинуть город.

На всех дорогах появились заградительные отряды, состоящие из эсэсовцев. Эрих Кох вернулся в Кенигсберг, но теперь он превратился в номинального руководителя. В его отсутствие вся фактическая власть в городе перешла в руки военного командования, службы безопасности и крейслейтера Эрнста Вагнера.

Партийный вождь Кенигсберга, сорокапятилетний

Эрнст Вагнер, не потерял присутствия духа в период общей паники. Он сумел навести в городе порядок, ежедневно выступал по радио с патриотическими речами, жестоко карал распустившихся подчиненных. Это он разжаловал президента полиции порядка Евгения Дорша в рядовые фолькштурмовцы, это он приказывал расстреливать мародеров на глазах специально приглашенных родных, это он начинал свои речи со слов: «Защита до последнего немца», а заканчивал словами: «Для нас солнце никогда не заходит... Мы никогда не капитулируем!»

3

— Вернер! Что вы делаете здесь? — спросил Вильгельм Хорст, встретив Шлидена на Штейндамм.

Сам он только что вышел из дома № 176а, где размещился II отдел гестапо. Хорст узнавал у штурмбанфюрера Рюберга, как идет расследование диверсии на элеваторе.

— Возвращаюсь к себе после совещания в штабе, — сказал гауптман.

— Что нового на фронте? — спросил Хорст.

— Можно подумать, что вы об этом знаете меньше меня, — обиженным тоном сказал Вернер.

— Бросьте, старина, нам ли обижаться друг на друга. Да еще в такое время...

— Что ж, у нас есть еще шансы, — сказал фон Шлиден. — Оружия достаточно, боеприпасов тоже. И потом, новое средство фюрера...

— Завидую вашему оптимизму, Вернер. — Хорст пристально посмотрел гауптману в глаза. — Мы так и не победили тогда с вами, Вернер, — сказал оберштурмбанфюрер. — Эта трагическая смерть вашего друга... А надо бы нам встретиться... Как вы считаете?

— Я свободен сегодня.

— Да, но я зато занят — уезжаю на два дня.

— В такую минуту покидать город!

— А что делать? Приказ. Будем ловить крыс... Их много сейчас на дорогах, ведущих от Кенигсберга. Не хотите ли сигарету, Вернер? — сказал Хорст.

— Что вы курите, Вилли?

— Египетские, дорогой гауптман, — ответил Хорст, доставая из кармана шинели пачку.

— Вы просто чудодей, Вилли! В такое время — и еги-

петские сигареты! Я даже не спрашиваю, где вы их достаете, наверняка расскажете что-нибудь фантастическое.

— Ладно вам, Вернер! — улыбаясь сказал Хорст. — Закуривайте. И оставьте эту пачку себе. Вы тоже парень не промах. Умеете доставать неплохие вещи.

— Но сигарет таких мне не достать, — сказал, прикуривая от зажигалки, Вернер фон Шлиден.

Рядом затормозил черный автомобиль.

— Алло, Хорст! — слышалось из кабины.

— Оберст фон Динклер, начальник военной контрразведки, — тихо сказал Хорст Вернеру. — Что ему от меня надо? В чем дело, господин оберст? — спросил он, подходя к машине.

— Мне известно, что вы едете за город. Я еду тоже. Обергруппенфюрер считает, что нам лучше поехать вместе.

Вильгельм Хорст махнул Вернеру рукой и, согнув чуть ли не вдвое свое большое тело, полез в автомобиль начальника абвера.

Вернер медленно шел по Штейндамм, с грустью поглядывая на безобразные развалины некогда красивых зданий, обрубленные осколками ветви деревьев и черный от копоти снег, тщетно пытающийся покрыть истерзанное тело города.

Сложные чувства охватывали его, когда он видел, как гибнет красивый город, творение рук многих поколений трудолюбивых, умелых людей. Он знал, что это город врага, и помнил те кадры немецкой кинохроники, где, в пламени и дыму, рушились дома Сталинграда и Киева, Севастополя и Минска.

Много лет Ахмедов-Вилкс не был на родной земле, и увиденное на экране попросту не укладывалось в его сознании. Очевидно, если б Янус увидел все собственными глазами, его сожаление по поводу истерзанного Кенигсберга поубавилось... Порою среди исковерканных воронками улиц и мрачных сгоревших домов ему вдруг вспоминались родные горы, синяя Кайсу, бегущая в ущелье, и серые сакли аула Телетль, в котором родились и любили друг друга его отец и мать. Эти видения не мешали Сиражутдину. А вот Янус боялся, как бы они не завладели его существом, старался прогнать их прочь. И только иногда позволял себе поразмыслить над судьбой, надевшей на него, сына дагестанского народа, мундир офицера германской армии.

«Кто же я больше? — думал с улыбкой Янус. — Аварец, латыш или немец?»

Надо сказать, что думать о себе, как о немце, Сиражутдин имел все основания. Несведущие люди часто считают, что разведчик и после многих лет работы в другой стране остается тем, кем был прежде. Разумеется, основные принципы останутся неизменны. Но годы жизни среди людей иной национальности, необходимость быть таким же, как они, накладывают свой отпечаток. У разведчика вырабатываются привычки, манера поведения, традиционные взгляды, составляющие существо национального характера тех, чья национальность проставлена в паспорте этого человека.

И только тогда может быть обеспечен успех работы разведчика, когда люди, среди которых он действует, скажут о нем: «Это настоящий немец, швед, испанец...»

Сегодня Вернеру везло на встречи.

Откуда-то появился вдруг давнишний его приятель и собутыльник Гельмут фон Дитрих. Он был одет в новенькую шинель тонкого сукна со знаками различия оберштурмфюрера СС.

— Какая встреча! — заорал Дитрих. — Я иду и думаю: с кем мне обмыть звание? А тут гауптман навстречу! Пойдем!

— Мне нужно еще к себе на службу, — неуверенным голосом начал фон Шлиден.

— Брось ты это дурацкое сидение в кабинете! Никуда не отпускаю. Хочешь, позвоню твоему шефу и скажу, что ты вызван в гестапо? А то и его можно пригласить!

Он засмеялся своей шутке, схватил сопротивляющегося Вернера за рукав и потащил к площади. Когда они вышли на площадь, Вернер увидел свежесрубленные виселицы. На них за ноги были подвешены люди. Около них стояли эсэсовцы с автоматами. На теле каждого повешенного доска с надписью: «Дезертир».

— Свеженькие, — оказал Дитрих. — Вздернули их часа полтора назад. А за ноги — это моя идея!

Заградительные отряды эсэсовцев были выставлены на всех дорогах, ведущих из Восточной Пруссии на Запад... Один из таких отрядов задержал роскошную легковую машину, мчавшуюся во стороны Кенигсберга. Водитель

хотел проскочить напролом, но автоматная очередь, ударившая в передние колеса, приткнула машину к обочине дороги.

Эсэсовцы выволокли из кабины мужчину средних лет в нарядной шубе и меховой шапке. В руке этот человек сжимал саквояж из желтой кожи. Командир заградотряда, штурмфюрер войск СС, подошел к человеку, которого держали сзади два эсэсмана, и вырвал из рук саквояж.

— Это произвол! — завизжал человек в шубе. — Я буду жаловаться! Вы знаете, кто я...

— Документы! — отрывисто приказал штурмфюрер.

Дрожащей рукой человек вытащил из-за пазухи документы и подал их эсэсовскому офицеру.

— Я генеральный прокурор Восточной Пруссии Жилинский!

— Дерьмо ты, а не прокурор, — спокойно сказал штурмфюрер.

Жилинский осекся и растерянно огляделся по сторонам.

— Трусливый дезертир! — продолжал офицер. — Рейх в опасности, а ты бежишь, спасая свою шкуру!

— Как вы смее! — крикнул прокурор.

— Роге, — сказал штурмфюрер одному из солдат, передав ему документы, — отведите этого типа к оберштурмбанфюреру. Пусть сам решает, что с ним делать.

Метрах в двухстах от дороги высился двухэтажный дом, который временно заняли оберштурмбанфюрер Хорст и оберст фон Динклер. Двое солдат повели генерального прокурора к этому дому.

Через полчаса Роге вернулся на дорогу.

— Ну что? — спросил штурмфюрер.

— Отправить туда... — Роге поднял руку и ткнул пальцем в небо. — Приказ оберштурмбанфюрера...

— Так исполняйте, — сказал штурмфюрер.

— С этим справится и один Карл, — ответил Роге.

На шоссе со стороны Кенигсберга показалась длинная вереница автомашин.

— Сейчас будет работа, — сказал штурмфюрер. — Приготовьтесь.

— Что-то Карл мешкает, — произнес Роге.

В густом ельнике, начинавшемся сразу же за домом, протрещала автоматная очередь. Через пять минут из-за угла вывернул Карл. Автомат болтался у него на шее, а в руках он нес нарядную шубу генерального прокурора.

Пока дивизии генерала армии Черняховского теснили восточнопрусскую группировку германской армии с востока, маршал Рокоссовский быстрым маневром прошел вперед, на запад, к берегам Вислы, а затем резко повернул на север, намереваясь выйти к Балтийскому морю и отрезать Восточную Пруссию от остальной территории Германии. Предстояло одновременно запереть Кенигсберг, отколоть находящиеся в нем войска от остальных соединений.

23 января 2-я гвардейская армия генерала Галицкого вышла к заливу Фришес-Гафф и отрезала кенигсбергский гарнизон от южной группировки немецкой армии. Русские солдаты появились у южных фортов столицы Восточной Пруссии. В ночь на 2 февраля полковник Андреев вывел свою дивизию на побережье Балтийского моря, севернее Кенигсберга. Теперь советские войска охватывали город с трех сторон. Остались лишь две нити, связывающие Кенигсберг с внешним миром: дорога на Пиллау и дорога по косе Куриш-Нерунг на Мемель, в Прибалтику, где находились немецкие войска. И все.

Но последняя дорога просуществовала недолго. 32-я стрелковая дивизия неожиданно для противника пересекла залив Куриш-Гафф и обрушилась на береговые укрепления косы Куриш-Нерунг. Жестокий бой на песчаных дюнах косы — и еще одна нить оборвана. Между курляндской группировкой и Земландским полуостровом не было больше связи.

Словно гигантскими ножами кромсали 2-й и 3-й Белорусский германскую армию в Восточной Пруссии. К 8 февраля вся группировка под ударами советского оружия распалась на три изолированные друг от друга части: двадцать три дивизии к юго-западу от Кенигсберга; пять дивизий вцелились в Земландский полуостров, закрывая собой крепость и порт Пиллау; четыре дивизии укрылись в фортах и дотах столицы.

Хайльсбергский укрепленный район. Самый мощный в общей системе обороны провинции Восточной Пруссии. Двадцать три дивизии вермахта. Надо начинать отсюда. 3-й Белорусский снова идет в атаку. Упорные бои под Мельзаком. И случайный разрыв снаряда. 18 февраля не стало полководца Черняховского.

Командование 3-м Белорусским принял маршал Василевский.

Командир танкового батальона майор Баденхуб с высоты башни мрачно оглядывал полдюжины боевых машин.

Это было все, что осталось от его батальона. Танки стояли в редком сосновом лесу. Люди сидели в машинах и ждали, когда командир примет решение.

— Идем к Кенигсбергу, — буркнул Баденхуб. — Больше некуда.

Команду передали экипажам, и, ревя моторами, танки двинулись за головной машиной по направлению к шоссе.

Дорога была забита отходящими к Кенигсбергу частями, автомашинами всех марок, повозками и ручными тележками, на которых увозили свои пожитки бесчисленные беженцы.

Колонна танков втиснулась в общий поток и стала медленно продвигаться вперед. Майор Баденхуб сидел на краю открытого люка и грязно ругался сквозь зубы... Прошел час, прежде чем танки сумели продвинуться на десяток километров. Колонна прошла еще метров пятьсот и встала. Впереди все заполнили беженцы. Второй поток их вливался по дороге, идущей с Тапшау. Столкнувшись с главным движением на шоссе, эти беженцы образовали пробку, и она прочно перекрыла дорогу.

Прямо перед головным танком высился задний борт крытого грузовика, полного солдат и офицеров. А дальше — море повозок, тележек и старых автомашин с женщинами, детьми и стариками. Группа эсэсовцев пыталась успокоить беснующуюся толпу, протолкнуть пробку, очистить дорогу, но эсэсовцам это было явно не под силу... Майор Баденхуб перегнулся вперед и крикнул, чтоб грузовик отъехал в сторону. Но кричал он больше для проформы — Баденхуб отлично видел, что вывернуть шоферу грузовика не удастся.

Внезапно по всей колонне, змеей растянувшейся по дороге, прошла судорога. Задние ряды дрогнули и притиснулись к танкам Баденхуба. Конвульсивное движение еще не дошло до пробки, закрывшей дорогу, и там по-прежнему кричали и размахивали пистолетами остервенелые эсэсовцы, пытаясь в этом человеческом муравейнике навести хоть какой-то порядок.

— Русские! Русские! — пронеслось над дорогой.

— Танки! Танки!

Паника охватила колонну. Она кричала грубыми мужскими, визгливыми женскими голосами и раздирающим душу детским плачем. Все, что было на дороге, рванулось вперед, но остановилось, наткнувшись на стальные тела чудовищ Баденхуба.

А перед танками шевелилось, но не двигалось с места огромное месиво машин, повозок и человеческих тел.

— Русские танки! — снова пронеслось над дорогой.

Майор Баденхуб опустился вниз и захлопнул люк башни.

— Вперед!

Головная машина ударила грузовик о заднее левое колесо, и он опрокинулся набок, высыпав из кузова солдат и офицеров.

Следующим был старомодный автомобиль с брезентовым верхом. Танк Баденхуба отшвырнул его к обочине дороги, подмял под себя тележку с маленькой девочкой наверху, ринулся вперед, сметая на пути все, что закрывало ему дорогу.

Страшно кричали женщины. Какой-то оберст стрелял из парабеллума по башне головного танка, но майор Баденхуб продолжал двигаться вперед, и гусеницы его танка подминали под себя старые автомобили, повозки, ручные тележки и тех, кому они принадлежали.

Остальные машины двигались за командиром. Когда они вырвались на свободное шоссе, первые десятки метров их гусеницы оставляли на асфальте красные рубчатые следы. Постепенно красный цвет становился слабее и слабее и наконец совсем перестал быть виден. Танковый батальон майора Баденхуба на предельной скорости шел к Кенигсбергу.

ОПЕРАЦИЯ «КОСТЕР НИБЕЛУНГОВ»

1

Все было так, как говорил Холидею Жозеф. Бензоколонка, роскошная дама в машине и идиотский разговор, именуемый системой опознавания, или попросту паролем.

Элвиса Холидея отвели километров за двадцать от места встречи. Автомобиль остановился у массивной чугунной решетки ворот, за которыми виднелись розовые стены виллы.

У ворот ждали двое. Один из них остался на месте, а второй подошел к лимузину и открыл дверцу.

— Прошу вас пожаловать, — с сильным акцентом сказал он Холидею по-английски.

Когда Элвис проходил по аллее, он увидел, как густо начинен прилегающий сад молодчиками в штатском.

«Боятся,— подумал он.— И это хорошо...»

Его привели в просторную гостиную, которая казалась бы совершенно пустой, если б не массивный круглый стол, стоящий посредине, и задвинутые под него стулья с высокими резными спинками. У окна, полузакрытого темной портьерой, стоял человек в сером костюме в полоску, с копной седеющих волос на голове, орлиным носом, тонкими, в ниточку, губами и вялым подбородком, с левой стороны украшенным большой родинкой. Цепкая память Элвиса быстро отметила все эти детали. Теперь он никогда не забудет этого человека и сможет подробно описать его, если это понадобится. Увидев Холидея, человек отделился от окна и направился к нему навстречу.

— Я рад вас видеть, — заговорил он по-английски.

— Благодарю вас,— ответил ему Элвис на немецком языке и осторожно, кончиками пальцев, пожал протянутую ему руку.

— Прошу вас в мой кабинет, — сказал хозяин.— Здесь не совсем уютно и обстановка не сближает людей. А нам так необходима духовная близость! Не правда ли, коллега?

— О да, конечно, — любезно согласился Холидей. Про себя он подумал: «Видно плохи ваши дела, если пытаетесь в галантности перещеголять французов». Вслух же сказал: — Я к вашим услугам, мистер...

— Доктор Зельхов, коллега, — осклабился хозяин.— Можете называть меня просто док. Ведь так принято в вашей стране, а мне хотелось, чтоб и здесь вы чувствовали себя как дома...

— Вы очень любезны, док,— сказал Холидей.

Он улыбнулся доктору Зельхову и шагнул в кабинет.

— ...Значит, мы договорились. Общее название операции «Кактус». У себя мы закодируем ее по-другому. Проведем операцию своими силами. Это второй аванс из той суммы платежей, которые мы обязаны сделать как побежденные. Наша страна надеется, что победители будут благосклонны к своим коллегам, ибо у нас только один общий враг.

— Это хорошо, — сказал Холидей. — И наверное, правильно... Нас беспокоит другое. Стало известно о том, что

верховное командование ваших сухопутных войск принимает самое активное участие в создании диверсионных групп, которые должны действовать в тылах наших армий. Это совершенно недопустимо, доктор Зельхов!

— Вас недостаточно точно информировали, сеньор де Сантос, — мягко остановил собеседника доктор. — Да, в свое время эта идея зародилась в умах руководителей армейской разведки. Но затем инициатива перешла в руки более компетентных людей.

— И ими, конечно, были люди рейхсфюрера? — усмехнулся американец.

— Может быть, — спокойно ответил Зельхов. — Во всяком случае, я имею возможность заявить, что в западных землях отряды «вервольф» действовать не будут. Все они ориентированы сейчас на Восток.

— Это единственно верное решение. Я склонен допустить, что операция «Вервольф» действительно в надежных руках. А нет ли какой-нибудь возможности для использования этих отрядов там, на Востоке, непосредственно нами? В будущем, разумеется...

Доктор Зельхов с уважительным интересом посмотрел на своего гостя:

— Истинно американский размах, сеньор-де Сантос.

— Я бразильский подданный, док, — улыбнулся Элвис Холидей.

— Конечно, конечно... Я часто бывал в вашей прекрасной стране. Знаете, идея мне понравилась, но, к сожалению, практические выводы делать будут иные инстанции. Давайте подождем, а? Обещаю незамедлительно проинформировать свое руководство. Договорились?

Элвис Холидей в знак согласия склонил голову.

— Что касается вашей просьбы о передаче вам всей или части нашей агентуры, оставленной на территории Советов и немецких земель, оккупированных большевиками, то, к сожалению, я не уполномочен вести переговоры на этот счет. Но заявление ваше передам по инстанции.

И Элвис снова склонил голову.

— О возможностях использования соединений «вервольф» мы поговорим с вами после обеда. А сейчас прошу пройти в столовую, где нас ждет более приятное занятие.

И доктор Зельхов предупредительно распахнул дверь.

«Кажется, мы пайдем с этим джерри общий язык, — подумал Элвис Холидей, подходя к роскошно сервированному столу. — Хозяин будет доволен».

В начале февраля 1945 года обергруппенфюрер СС Ганс-Иоганн Бёме возвратился из Берлина мрачный и злой. Полдня устраивал разнос своим подчиненным, и во всех отделах военной контрразведки СД, гестапо и криминальной полиции шушукались по поводу причин, омрачивших чело их шефа.

Кто-то пустил слух, что Бёме скоро полетит, что Гитлер, а стало быть, и Гиммлер им недовольны и не сносить Бёме головы. Но в это верили очень немногие. Более реальной была версия с падением русских истребителей на самолет обергруппенфюрера. Один из гестаповцев, обслуживающий кенигсбергские аэродромы, рассказал в сколь плачевном состоянии находилась по возвращении эта машина. Говорили шепотом, что у Бёме на почве этого инцидента чуть ли не нервное расстройство.

Были и другие разговоры, но никто, кроме самого доверенного офицера для особых поручений Вильгельма Хорста, не знал истинных причин свирепости обергруппенфюрера. Во время отсутствия Бёме Хорст оставался в Кенигсберге. Он выполнял весьма щекотливое поручение шефа: наблюдать за самим Эрихом Кохом, который вернулся в город после позорного бегства в Пиллау во время общей паники, вызванной броском русских армий к подступам столицы Восточной Пруссии.

Уже с аэродрома Бёме послал за Хорстом и приказал ему приехать не в управление, а в особняк обергруппенфюрера на Луизеналлее. Часовые проверили документы Хорста. Ответив на их приветствие, он прошел к дому по узкой аллее, обсаженной невысокими, сейчас заснеженными деревьями.

У входа Вильгельма Хорста встретил личный секретарь Бёме — Вальтер.

— Здравствуйте, Хорст! — сказал он, пожимая руку оберштурмбанфюрера. — Шеф ждет вас двадцать минут, и вы будьте готовы...

— Я всегда готов, — перебил его Хорст, — всегда готов, милый Вальтер. Ко всему готов, и даже к разносам шефа.

Но разносов не было, хотя Бёме был мрачен, и таким его Хорст, пожалуй, еще не видел. В домашнем кабинете хозяина особняка пол устилал персидский ковер. В углах высились античные скульптуры, в проемах между шкафами и на свободной от них стене висели настоящие

фламандцы и подлинный Дюрер. В эсэсовских кругах обергруппенфюрер считался снобом. Он сидел в низком кожаном кресле и лениво махнул рукой, приглашая сесть рядом вытянувшегося в дверях с выброшенной вперед рукой Хорста.

— Садитесь, Хорст, и притворите за собой дверь, — сказал Бёме. — В этих самолетах страшные сквозняки, и мне не хотелось бы иметь их у себя дома.

Вышколенный и умный, оберштурмбанфюрер отлично знал, как вести себя с начальством, даже если оно принимает дома. Он осторожно перешел к такому же креслу, в каком сидел шеф, и присел на краешек сиденья. Для этого длинному Хорсту пришлось опуститься на корточки.

Бёме усмехнулся:

— Так вам будет неудобно, Хорст, а разговор у нас долгий. Садитесь посвободнее. Сегодня я буду говорить с вами, как с равным. — Он показал на маленький низкий столик, заставленный бутылками и разнообразной снедью: — Подкрепляйтесь, Хорст. К началу разговора нужно подготовить не только голову, но и желудок.

— Я готов служить вам и фюреру, экселенс! — Эту фразу Хорст произнес, слегка привстав в кресле.

— Это хорошо, мой дорогой, но одного этого мало.

— Простите, но я...

— Выпейте рюмку мартеля, Хорст. Сами французы — распутное дерьмо, но коньяки у них неплохие.

— С вашего разрешения, я предпочту виски.

— О, вы, оказывается, любитель виски, Хорст...

— Что делать, экселенс, я долгое время жил в Америке, а там пьют виски, как молоко, и молоко, как виски.

— То, что вы работали в Штатах, хорошо. Это одно из обстоятельств, побудивших меня избрать именно вас. Что ж, пейте виски, вон та бутылка с краю, а я позволю себе рюмку коньяку. — Обергруппенфюрер оттянул широкий рукав халата, обнажив волосатую руку, и потянулся к бутылке. — Перейдем к делу, — сказал он.

Хорст выжидающе смотрел на шефа.

— Дело, Хорст, весьма щекотливое и для меня лично неприятное. Я здесь родился, и каждый камень, каждое дерево дороги мне в этом городе. Я не сентиментален, Хорст, в этом вы имели возможность убедиться за время нашей совместной работы, но у нас, немцев, чувство фатерланда развито сильнее, чем у любой нации. Этим мы

и сильны, Хорст. И меня, конечно, не может радовать, что этот дом, в котором мы сидим, должен взлететь на воздух и что сделать это должен я своими руками. Но такова необходимость. Вы хорошо знаете учение Фридриха Ницше, Хорст, вы не из тех кретинов, которые, будем откровенны, засоряют нашу партию. Вы помните, как он призывал сверхчеловека не останавливаться ни перед какими жертвами для достижения своей цели. И вы, Хорст, будете тем единственным человеком, который разделит со мной ответственность за избранное средство. Впрочем, — продолжал Бёме, — я ведь, как вы понимаете, тоже лишь ступенька на длинной лестнице, ведущей к небу... Но фитиль подожжете вы, Хорст.

— Фитиль? — спросил оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст.

— Вот именно, мой Хорст. Вы знаете, какая была здесь паника, когда русские едва не ворвались в город на плечах отходивших дивизий?! Немногие оказались крепкими духом. Эрих Кох со своей свитой, чиновники магистрата, обер-прокурор Жилинский бежали, как крысы с тонущего корабля...

— Жилинского мы расстреляли, — сказал Хорст.

— И правильно сделали. Жалею только о том, что фюрер не повесил, как обещал, этого кретина Коха...

— Крейслейтер Вагнер оказался настоящим наци...

— Да, именно он сейчас на высоте положения, а Эриху пришлось уйти в тень, хотя он продолжает пыжиться, этот осел. Но мы отклонились, — продолжал обергруппенфюрер. — Русские у стен Кенигсберга. Он не должен достаться им во второй раз. 10 января 1758 года, день, когда русские вошли в Кенигсберг, никогда не повторится. Мы оставим большевикам пустыню и горы из их собственных трупов. Немцы будут драться до последнего, а потом взойдут на костер, в котором сгорят русские армии.

— Я начинаю понимать вас, экселенс.

— Вы могли бы сказать об этом и раньше, — проворчал Бёме. Он налил себе коньяку и поднял рюмку: — Вам, Хорст, я поручаю подготовку совершенно секретной операции под кодовым названием «Костер нибелунгов».

Март сорок пятого года был дождливым. Влажный воздух Балтики собирал тяжелые тучи над Пруссией и обру-

шивал на землю сильные потоки весенних дождей. Фронт превратился в топкое болото. На дне окопов и траншей чернела холодная вода...

13 марта русские солдаты поднялись в новую решительную атаку. Две недели непрерывных боев за овладение позициями Хайльсбергского укрепленного района. Наконец пал Дойч-Тирау. Еще несколько дней — и русские танки идут по улицам города Людвигсорт. Хайльсбергская группировка, состоявшая в январе из ста пятидесяти тысяч солдат и офицеров, ликвидирована.

На очереди — штурм Кенигсберга.

4

Теперь, после разговора обергруппенфюрера с Хорстом, все недомолвки исчезли, точки над «и» поставлены... Есть и закодированные названия операций, и главные исполнители их... Впрочем, операция одна, лишь названа она по-разному у разных ее организаторов.

Неизвестно, почему обергруппенфюрер СС Ганс-Иоганн Бёме выбрал в качестве исполнителя своего старшего офицера для особых поручений Вильгельма Хорста. Никому не дано узнать истинную подоплеку решения наместника Генриха Гиммлера в Восточной Пруссии. Но для завершения операции «Костер вибелунгов», она же операция «Кактус», Ганс-Иоганн Бёме не мог подобрать более достойной и подходящей для успеха операции фигуры.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ РАЗВЯЗКА

1

Новенький закрытый «виллис» мчался по шоссе Шталупеннен — Гумбиннен, резко тормозя и сбавляя ход перед незасыпанными еще воронками... Действующая армия прошла вперед, а вслед за нею устремился второй эшелон: запасные части, мастерские, медики и интенданты. Оттуда, где уже еле слышно громыхали орудия, встречным потоком шли транспорты раненых и колонны немецких пленных.

Подполковник Климов сидел на заднем сиденье «виллиса», время от времени наклонялся вперед и разговаривал с капитаном Петражицким... Они пробирались в

Гумбиннен, где Климов намеревался организовать филиал разведывательного отделения Центра, а возможно, и перебросить туда весь аппарат, занимающийся Восточной Пруссией. Обменявшись несколькими фразами с Петражицким, Климов с интересом осматривал окружающую местность, пытливо вглядывался в осунувшиеся лица плененных немцев и раза два останавливал машину, чтобы поговорить с тем или другим.

Но разговоры эти были однообразными и скучными. Немцы втягивали головы в плечи, испуганно таращили глаза на русского офицера, безукоризненно говорившего на их родном языке, повторяли сакраментальное «Гитлер капут» и напоминали жалких, забитых дворняг, которые ждут, что их вот-вот снова ударят.

Встречались по дороге и беженцы. При первых слухах о русском наступлении они бросились на запад, но Красная Армия опередила их, и теперь они возвращались в покинутые дома.

Климову не раз приходилось видеть вот такие тележки с выюками различного барахла и маленькими детишками наверху, усталых женщин и испуганных стариков, жавшихся к обочине дороги. Он видел их на Брянщине, под Ростовом, в Моздокских степях и у Белой Церкви, он видел это, страдал и мечтал о том дне, когда другие беженцы пойдут по дорогам чужой земли.

И вот вроде бы и сбылась мечта подполковника Климова, он видит иных беженцев, но почему-то никакого удовлетворения картина эта ему не приносит. И Климов думает, что только смертью нужно карать убийцу — кровь за кровь, смерть за смерть, — но зачем же радоваться, что вон у немецкого парнишки, идущего рядом с тележкой, такие голодные глаза...

Но война еще не окончилась. Климову есть о чем думать, есть о ком заботиться. Там, где гремят пушки, работают советские разведчики, именно работают, а не воюют, хотя где-то далеко, в их личных делах, хранящихся в управлении кадров Центра, перед их фамилиями значатся воинские звания. Они не воюют, а работают... Но как бы им хотелось схватить автомат и во весь рост пойти в атаку! И они ходят в атаку, хотя каждый из них, быть может, ни разу не выстрелил из пистолета...

Два дня назад Климова вызвали к генералу Вилксу. — Вот так, подполковник! — сказал Арвид Янович. — Второй и Третий Белорусские идут по территории, кото-

рая входит в сферу действия вашего отделения. Пора подумать о перенесении места деятельности отделения в тевтонское логово.

— У нас уже все готово, Арвид Янович. Вот наши наметки.

— Добро, что заранее подготовились... Что нового от Януса?

— Янус передает сведения о вооружении и дислокации войсковых подразделений противника. Сообщает понемногу, но регулярно. Данные мы передаем вместе с дополнительными сведениями, полученными от других источников, командованию Второго и Третьего Белорусских фронтов.

— Что выяснили с Хорстом? Чем вызван его интерес к Янусу?

— Оказывается, Хорст ищет контакты с Западом и подозревает в этом же Януса. Или даже считает, что Янус — человек союзников. Янус сообщил, что завязывает с Вильгельмом Хорстом дружеские связи.

— Янус молодец, — сказал Арвид Янович. — Сейчас ему особенно трудно. Надо помочь парню. Подбросьте Хорсту через соответствующие каналы сведения, будто наш Янус может помочь ему. Но только осторожно, одним намеком...

— Так примерно рассуждает и Янус, — проговорил Климов. — В последних сообщениях он высказывает мысль о том, что, возможно, Вильгельм Хорст подозревает в нем американского агента. Янус предлагает начать с Хорстом игру, которую он условно назвал «Три лица Януса». Немцы считают нашего человека своим, Хорст — разведчиком союзников, а на самом деле у него единственно истинная сущность. Из трех лиц — одно настоящее...

— Знаете что, — сказал генерал Вилкс, — а ведь идея мне нравится. Надо сделать все через Берлин. Подготовьте от моего имени указание на этот счет в Берлин, Профессору. Старый Иоганн сделает это солидно и чисто. А через Слесаря сообщите Янусу о нашем намерении. Пусть он ведет себя с Хорстом так, будто принимает знаки внимания со стороны оберштурмбанфюрера, как должное. Но без перехлеста... Если это тот Хорст, которого я знаю, то состязаться с ним Янусу будет трудненько. Вы, подполковник, распорядитесь от моего имени тщательно собрать всю информацию об этом человеке.

И как можно быстрее. Я хочу знать, с кем Янус и мы имеем дело. Янус ничего не сумел узнать о Хорсте?

— Пока ничего, кроме того, что мы ему уже сообщили о имевших место попытках Хорста связаться с разведкой союзников.

— Пусть особенно и не пытается проникнуть в тайну Хорста. Может попасть в ловушку! Возможно, что Хорст уже завербован союзниками и работает на них. Дело это щекотливое. Лучше мы здесь соберем все сведения и примем соответствующие меры. Что еще нового?

— Август Гайлитис, которого мы считали потерянным, объявился через запасную явку Слесаря. Жив и здоров. Я передал Слесарю, чтобы он перепроверил обстоятельства его спасения. Сегодня должен быть ответ.

— Пусть Янус и Слесарь будут осторожнее, — продолжал генерал. — Не исключена провокация. Эта бестия Бёме умный гестаповец, всеми силами старается завоевать расположение Гиммлера. Хотя дело идет под занавес, исполнительность и педантичность присущи Бёме, как, впрочем, и каждому немцу. Как бы нам в последний момент не потерять своих людей. Смотрите, Алексей Николаевич, вы руководите отделением, которое ведает Восточной Пруссией, именно вам необходимо продумать меры, чтобы обезопасить Януса, Слесаря и других. Что нового по «вервольфу»?

— «Вервольф» уходит в подполье, — сказал Климов. — Янус, кроме того, передал интересные подробности. Оказывается, идея принадлежит генералу Рейнгарду Гелену.

— Начальнику отдела ОКХ¹ «Иностранные армии — Восток»? — спросил Вилкс. — Знакомая личность.

— Он самый, Арвид Янович. Но неожиданное в том, что Гелен начал разрабатывать план немецкого подполья, учитывая опыт Армии Крайовой. В частности, деятельность ее командующего генерала Бур-Комаровского, который во время Варшавского восстания попал к гитлеровцам в плен.

— Вот это поворот! — покачал головой Арвид Янович. — Действительно, неожиданный...

— В Бреславле была сосредоточена рота фронтовой разведки, которой Гелен поручил изучать опыт подпольщиков Армии Крайовой. Там же переводились планы Бур-Комаровского на немецкий язык и тут же переправ-

¹ Верховное командование сухопутных войск вермахта.

лялись в отдел «Иностранные армии — Восток», Гелену. Собрав и изучив весь аковский материал, генерал Гелен представил свой план создания боевых отрядов, по шестьдесят человек в каждом. Он определил и их основные задачи: военный шпионаж в нашем тылу, подготовка мятежей против советских оккупационных властей, создание террористических групп для убийства наших офицеров из-за угла, оборудование тайных радиостанций, печатная и устная антисоветская пропаганда...

— Серьезный у нас с вами противник, этот Гелен, — заметил генерал.

— Идею у него перехватил сам Гиммлер. Два месяца он изучал доклад Гелена. Гиммлеру передал его Шелленберг. Потом рейхсфюрер внес незначительные поправки, присвоил себе авторство и громогласно объявил о создании диверсионно-террористической организации «вервольф», поручив формировать ее обергруппенфюреру СС Гансу Прютцману...

— И теперь мы ее имеем, эту организацию, в собственном тылу, — проговорил генерал. — Занимайтесь «вервольфом» и денно и нощно, Климов! Советские солдаты должны воевать, не опасаясь выстрелов в спину... А этого хитромудрого Гелена необходимо взять на особую заметку.

Материалы о «вервольфе», переданные Янусом в Центр, позволили, как говорится, на корню выдернуть ядовитую поросль диверсантов и убийц из-за угла, выращенную заботами и стараниями гестапо и СД. К сожалению, списки агентуры и тайников, полученные Центром, были далеко не полными, а система «вервольфа» была продумана так, что провал одной из организаций не мог повлечь за собой раскрытие остальных групп.

Постепенно в Гумбиннен собрались почти все сотрудники отдела подполковника Климова.

Алексей Николаевич вместе с Петражицким, теперь уже майором, назначенным его заместителем, мотались по занятой частями Красной Армии территории Восточной Пруссии, помогали армейским органам контрразведки избавляться от банд «вервольфа», организовывали заброску своих людей в немецкий тыл, налаживали новые каналы связи со старыми работниками вроде Януса, Портного и Слесаря.

Однажды, когда Алексей Николаевич расположился в одном из небольших городков на южной границе Пруссии и после короткого совещания у начальника Особого отдела армии вернулся к себе, в дверь двухэтажного особняка, который он занимал вместе с охраной и адъютантом — помощником, громко постучали.

Вошел солдат в наброшенной поверх телогрейки плащ-палатке, щегольски заломленной назад шапке-ушанке. Автомат висел у него на плече стволом вниз.

— Подполковника Климова мне, — совсем не по-уставному сказал он и застыл в дверях, слегка прислонившись к косяку.

Климов уже снял гимнастерку, разулся и сидел за столом в посках и меховой безрукавке, надетой поверх нательной рубахи.

— Есть такой. В чем дело? — сказал он.

— Вас просят в «Смерш», товарищ подполковник. Срочно.

— Хорошо, — сказал Климов. — Сейчас приду.

Он с сожалением посмотрел на стол, который помощник заставлял мисками, натянул сапоги, надел гимнастерку, шинель и вышел на крыльцо, которое с двух сторон охватывала огромная лужа.

Было тепло и сыро. Ветер, гонявший полдня тяжелые тучи по небу и раскачивавший мокрые деревья, сейчас где-то укрылся, и стало очень тихо, и даже звон капли был слышен.

Алексей Николаевич вышел на улицу и двинулся к площади вдоль низких решетчатых заборов, за которыми теснились фруктовые деревья.

Площадь была заполнена солдатами и военной техникой. Все это шумело, кричало, разговаривало, постепенно вливалось на одну из дорог, уходящих на север, а с другой стороны подходили новые танки, автомашины, орудия и полевые кухни.

У входа в здание, занятое контрразведчиками, стоял автоматчик и один из офицеров дивизионного «Смерша».

— Прошу вас, товарищ подполковник, — сказал офицер.

В кабинете начальника «Смерша» Климов увидел одетого в гражданское платье старика. Старик сгорбился на стуле и нервно барабанил пальцами рук, лежащих на коленях.

На звук открываемой двери он не обратил ни малейшего внимания. Только пальцы его прекратили барабанить по коленям.

— Проходите, проходите, Алексей Николаевич.

Моложавый полковник поднялся из-за стола и шагнул навстречу Климову.

— Извините, что побеспокоил. Вот задержали мои ребята этого типа. Говорят, крупный помещик, юнкер. Хотел проскочить на трех грузовиках на запад, но не успел. Батраки из его имения рассказали, что на машинах были крупные ценности, произведения искусства. Но грузовики вернулись пустыми, шоферы сбежали, а хозяин... Вот он сидит, нахохлился, словно филин. — Полковник повел глазами в сторону старика: — Поговорите с ним, Алексей Николаевич. Вы-то, наверное, скорее найдете ключик к этому пруссаку.

Климов с любопытством посмотрел на старика.

— Я вас оставлю, — сказал начальник «Смерша». — Располагайтесь по-хозяйски.

Он вышел. Человек на стуле продолжал сидеть сгорбившись. Климов подтянул к себе стопку чистой бумаги, повертел в руках остро отточенный карандаш.

— Как ваше имя? — спросил он.

— Барон Карл фон Гольбах! — гордо выпрямился старик.

— ...Я никогда не делал и ни желал русским ничего плохого. И всегда говорил, что мы должны жить в мире и дружбе. Впрочем, я лишь повторяю слова великого Бисмарка... И вы, конечно, не хотите мне верить.

— Отчего же, — возразил Климов. — Хотеть и верить — разные вещи. Верить я хочу, но...

— Понимаю вас, герр офицер, и я думаю есть способ заставить вас верить в мою лояльность. Вы, конечно, знаете о моих коллекциях редких книг и картин. Я хотел вывезти их на Запад, но стремительное наступление вашей армии опрокинуло все мои расчеты. Коллекции укрыты надежно, но я покажу вам тайник. Вы победили, и они должны принадлежать вам.

— Они должны принадлежать германскому народу, — тихо сказал Климов, — когда он вновь станет свободным.

— Я плохо разбираюсь в вашем политическом учении, герр офицер, хотя и пробовал читать Маркса. И умру я

со своими убеждениями. Барону фон Гольбаху не ужиться с большевиками. Впрочем, жить мне осталось недолго. Но я всегда был против войны с Россией. Это невыгодно моей стране.

— Плохо, что не все ваши соотечественники разделяют это убеждение.

— Да... Последний вопрос. Можно? Берлин еще держится?

— Пока держится. Но, судя по вашему разговору, вы неплохой историк, барон, и, наверное, помните знаменитую фразу генерал-фельдмаршала графа Шувалова, произнесенную им после взятия Берлина во время Семилетней войны в 1760 году...

— Подождите, сейчас... «Из Берлина до Петербурга не дотянуться, но из Петербурга до Берлина достать всегда можно».

— Вот именно, барон, вот именно...

Вошел полковник и вопросительно глянул на Климова.

— Господин барон любезно согласился передать советскому командованию на сохранность свои ценные коллекции рукописей и картин, — сказал Климов. — Он хочет немного отдохнуть, а потом покажет тайник. Надо торопиться. Погода сырая, как бы чего не испортилось.

В кабинет вошел сотрудник «Смерша».

— Накормите старика, — сказал полковник. — И дайте ему поспать часа два. Потом свяжитесь с трофейщиками, пусть достают машины и ищут людей. Мы свою миссию выполнили...

Не успела закрыться дверь за бароном, как она вновь распахнулась, запыхавшийся молоденький лейтенант вытянулся в ее проеме и, запинаясь, сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ полковник?

Из его сбивчивого рассказа они поняли, что задержан какой-то подозрительный человек, требующий, чтоб допрашивал его офицер в звании не ниже полковника и обязательно в «Смерше». Одет в гражданское, документы на немецкое имя, а по-русски говорит отлично. Они, стало быть, с солдатами доставили его сюда, и сейчас этот тип находится внизу, и какие будут у товарища полковника указания на его счет...

— Полковник, значит, ему нужен? — усмехнулся хозяин кабинета. — Стало быть, я подхожу... Ну что ж, давайте этого подозрительного сюда.

В комнату ввели человека в зеленой куртке и охотничьей шапке темно-оранжевого цвета с длинным козырьком.

Он сделал два шага вперед, остановился и спокойно посмотрел вокруг.

Климов пристально глянул на вошедшего, вздрогнул и приподнялся со стула.

— Гайлитис? Август? — шепотом сказал он.

2

Подходя к зданию, в котором размещалась военная контрразведка, оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст одобрительно улыбнулся, вспомнив, какое прикрытие изобрели для своей тайной, так сказать, канцелярии его армейские коллеги.

В этот день ярко светило солнце, на небе не было ни одного облака, подтаивал снег в многочисленных скверах, и кое-где появились серые пятна подсохшего асфальта. Весна, последняя военная весна пришла в Кенигсберг. И в этот солнечный день совсем не хотелось думать о войне. Война казалась такой далекой, и только черные клубы дыма, поднимавшиеся в районе Ратсхофа, напоминали о ночном налете советской авиации.

Конспиративная резиденция военной контрразведки занимала трехэтажный особняк внушительного вида. На первом этаже помещалась станция по искусственному осеменению крупного рогатого скота, о чем свидетельствовал каменный бык, стоявший у входа. И здесь на самом деле была такая станция-прикрытие. Посетители проходили мимо быка в стеклянную дверь: бауэры, пекущиеся о своих коровах, и секретные агенты, которых ждали в комнатах верхних этажей.

Снаружи никто бы не смог определить, что за невинной вывеской скрывается филиал могучего ведомства, созданного в свое время адмиралом Канарисом. Здоровяки в штатском, охранявшие проходы наверх и фильтрующие посетителей, очевидно, были предупреждены о визите оберштурмбанфюрера к их шефу. Они беспрепятственно пропустили его, и на площадке второго этажа Вильгельм Хорст попал под опеку и покровительство щеголеватого обер-лейтенанта, адъютанта оберста фон Динклера, который проводил его до кабинета начальника.

После совместной поездки за город Хорст почувствовал, как резко изменилось отношение Динклера к нему.

Ранее подчеркнуто официальный и сухой, оберст вдруг проникся к оберштурмбанфюреру непонятым дружелюбием. Вот и сейчас, когда Хорст пришел к нему по его просьбе, фон Динклер встретил его радушно. Говорил он о разных пустяках, мимоходом пытаясь вызвать Вильгельма на откровенный разговор, выяснить его настроение в связи с крахом в Пруссии и крахом Германии вообще, неожиданно переводил разговор на обергруппенфюрера Бёме и наконец, показав Хорсту, что несколько колеблется, сказал:

— Сейчас мы должны быть, как никогда, едины. К сожалению, и вы знаете об этом, Хорст, между мною и вашим шефом пробежала когда-то черная кошка. Почему? Затрудняюсь ответить. Но мне хотелось бы ликвидировать эту кошку раз и навсегда. Я намерен прибегнуть к вашей помощи, ибо вы честный немец и настоящий наци.

— Что я должен сделать для этого? — спросил Хорст.

— Попробуйте устроить нашу встречу в неофициальной обстановке. Так мы лучше сможем понять друг друга. Вы понимаете, Хорст, что в первую очередь я забочусь об интересах рейха.

— Разумеется, господин оберст, я так вас и понимаю.

— Значит, можно считать, что мы договорились? — сказал фон Динклер.

— Сделаю все, что в моих силах, — ответил Вильгельм Хорст.

— Пожалуйста, курите. — Фон Динклер придвинул к Хорсту коробку сигар: — И вот еще что. Мне стало известно, что вы поддерживаете дружеские отношения с гауптманом Вернером фон Шлиденем, старшим офицером отдела вооружения и боеприпасов в штабе генерала Ляша?

— Это мой приятель, — ответил Хорст, — и хороший немец.

— Немец? — усмехнулся фон Динклер. — Так вот считайте, Хорст, что я первым вношу пай в капитал нашей дружбы. У меня есть сведения, что этот самый Шлиден вовсе не немец.

Хорст приподнялся в кресле.

— Да-да! — продолжал оберст. — Я располагаю некоторыми сведениями, что ваш гауптман Шлиден работает на Запад. И вы подумайте о том, что дружба с ним вам может повредить.

— Я уважаю коллег из абвера, бывшего абвера, — с усмешкой поправился Хорст, — но на этот раз они дали маху. Вернер — американский шпион? Работает на Интеллидженс сервис? Что за чушь! А может быть, я русский разведчик, а, господин оберст? У вас что, надежный источник?

— Не совсем, — замялся фон Динклер, — но... Ведь он учился в Штатах... И мы кое-что получили...

— Спасибо за информацию, но она лжива от начала и до конца, — сказал Хорст. — Я тоже жил в Штатах и даже в России, а вы, господин оберст, насколько мне известно, восемь лет проработали в Англии... Простите, но Вернера фон Шлидена я знаю очень хорошо. Неужели вы думаете, что наша служба хуже проверяет людей, неужели вы? Да прежде чем сесть с ним за стол в одной компании, я знал о нем всю подноготную.

— Что ж, — сказал оберст, — может быть, это и не так, но согласитесь, что предупредить вас я был обязан...

3

Около семи веков простоял Кенигсберг в устье реки Прегель. Шестьсот девяносто весен прошумело над кровлями его крыш. И самой безрадостной была весна тысяча девятьсот сорок пятого года.

Советские войска стояли у стен Кенигсберга. После разгрома хайльсбергской группировки противника маршал Василевский перебросил освободившиеся части и соединения, огромное количество боевой техники и артиллерии к столице Восточной Пруссии. Он выдвинул перед 3-м Белорусским фронтом основную задачу: готовиться к штурму города.

А Кенигсберг готовился к обороне. Его гарнизон превышал сто тридцать тысяч человек, не считая фольксштурмовцев и мобилизованного на оборонительные работы населения.

Столетиями укреплялась прусская твердыня. Здесь каждый дом был превращен в крепость. Многочисленные форты и доты, пятьдесят километров противотанковых рвов, четыре ряда окопов с блиндажами в три и четыре наката, окутанные спиралью Бруно. Артиллерия Кенигсберга состояла из ста двадцати четырех артиллерийских и минометных батарей, не считая тридцати пяти тяжелых минометов и сотни шестиствольных установок. Пятнадцать

пушек стреляли снарядами в тысячу килограммов на сорок километров. Восемьсот шестьдесят два квартала в городе — и каждый из них связан друг с другом единой оборонительной системой. Подвалы домов соединены переходами. Под землей — электростанции, лазареты, склады боеприпасов. Помимо немецких частей в состав гарнизона входили и два батальона предателей-власовцев, а также туркестанский легион.

Город лихорадочно готовился к обороне.

4

Когда Вернеру фон Шлидену передали, что его вызывают в гестапо, слышавшие это сослуживцы переглянулись.

Вернеру недавно присвоили майорское звание и назначили временно исполняющим обязанности начальника отдела вооружения. Такой прыжок вверх, через должность заместителя, вызвал кривотолки и определенное чувство отчужденности к нему у его коллег. Правда, внешне все выглядело весьма пристойно, его как будто искренне поздравляли, но Вернер прекрасно понимал, что говорят о нем за спиной. Вот и сейчас не успела захлопнуться за ним дверь, как в отделе на все лады принялись обсуждать возможные причины вызова майора в гестапо.

По городу Вернер фон Шлиден шел пешком, многие улицы были перекрыты баррикадами, колючей проволокой и рогатками. На машине его путь удлинился бы в несколько раз. Он не знал, зачем его вызывают в гестапо, но днем раньше звонил Вильгельм Хорст и предупредил, что хочет его видеть у себя. Майор Вернер фон Шлиден пересек площадь перед Северным вокзалом и вошел в узкий проулок, в глубине которого находилось здание главного отдела гестапо. Теперь дорогу сюда перекрывал полосатый шлагбаум, охраняемый четырьмя эсэсовцами, по два с каждой стороны.

Один из них проверил документы майора и лениво показал рукой, что тот может пройти по тротуару с левой стороны, где не было ограды.

В приемной Хорста Вернер уже не увидел той миловидной женщины в форме шарфюрера СС — кажется, ее звали Элен, — которую он заметил прошлой осенью, во время первого визита к оберштурмбанфюреру.

Вместо нее за пишущей машинкой возвышался здоровенный парень с гривой рыжих, почти огненных волос, в черном мундире, который был ему явно тесен. Марлевая повязка закрывала его лоб, заставляя топорщиться рыжую шевелюру спереди. Вернера никто не встречал ни у входа, ни в приемной. Рыжий эсэсовец не обращал на него ни малейшего внимания и стучал на машинке. Майор в нерешительности остановился, хотел было обратиться к секретарю в черном мундире, но в это время дверь из кабинета Хорста отворилась, и оттуда вышел оберштурмбанфюрер. Увидев Вернера, он, улыбаясь, поприветствовал его, обнял за плечи и повел к себе.

— Вот что, майор, — сказал Хорст, когда они уселись поудобнее и закурили, — нам или, точнее, мне лично необходимо вот такое количество взрывчатки. — Он протянул фон Шлидену исписанный цифрами листок.

Вернер быстро пробежал его и откинулся на спинку кресла.

— Ого! — сказал он. — Куда так много? Ведь этого хватит, чтобы взорвать весь Кенигсберг...

— Не преувеличивай, Вернер. Так уж и весь Кенигсберг... И не задавай лишних вопросов. Ты должен представить мне списки частей и отдельных складов, где мы возьмем эту взрывчатку. Разбросай общее количество так, чтоб в частях ничего не заподозрили.

— И мне снова сопровождать тебя, Вилли?

— В этом необходимости нет. Твоя задача сугубо техническая. С остальным мы справимся сами. Запомни — завтра!

— Все будет исполнено, — ответил Вернер. — Этот листок я могу взять с собой?

— О да! Только не потеряй... И еще... Подождите, Вернер! — обращаясь вдруг на «вы», сказал Хорст.

Уже поднявшийся из кресла Вернер фон Шлиден внимательно посмотрел на оберштурмбанфюрера и снова сел.

— Где-то вы были неосторожны, майор, — сказал Хорст. — Я нарушаю служебный долг, но вы мой друг, Вернер, в наше время это, пожалуй, единственная ценность.

— Я не понимаю вас, Вилли.

— Не буду вас ни о чем спрашивать — вы делаете свое дело, я делаю свое. Но учтите: вами интересуется оберст фон Динклер.

— Фон Динклер? Но ведь его святая обязанность интересоваться всеми офицерами, поскольку он возглавляет военную контрразведку...

«Очень хорошо, — подумал Вернер, — дезинформация Слесаря сработала. Партия «Три лица Януса» развертывается по всем правилам. А правила установили мы сами. Спасибо товарищам! Теперь ты мой самый надежный телохранитель, Вилли Хорст».

— Ладно, — сказал Вильгельм Хорст, — оставим этот разговор. Я вам ничего не говорил. Но имейте в виду, Вернер, это гораздо серьезнее, чем вы думаете. Говорю вам об этом как друг и...

— Договаривайте, Вилли.

— В другой раз, дорогой Вернер, в другой раз!

5

На скрещении дорог Меттеттен — Кенигсберг и Кенигсберг — Пиллау стоял коренастый обер-лейтенант-танкист.

Он переминался с ноги на ногу и нетерпеливо поглядывал в сторону от Кенигсберга — верно, ожидал попутную машину.

Некоторое время шоссе было пустынным, и офицер несколько раз с явным раздражением смотрел на часы.

Наконец со стороны Меттеттена показался приземистый пятнистый бронетранспортер. Когда он выехал на основное шоссе и стал выворачивать влево, на Кенигсберг, офицер решительно шагнул на середину дороги и поднял вверх руку.

Водитель резко затормозил и приоткрыл дверцу. Офицер сел рядом, и машина двинулась вперед.

В районе Иудиттена бронетранспортер остановил патруль полиции порядка. Не вставая с места, офицер протянул старшему патруля служебное удостоверение. Старший приложил два пальца к козырьку шапки. Водитель сидел неподвижно за рычагами.

— Можете ехать, — сказал старший патруля, — только возьмите влево, через Амалиенау. Впереди дорога перекрыта — разбирают развалины после ночной бомбардировки.

Через час после того как офицер-танкист остановил на шоссе бронетранспортер, его можно было увидеть у здания Центрального телеграфа, а через два часа он был уже неподалеку от форта «Дер Дона».

Если б комендант лагеря военнопленных встретил этого офицера на улице, вряд ли он узнал бы в нем того русского — прекрасного механика, давно ликвидированного службой СД. Август Гайлитис, в кармане которого лежали безупречные документы, отлично справлялся с ролью немецкого офицера.

6

Майор Вернер фон Шлиден не любил приглашать к себе в гости. С друзьями он встречался на их квартирах, в ресторане или еще где-нибудь. Но это обстоятельство никем не замечалось, ведь кошелек Вернера всегда был широко открыт для приятелей, друзей и собутыльников, и этого для них было достаточно.

На этот раз майор изменил своим привычкам. Сегодня у него в гостях был оберштурмфюрер СС Гельмут фон Дитрих.

Причина для кутежа имелась основательная: присвоение фон Шлидену майорского чина. Накануне Вернер, выполнив задание Хорста, побывал в гестапо и встретил там Гельмута.

— Жду с ответным визитом, — сказал майор. — В субботу приглашаю тебя к себе. Отметим теперь мое звание.

— А дамы будут? — подмигнул оберштурмфюрер.

— Я предпочел бы мужскую компанию, но желание друга — мое желание, — улыбнулся Вернер. — Кстати, Гельмут, как-то осенью я видел здесь неплохую девушку...

— Элен? У вас хороший вкус, герр майор. Девочка давно в Берлине. Такой товар не залеживается... Но я думаю, старый добрый Кенигсберг не оскудел совершенно, и вечер мы проведем на высоком уровне.

— Итак, в субботу в двадцать ноль-ноль, — сказал Вернер фон Шлиден.

Оберштурмфюрер кивнул, они подали друг другу руки и разошлись.

...Гельмут фон Дитрих опоздал на целый час, и Вернер стал уже беспокоиться, что тот не придет совсем. «Что я буду делать тогда?» — думал он, меняя пластинки с танго и фокстротами и танцуя по очереди с Ирмой и ее подругой Лизхен. Дело осложнялось тем, что женщины должны были остаться у майора до утра.

За тщательно завешенными окнами моросил теплый

весенний дождь. За окнами в сгустившихся сумерках притаился большой истерзанный город.

Вернер фон Шлиден занимал уютную квартиру из трех комнат в одном из кварталов Шарлоттенбурга. Обставленная старинной мебелью, квартира эта ничем не выдавала холостяцкого положения ее хозяина.

Саксофон замурлыкал очередное танго, и майор склонил голову, приглашая Ирму. Вдруг раздался звонок, Вернер извинился и пошел открывать.

— Доннерветтер! — сказал Гельмут вместо приветствия. — Тысяча извинений, Вернер. Никак не мог выбрать-ся. Этот твой Хорст...

— Почему мой? — возразил фон Шлиден, принимая мокрую шинель оберштурмфюрера. — Он скорее твой, Гельмут. Но лучше поздно, чем никогда. Идем, я тебя познакомлю...

7

— Вы пойдете в Кенигсберг на связь со Слесарем, — сказал подполковник Климов Августу Гайлитису.

После их памятной встречи в дивизионном «Смерше» и сдачи всех материалов и сведений, принесенных Гайлитисом, Алексей Николаевич приказал ему отдыхать трое суток, набираться сил для выполнения нового задания.

Но уже на второй день Гайлитис явился к подполковнику и сказал, что считает преступным отдыхать, когда кругом такое делается, и что он уже наотдыхался, когда валялся в сарае на сене с простреленной рукой.

И Климов решил — они оба уже были в Гумбинне — отправить Гайлитиса обратно в Кенигсберг.

— Завтра в двенадцать часов дня, — сказал он, — вы пойдете в Кенигсберг на связь со Слесарем. У Слесаря вышла из строя рация. К сожалению, он не смог решить эту проблему на месте. Вы доставите ему запасные части. У Слесаря получите новые сведения от Януса. Речь будет идти о системе оборонительных сооружений Кенигсберга. Понимаете, как это важно сейчас?! Слесарю скажите, что мы имеем информацию о намерении немцев подготовить для нас в Кенигсберге необычного рода пакость. Большого, к сожалению, не знаем. Пусть предупредит Януса.

— Если есть дополнительные данные о «вервольфе», — продолжал Климов, — пусть Слесарь незамедлительно пе-

редаст с вами. Уже есть случаи вылазок этих оборотней. Нужно предотвратить это в зародыше... Ваша форма и документы готовы. Переброской в Кенигсберг будет руководить майор Петражицкий. В качестве прикрытия начальник армейской разведки выделяет четверых ребят во главе с лейтенантом Новиковым.

Через два дня Август Гайлитис, он же обер-лейтенант Карл Шлоссман, ходил по перерезанным баррикадами улицам Кенигсберга.

8

Багровый от обильного количества алкоголя, выпитого за столом, в расстегнутом мундире, Гельмут обнимал за талию хорошенькую Лизхен, подругу Ирмы. А Ирма несколько презрительно посматривала на оберштурмфюрера: она терпеть не могла эсэсовцев, и Дитриха в особенности.

Вернер фон Шлиден довольно улыбался: вечер получился отличный. Стол был отменный, напитков достаточно, а сделать это в осажденном Кенигсберге не так-то просто. И Лизхен с Гельмутом быстро нашли общий язык.

Вскоре после того как пришел Дитрих, Ирма вышла на кухню. За нею следом — майор.

— Что у тебя общего с этим мерзавцем? — спросила она зло, швыряя тарелки с закуской на поднос.

— Ирма, дорогая, ведь мы договорились с тобой. Ты ведь знала, что будет именно Гельмут. Так надо, пойми меня. Бери пример с Лизхен. Она просто расцвела при виде такого бравого молодца.

— Лизхен — курица. Может быть, и мне строить ему глазки, да?

— Перестань. Ты хозяйка в этом доме, и веди себя как хозяйка.

Вернер обнял Ирму и притянул к себе.

— Ты у меня хорошая, — сказал он. — Знаешь, не всегда приходится делать то, что тебе нравится... Я очень устал сегодня, очень устал, маленькая. Пойдем к ним...

За столом много пили, ели, потом танцевали. Снова пили, хором пели «Стражу на Рейне», «Хорста Весселя». Гельмут заверял дам, что третий рейх бессмертен и немцы все равно свернут шею большевикам, рассказывал, как он расстреливает дезертиров, приглашал принять участие

в казнях, обещая приготовить для прелестных фрейлейн царочку паршивых трусов.

Лизхен с нескрываемым интересом смотрела на своего «сверхчеловека», Ирма больше молчала, а оберштурмфюрер вновь и вновь наполнял рюмки, не забывая при этом предложить тост за победу фюрера, милых фрейлейн и его лучшего друга Вернера.

Они пили, танцевали и пели, а в нескольких километрах от города русские батареи занимали огневые позиции.

Бутылки, стоявшие на столе, опустели. Вернер поднялся и прошел на кухню, чтобы откупорить новые.

Вслед за ним в кухню ввалился Гельмут фон Дитрих. Пошатываясь, он подошел к окну и отдернул штору.

— Что ты делаешь?! Свет!

Гельмут махнул рукой. Майор щелкнул выключателем и встал рядом у окна. Оберштурмфюрер прижался к стеклу лбом и смотрел в безглазую ночь, где были дождь и искалеченный город.

— Что с тобой? — сказал Вернер. — Тебе плохо?

— Плохо, очень плохо, мой друг, — тихо сказал Гельмут. — Там, перед ними, я храбрился, а на душе у меня... — Он недоговорил.

Вернер обнял его за плечи:

— Перестань. Будь мужчиной, Гельмут! Не все еще потеряно.

— Не все, это верно. Но из этого города мы уйдем. А я ведь родился здесь, Вернер... — Дитрих сжал кулаки. — Но он им не достанется тоже!

Гельмут схватил открытую майором бутылку и стал жадно глотать из горлышка. Потом с силой поставил бутылку на стол и отер губы обшлагом мундира.

— Пусть, — крикнул он, — пусть приходят! Пусть приходят — и костер пожрет их вместе с тем, что мы здесь оставим!

— Костер? — спросил Вернер фон Шлиден.

ДВЕРЬ ЙОЗЕФА БРАНДТА

1

Йозеф Брандт, специалист по хитроумным устройствам, запирающим банковские сейфы, вышел из социал-демократической партии до прихода Гитлера к власти.

Он повздорил с секретарем кенигсбергского комитета, уличив его в неблаговидных поступках, и швырнул на стол партийный билет.

Но скорее не выход из партии спас механика от концентрационного лагеря. Новые власти тоже любили хитроумные устройства, у них были сейфы, которые хотелось закрыть понадежнее. Он избежал мобилизации в армию, потом и возраст вышел, но вот когда русские встали у стен Кенигсберга, в фольксштурмовцы старый Йозеф Брандт все-таки угодил.

Две недели назад Йозефа Брандта забрали в гестапо прямо с поста, где стоял он вдвоем с пятнадцатилетним Гансом Крамером, щуплым пареньком, членом «Гитлерюгенда». Йозеф Брандт зябко поеживался на холодном весеннем ветру, мурлыкая под нос мелодию неизвестно кем сочиненной крамольной песенки про «новое оружие», которую втихомолку распевали солдаты «желудочных батальонов» — престарелые вояки из фольксштурма: «Виральте Аффен зинд нойе Ваффен»¹.

Когда рядом остановился черный «вандерер» и из кабины вылезли эсэсовцы с фельдфебелем, показавшим рукою на Брандта, старик подумал, что гестаповцы, наверно, читают мысли на расстоянии и знают, какую песню он распевал втихомолку на посту.

Первым вылез и подошел к солдатам оберштурмфюрер. Это был Гельмут фон Дитрих. Он спросил, действительно ли старик является Йозефом Брандтом, механиком, специалистом по сейфам. Получив утвердительный ответ, офицер отрывисто бросил:

— Поедете с нами!

Мальчишка Крамер во все глаза смотрел, как его напарника усаживают в машину. А механик ломал голову над тем, зачем он нужен гестапо, потом успокоился, решив, что донесли соседи, слышавшие, наверно, как он у себя дома довольно громко распевает песню про «старых обезьян»... По рассказам, Йозеф Брандт знал про гестаповские порядки, но, к его немалому удивлению, обращались с ним исключительно вежливо. Не хуже, чем в старые добрые времена, когда мастера приглашали в банк или какую-нибудь фирму для работы над сейфом. В гестапо его привели в кабинет, где высокий атлетического сложения офицер — проводник называл его оберштурмбан-

¹ Мы, старые обезьяны, — новое оружие (нем.).

фюрером — усадил Брандта в кресло, угостил отличной сигаретой и предложил сконструировать сложное устройство к стальной двери. Она должна была открываться только после набора соответствующего кода. Когда Брандт был посвящен в общую идею и ответил, что он сделает все так, как просит герр офицер, тот спросил:

— Какой срок понадобится вам для этой работы?

— Две недели, герр офицер, если будут все материалы, инструменты и помощники.

— Вы будете обеспечены всем необходимым. Но, во-первых, помощники не должны знать кода, во-вторых, вы сами обязуетесь под страхом смерти не разглашать ни цели вашего вызова сюда, ни, разумеется, тайны кода. И потом, две недели — слишком большой срок.

Йозеф Брандт выпрямился в кресле:

— Простите, герр офицер, но я работаю в этой области сорок лет и всегда умел хранить тайну. Что же касается срока, то такую работу за меньшее время сделать нельзя.

— Хорошо. Можете приступать немедленно.

Сразу же после разговора в гестапо его отвезли в закрытой машине на один из военных заводов, где все было подготовлено для работы. Помогали Йозефу Брандту специалисты из военнопленных, механики высокой квалификации. Два француза, датчанин и один русский. Все они неплохо знали немецкий язык, и помощниками Брандт остался доволен.

Спали там же. Пища и все необходимые инструменты и материалы доставлялись эсэсовцами. Кормили хорошо, и Брандт, наголодавшийся в последние месяцы, подумывал о продлении срока работы и хотел было заявить об этом офицеру, приехавшему тогда за ним. Но однажды пришлось Брандту заглянуть ему в глаза, и так стало старику не по себе, что он воздержался от всяких намеков. Запирающее устройство механик создал ровно за две недели. Работу принимал хозяин кабинета. Он приехал на завод, осмотрел дверь, проверил действие механизма. Ему же, и только ему, сообщил Брандт условное сочетание букв и цифр, знание которых позволяло проникнуть туда, где будет установлена эта дверь.

Помощников Брандта увели эсэсовские солдаты. Дверь погрузили на грузовик и увезли. Ему было велено ждать. Он долго сидел в опустевшем помещении, но за ним никто не приходил. Брандт пытался выйти, но за дверью,

выходящей во двор завода, стоял автоматчик... Истекал второй час ожидания, когда начался артиллерийский обстрел. Старик подумал, что следовало бы пойти в убежище, и в это время во дворе завода разорвался снаряд. Спрессованный воздух вдавил вовнутрь оконные стекла. Они со звоном упали на пол, и два мелких стеклянных осколка впились старику в щеку. Брандт ощутил словно укус, провел ладонью по лицу и с удивлением посмотрел на красную полосу на ладони. Он поднялся с пустого ящика, на котором сидел, подошел к двери и потянул ее на себя... Она подалась с трудом. Брандт потянул сильнее и отпрянул, когда в образовавшуюся щель протиснулась голова мертвого солдата. Острый осколок рассек ему горло, кровь медленными толчками выливалась из перебитой аорты, ноги неестественно были подвернуты, а руки продолжали прижимать к груди автомат.

Йозеф Брандт помедлил минуту. Словно замороженный смотрел он на мертвого солдата, унавшего возле двери, на пятно темной крови, расплывающееся под ним. Туловище закрывало дорогу, и Брандт не решался перешагнуть через труп. Потом он сумел это сделать и побежал по заводскому двору к воротам... Он не помнил, как добрался до дома, но очнулся у себя в комнате сидящим на кровати. Брандт пошел на кухню, отвернул кран, увидел, как медленно, толчками вытекает вода, вспомнил убитого и его тут же вырвало.

В кармане куртки он нашел плоскую банку консервированного паштета и ломоть хлеба, но есть ему не хотелось. Брандт старался забыть о сегодняшнем дне и думал о том, что надо вновь идти в свой «желудочный батальон» и выполнять приказы толстомордого фельдфебеля.

— Эй, Йозеф, спишь, что ли?

Дверь в кухню отворилась. Брандт повернулся и увидел своего двоюродного брата Курта Мюллера. Ровесники и соседи, они не очень ладили друг с другом. Брандт подозревал, что Курт по-прежнему был связан с партией, но, конечно, вслух никому и никогда не говорил об этом. Ведь хотя Курт страшный спорщик и злой на язык человек, он ему брат, и вообще Брандт честный немец, ему не по душе порядки, которые завели в Германии двенадцать лет назад эти наци.

— Стучу, а ты не откликаешься. Что с тобой? — спросил Мюллер.

Не любил Брандт откровенничать, да еще с Мюллером, от которого можно ждать любой насмешки, но сейчас что-то подтолкнуло Йозефа Брандта, и он рассказал ему все. И про мертвого солдата у двери он рассказал Мюллеру тоже. Курт слушал внимательно, ни разу не перебил его, потом покачал головой:

— За твою старую шкуру я не дам сейчас и пфеннига. Это просто чудо, что ты жив и я разговариваю еще с тобой.

Только сейчас стал осознавать старый механик чрезвычайность своего положения.

— А ты что, не знаешь гестаповцев? Наивный человек! Такое сложное устройство отнюдь не для запираания ватерклозета. Ты залез в какую-то тайну, и тебя должны были устранить. Не будь русского снаряда, домой ты не вернулся бы.

— Что же делать? — сказал Брандт.

— погоди, погоди!.. Я думаю. Вот что! Оставайся у меня дома. Надеюсь, тебя еще не хватились. Я попробую кое-что сделать, но мне нужен для этого час времени. Надеюсь, что ты и твоя тайна могут нам пригодиться.

— Кому это «нам»? — Йозеф Брандт подозрительно глянул на Мюллера.

— Честным немцам, — ответил Курт.

2

Жители Кенигсберга перестали спать по ночам. И не бомбежки, и артобстрелы были этому причиной. Ко всему привыкает человек, и к этому они тоже привыкли. К ним пришел страх. Липкий, обволакивающий сознание, таящийся в темных углах квартир и бомбоубежищ, глядящий в упор пустыми белесыми глазами, хватающий за сердце костлявой рукой смерти.

И страх этот становился сильнее и сильнее. Напрасно разум говорил, что за фортами Кенигсберга можно надежно укрыться и не взять русским такую неприступную крепость. Напрасно били в барабанные перепонки фокстроты и марши, гремевшие повсюду из студий Кенигсбергского радио, истерические выкрики партийных вождей.

— Наш девиз — национальное бешенство! — заявил Эрнст Вагнер.

Бешенства не было, было безумие скорпионов, жалящих себя перед смертью.

Теперь город ждал возмездия. И жители Кенигсберга не могли спать по ночам. Белоглазый страх приходил к их постелям, и они не могли отогнать его прочь.

3

— Вы все сделали, Дитрих?

— Так точно, оберштурмбанфюрер. Все военнопленные ликвидированы. Дверь доставлена согласно вашему приказу на объект «К». Там ждут ваших дальнейших указаний.

— Хорошо. Я сейчас еду туда.

Оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст подошел к шкафу, открыл его, снял шинель и повернулся, держа ее в руках, к оберштурмфюреру Гельмуту фон Дитриху.

— Пойдите, а старика?.. — Хорст щелкнул пальцами.

— Простите, оберштурмбанфюрер, — замялся Гельмут, — я не успел вам доложить. Старик оставался на заводе под охраной, я занимался дверью и военнопленными. Начался артиллерийский обстрел, часовой был убит, ну и...

— Старик на свободе и до сих пор жив? Да вы с ума сошли, Дитрих! Ответите своей головой, да, головой, черт вас побери! Кретин!

— Оберштурмбанфюрер!

— Молчать! Немедленно отправляйтесь на розыски старика! Пристрелите его на месте! У нас нет времени на соблюдение формальностей. Сейчас же отправляйтесь. Упустите старика — я застрелю вас собственными руками! Марш!

4

Гайлитис так и не успел снять немецкую форму. Сверху кто-то набросил ему на плечи серую солдатскую шинель. Но в кабинете командующего фронтом было жарко, и он сбросил шинель и сидел среди советских военачальников в мундире обер-лейтенанта немецких бронетанковых войск... Гайлитис долго рассказывал об обстановке в Кенигсберге, подробно описал систему оборонительных сооружений, передал сведения, собранные Янусом, и все, что сообщил ему для Центра Слесарь. Собственно говоря,

это было не совсем обычно — слушать разведчика, вернувшегося из вражеского тыла, сразу на Военном совете. Как правило, его слушают свои начальники. Если надо, перепроверяют данные, уточняют, дополняют, а потом готовят специальную сводку и подают ее по команде. Но сейчас это правило было нарушено. Август Гайлитис рассказывал, а стенографистка в углу бойко бегала карандашом по бумаге. Генералы слушали молча. Они хотели глазами разведчика увидеть изнутри осажденный город...

После совещания в штабе Гайлитис сказал Алексею Николаевичу Климову:

— Янус передал через Слесаря, что наши подозрения в отношении будущей попытки фашистов «хлопнуть дверь» перед уходом основательны.

ЧЕЛОВЕК В ОФИЦЕРСКОЙ НАКИДКЕ

1

В последние дни у майора Вернера фон Шлидена, исполняющего обязанности начальника отдела вооружения Первого военного округа, не было ни минуты свободного времени.

Его отдел занимался распределением оружия и боеприпасов, хранящихся на многочисленных складах и арсеналах Кенигсберга, между частями гарнизона и батальонами фольксштурма.

Командование распорядилось раздать все военные запасы, обеспечить форты двойным и тройным боекомплектом. «Пусть снаряды взрываются, а автоматы стреляют», — сказал генерал Отто фон Ляш... Эта работа требовала большого напряжения. Немецкая аккуратность и педантичность заставляли работников отдела даже в такое, предштурмовое, время вести строжайший документальный учет распределяемого оружия и боеприпасов.

Майор мотался по городу, следя за тем, как пустеют арсеналы, контролировал, где и какие части получают то, что им было выделено штабом округа. Однажды, когда он был в арсенале неподалеку от форта «Король Фридрих-Вильгельм III», в Кведнау, комендант арсенала передал ему телефонную трубку.

— Да, это я, майор Вернер фон Шлиден, — сказал

Вернер невидимому собеседнику. Потом он плотно прижал трубку к уху, молча выслушал и ответил: — Хорошо! — и положил трубку на рычаг.

2

Курта Мюллера не было часа полтора. Йозеф Брандт беспокойно поглядывал на часы, ему было страшно оставаться одному в пустой квартире. Он уже жалел, что рассказал обо всем брату, и снова беспокойно смотрел на часы. Старик поднялся, помедлил с минуту, потом решительно шагнул к двери и спустился по лестнице вниз, в свою квартиру. Едва он успел раздеться, как дверь отворилась и вошел Курт Мюллер.

— Быстро собирайся, Йозеф! — сказал он. — Зачем ты пришел сюда? Тебе надо уходить. Быстро уходить, понимаешь?

Брандт заметался по комнате, хватая вещи.

— Что ты делаешь? Старый черт, одевайся, и пошли. Оставь все здесь...

Брандт выпустил из рук костюм, который он уже вынул из шкафа, и, увлекаемый Куртом, вышел в прихожую, где висел его плащ.

Но уйти им не удалось. Входная дверь распахнулась. В прихожую буквально вломился высокий офицер-эсэсовец, тот самый, что приезжал за Брандтом на черной машине.

Он выхватил пистолет:

— Руки вверх! Назад, в комнату!

Старики подняли руки.

— Повернуться! Марш!

Оберштурмфюрер Гельмут фон Дитрих стволом пистолета толкнул Мюллера в спину.

«Черт возьми, придется стрелять в обоих», — подумал он, входя вслед за братьями в комнату.

— Не успели, — не опуская рук, шепнул Мюллер Йозефу Брандту. — Прощай, брат...

— Молчать! — рявкнул оберштурмфюрер.

Он поднял пистолет, намереваясь выстрелить Брандту в затылок, но услышал шаги в прихожей, прыгнул в сторону и встал так, чтобы держать под прицелом и дверь, и братьев.

В комнату быстро вошел человек в офицерской накидке. Увидев его, Гельмут изумленно поднял брови, ру-

ка с пистолетом опустилась вниз. Он открыл рот, но произнести не успел ни слова.

Оберштурмфюрер так и умер изумленным и с открытым ртом.

Стоявшие лицом к стене Курт Мюллер и Йозеф Брандт услышали выстрелы и решили, что уже умерли... Потом они услышали голос, но уже другой:

— Надо его убрать. Помогите.

Они повернулись и увидели офицера, который засовывал пистолет в кобуру, и труп эсэсовца.

— Кто из вас Йозеф Брандт?

— Я, — выступил вперед старый механик.

— Ваши документы.

Офицер взял в руки удостоверение личности фольксштурмовца, посмотрел и, наклонившись над трупом, засунул его в карман убитого им Дитриха.

— Выходите из дому и идите к соседней площади. Там будет ждать «опель-кадет». Подойдите к водителю машины и назовите свое имя. Он доставит вас в безопасное место.

Йозеф Брандт пожал руку Мюллеру, покосился на труп оберштурмфюрера и вышел.

— Вы Курт Мюллер? — спросил человек в офицерской накидке. — Оставайтесь. Мне нужна ваша помощь.

3

Ночью Кенигсберг усиленно бомбила советская авиация.

Утром оберштурмбанфюреру Вильгельму Хорсту доложили, что в районе Понарта обнаружен труп оберштурмфюрера Гельмута фон Дитриха. Судя по всему, оберштурмфюрер погиб от разрыва бомбы.

Хорст в сопровождении автоматчиков выехал на место происшествия. Труп Гельмута лежал там, где его обнаружили. Хорст откинул покрывало, долго смотрел в почерневшее лицо оберштурмфюрера. Невеселые мысли пронеслись в его голове. Хорст не был высокого мнения об умственных способностях Гельмута, но верил в его искреннюю преданность себе. Усилием воли Хорст поборол печальные размышления, отвернулся и механически принял от стоявшего рядом гауптмана пакет с бумагами покойного... Среди документов оберштурмфюрера Вильгельм Хорст обнаружил удостоверение на имя рядового батальона фольксштурма Йозефа Брандта. Хорст внимательно

посмотрел удостоверение, сунул обратно в пакет с документами и положил его в карман шинели.

— Он выполнил свой долг, этот доблестный воин фюрера! — громко сказал оберштурмбанфюрер и осторожно закрыл покрывалом черное лицо Гельмута фон Дитриха.

4

Юркий «опель-кадет» нырнул в узкий переулок, заехал на тротуар, обогнул обломки упавшей стены и остановился у подъезда уцелевшего дома. Дверца машины открылась, и сидевший рядом с водителем пожилой человек торопливо вошел в подъезд. «Опель-кадет» развернулся, снова его колеса въехали на тротуар. Виляя из стороны в сторону, машина медленно поехала к центру города. Несколько раз водителя останавливали эсэсовские патрули, но пропуск, подписанный самим обергруппенфюрером СС Гансом-Иоганном Бёме, открывал «опель-кадету» дорогу.

На Генераллиманштрассе машина остановилась. На переднее сиденье сел человек в офицерской накидке. Водитель передал ему клочок бумаги, на котором значились цифры. Офицер внимательно просмотрел бумагу, отвел в сторону глаза, снова глянул на листок. Чиркнул зажигалкой и поджег его. Пепел упал на пол машины. Она двигалась теперь по Моцартштрассе. Здесь майор Вернер фон Шлиден вылез из машины. «Опель-кадет» через некоторое время мчался уже вдоль берега реки Прегель. До поворота оставалось несколько десятков метров. В это время тяжелый снаряд упал впереди машины. Ее подбросило в воздух, но, словно кошка, она вернулась на землю всеми четырьмя колесами и продолжала бежать по дороге.

Водитель был мертв. Тело его привалилось к дверце кабины. Двигатель гнал машину вперед, а колеса уже повернули налево. «Опель-кадет» выехал на бровку набережной Прегеля и медленно упал в воду.

Разрыв второго снаряда заглушил всплеск.

Так погиб резидент советской разведки в Кенигсберге, бакалейщик Вольфганг Фишер, по кличке Слесарь.

«ИСТЕРИКУ ОСТАВЬТЕ ЖЕНЩИНАМ»

1

Он перестал надеяться, когда узнал о том, что русские уже на Принцессенштрассе. Денщик принес ему

черный кофе, и генерал, с неестественно спокойным видом, маленькими глоточками выпил две чашки дымящейся жидкости. Потом вызвал адъютанта и, приказав не беспокоить его, полчаса писал что-то, закрывшись за бронированной дверью подземного кабинета.

В одиннадцать часов утра генерал от инфантерии Отто фон Ляш вышел в небольшую приемную и увидел высокого эсэсовского офицера в разодранной фуражке и большим кровоподтеком на правой щеке.

— Это к вам, экселенс, — сказал адъютант.

Офицер вытянулся во весь рост и пытался щелкнуть каблуками, но колени его подогнулись, и он рухнул на стул, который едва успел подставить адъютант генерала.

— Можете сидеть, — сказал генерал Ляш.

— Господин генерал, — хриплым голосом произнес офицер, — я уполномочен сообщить вам, что крейслейтер Вагнер собирает совещание по вопросам дальнейшей обороны города.

— Обороны? — Ляш рассмеялся. — Крейслейтер, оказывается, тоже ведает обороной. А я считал, что это моя прерогатива. Я тоже собираю совещание по вопросам обороны, майор. Ровно в тринадцать часов. Можете передать это крейслейтеру Вагнеру...

Отто фон Ляш нарочито не назвал офицера эсэсовским званием штурмбанфюрер, а просто по армейски — майор, но посланец наместника Гитлера в Кенигсберге, казалось, не обратил на это внимания.

Он с трудом поднялся и, кривясь от боли, шагнул к выходу.

— Он ранен, Генрих, — сказал Ляш адъютанту. — Оставьте его здесь, а к Вагнеру пошлите кого-нибудь другого.

2

Когда первые советские солдаты появились у зоопарка, майор Вернер фон Шлиден находился в полуразрушенном здании варьете.

Чудом ускользнув из павшего уже форта «Мариенберг», где застал его штурм Кенигсберга, он целые сутки безуспешно пытался проникнуть к центру города, чтобы сорвать последнюю операцию гитлеровцев, за которую его «друг» Гельмут фон Дитрих уже заплатил своей жизнью. У самого зоопарка взрывом снаряда Вернера контузило,

и вот уже восемь часов подряд он валялся на каком-то тряпье в зале бывшего бара вместе с сотней солдат и офицеров, ждущих с автоматами в руках первые цепи русских солдат.

Неизвестно, как развивались бы события дальше — перестрелка уже началась, а двигаться Вернер мог с трудом, — если бы не увидел он плечистую фигуру Хорста.

— Хорст! — крикнул фон Шлиден. — Хорст!

— Вернер, что вы делаете здесь?

Оберштурмбанфюрер наклонился над ним и сильным рывком помог подняться на ноги.

— Идти можете?

— Попробую, Вилли.

Хорст подозвал пехотного обер-лейтенанта и, сунув под нос ему какую-то бумагу, приказал выделить двух солдат для господина майора. Тот, проворчав о своих собственных раненых, повиновался.

Вернер обнял за плечи двух дряхлых фольксштурмовцев, боязливо поглядывавших на рослого Хорста, требовавшего пошевеливаться, и скоро почувствовал, что силы почти вернулись к нему. Но он продолжал держать за плечи солдат, решив, что беспомощным ему быть пока удобнее.

Артиллерия в этом районе перестала работать: русские опасались задеть своих солдат. Вокруг раздавались лишь взрывы гранат, дудуканье пулеметных очередей и треск автоматов.

На Хуфеналлее, заваленной горящими машинами и обломками зданий, их ждал зеленый бронетранспортер. Водитель нетерпеливо выглядывал из люка и, едва увидев Хорста с майором, тут же включил мотор.

— Вы думаете, мы сможем куда-либо проехать? — спросил фон Шлиден, когда они забрались в кабину.

— Попробуем, — улыбаясь сказал Хорст.

...Бронетранспортер медленно плыл в море разрывов, пламени и обезображенных остатков того, что когда-то называлось Кенигсбергом. Водитель, обливаясь потом, с остервенением ворочал рычагами, бросая машину то вправо, то влево, лавируя среди развалин. Краем глаза Вернер увидел впереди два трупа в зеленых мундирах. Бронетранспортер на мгновение замер.

— Вперед! — крикнул Хорст.

Левая гусеница поползла вверх, машина накренилась и мягко перевалилась вперед, царапая траками скользкие от крови камни на мостовой.

Они были уже метрах в пятидесяти от горевшего здания Северного вокзала, когда из-за опрокинутого трамвайного вагона выскочил эсэсовец и, приставив к животу автомат, выпустил всю обойму по бронетранспортеру. Пули ударили в обшивку.

«Словно горох рассыпался», — подумал фон Шлиден.

Водитель медленно поднялся со своего сиденья, протянул руки вперед и, не сгибаясь, повалился на борт бронетранспортера. Хорст выхватил автомат водителя и выстрелил в эсэсовца, который продолжал стоять во весь рост, что-то крича и размахивая руками. Пули Хорста попали ему в ноги. Он подпрыгнул и закружился на месте. Вторая очередь оберштурмбанфюрера свалила его на землю. Хорст отбросил оружие, выбросил труп водителя и уселся за рычаги.

— Возьмите автомат, майор, сегодня слишком много сумасшедших! — крикнул он Вернеру.

Но проехать они смогли не более ста метров. Из бункера выбрался тщедушный парнишка, большеротый, коротко стриженный, в длинном, не по росту, мундире. Он бросился наперерез машине, с размаху упал на землю, и Вернер вдруг увидел в его руках невесть откуда взявшийся фаустпатрон.

— Стреляйте, Шлиден, стреляйте! — страшным шепотом, видно сорвав голос, прокричал Хорст.

Пули фон Шлидена упали в асфальт за метр до обезумевшего солдата. Хорст рванул рычаг и бросил машину вправо, пытаясь опередить смерть... Вернер снова вскинул ствол автомата, нажал на спусковой крючок и увидел, как из раструба фаустпатрона вырвалось желтое пламя.

3

— Я не принял окончательного решения, — сказал генерал Ляш, — но считаю дальнейшее сопротивление бессмысленным.

Он сказал это довольно тихо. И хотя сверху доносились звуки разрывов, но все, кто паходился в бункере, слышали эти слова. Крейслейтер Эрнст Вагнер вскочил во весь рост и протянул руку вперед.

— Это измена! — крикнул он. — Мой фюрер...

Голос крейслейтера сорвался.

Оберст фон Динклер потянул его за полу мундира. Вагнер порывисто повернулся, и в это время генерал Ляш вышел в светлый круг, отбрасываемый на бетонный пол лампами сверху.

Все молчали. Одни таращили воспаленные бессонницей и боем глаза на стоящего в центре командующего, словно надеясь прочесть на его лице грядущее. Другие сидели и стояли опустив головы. Вернер фон Шлиден вдруг увидел, как поднялся Вильгельм Хорст и за спинами офицеров и представителей гражданских властей осторожно стал пробираться к выходу.

Вчера они уцелели чудом. Сумасшедший парень взял слишком высоко, и смерть в этот раз только дохнула на них, противно провизжав над головой. Бронетранспортер пришлось бросить, но до главной ставки они добрались без особых приключений. В штабе Вернер и Хорст растались. Ляш, увидев фон Шлидена, приказал ему находиться при нем, но за всю прошедшую ночь и сегодняшний день не давал никаких поручений, словно не замечая присутствия майора. Оберштурмбанфюрер появился только утром. Угостил Вернера хорошим коньяком, был странно оживлен, если не сказать весел, оказывал майору всяческое расположение. И вот сейчас Вильгельм Хорст медленно и осторожно пробирался к выходу из бункера.

— Истерику оставьте женщинам, — не глядя на Вагнера, сказал генерал Ляш. — Помимо «Майн кампф» надо заглядывать и в Клаузевица. Сопротивление бессмысленно, господин Вагнер...

Командующий пристально оглядел собравшихся и продолжал после минутной паузы:

— Поймите меня правильно, господа. Русские взяли нас в кольцо. Они отрезали войска гарнизона от моря и земландской группировки. Попытка вырваться нам не удалась. Не смогли пробиться к нам и соединения 4-й армии... На заключение хотя бы краткого перемирия русские не пойдут. Они несомненные хозяева положения. Единственный выход — капитуляция. Поступив так, мы сохраним немцев. Хороший коммунист — мертвый коммунист... Живой немец лучше мертвого немца!

— Простите, генерал... — запинаясь, произнес обер-бургомистр Кенигсберга доктор Гельмут Вилл, — может быть, попробовать прорваться на Пиллау?..

— Поздно спохватились, — сказал Отто фон Ляш. — Русские перерезали дорогу. Поздно... Но, сдаваясь сегодня, мы сохраним нашу Германию для будущего.

Крейслейтер Эрнст Вагнер выхватил вдруг парабеллум, поднес его к виску и скривился от боли, когда адъютант генерала фон Ляша выбил пистолет из руки партийного вождя Кенигсберга. Парабеллум глухо стукнул об пол. Генерал фон Ляш обернулся на звук, помедлил минуту, презрительно глядя на крейслейтера и придерживая рукой бронированную дверь внутреннего каземата.

— Щенок, — сурово сказал он, — мальчишка... Вы еще делали в штанишки, когда я командовал ротой. Найдите ему валерьянку, Генрих.

Дверь захлопнулась. Командующий Первым военным округом Восточной Пруссии, комендант крепости Кенигсберг генерал от инфантерии Отто фон Ляш последнее решение принимал в одиночестве.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КОЗЫРЬ ВИЛЬГЕЛЬМА ХОРСТА

1

Когда Вернер фон Шлиден увидел, что Вильгельма Хорста в бункере уже нет, он сказал себе: «Пора!»

Майор двинулся к выходу. Обернувшись в дверях, Вернер заметил, как крейслейтер Эрнст Вагнер прячет пистолет в ящик большого дубового стола, стараясь сделать это незаметно. Руководитель нацистов столицы предпочитал сдаваться в плен без оружия.

В бункере царили смятение и паника.

...А город горел. По времени был полдень, но зловеющий дым застилал солнце. Сумерки, пронизываемые молниями разрывов, господствовали над Кенигсбергом. Время будто остановилось, наполненное ревом, не имеющим оттенков, сплошным ревом, который рвал барабанные перепонки и не оставлял ничего, кроме желания перестать слышать все это...

Вернер мгновение помедлил, стоя на верхних ступенях, ведущих из бункера в этот ни с чем не сравнимый ад, потом рванулся вперед, к дереву с обломанной вершиной, и в это время в здание университета ударил снаряд, бесшумно просыпав на землю чудом сохранившиеся стекла окон. От дерева Вернер ползком добрался к развалинам длинного дома, перевалился через бруствер и упал

в траншею, которая привела его к полузасыпанному входу в подвал. Он нырнул в него и увидел десятка два солдат, сидевших на длинных скамьях вдоль стен. Лица их, землистые, покрытые копотью и пылью, были безучастными. На мгновение Вернеру показалось, что это рассаженные мрачным шутником трупы, но винтовки, зажатые между солдатскими коленями, подрагивали, и майор понял, что видит живых людей.

Искоса поглядывая на солдат, не обративших на офицера никакого внимания, фон Шлиден быстро прошел в подвал, подумав о странной форме массового шока. Усмехнулся: «Немудрено... Четвертый день такой музыки».

Через подвал он с трудом выбрался на противоположную сторону разрушенного здания и, прижимаясь к остаткам стен, двинулся к уцелевшей кирке. До нее оставалось не более сотни метров, когда вдруг справа от майора ударила пулеметная очередь. Вернер упал на землю и осторожно повернул голову в ту сторону, откуда стреляли. Путаясь в полах длинной зеленой шинели, по заваленной трупами мостовой бежал долговязый солдат с остекленевшими глазами, без шапки и пояса. Он волочил за собой пулемет, падал через десять — пятнадцать шагов, припадал к оружию и стрелял туда, откуда бежал, спотыкаясь...

Одна из его очередей едва не задела Вернера. Майор лежал у противотанковой рогатки и думал, что совсем уж глупо попадать сейчас под пули. А солдат все бежал по мостовой, заваленной трупами, волоча за собой пулемет, и он был уже недалеко от королевского замка. Но небо, закрытое дымом, разорвал нарастающий вой. Едва не сбив вершину кирки, пикировал советский штурмовик, поливая землю свинцом из пулеметов.

«Черная смерть!» — мелькнула у фон Шлидена мысль.

Он увидел, как солдат в длинной шинели неторопливо поднял руки, подержал их мгновение над головой, повернулся на пятке и рухнул, накрыв пулемет своим телом.

В это самое время Вильгельм Хорст сидел на дне воронки неподалеку от набережной Прегеля и обдумывал маршрут, который привел бы его к той же кирке, неподалеку от которой, прячась за противотанковую рогатину, лежал майор фон Шлиден. Час назад Хорст был в

королевском замке. В комнате, обитой голубым шелком, его слушал обергруппенфюрер СС Ганс-Иоганн Бёме.

— Положение безвыходное, обергруппенфюрер, — говорил Хорст. — Я только что из ставки Ляша. Генерал решает капитулировать. Вагнер и этот доктор Вилл в панике. Войсковые подразделения разобщены, не имеют связи со штабом...

— Ваше мнение, Хорст?

— Умереть за фюрера — это счастье, обергруппенфюрер!

Бёме поморщился:

— Налейте мне вина, Хорст.

Сильный взрыв потряс стены замка. Обергруппенфюрер вопросительно посмотрел на Хорста.

— Нет-нет! — успокоил Хорст. — Дальнобойная артиллерия русских. Наверно, их последний снаряд...

— Вы хотите сказать, что скоро они будут здесь? Ладно, молчите. — Бёме махнул рукой и протянул бокал Хорсту: — Еще.

Он молча выпил.

— Можете налить себе, Хорст.

Вбежал адъютант:

— Гарнизон замка готов умереть за фюрера! Офицеры просили меня передать вам это, обергруппенфюрер!

— Я всегда верил в вашу искренность, мой друг.

Бёме подошел к адъютанту и обнял его. Вытер глаза рукавом.

«Комедиант паршивый!» — с внезапной злобой подумал Хорст.

Они остались одни.

— Все готово, Хорст?

— Так точно, обергруппенфюрер!

— Давайте ключи. Еще есть такие?

— Только у генерала Ляша.

— Который сдается русским? И передаст им ключи!

— Не беспокойтесь, главное — шифр. Его не знает никто, кроме меня.

— Сообщите шифр, — сказал Бёме.

Хорст подошел ближе, склонился к уху обергруппенфюрера и негромким голосом сказал шифр.

— С этим ясно. Как с убежищем?

— Можно отправляться хоть сейчас.

— Я готов. Идемте.

Они вышли из комнаты, пошли коридором, затем свернули направо.

Обергруппенфюрер остановился перед низкой сводчатой дверью и отпер ее ключом. За дверью находилась библиотека: высокие стеклянные шкафы, поблескивающие золотом фолианты.

— Подержите портфель, Хорст.

«Тяжеловато для бумаг, — подумал оберштурмбанфюрер, принимая портфель Бёме. — Уж не золото ли он в нем держит!..»

Обергруппенфюрер обеими руками сбрасывал книги одного из шкафов. Он опустошил уже две полки и, заметно нервничая, принялся за третью. Наконец внутри скрипнуло, и шкаф медленно отошел в сторону, обнаружив отверстие в стене.

— Идите первым, Хорст, — сказал обергруппенфюрер.

Дальше была винтовая лестница. По ней они долго спускались вниз. Лестница привела в комнату с низким потолком. Она была совершенно пуста: В трех ее стенах темнели небольшие двери. Под потолком тускло светил плоский плафон. Бёме потянул на себя одну из дверей. Она не поддавалась. Обергруппенфюрер выругался, поднял руку и повернул крюк над косяком двери. Дверь распахнулась.

— Включите фонарь, Хорст. Дальше света не будет.

Они двинулись узким коридором, пригнувшись и освещая дорогу фонарями. Обергруппенфюрер по-прежнему заставлял идти Хорста впереди. Разрывы сюда не доносились. Пахло сыростью и морскими водорослями. Запах водорослей удивил Хорста. «Море ведь далеко, — подумал Хорст. — Откуда здесь водоросли?»

Метров через триста — четыреста — Хорст считал шаги — Бёме приказал ему остановиться. Потом осветил фонарем стену.

— Еще немного вперед. Метров пятнадцать, — сказал он.

Они пошли дальше. Обергруппенфюрер вновь осветил стену, и Хорст увидел железный ящик, вмурованный на высоте полутора метров от пола. Бёме открыл ящик, схватил один из рубильников, спрятанных там, и резко потянул его вниз. Где-то далеко вздохнула земля, и волна затхлого воздуха едва не сбила их с ног.

— Назад хода нет, Хорст, — сказал Бёме.

Второй штурмовик снова спикировал рядом с киркой, когда Вернер добрался до ее главного входа. Здание качнулось, сверху упала красная пыль. Фон Шлиден толкнул резную дверь и спустил предохранитель пистолета. Так он и вошел в кирку — с пистолетом в руке и в красной от пыли одежде. Вход в подземелье майор нашел быстро. Он разбросал доски, закрывавшие люк, осторожно нащупал кольцо и отсоединил взрыватель контактной мины, о которой его предупреждали. В темноте Вернер спустился по ступенькам, фонарь пока не зажигал, провел рукой по левой стене и, нащупав рубильник, включил свет. Аккумуляторы были свежие, и яркий свет залил бункер. Первую дверь он открыл длинным ключом с замысловатой бородкой, с улыбкой вспомнив, как дважды пришлось делать с него слепок. За дверью был короткий коридор. Вернер помедлил, поднял руку с пистолетом и резко шагнул вперед. Но здесь никого не было. Метрах в пяти от него находилась вторая дверь. Она была даже не заперта. За нею Вернер увидел бункер округлой формы. Яркий плафон наверху освещал пустое помещение.

«Значит, она здесь, знаменитая дверь», — подумал майор.

Он подошел к ней и остановился, разглядывая. Дверь была овальной формы. По краям — странного вида ручки. Никаких отверстий, ничего похожего на замочную скважину. И только в самом центре двери круглый, вроде телефонного, диск.

— Гнейзенау, Гнейзенау, — пробормотал Вернер. С минуту стоял он неподвижно у стальной двери, пристально рассматривая круглый диск с буквами и цифрами на белых ячейках. — Гнейзенау, — снова повторил он и осторожно стал набирать это слово на диске. «Теперь цифры, — подумал майор, — двадцать восемь — сорок три. И тридцать четыре — восемьдесят два...»

Когда майор Вернер фон Шлиден набрал последнюю цифру и убрал палец из ячейки диска, раздался короткий мелодичный звон и дверь бесшумно отворилась.

— Сейчас выходим, Хорст. Будьте осторожны, — сказал обергруппенфюрер.

Подземный ход из королевского замка привел их в бомбоубежище под одним из домов по правому берегу Прегеля. Из бомбоубежища они выбрались к набережной и стали пробираться к устроенному Хорстом тайнику.

— Быстрее, быстрее! — торопил обергруппенфюрер Хорста. — Я не намерен попасть в руки русских.

— Позвольте, обергруппенфюрер, но операция «Костер нибелунгов»...

— Не ваше дело, Хорст! У меня есть особые соображения на этот счет, — сказал Бёме. — Идите быстрее!

Они спустились к самой воде, поблескивающей от ближних пожаров. Отовсюду стреляли, пули проходили над их головами. Визжали мины. Королевский замок не был виден под черным покрывалом дыма, окутавшего центр города. По реке плыли трупы.

«Что произошло? — лихорадочно думал Хорст. — Неужели Бёме отказался от операции «Костер нибелунгов»? Приказ свыше, или его инициатива... Понимаю, он хочет купить этой ценой расположение русских, если вдруг попадет к ним в руки... Но, черт побери, в первую очередь я, Ирокез, не получал приказа о ликвидации «Кактуса»... Как ни жаль, обергруппенфюрер, но с этой минуты я уже не служу вам больше!»

С другого берега донеслись крики «ура».

— Поторопитесь, Хорст! — крикнул Бёме.

Через несколько десятков шагов Хорст остановился.

— Это здесь, — сказал он.

Хорст поднял крышку канализационного люка и стал спускаться по скобам. Обергруппенфюрер последовал за ним. Они оказались в подземном зале. Вдоль одной из стен протянулся причал, у которого стояла небольшая, в четыре метра, подводная лодка.

— Снаряжение приготовлено? — спросил Бёме у Хорста.

— Все уже в лодке, — ответил Хорст.

— Поторопитесь.

Обергруппенфюрер СС Ганс-Иоганн Бёме прошел вперед, и в тот момент, когда он занес ногу, чтобы поставить ее на борт лодки, оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст ударил его рукояткой пистолета в висок. Ганс-Иоганн Бёме медленно повернулся, недоуменно глядя на Хорста, разжал руку, в которой держал портфель, потянулся к поясу, царапнул пальцами по кобуре пистолета и упал плашмя на корпус подводной лодки.

Панель щетинилась рубильниками и занимала почти всю стену. Вернер внимательно осмотрел ее и полез в карман за ножом.

Рубильники были сгруппированы по районам города. Вот надпись: «Шарлоттенбург» — и шесть рубильников, от которых идут провода к взрывным механизмам, что поднимут в воздух эту часть Кенигсберга. А вот написано: «Альтштадт». Здесь уже двенадцать рубильников.

На панели указаны форты, важнейшие объекты, которые в соответствии с планом операции «Кактус», она же «Костер нибелунгов», должны взлететь на воздух, как только советские солдаты займут город.

Майор Вернер фон Шлиден вытащил нож и перерезал первые провода, идущие от рубильников к взрывным механизмам.

Не взлетит на воздух королевский замок, останется цел Гауптбанхоф — Центральный вокзал, сохранятся корпуса судостроительного завода и причалы морского порта, не полетит электрическая искра к складам боеприпасов многочисленных фортов Кенигсберга и останутся живы тысячи русских солдат, которые через несколько часов будут праздновать победу.

Майор Вернер фон Шлиден обламывает ядовитые иголки «Кактуса», уничтожает страшный «Костер нибелунгов».

— Не слишком ли торопимся, Вернер?

Эти слова были произнесены на английском языке. Майор резко повернулся и сунул правую руку за пазуху. В дверях стоял оберштурмбанфюрер Вильгельм Хорст.

Он дружелюбно улыбался, не замечая перерезанных проводов за спиной майора:

— Впрочем, не Вернер, а Генри... Джон или Ричард... А, коллега?

До последней минуты не сомневался Вильгельм Хорст в том, что Вернер фон Шлиден является сотрудником американской разведки, и, затеяв свою собственную игру, полагал, что именно Вернер будет той лошадкой, на которую он, Хорст, поставит в последний, решительный момент. Теперь, когда Вильгельм Хорст увидел вдруг майора фон Шлидена в бункере с панелью, он понял, что недооценил Вернера, что тот проник в тайну секретной двери, используя свои каналы. Может быть, и смерть Гельмута на счету у этого ловкого парня, которого он давно держал на прицеле... Что ж, это даже лучше. Это

замечательно, что они встретились именно здесь, где решается судьба операции «Костер нибелунгов». Да и предупреждение оберста фон Динклера лишь утвердило Хорста в том, что он правильно определил истинное лицо Вернера фон Шлидена, и теперь Хорст не очень удивился, застав майора в секретном бункере с электрической панелью.

Словом, Арвид Янович Вилкс был совершенно прав, когда сказал в Москве подполковнику Климову, что если поручить организацию этого дела профессору Иоганну фон Шванебеку в Берлине, то он сделает все солидно и чисто. Третье лицо Януса создавалось специально для Вильгельма Хорста, и он принял навязанные ему правила игры. Теперь Вильгельм Хорст не удивился, увидев майора у открытой двери, и искренне приветствовал Вернера фон Шлидена.

Это была последняя ошибка оберштурмбанфюрера Вильгельма Хорста. Он сделал шаг вперед, и три пули из пистолета фон Шлидена швырнули его на бетонный пол бункера. Майор повернулся к панели и стал рвать ножом последние провода.

Второпях Вернер не заметил небольшую кнопку и нечаянно придавил ее локтем. Где-то у входа в бункер завывала сирена. Майор замер у панели и глянул на лежащего ничком Хорста.

«А если он не один, если снаружи ждут эсэсовцы?»

Поддевая ножом по две-три проволоки сразу, Вернер фон Шлиден сохранил жизнь району Розенау. Аккуратная прежде панель разлохматилась искромсанными проводами. Майор сунул нож в карман, перешагнул через труп Хорста и осторожно двинулся к выходу, держа пистолет наготове.

Но Вильгельм Хорст еще не был трупом. Вой сирены привел его в чувство. Теперь он все понял наконец.

Хорст приподнялся на локтях и подполз к панели. Силы оставили его, голова тяжело упала на руки, но Хорст заставил себя поднять правую руку, и она опустила вниз маленький незаметный рубильник. Последний козырь был в руках Вильгельма Хорста. Последний и смертельный козырь. И оберштурмбанфюрер выбросил его, перед тем как умереть.

Когда майор фон Шлиден миновал поворот, в грудь его толкнула волна пыльного воздуха, дрогнули стены бункера. Вернер бросился вперед—и наткнулся на сплошную бетонную стену, закрывшую выход из подземелья...

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

БУТЫЛКА ИЗ-ПОД «СТОЛИЧНОЙ»

Пятнадцатого июля 1960 года, в восемь часов тридцать минут по московскому времени, господин Фридрих Шторр, капитан теплохода «Джулиус Пиккенбек», порт приписки — Гамбург, сделал официальное заявление о не вернувшемся вечером с берега радисте Оскаре Груннерте. Капитан просил портовые власти Поморска принять меры по его розыску.

Через пятьдесят минут после заявления капитана Шторра полковнику Бирюкову доложили, что играющие ребятишки случайно обнаружили труп мужчины, укрытый в кустах. Прибежавший на крики испуганных детей постовой милиционер Федосеев немедленно сообщил по телефону о случившемся дежурному по горотделу милиции...

Когда Юрий Алексеевич Леденев, получив соответствующее указание от полковника Бирюкова, прибыл на место происшествия, труп был уже убран в машину и его собирались отвезти в морг для проведения обстоятельной судебно-медицинской экспертизы. Район обнаружения трупа был оцеплен милицией. Она не подпускала чрезмерно любопытных прохожих к группе работников уголовного розыска и экспертов-криминалистов из городского отдела. Среди них Юрий Алексеевич узнал капитана Корду и направился к нему.

— Здравствуйте, Леша.— Леденев пожал капитану руку, поздоровался с остальными ребятами.— Радист?

— Он самый,— ответил Корда.— Конечно, мы сейчас сообщим на судно и проведем официальное опознание. Но, судя по фотографии на удостоверении личности, которое у него нашли, это Оскар Груннерт.

— Что с ним, доктор? — спросил Леденев у судебно-медицинского эксперта, розовощекого долговязого парня, тщетно пытающегося раскурить сигарету. Спички

безнадежно ломались в его непостижимо огромных руках.

Леденев щелкнул зажигалкой и поднес доктору огонь.

— Удар ножом в область сердца,— ответил тот.— После вскрытия могу ответить точнее, но произошло это десять — двенадцать часов назад...

— Ну что, ребята? Все сделали? — спросил Корда у товарищей.— Никаких следов больше нет?

— Какие там следы! — пробурчал один из сотрудников.— Стукнули парня, и все шито-крыто... Чисто стукнули...

— Убили его на дорожке, вот здесь. Видишь, сохранились следы, не успели затоптать,— объяснил Корда Леденеву.— Отсюда радиста оттащили в кусты... Ребята, пусть один из вас останется и пошарит в кустах и в траве. Может, какая мелочь выпала у него из карманов или убийца что потерял... А мы поедем. Возьмете дело к себе в управление?

— Не знаю,— сказал Леденев.— Убийство в городе — по вашей части. Я приехал только потому, что он иностранец.

— А то забирай... Глядишь, и разгрузишь старых друзей.

— На то будет воля начальства,— ответил Леденев, осторожно продвигаясь среди отмеченных оперативной группой следов.

Вот место, где совершилось убийство, вот заметная борозда, оставшаяся оттого, что труп тащили к кустам по песчаной аллее, обведенные следы ног — они могли принадлежать убийце или убийцам, а может быть, и случайным прохожим. На всякий случай эксперты сделали несколько гипсовых заливок.

— Товарищ капитан,— обратился к Корде постовой милиционер,— тут вот я бутылку нашел, только донышко отвалилось.

— Давай-ка посмотрим,— сказал Корда.

Он осторожно поднял обнаруженную милиционером бутылку с отвалившимся донышком и принялся разглядывать этикетку. Потом передал бутылку Леденеву.

— «Столичная» в экспортном исполнении,— сказал Юрий Алексеевич.— Такую можно достать только в баре Интернационального клуба моряков. Свежая?

Корда понюхал:

— Запах еще есть. Вчера разбили, не раньше. Драка здесь была, что ли?

— Возможно, — отозвался Леденев.

Заворчал мотор. Уехала машина с трупом радиста теплохода «Джулиус Пиккенпек» и судебно-медицинским экспертом.

— Приобщите бутылку, — сказал Корда одному из своих помощников. — Проверьте на отпечатки пальцев. И у радиста не забудьте снять.

— По принципу: он кого-то бутылкой, а его ножом? — спросил молодой сотрудник, которого Леденев не знал.

— И так могло быть, Бессонов, могло быть и так, — сказал капитан. — Ну, Юра, поедem к нам, в горотдел! Там все и обсудим.

Майор Леденев пригласил Корду в свою машину.

МАЙОР ЛЕДЕНЕВ ВСТУПАЕТ В ДЕЛО

Интернациональный клуб, в котором встречались моряки иностранных кораблей, прибывающих в Поморск, находился на расстоянии полутора километров от проходной торгового порта и начинал свою работу со второй половины дня. Клуб организовывал для моряков экскурсии по городу, посещения театров, проводил встречи иностранцев с жителями Поморска, вечера дружбы — с танцами, играми и аттракционами. Здесь работал бар. В нем всегда был богатый выбор виски, джина, коньяка, пива и была, конечно, русская водка, которую иностранные моряки предпочитали остальным напиткам. Заведовала баром Евдокия Абрамовна Савицкая, женщина в возрасте около пятидесяти лет, которую все звали тетя Дуня. Зачастую моряки из других стран, уже бывавшие в Поморске, так и говорили: «Сегодня вечер у тети Дуни». Собственный штат у Интерклуба был невелик, и поэтому начальник клуба Семен Иванович Курбатов всячески привлекал общественные силы.

Работе Интерклуба помогали в основном молодые женщины, знающие языки. Преподавательницы немецкого, французского, английского, аспирантки рыбного института, переводчицы из морского пароходства.

Добровольная эта помощь приносила немалую пользу и самим переводчикам: отличная практика в разговорном языке.

Когда майор Леденев пришел в Интерклуб, там было еще пусто и только в баре слышались голоса. Юрий Алексеевич заглянул туда и увидел Евдокию Абрамовну. Она принимала привезенные с базы продукты и напитки.

Решив пока отложить разговор с барменшей, Леденев отправился в кабинет Курбатова.

...Еще до того как Леденев и Корда прибыли в городской отдел милиции, к зданию, где он помещался, подъехала машина полковника Бирюкова. Когда же началось оперативное совещание по поводу убийства радиста западногерманского теплохода, начальник городского уголовного розыска подполковник Нефедов сказал:

— Случай, товарищи, довольно сложный. Данных о мотивах убийства, личности преступника у нас пока никаких. Капитан теплохода «Джулиус Пиккенпек» Фридрих Шторр и ряд членов экипажа опознали в убитом радиста Оскара Груннерта. Судно поставлено в трудное положение: без радиста оно не может выйти в море. О случившемся сообщили в Москву и в посольство страны владельца судна. Скоро должен прибыть новый радист, и судно уйдет отсюда. Если убийца среди экипажа «Пиккенпека», в этом случае нам его никогда не найти. Но радист убит в советском порту, на нашей земле... Мы не имеем права оставить это преступление нераскрытым и не можем тратить на следствие слишком много времени. Возможно, в этом деле окажутся замешанными иные сферы, где наша компетенция кончается. Тогда к нам подключат других товарищей. А пока будем действовать в тесном содружестве с нашими коллегами из управления. Их представляет здесь майор Леденев, вы знаете его как нашего бывшего работника. Оперативную группу поручено возглавлять мне. Расследование будет проводить наш отдел. Не забывайте, что работать придется с иностранцами. Это потребует особой осмотрительности. А что касается майора Леденева, его участия в деле, то считайте, будто Юрий Алексеевич снова вернулся к нам...

— А может, он и насовсем вернется? — подал кто-то в углу реплику.

— А я от вас будто и не уходил,— сказал Леденев улыбаясь,— встречаемся чуть ли не каждый день.

— А сейчас будете видаться все двадцать четыре часа в сутки,— сказал Нефедов,— времени у нас мало.

Когда в кабинете остались лишь те, кому непосредственно предстояло заняться делом Оскара Груннерта, подполковник Нефедов сказал капитану Корде, которого он назначил своим заместителем:

— Давай, Алексей Николаевич, доложи все, чем мы располагаем.

— Вскрытие трупа радиста Груннерта подтвердило первоначальный вывод судебно-медицинского эксперта,— докладывал капитан Корда.— Смерть наступила около одиннадцати часов вечера в результате глубокого проникающего ранения сердечной мышцы острым предметом, по-видимому ножом с узким длинным лезвием. В желудке и в крови радиста было обнаружено большое количество алкоголя. Следов борьбы, синяков, ссадин, повреждений одежды эксперты не нашли. При убитом было небольшое количество советских денег, часы, золотое кольцо на безымянном пальце правой руки. Убийство с целью ограбления как будто отпадает, хотя убийцу могли спугнуть и лишиться возможности поживиться. Но с другой стороны, в этом случае он не стал бы терять время на укрытие жертвы. Словом, пока эту версию ни брать на вооружение, ни отбрасывать не стоит.

После капитана Корды говорили другие работники уголовного розыска. Складывалась примерно такая картина.

Найденная милиционером Федосеевым разбитая бутылка показала, что на корпусе ее есть следы пальцев, принадлежащие убитому радисту. На горлышке эксперты тоже обнаружили слабые и смазанные следы папилляров и сумели их закрепить. Но при тщательном сличении выяснилось, что Груннерту они не принадлежат. Следовательно, вряд ли Груннерт использовал бутылку как оружие, хотя можно было утверждать, что бутылка потеряла донышко при ударе о чью-то голову: на стекле были обнаружены мельчайшие кусочки кожи и два коротких волоска.

Параллельно с проверкой найденных материальных следов и поиском новых велось изучение поведения

ради́ста в последний день жизни: где он был, с кем, что делал.

Вот что удалось узнать из беседы с капитаном и другими членами экипажа теплохода «Джулиус Пиккенпек».

Радист Оскар-Эрих-Луиза Груннерт, 1925 года рождения, уроженец Гамбурга, женат, двое детей. Считался первоклассным специалистом. Судимости не имел. Характер мягкий, уживчивый, отличается веселым нравом, хороший товарищ. Любит крепко выпить, но только на берегу. В приверженности к женщинам не был замечен. Экипаж относился к нему уважительно, так как Груннерт был прост в обращении с рядовыми членами экипажа и мог при случае постоять за себя и товарищей перед начальством. Врагов, по крайней мере явных, у него не было. Особо близок он был со вторым штурманом Генрихом Штраухом, который в тот день стоял на вахте. Еще дружил радист со стюардом Иоганном Элерсом и боцманом Вернером Хилльмером. С этими двумя он был вечером в Интерклубе.

ВЕЧЕР В ИНТЕРКЛУБЕ

— Вчера у нас был вечер дружбы норвежцев и англичан,— сказал Курбатов.— Было две группы моряков: с английского «Сильверсэнда» и с «Вестероллена» — норвежского судна. Последнее пришло вчера утром, оно стоит еще на рейде в ожидании места у причала. А для «Джулиуса» мы проводили мероприятие... Подождите, сейчас уточню.— Начальник Интерклуба перекинул листок настольного календаря.— Вот,— сказал он.— Вечер встречи с моряками из Западной Германии. Тринадцатое число. Значит, это было позавчера.

— Следовательно, вы можете утверждать, что вчера моряков с «Джулиуса Пиккенпека» у вас не было? — спросил Юрий Алексеевич.

— Не было организованных групп с этого судна. А одиночки, уже побывавшие у нас однажды и знающие дорогу сюда, заходят к нам, как говорится, на огонек. У многих из них пользуется популярностью наш бар.

— А вот этот человек был у вас вчера?

Майор Леденев показал Семену Ивановичу фотографию радиста.

— Знакомое лицо... По-моему, я его видел. Но вам лучше спросить у нашей тети Дуни. Уж если он у нее что-нибудь покупал, она запомнила его.

— Вчера вы были в помещении Интерклуба в течение всего вечера?

— Да, вчера я задержался до десяти.

— Вы не допускаете какой-нибудь ссоры между моряками?

— Допускаю. У нас бывают подобные вещи. Редко, но бывают. Особенно в баре... Мы, конечно, всегда на чеку. Но вчера ничего такого не было. Во всяком случае, в моем присутствии. А если б что-нибудь случилось потом, мне бы уже доложили. Еще раз советую поговорить с Савицкой. Не забудьте спросить и тех переводчиц, что дежурили вчера.

«Молодец, — мысленно похвалил Курбатова Леде-нев, — четко все излагает. И даже не спросит, кто этот человек, которым интересуется уголовный розыск, зачем он нам. Выдержка...»

— Сколько вам лет, Семен Иванович?

— Двадцать семь, — ответил Курбатов и вдруг покраснел. — А что?

— Да нет, я просто так. Трудно вам, наверно, бывает: сложная публика...

— Бывает временами трудно. Но дело-то важное, можно и потерпеть. — Он уже справился с замешательством и спросил деловым тоном: — Пригласить Евдокию Абрамовну?

— Нет, я пройду к ней. Сейчас ведь посетителей не ожидается?

— Первые придут через полтора часа, не раньше.

— Мне, — сказал Юрий Алексеевич, — надо бы иметь список вчерашних переводчиц... Не составите ли, пока я буду говорить с Савицкой?

— Список есть, — ответил Курбатов. — Вот он, возьмите.

Когда майор вошел в бар, Евдокия Абрамовна возилась за стойкой, расставляя посуду и бутылки.

— Если выпить, то я еще не готова, подождать придется, — сказала Евдокия Абрамовна Юрию Алексеевичу, видимо приняв его за раннего посетителя.

— Нет-нет, Евдокия Абрамовна. Мне надо поговорить с вами. Позвольте представиться — инспектор уголовного розыска. Зовут меня Юрий Алексеевич.

— Очень приятно,— сказала буфетчица.— А меня звать Евдокией Абрамовной. Иностранцы, так они тетей Дуней кличут...

Они сели за один из столиков в пустом зале бара, и Леденев достал фотографию Груннерта.

— Не доводилось вам видеть здесь этого человека? — спросил он.

— Видела,— сказала буфетчица.— Это немец из ФРГ. Был у меня здесь. Вчера и позавчера. Первый раз они всей командой были, а вчера он с двумя другими пришел. Пьет крепко, но головы не теряет. Зовут его Оскар, он вчера подходил ко мне, когда бутылку водки навynos брал, и все пальцем в грудь тыкал и приговаривал: «Оскар, Оскар...» По-русски не говорит.

— Ну и глаз у вас, Евдокия Абрамовна! — восхитился майор.— А с кем он был вчера?

— Один такой худощавый и черненький...

«Стюард Йоганн Элерс»,— отметил про себя Юрий Алексеевич.

— А второй?

— Второй — приметный парень. Здоровый такой и с рыжей бородой.

«Это боцман,— подумал Леденев.— Значит, все трое были здесь».

— И много они выпили?

— Сначала вот этот Оскар заказал бутылку «столичной». Они ее все только и заказывают, хотя у меня полно заграничной выпивки. Так вот. Взяли они бутылку. В баре было пусто, норвежцы и англичане в большом зале проводили вечер дружбы. А эти заказали бутылку водки и черный кофе и распивали в углу. Потом еще брали по рюмке два или три раза за вечер.

— Вы ничего не заметили странного в их поведении? Они не ссорились?

— Вроде сидели смирно, по-своему лопотали.

— Вы сказали, что этот человек, который называл себя Оскаром, брал водку с собой?

— Я как-то глянула в тот угол, где он сидел с друзьями, и увидела, что там уже другие ребята. Значит, решила я, ушел Оскар. Потом, минут, наверно, через десять, опять появляется он, плащ держит на руке.

— Что, у него был плащ? — быстро спросил Леденев.

— Да, был плащ. Он на руке его держал...

«Плаща в районе убийства не обнаружено», — отметил Юрий Алексеевич.

— Он подошел ко мне, — продолжала Евдокия Абрамовна, — и показал на бутылку «столичной»: хочу, мол, купить. Я сделала знак рукой, что ему, наверно, хватит, но Оскар... очень просил меня продать еще бутылку. Он благодарил меня, кланялся, потом купил два значка, памятных, с гербом нашего города, и один из них подарил мне. Вот он.

«Верно, — подумал Леденев, рассматривая значок, — точно такой же был на лацкане пиджака убитого ради-ста».

— Значит, вы видели, как уходили товарищи этого человека?

— Нет, не видела.

— Ну и что было дальше?

— Я поставила бутылку на стойку...

— Как поставили? Покажите... Вот на этой бутылке...

— Хорошо. Вот так.

Евдокия Абрамовна взяла бутылку «сенатора» за нижнюю часть корпуса большим и указательным пальцами правой руки, подняла над столом и вновь поставила на место.

— В какой руке держал он плащ?

— Не припомню. Сейчас... Кажется, в правой.

— Так, значит, бутылку он взял в руку и с нею ушел?

— Нет. Он схватил ее и сунул во внутренний карман пиджака.

— Понятно... А не заметили вы, чтоб кто-нибудь пошел за ним следом?

— Нет, не заметила. Народу было много.хлопот у меня и без того хватало.

— Конечно, конечно, я понимаю, Евдокия Абрамовна... Тогда еще один вопрос, и я откланяюсь. Вы запомнили, когда Оскар покупал водку?

— Да, было половина одиннадцатого...

— Ну вот и все. Большое вам спасибо.

— А если он сегодня придет снова?

— Нет, — сказал майор, — нет, Евдокия Абрамовна. По имеющимся у меня сведениям, этот человек не придет к вам сегодня.

Когда Юрий Алексеевич покинул Интерклуб, к зданию подъехал автобус. Он привез группу моряков с голландского судна, стоявшего на дальнем причале порта.

Леденев решил пешком отправиться в городской уголовный розыск. Там капитан Корда и подполковник Нефедов допрашивали Элерса и Хилльмера, тех моряков, что были с Груннертом.

ДРУЗЬЯ УБИТОГО РАДИСТА

ЭЛЕРС. Оскар любил выпить, но он почти не пьянел. Когда я увидел своего друга с английского судна и пересел к нему, Груннерт был навеселе, но не больше.

НЕФЕДОВ. А Хилльмер?

ЭЛЕРС. Примерно в том же состоянии.

КОРДА. Как зовут вашего друга?

ЭЛЕРС. Джон Хьюстон, механик с «Сильверсэнда». Мы плавали с ним вместе на одной старой развалине под либерийским флагом в пятьдесят втором году. На ней и тонули вместе у Канарских островов. Я не видел его с тех самых пор.

НЕФЕДОВ. Расскажите подробно.

ЭЛЕРС. Хилльмер ходил к стойке, взял там три рюмки водки, мы выпили. И тут я увидел Джона. С минутую другую глядел на него, боясь ошибиться. Но скоро понял, что это он. Я сказал об этом ребятам и пошел к столу Джона.

КОРДА. И больше к Хилльмеру и Груннерту не возвращались?

ЭЛЕРС. Нет. Раза два я смотрел на них. Они сидели вдвоем. Потом к ним кто-то подсел.

НЕФЕДОВ. Кто? Вы запомнили этого человека?

ЭЛЕРС. Нет, он сидел ко мне спиной.

КОРДА. Этот человек разговаривал с Груннертом и Хилльмером?

ЭЛЕРС. Не могу утверждать. Когда я еще раз глянул в их сторону, Вернера и Оскара там больше не было.

КОРДА. И вы продолжали пить с новым другом?

ЭЛЕРС. Со старым, герр инспектор. Правда, я поднялся, когда увидел, что их нет, и вышел на улицу, обошел весь клуб.

НЕФЕДОВ. Почему вы это сделали?

ЭЛЕРС. Мне не хотелось идти одному по незнакомому городу ночью.

КОРДА. И все-таки вы пошли один?

ЭЛЕРС. Нет, я вернулся в бар. Мы с Джоном еще

выпили, потом, когда бар закрыли, подали автобус для норвежцев. На нем я и доехал до порта.

НЕФЕДОВ. Когда вы вернулись на судно?

ЭЛЕРС. Думаю, что уже за полночь. Я был довольно пьян и лег спать — ведь мне необходимо рано вставать, чтоб успеть приготовить для кают-компании завтрак.

НЕФЕДОВ. Значит, сразу после того как обнаружили, что Хилльмера и Груннерта нет в баре, вы выбежали на улицу.

ЭЛЕРС. Именно так.

НЕФЕДОВ. Джон Хьюстон может подтвердить, что вы разговаривали с ним? И кстати, где вы расстались?

КОРДА. Вас очень беспокоит правый карман, господин Элерс, достаньте то, что там лежит...

Капитан Корда сунул руку под газету и вытащил оттуда складной нож. Он нажал пружину, и из рукоятки со звоном выскочило узкое и длинное лезвие.

— Ничего себе игрушка, — сказал Леденев.

— Вот это и было у него в кармане. Когда мы приехали за ними на судно, я заметил, как Элерс, собираясь ехать с нами, все хватался за карман, пытался избавиться от этой штучки.

— Но нож сам по себе — еще не улика, — сказал Нефедов, — хотя доктор Хворостенко и говорит, что удар нанесен примерно таким ножом.

— Таких ножей, как этот, в Гамбурге или ином иностранном порту полно в магазинах, — сказал Юрий Алексеевич. — А крови на нем нет?

— Нет. Все чисто, — ответил Корда.

— Интересно, Джон Хьюстон, механик с английского судна, — его допрашивал Бессонов, — говорит, что видел Элерса во сне, — произнес начальник уголовного розыска. — Он настолько перебрал в тот вечер, что спутал сон с явью. Где и при каких обстоятельствах он с Элерсом расстался, естественно, не помнит...

— А что говорит обо всем этом боцман Хилльмер? — спросил Юрий Алексеевич.

...Боцман теплохода «Джулиус Пиккенпек» Вернер Хилльмер, 1920 года рождения, гамбуржец, крепкий рослый мужчина с медно-рыжей бородой, рассказал, что в Интерклуб они пришли втроем, а до того бродили по улицам Поморска. Посетить бар тети Дуни предложил

Оскар Груннерт, он и заказал первую бутылку водки. Они сидели, пили и разговаривали о разном. Затем Элерс увидел какого-то друга и ушел от них. Груннерт предложил выпить еще, но боцман считал, что выпили они достаточно, и сказал, что пора идти на судно. Они поднялись и ушли. Элерс остался в Интерклубе. Когда друзья отошли метров двести, Груннерт вдруг решил взять еще бутылку водки с собой. Он сказал, что догонит Хилльмера, повернулся и побежал обратно. А боцман медленно пошел через сквер по направлению к проходной порта.

Он миновал сквер, остановился, ждал минут пять, но Груннерта не было, и Хилльмер опять не торопясь двинулся к порту. Так он дошел до проходной и, решив, что Оскар застрял в баре, пошел к причалу, у которого стоял «Джулиус Пиккенек». А утром боцман узнал, что радист Оскар Груннерт на судно не вернулся.

— Про человека, который подсел к ним, по словам Элерса, вы ничего у Хилльмера не спрашивали?

— Нет, Юрий Алексеевич! — сказал Нефедов. — Мы решили оставить этот вопрос до твоего прихода. Может быть, ты из Интерклуба чего принес, так мы все и объединим. Они оба здесь, мы решили их пока у нас держать.

— Но при таких уликах прокурор не даст вам санкции на задержание.

— А мы их и не задерживали, — ответил Корда. — Просто попросили подождать — и все. Элерсу журналов натащили немецких, а Хилльмер играет в шахматы с Васей Елиным. Ну рассказывай, что узнал.

— Немного, — сказал майор. — Буфетчица в основном подтвердила все, что говорили вам друзья убитого. Правда, она не видела, как уходил Элерс, но сложившаяся тогда, по ее словам, обстановка совпадает с их показаниями. Груннерт на самом деле ушел из бара, а затем вернулся за бутылкой. Ее мы и нашли разбитой на аллее.

— Мы незаметно осмотрели головы Элерса и Хилльмера... — Начальник уголовного розыска поднялся из-за стола и стал ходить по кабинету. — Осмотрели, — продолжал он, — и пришли к выводу, что ни одна из этих голов с бутылкой не соприкасалась. У Груннерта, кроме раны на сердце, повреждений тоже нет. Но бутылкой кого-то явно били по голове... Кого?

— И у Груннерта был плащ. Радист ушел с плащом на руке. Так сказала мне буфетчица.

— Плащ? Куда он исчез?

— Давайте начнем с боцмана, Алексей Николаевич, — сказал Нефедов Корде. — И переводчицу попросите сюда.

— А кто у вас переводит? — спросил майор Леденев, полез в карман и достал список переводчиц, переданный ему Курбатовым.

— Нина Самойлова. Молоденькая такая девочка.

— Постой, постой, — сказал Леденев, — так она вчера была на вечере в Интерклубе. Может быть, сначала ее поспрашиваем?

— Можно, — согласился Нефедов.

— Вы не возражаете, если мы спросим вас кое о чем? — спросил Леденев, когда переводчица вошла в кабинет.

— Пожалуйста, — ответила девушка.

— Скажите, Нина, вы видели боцмана и того, Элерса, в Интерклубе?

— Да, позавчера они были там вместе со своим экипажем на вечере. А вчера я видела того, что с кородой... Хилльмера, в баре.

— Не заметили ли вы странностей в их поведении?

— Нет, не заметила. Моряки как моряки.

— А этого человека не помните?

Нефедов показал фотографию Оскара Груннерта.

— Да, и этот был в баре. Веселый такой немец. А позавчера он танцевал со мной на вечере дружбы.

— Не приходилось вам замечать, чтоб кто-нибудь резко говорил с ним, ссорился, угрожал?

— Нет, ничего такого я не заметила.

— Ну хорошо, ладно... Спасибо, Нина, — сказал Нефедов. — Попросите, Юрий Алексеевич, боцмана.

Вскоре они выяснили, что плащ у Оскара был. Когда Груннерт решил вернуться в бар, плащ был перекинут у радиста через руку. Что же касается подсевшего к ним человека, о котором сказал Элерс, то это, объяснил Хилльмер, был английский моряк.

— Он подсел, не спрашивая разрешения, — рассказывал боцман, — и молча уставился на нас с Оскаром. Мы тоже молчали. Потом англичанин спросил: «Немцы?» Оскар заулыбался и ответил по-английски, что да, мы — немцы, и не хочет ли он выпить с нами. Но англичанин

ответил, что он пьет только с джентльменами. Он был изрядно пьян, герр следователь. Оскар вспыхнул — он был добрым человеком, но довольно горячим, — я толкнул его под столом ногой, успокойся, мол, ты не дома, и ответил этому типу, что в таком случае пусть поищет себе компанию в другом месте. Англичанин поднялся и, ни слова не говоря, ушел.

— И вы больше не видели его? — спросил Юрий Алексеевич.

— Не видел.

— А не мог Груннерт вернуться в бар, встретить этого англичанина и, вспомнив обиду, завязать с ним драку? — задал вопрос подполковник.

— Вообще Груннерт не драчлив, но всякое могло быть, герр следователь...

— Хорошо, посидите в соседней комнате, — сказал Нефедов.

Когда привели Элерса, он испуганно оглядел всех и, увидев незнакомого человека, заискивающе кивнул Леденеву, изобразив на лице подобие улыбки. Невозмутимый рыжебородый здоровяк Хилльмер производил по сравнению с Элерсом более выгодное впечатление.

Переведите ему, Нина, что этот господин, — Нефедов показал рукой на майора Леденева, — хочет знать, зачем стюарду Элерсу такой нож.

— Он говорит, что всегда его носит, на всякий случай.

— А известно ли стюарду Элерсу, что радист Груннерт убит таким ножом?

Когда Нина перевела Элерсу вопрос Леденева, маленький стюард съехал на стуле, побледнел и закричал:

— Найн-найн!

Затем он быстро заговорил, поворачиваясь то к Нине, то к майору.

Девушка едва успевала переводить.

— Нет, он никого не убивал, а нож всегда носит, он дружил с бедным Оскаром, ходил к нему домой, хорошо знает его жену и детей, как можно так думать!..

— Скажите, что мы не думаем обвинять стюарда в убийстве, пусть успокоится. Сейчас его отвезут на судно, но, возможно, нам придется еще раз пригласить Элерса сюда, если возникнут какие-то вопросы, — сказал подполковник Нефедов. — Вызовите, Алексей Николаевич, Бессонова, пусть он отвезет их обоих в порт на

нашей машине. А вам, Нина, большое спасибо за помощь.

— Надо подробно расспросить Хилльмера о внешности неизвестного англичанина,— сказал Юрий Алексеевич.— Я думаю, есть смысл составить словесный портрет незнакомца.

— Займусь этим,— сказал капитан Корда.— Не хотите мне помочь, Нина?

— Отчего же... Я готова.

Когда немцев увезли, начальник уголовного розыска предложил Леденеву и Корде сигареты.

— Дай огонька,— попросил Корда у Юрия Алексеевича.

— А где же зажигалка, которую я тебе подарил?

— Да знаешь, мы тут незаметно взяли отпечатки пальцев Элерса и Хилльмера,— ответил Корда.— Ну, Элерс — тот воды попросил, а боцман закуривал от огонька моей зажигалки. Вот она и исследуется в лаборатории. Ну и дельце,— продолжал капитан Корда.— Скоро сутки, как парня убили, а у нас пока ни одной стоящей зацепки нет.

— Не надо так мрачно, Алексей,— сказал Леденев.— Кое-что мы имеем...

— Давай, Юрий Алексеевич, давай ты,— предложил Нефедов.— Подбей бабки. Чует мое сердце, что все равно ваш комитет заберет это дело к себе целиком.

— Ну что ж, могу и я,— согласился Леденев.— Начну с традиционного: кому выгодно? Каковы мотивы убийства? Грабеж? Тут только исчезнувший плащ говорит «за». Правда, грабителя могли спугнуть, и он сбежал, прихватив один плащ... Но кто в таком случае убрал труп? Неясно. Пьяная драка? Не исключено. Месть? Может быть, хотя Оскар Груннерт, как нам говорят, не имел врагов. Но это на «Пиккеппеке». А может быть, его выследил кто-нибудь с другого судна? Ведь сейчас в порту кроме «Джулиуса» еще четыре «иностранца». Значит, грабеж, драка, месть, устранение свидетеля...

— И убийство без мотива,— подал голос капитан Корда.

— Такое может быть тоже. Или, допустим, начало далеко идущей провокации, убийство из каких-либо политических соображений,— сказал начальник уголовного розыска.

— Принимается,— отозвался Леденев.— Теперь посмотрим, кто мог убить радиста. Радист ушел из бара с Хилльмером, но затем вернулся обратно. Это подтверждает Савицкая. Буфетчица — последняя из известных нам людей, видевших Груннерта живым. Радист вышел из бара с бутылкой водки во внутреннем кармане пиджака, должен был нагнать боцмана, но боцман пришел на судно один, а Груннерта нашли наутро мертвым. Все произошло несколько минут спустя после того, как он покинул бар.

— Убийца мог выжидать, когда радист останется один,— сказал Нефедов.

— Но если это был грабитель, то он мог стукнуть оставшегося в одиночестве боцмана,— заметил Корда.— В целях провокации могли убить того же Хилльмера...

— Ну нет, не скажи,— ответил Леденев.— Если это провокация, то радист — козырь более крепкий. Без боцмана можно выйти в море, а без радиста нет. Нам еще хватит неприятностей с задержкой теплохода, даже если мы и найдем убийцу.

— А может, его боцман того...— Корда щелкнул пальцами.

— Зачем? — спросил Леденев.

— Действительно, по внешним признакам боцману это вроде ни к чему,— поддержал его подполковник.

— Вообще-то, кандидатура Хилльмера на роль убийцы не исключается,— сказал Юрий Алексеевич.— Значит, он, потом Элерс, тот задира англичанин... У Алексея Николаевича теперь есть его описание со слов боцмана. Завтра надо попробовать англичанина поискать. Кто еще? Ну и тот неизвестный Икс, о мотивах которого мы ничего не знаем. У Элерса есть алиби... Правда, он признал, что на какое-то время выходил из бара на улицу...

— Будем держать обоих под подозрением,— сказал Нефедов.— И искать новые зацепки. Объявите, Алексей Николаевич, повсюду розыск плаща радиста. Кроме того, пусть люди вашей группы поищут свидетелей, которые, возможно, находились поблизости в тот вечер и что-нибудь сумели увидеть.

— У меня есть предложение,— сказал Леденев.— Не пойти ли нам в бар Интерклуба? Посидим, попьем пива, а ближе ко времени убийства попробуем воспроизвести события по тем данным, которые мы имеем.

— Нас как раз трое,— произнес Нефедов.— Как вчера... Что ж, дело ты предложил. А кто возьмет на себя роль жертвы?

— Да хоть я! — засмеялся Корда.— Только уттите: буду защищаться. Как бы вам туго не пришлось.

— Ладно-ладно, Аника-воин! — подтолкнул его в спину Леденев.— Пойдем уж... У тети Дуни сегодня отличное пиво. Чешское.

— Двинемся пешочком,— сказал Корда.— Погодка отличная.

— Да, можно и пешком,— согласился Леденев.— Время позволяет.

— Но куда же девался этот чертов плащ? — вслух подумал подполковник Нефедов.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА «ЗИГФРИД-УБИЙЦА»

После нескольких дней шторма, взбудоражившего Северное море, установилась ясная и теплая погода.

Едва стих ветер и улеглось волнение, из порта Гамбург вышел английский военный транспорт «Адмирал Ричардсон», направляющийся в Ньюкасл. В регистрационном журнале портовый чиновник в графе «Дата выхода» записал: «19 мая 1945 года».

Одиннадцать дней назад капитулировала фашистская Германия. Война в Европе длилась почти шесть лет и унесла десятки миллионов человеческих жизней.

Теперь, казалось, все позади. Никто не хотел умирать в эту прекрасную весну сорок пятого года. Стихли залпы орудий, засветились тысячами огней черные города, победные салюты расцветили майское небо, и потянулись эшелоны и транспорты с усталыми солдатами, которых так долго ждали дома. Вместе с ними возвращались и те, кто месяцы и годы провел за колючей проволокой концентрационных лагерей, испытал на себе все ужасы «нового порядка».

Пассажиры «Адмирала Ричардсона» как раз и относились в основном к этим двум категориям людей. Здесь были солдаты и матросы американских, английских и канадских частей, находящихся в Германии. Они возвращались на Британские острова. Здесь были узники из лагерей, в основном бывшие военнопленные. Находились на транспорте и раненые вместе с обслуживающим их медицинским персоналом.

Война окончилась, и транспорт «Адмирал Ричардсон» впервые за шесть лет вышел в море без эскорта конвойных кораблей. Пересечь Северное море — несложная задача для опытного капитана Фрэнсиса Спенсера, если при этом тебе не угрожают больше самолеты и корабли проклятых джерри. Теперь все это, слава господу, позади, и капитан Спенсер после обычных хлопот, связанных с отходом судна, погрузкой и размещением пассажиров, может позволить себе лишнюю рюмку виски и послеобеденный сон.

На полуострове, где были установлены два банкета с еще не снятыми зенитными орудиями, расположились группа американских солдат морской пехоты и английские командосы. Они слушали, как высокий рыжеватый сержант — командос Стенли Бостон рассказывал о своих приключениях в Норвегии. Во время одной из диверсионных операций он попал к немцам в плен и чудом избежал расстрела. Бостон сумел уйти из концлагеря, добрался до побережья, оттуда вместе с норвежскими патриотами пересек на рыбацкой шхуне море и высадился в Шотландии, чтобы потом снова, с другой группой командос, быть заброшенным на Скандинавский полуостров.

Да, Стенли Бостону было что рассказать друзьям, и они слушали его раскрыв рты.

Полуденное солнце старалось вовсю, и начальник медицинской команды распорядился вынести лежащих раненых на палубу. К солдатам, собравшимся на корме вокруг английского сержанта, подошла сестра милосердия и попросила четверых парней пойти с нею, чтобы помочь перенести раненых товарищей.

Вызвались пойти все, но девушка выбрала двух американцев, канадца и англичанина. Сержант Бостон не попал в их число. Солдаты проводили сестру милосердия восхищенными взглядами, покачали головами, повздыхались, вспомнив ожидающих их жен и подружек, и вернулись к рассказам бывшего командоса.

— Я не могу сказать вам, парни, что это был за объект, — начал Стенли Бостон, — поскольку и сам не знаю, но только получили мы задание его взорвать. Выброска предполагалась с воздуха, на парашютах. А был в нашей группе один малый, звали его...

Но слушателям не суждено было узнать до конца историю Стенли Бостона. Он не успел договорить.

У средней части корпуса «Адмирала Ричардсона» поднялся серо-зеленый столб. Он стремительно рос, нависая над мостиком, потом закрыл его, из развернувшейся палубы вырвалось багровое пламя. «Адмирал Ричардсон» развалился, обе половины корабля поднялись рваными краями, потом стали спускаться в пустоту, образованную взрывом.

Воздушная волна разметала людей на корме. Стенли Бостон был сброшен за борт, и когда в воде пришел в себя, то понял, что изо всех сил плывет в сторону от погружающихся в пучину останков «Адмирала Ричардсона», так и не добравшегося до Ньюкасла.

Уцелевшие от взрыва и оставшиеся на поверхности люди хватались за всевозможные обломки, плавающие на месте гибели парохода. Бостон сумел добраться до сброшенного взрывом спасательного плота, взобрался на него, помог вылезти из воды еще троим.

Сержант родился под счастливой звездой. На второй день после катастрофы плавающий плот был обнаружен с английского гидросамолета. Спокойное море позволило летающей лодке сесть на воду и забрать с собой сержанта-коммандоса и еще троих солдат, единственных, кому удалось спастись после загадочной гибели военного транспорта «Адмирал Ричардсон».

Расследование, проведенное британским адмиралтейством, установило, что в трюмах транспорта находились боеприпасы, по оплошности командования не выгруженные перед приемкой пассажиров. Эксперты пришли к выводу, что по причинам, установить которые не представляется возможным, произошел взрыв опасного груза, «Ричардсон» затонул так быстро, что никакого сообщения с борта судна о взрыве не последовало.

Заключение комиссии было признано убедительным. Родственники погибших на «Адмирале Ричардсоне» получили извещения о смерти их близких при исполнении служебного долга, а военный транспорт был вычеркнут из списка кораблей британского флота.

Никто не хотел умирать в мае сорок пятого года. Само понятие «смерть» казалось кощунственным в дни, когда наконец восторжествовала жизнь. Но люди продолжали умирать...

...Барахтающиеся в холодной воде члены команды и пассажиры «Адмирала Ричардсона» не заметили стек-

лянного глаза подводной лодки, наблюдавшего за агонией корабля.

В центральном посту управления к окулярам принал человек в форме офицера уже не существующего германского флота. В его коротко стриженный затылок смотрел другой офицер, в эсэсовском мундире.

Эсэсовец потянул моряка за рукав.

— Хватит, Эрни, разреши посмотреть и мне, — сказал он.

— Посмотри, посмотри, Густав, — сказал тот, кого называли Эрни, — посмотри, как эти победители глотают соленую воду... Всех бы их так!

Он оторвался от перископа и рубанул кулаком в воздухе.

Эсэсовец прильнул к окулярам.

— Красиво, черт побери! — пробормотал он. — Ты достоин еще одного Железного креста, дорогой Форлендер! Такими, как ты, должна гордиться наша партия!

Эсэсовец не преувеличивал. Нацистская партия с полным основанием могла гордиться фрегатен-капитаном германского военно-морского флота, командиром подводной лодки Эрнстом Форлендером. Его субмарина, прозванная «Зигфридом-убийцей», оправдывала свое имя. Эрнст Форлендер специализировался на уничтожении беззащитных торговых судов, идущих под флагами нейтральных государств, или тех кораблей союзников, которые не имели надлежащего в данной обстановке конвоя и представляли для субмарины легкую добычу.

«Зигфрид-убийца» всплывал на поверхность перед курсом какого-нибудь «нейтрала» и приказывал судну застопорить машину.

Специальная команда, вооруженная автоматами, поднималась на задержанное судно, выводила из строя радиостанцию и начинала самый настоящий грабеж, отбирая ценности у бегущих из воюющей Европы пассажиров и не забывая при этом очистить судовую кассу.

Весь экипаж лодки, за исключением командира, который никогда не оставлял своего корабля, носил бороды для маскировки. Во время подобных операций, находясь на чужом судне, люди Форлендера не произносили ни одного слова на немецком языке.

Ограбив пароход, пираты в форме союзников возвращались на субмарину, которая артиллерийским огнем

уничтожала ни в чем не повинное судно и расстреливала из пулеметов тех, кто пытался спастись на воде.

Торговые суда, вооруженные артиллерией, Форлендер торпедировал, не поднимаясь на поверхность и подкрадываясь к ним незаметно.

«Зигфрид-убийца» выполнял и другие, более деликатные поручения во имя рейха, в частности высаживал немецких шпионов в Ирландии и доставлял в различные пункты секретные грузы.

Разведки воюющих с Гитлером государств знали о действиях пиратской субмарины, но, кроме факта ее существования, ничего больше не было известно.

Сообщение о капитуляции фашистской Германии застало «Зигфрида-убийцу» в Северном море. Форлендер только что взял на борт крупного эсэсовского офицера из службы безопасности, который оказался его другом детства Густавом Шеллингом, штандартенфюрером СС. «Зигфрид-убийца» со всем экипажем поступал в его распоряжение. Штандартенфюрер, прибывший на корабль с таинственным походным сейфом, приказал выйти в море и ждать. Но тут пришло извещение о крахе «Тысячелетней империи».

Тогда было решено идти в Южную Америку, затопить у тамошнего берега субмарину и затеряться где-нибудь в Аргентине. У нацистов были заготовлены там отличные убежища на случай провала их кровавой авантюры. Бункер для дизелей можно было получить по дороге в тайных подводных складах горючего, расположение которых было известно Форлендеру.

Экипаж, которому командир объявил свое решение, в реакции на сообщенную новость был неоднороден. Конечно, молодчики из группы захвата, отъявленные бандиты, знали, что в Германии их ничего хорошего не ждет, и были готовы идти хоть к черту на рога. Остальным, не покидавшим стального чрева «Зигфрида-убийцы», надоела жизнь без просвета, они знали, что наступил мир, и не хотели забираться за тридевять морей от родины. Но субмарина продолжала оставаться военным кораблем, и его экипаж был осведомлен о том, как расправляется с ослушниками устав военно-морского флота.

«Зигфрид-убийца» пошел на север, надеясь выйти в Атлантику между Британскими островами и Исландией,— через Ла-Манш проходить было опасно,— и тут путь субмарины скрестился с курсом «Адмирала Ричардсона».

НАШЕЛСЯ ПЛАЩ

Юрий Алексеевич проснулся, но глаз не открывал. Он сразу вернулся к действительности и подумал, что сон, который он видел, останется с ним, Леденевым, до конца его дней.

Из кухни слышался звук воды, бьющей из крана в кофейник, — это жена готовила завтрак. Леденев рывком поднялся с постели, спустил ноги на коврик, потрогал пальцами шершавую поверхность его и двинулся по комнате, разводя руки в стороны.

Жена Леденева, Вера Васильевна, заглянула в комнату.

— Вчерашний хмель выгоняешь? — улыбаясь спросила она.

— Какой там хмель, по рюмке выпили в баре, да и то один голландец пристал! Хочу, мол, с русскими моряками выпить... Не будешь же объяснять ему, что мы сидим не от нечего делать...

— А чего это тебя в Интерклуб потянуло? — скорее из женской привычки к расспросам, чем из желания услышать ответ, спросила Вера Васильевна. Она знала, что Леденев никогда не делился с ней служебными новостями.

— Надо было, Веруша, надо, — ответил Юрий Алексеевич. — А ты все же учуяла вчера...

— А как же! — откликнулась уже из кухни жена. — Иди мойся, да будем завтракать. Хочу сегодня в школу заглянуть. Мои питомцы к празднику сюрприз готовят, ко Дню Флота, вот и сообщили по цепочке, что хотят со мной посоветоваться.

— Школа-то, поди, на ремонте, где вы соберетесь? Шли бы к нам домой, — сказал Леденев.

— А у нас только встреча там. Потом, наверно, к нам придем, а может быть, погуляем, дни-то какие, для нашего города — великая редкость!

Вера Васильевна преподавала литературу в школе. Своих детей у Леденевых не было, и она часто задерживалась в школе, иногда майор заставал дома с десятком мальчишек и девчонок, они читали стихи, делали стенгазету или репетировали пьесу.

«Тебе легче, — подумал Юрий Алексеевич о жене, продолжая делать гимнастику, — тебе тайну сегодня раскроют, а мне мою никто на блюдечке с синей каемочкой

не преподнесет. А утром — доклад у полковника Бирюкова».

С Василием Пименовичем Бирюковым Леденева связала война. Юрий Алексеевич был старшиной в отряде специального назначения, которым командовал капитан-лейтенант Бирюков. Отряд совершал лихие рейды в тыл к немцам, проводил диверсионные и разведывательные операции, высаживаясь с моря на северном побережье.

Перед окончанием войны Бирюков был неожиданно отозван в Центр, и следы его для Леденева потерялись. А Юрий Алексеевич демобилизовался и остался в Поморске. По путевке райкома партии он пришел на работу в милицию, окончил Всесоюзный юридический заочный институт, отличился в городском уголовном розыске как мастер по раскрытию запутанных преступлений. Его уже собирались было забрать в Москву, но тут присхал в Поморск бывший командир отряда, теперь уже полковник, Бирюков, назначенный возглавлять областное управление КГБ. Он-то и уговорил Леденева перейти на работу к нему.

Смерть радиста Оскара Груннерта была первым серьезным делом, за которое он взялся. Впрочем, могло оказаться, что убийство радиста было заурядным уголовным преступлением, не больше.

— Да, это возможно, — подтвердил полковник, когда Леденев закончил доклад. — Но не исключено, что тут совсем другое... Сегодня уже звонили из Москвы. Там держат расследование этого дела на контроле. Москва спрашивает, не нужна ли нам их помощь.

— А чем они могут нам помочь? — недовольным тоном произнес Леденев. — Что мы тут, слепые, что ли?

— Ты не кипятись, от помощи не надо отказываться. Но я сказал, что пока мы справляемся сами. Давай-ка посмотрим, что парни из городского уголовного розыска не успели еще сделать. Сосредоточим внимание на двух неясных деталях: бутылке и плаще.

— С бутылкой — запутанное дело, — сказал Леденев. — Следы пальцев буфетчицы и радиста на корпусе бутылки мы нашли. На горлышке след неясный, смазанный. Дактилоскописты утверждают, что этот след принадлежит кому угодно, но только не радисту. На горлышке отпечатался большой палец правой руки, а у Груннерта через папилляры этого пальца проходит шрам, который оставляет характерный след. Значит, за

горлышко схватил бутылку и опустил на неизвестную голову кто-то другой, не радист. Значит, предполагается некий третий — скажем, Игрек. Мы незаметно взяли отпечатки пальцев у Элерса и Хилльмера, их дактилограммы пока ничего дать не могут.

— Кстати, что дал обыск в каюте радиста?

— Ничего существенного. Следовало осмотреть каюты стюарда и боцмана, но без разрешения капитана судна этого сделать нельзя, а идти объясняться к нему — значит объявить, что подозреваются эти двое.

— Вы правы, конечно, — сказал полковник. — И все же нужно посоветовать Нефедову убедить капитана Шторра, что такой осмотр необходим. Но эти двое, Элерс и Хилльмер, ничего не должны знать.

— Сделаем, товарищ полковник. Вчера мы выявили всех, кто обращался в поликлиники и медпункты города с повреждениями головы. Оказалось, четверо мужчин и одна женщина. Но тут мы потянули пустышку. Травмы получены при обстоятельствах, исключаящих причастность к этому делу, есть свидетели.

— А тот таинственный англичанин? Что думаете делать с ним?

— В эту версию я мало верю, Василий Пименович. Судите сами. По словам Хилльмера, англичанин после предложения боцмана поискать другой столик встал и ушел. Напоминаю, что это сказал не Оскар Груннерт, а Хилльмер. Радист как раз, наоборот, предложил англичанину выпить с ними, так что у того не должно было возникнуть недобрых чувств к Груннерту. И вот радист возвращается. Трудно предположить, что, увидев его снова в баре, пьяный англичанин, ни слова не говоря, выходит следом или пораньше и убивает Груннерта. А если бы они стали ссориться в баре или в коридоре, это не осталось бы незамеченным в Интерклубе.

— Верно, — сказал Бирюков. — Но вы все-таки отработайте эту версию. Возможно, они столкнулись у входа, когда их никто не видел. Кстати, как вам работается со старыми знакомыми?

— Прекрасно, Василий Пименович.

— Тогда все ладно, Юрий Алексеевич, — сказал полковник. — Теперь перейдем к плащу. Что вы скажете по поводу его исчезновения?

Полковник Бирюков откинулся в кресле и приготовился слушать. Но, едва Леденев попытался начать изло-

жение своих соображений, на столе начальника управления низко зарокотал один из телефонов.

— Да, это я, — сказал полковник, сняв трубку. — Здравствуйте, здравствуйте. Он здесь, у меня. Интересно, интересно... Хорошо, сейчас Леденев приедет.

Бирюков положил трубку и глянул на насторожившегося майора.

— Можете, Юрий Алексеевич, отменить доклад по версии «Плащ», — сказал он. — Звонил начальник горотдела милиции. Плащ радиста нашелся... На нем метка с инициалами Груннерта!

ИСТОРИЯ ВИКТОРА НАДЕИНА

— Зовут меня Наталья Степановна, а по фамилии Надеина. Работаю в торговом порту крановщицей. Нет, сегодня у меня выходной, на работу мне не надо. А с плащом этим вот как получилось. Вчера вечером пришла я домой со смены, гляжу, а Виктора, это сын мой, нету... Ну, думаю, в кино, верно, пошел или с ребятами гуляет. Вскоре приходит Виктор, чаю попил, потом надевает пиджак и собирается идти. Я была в комнате, а тут что меня толкнуло — выглянула в коридор. И увидела, что он со свертком на улицу собрался. «Что это у тебя, Витя?» — спрашиваю. Смотрю, а он смутился. Молчит. Я сверток у него из рук взяла, развернула, а там вот этот плащ! Ну я, конечно, Виктора в оборот: где взял, откуда и прочее. А он мне в ответ одно лишь твердит: «Нашел на улице». А зачем, спрашиваю, из дому сейчас пойдешь? Хотел, говорит, ребятам отдать, чтоб не держать дома. Тут у меня разные мысли пошли, не поверила я сыну. Сегодня, говорю, поздно, а завтра носи плащ в милицию. На улицу не пустила, а утром решила сама вам отнести и все рассказать... Отнесла в наше отделение, а оттуда меня сюда привезли.

— Где ваш сын сейчас? — спросил капитан Корда.

— Он на работе, на судоверфи.

Подполковник Нефедов посмотрел на Бессонова, тот понимающе наклонил голову и вышел из кабинета.

— Сколько ему лет? — спросил майор Леденев.

— Да восемнадцать исполнилось недавно. После восьмилетки отдала его в профтехучилище, теперь токарем работает. В цехе говорят, что старается и в поведении замечаний не имел...

— А раньше вы не обнаруживали в квартире вещей, не принадлежащих вашей семье?

— Нет, такого не случилось... Не дай бог!

Алексей Николаевич Корда продолжал задавать вопросы Надеиной, а Леденев и Нефедов перешли в другую комнату.

— Что думаешь по этому поводу, майор?

— Посмотрим на парня, поспрашиваем.

— Сейчас Бессонов привезет его.

Дверь открылась, и вошел Корда.

— Закончил с Надеиной? — спросил Нефедов.

— Попросил посидеть, подождать, пока привезут сына. Надеина показала сейчас, что в день убийства радиста они с сыном ездили к родственникам и даже остались там ночевать.

— Куда ездили?

— В Мурмано.

— Ты послал кого-нибудь проверить?

— Уже выехал Вася Елин, — ответил Корда. — На вашей машине.

— Никаких новых ЦУ от своего шефа не получил, Юрий Алексеевич? — спросил начальник уголовного розыска у Леденева.

— Советует вам обыскать каюты боцмана и стюарда.

— А он прав, стоит там покопаться. Аккуратно, конечно... Ох и не люблю я, когда замешаны иностранцы! — Нефедов вздохнул.

— А что делать? — сказал Леденев. — Разве что просить перевода в глубинный город, где их не бывает!

...Привезенный в управление внутренних дел Виктор Надеин рассказал, что плащ нашел на улице.

— Он лежал в придорожной канаве, — сказал Надеин. — Сначала я думал, что это тряпка, но потом поднял и увидел совсем новый плащ. Импортный... Я взял плащ, по дороге купил в киоске газету и завернул. Когда пришел домой, то сначала спрятал плащ, а потом договорился продать Сашке Фрею.

— Кому-кому? — переспросил Леденев.

— Ну Короткову Сашке. Это у нас так зовут его — Фрей. Он всегда покупает иностранные штучки.

— Значит, решил продать? Но ведь это не твоя вещь, Виктор... Про такую контору — бюро находок — ты слышал? — спросил Нефедов.

— Слышал... — Виктор покраснел и опустил голову.

После того как установили факт несостоявшейся сделки с любителем заграничного тряпья Коротковым и выяснили, что Надеины действительно были во время убийства радиста в Мурмано, Нефедов крепко отчитал Виктора в присутствии Натальи Степановны, и расстроенная мать повела сына домой.

Теперь загадка была в том, как плащ оказался на полдороге между местом убийства и проходной порта.

— Если плащ нес убийца, а потом бросил, — размышлял майор Леденев, — значит, он шел в порт.

— Опять все дороги ведут туда, — сказал Нефедов. — Надо искать в порту.

«ПУСТЬ БОГ ПОШЛЕТ НАМ ТЕПЛОХОДИК»

После нападения на «Адмирала Ричардсона» Эрнст Форлендер повел субмарину к берегам Норвегии, чтобы лодку, хорошо видимую с воздуха, не смогли бы обнаружить самолеты. Он не знал, что на погибшем корабле не заметили следа движущейся торпеды и в эфир никакого сообщения о появлении «Зигфрида-убийцы» не поступило, поэтому считал необходимым переждать несколько суток на случай, если в район гибели «Адмирала Ричардсона» ринутся корабли противолодочной обороны и самолеты, вооруженные глубинными бомбами.

Но долго «сидеть» субмарина не могла — топливо было на исходе, кончились продукты питания; нечего было и думать о переходе в Южную Америку, да еще кружным путем, без пополнения припасов.

«Зигфрид-убийца» затаился у норвежского побережья и ждал новую жертву.

— Нам нужен теплоход с хорошим запасом бункерного топлива, — сказал фрегатен-капитан Эрнст Форлендер Шеллингу. — Взять его необходимо так, чтоб не навлечь на себя свору охотников.

— И ты уже придумал? — спросил штандартенфюрер.

— Пусть бог пошлет нам теплоходик с горючим для наших дизелей, а как с ним справиться — это уж моя забота, — ответил командир субмарины.

Оставалась еще одна торпеда, но применение ее в данной ситуации, разумеется, исключалось. Судно необходимо было Форлендеру целехоньким. Это был оживленный район моря, и вероятность встречи с каким-либо судном достаточно велика...

Можно было всплыть и, заставив судно остановиться, высадить на него группу захвата, арестовать команду, закачать в лодку топливо, а затем спокойно отправить теплоход на дно.

Но Форлендер не был уверен в том, что все корабли бассейна не получили предупреждение о пиратствующей лодке и что встречное судно не угостит его огнем.

Нет, этот план не годится. Коварный ум Форлендера приготовил нечто другое, позволяющее свести риск для «Зигфрида-убийцы» до минимума.

...Вахтенный штурман небольшого танкера «Шетланд айлс» Питер Лейтон заметил правее курса две точки на поверхности и доложил об этом капитану. Когда Эдмунд Грей, капитан танкера, появился на мостике, над морем, в том месте, где виднелись неясные предметы, взмыла красная ракета — сигнал бедствия.

— Десять градусов право! — скомандовал Эдмунд Грей.

Вскоре с танкера увидели две резиновые лодки. Люди в них размахивали руками и кричали, призывая на помощь. «Шетланд айлс» застопорил машину, люди на лодках что есть силы гребли короткими веслами, подгребая к борту, откуда уже сбросили штормтрапы и ободряюще кричали моряки танкера. Еще несколько минут — и спасенные, опираясь на дружески протянутые им руки, один за другим поднялись на борт корабля.

И опять, как в случае с «Адмиралом Ричардсоном», никто в суматохе не заметил перископа подводной лодки. Впрочем, это можно было понять: все внимание команды было поглощено спасательными работами.

И Эрнст Форлендер, злорадно ухмыляясь, наблюдал, оставаясь невидимым, как осуществляется его план. На двух резиновых лодках была выброшена специальная группа. Ею командовал лейтенант Курт Завадски.

Изображая потерпевших кораблекрушение моряков, пираты, вооруженные автоматами, пистолетами и ручными гранатами, должны были проникнуть на борт танкера и, улучив подходящий момент, захватить судно. Когда с экипажем будет покончено, Курт Завадски, а если он погибнет, то его помощник, даст сигнальную ракету. Тогда лодка всплывает на поверхность и спокойно пришвартовывается к борту «Шетланд айлс», чтобы принять топливо.

Пока все шло так, как было задумано. Головорезов с «Зигфрида-убийцы» приняли на борт танкера, который

продолжал следовать своим курсом, не подозревая о страшной опасности, нависшей над ним.

Прошло условное время, но сигнал не появлялся.

Эрнст Форлендер нервничал:

— Что они тянут?

— Может быть, лейтенант никак не подберет подходящий момент. Не волнуйся, Эрни,— успокоил Форлендера Густав Шеллинг.

— Девять таких молодцов с автоматами — они уже сами по себе подходящий момент,— сказал командир.— Но нам ничего другого не остается, как ждать.

— Вот именно,— подтвердил штандартенфюрер.

Когда пошел второй час ожидания, сменивший командира у перископа старший рулевой Клаус Шмеккер вдруг закричал:

— Господин фрегатен-капитан! Он меняет курс!

Эрнст Форлендер прижался к окулярам перископа и увидел, как «Шетланд айлс» разворачивается и ложится на обратный курс.

— Что случилось? — спросил Шеллинг.

— Он возвращается, что-то произошло,— ответил командир.

— Наверно, Курт сделал свое дело.

— Но где же сигнал?

В круглом проеме двери, ведущей из отсеков лодки в центральный пост, показался радист.

— Господин фрегатен-капитан,— сказал он,— я перехватил радиogramму с этого корабля. Он стучит шифром, который нам известен.

Форлендер схватил листок с текстом радиogramмы.

— Проклятие! — воскликнул он.— Танкер возвращается на базу и радирует о том, что он обнаружил неизвестную субмарину. Просит выслать конвой!

— А что же Курт? — спросил Шеллинг.

— Курт, Курт... Откуда я знаю! Шмеккер, боевая тревога!

— Что ты собираешься делать, Эрни? — вскричал штандартенфюрер.— Не забывай, что я тут с секретной миссией...

— Твоя миссия, дорогой Густав, окончена. Здесь командир я! Приготовить торпедный аппарат.

Подводная лодка выходила на боевой курс. Фрегатен-капитан знал, что у него последняя торпеда и промахнуться он не имеет права.

В перископе появился силуэт танкера.

Рассчитав торпедный треугольник, фрегатен-капитан отдал команду. Субмарина вздрогнула, освободившись от груза. Возник и потянулся хвостом за торпедой ее след.

На танкере заметили торпеду, но слишком поздно. Оглушительный взрыв потряс корпус «Шетланд айле», и он превратился в пылающий факел. Три тысячи тонн авиационного бензина многократно повторили взрыв, воспламенивший море.

Эрнст Форлендер убрал перископ, всплыл в позиционное положение и взял курс на север, стремясь как можно скорее уйти от места нового преступления. Внизу стучали дизели, сжигая последние запасы топлива. Но они заряжали аккумуляторы, которые были так нужны, если придется уходить от погони под воду.

Угрюмый Форлендер стоял на мостике и смотрел, как растут на море белые барашки и все темнее и темнее становится небо.

КАПИТАН ШТОРР РАЗДОСАДОВАН

Юрий Алексеевич Леденев еще с минувшей войны хорошо знал немецкий язык, постоянно практиковался в нем, и поэтому Нефедов решил идти с ним на теплоход «Джулиус Пиккенпек» без переводчика.

Капитана Фридриха Шторра они не застали на борту, но его старший помощник Отто Зальцер, молодежавший моряк, непомерно высокого роста, предупредительный и вежливый, предложил подождать капитана в своей каюте.

— Герр капитан должен прибыть с минуты на минуту, — сказал Зальцер.

Погрузка на «Пиккенпек» уже подходила к концу. Трюмы теплохода наполнялись последними тоннами руды, и, если б не загадочное убийство радиста Груннерта, корабль уже сегодня в ночь покинул бы Поморск.

А теперь его отведут на рейд, где «Пиккенпек» бросит якорь и будет ждать преемника Груннерта.

Разговор с Фридрихом Шторром не занял у Нефедова много времени. Капитан любезно принял посетителей. Узнав, что следователь хочет осмотреть каюты боцмана Хилльмера и стюарда Элерса, он, несколько колебавшись, пригласил к себе старшего помощника.

— Вот что, Зальцер,— сказал капитан,— эти господа из русской криминальной полиции должны видеть каюты Хилльмера и Элерса. Один только бог ведает, что они намереваются там найти, но, если это поможет отыскать убийцу Груннерта, я готов позволить сделать обыск в собственной каюте. Отошлите боцмана и стюарда по каким-нибудь делам на берег, а потом откройте каюты для господ своими ключами.

— Господин следователь хотел бы, чтоб герр Зальцер оказал любезность и согласился присутствовать при осмотре,— сказал Леденев.

— Окажите эту любезность, Зальцер, окажите. А пока он отправляет на берег этих людей, я хочу предложить вам, господа, рюмку доброго коньяка...

Спустя час с небольшим Нефедов и майор Леденев в сопровождении старшего помощника вновь вошли в каюту Фридриха Шторра. В руках Юрий Алексеевич держал средних размеров пакет.

— Это мы нашли в каюте Элерса,— сказал Нефедов,— его ботинки. Я прошу вас, герр Шторр, держать наш визит в тайне от экипажа. Я обо всем поставлю вас в известность, герр капитан, а сейчас, извините меня, я вынужден просить вас дать нам возможность допросить Иоганна Элерса.

— Вы хотите его арестовать? — вскричал Фридрих Шторр.— Вы считаете, что Иоганн — убийца?

— Ну что вы, герр капитан, зачем так сразу,— укоризненно произнес Леденев.— Мы хотим выяснить коо-
какие обстоятельства, связанные со смертью радиста.

— Простите, герр следователь, но мне это порядком надоело! — сердито заговорил капитан.— Я прихожу в ваш порт за рудой на мирном судне, у меня убивают радиста, целый день вчера вы держали у себя в полицей-президиуме двух членов моего экипажа, теперь снова забираете моего стюарда... И это вместо того, чтоб искать убийцу бедного Оскара! Вы попустительствуете вашим гангстерам и мешаете свободному торговому судоходству! Ведь я вынужден стоять в вашем проклятом Поморске до тех пор, пока компания не пришлет нового радиста! Вы...

— Извините, герр капитан! — мягко, но настойчиво остановил Шторра Леденев.— Мы понимаем и с уважением относимся к вашим чувствам. Но, как вы знаете, закон есть закон. Интересы следствия требуют от нас

пригласить вашего стюарда в уголовный розыск, поэтому я прошу...

— Ах, оставьте меня! — сказал Шторр и устало махнул рукой, опускаясь в кресло. — Забирайте Элерса ко всем чертям! Только скажите ему, Зальцер, пусть он оставит кого-нибудь за себя понадежнее. Второй день мои офицеры едят кое-как, и кают-компания превратилась в харчевню.

БОТИНКИ ЭЛЕРСА

Переводчица Нина Самойлова шла по Верхне-Портовой улице, направляясь к зданию городского отдела милиции, куда ее снова пригласили для участия в допросе свидетелей.

«Сказать надо, — подумала она. — А может быть, не стоит? Будут смеяться, мол, тоже еще Шерлок Холмс в юбке... Собственно, ничего тогда особенного не произошло. Они ведь спрашивали, не видела ли я чего-нибудь странного в поведении этих людей. А я ничего и не видела. Правда, тот случай просто забыла, да, впрочем, ничего в нем странного и не было».

Она не успела окончательно решить, как следует поступить. Позади послышался скрип тормозов. Нина обернулась и увидела остановившуюся «Волгу». Дверца машины приоткрылась, и капитан Корда пригласил девушку в кабину.

— К нам, наверно? — спросил Алексей Николаевич, когда Нина Самойлова села с ним рядом, позади водителя.

— Да вот позвонили, — ответила она. — Попросили прийти.

— Вы, Нина, молодец, — сказал Корда.

Нина не ответила. Она снова подумала о том, что надо обо всем рассказать, неважно, если ее сведения и не нужны этим людям, и лучше пусть ее выслушает этот человек с усталыми глазами, к нему она чувствует особое доверие, он не станет смеяться над ее подозрениями.

— Алексей Николаевич, — начала переводчица. — Хочу вам сказать... Я кое-что вспомнила про тот вечер в Интерклубе...

Когда Корда и переводчица вошли в кабинет Нефедова, там сидел Леденев.

— Вот и хорошо,— сказал Нефедов Нине.— Сейчас допросим Элерса. Очень важный с ним будет разговор.

— Но ведь Юрий Алексеевич хорошо знает немецкий,— возразила Нина,— я слышала, как он говорит.

— Да, но я-то знаю его неофициально,— заметил Леденев.— Мало ли что, могу ошибиться, не так перевести, а это используют потом как зацепку. А ваше участие в деле мы фиксируем особым протоколом.

— Давайте сюда Элерса, Алексей Николаевич,— попросил Нефедов.— Ну что у тебя с англичанином?

— Липа,— сказал Корда.— Нет там такого.

— Гм,— хмыкнул Нефедов.— Может, на другом судне.

— Сейчас в порту только одно английское судно,— сообщил Юрий Алексеевич.— Хотя англичанин может быть в составе экипажа кораблей, приходящих под другим флагом... Ладно, потом займемся этим. Сейчас главное — Элерс.

Когда привели Элерса, Нефедов вежливо предложил ему сесть и задал первый вопрос:

— Скажите, Элерс, вы никогда не ссорились с Грунбертом?

— Нет, мы всегда ладили с Оскаром.

— А с другими членами команды «Пиккеншека»?

— Всякое бывает, но, кажется, врагов у меня нет.

— А если бы кто-либо смертельно оскорбил вас, вы смогли бы пустить в ход нож, который мы нашли в кармане вашего пиджака и с которым вы никогда не расстаетесь?

— Не думаю, герр следователь...

— А если бы пришлось защищаться от нападения?

— Не знаю... Может быть...

Элерс испуганно смотрел на подполковника, пытаясь понять, к чему тот клонит.

Наступила пауза. Вопросов Элерсу больше не задавали. Прошла минута, вторая, третья. Стюард нервно заерзал на стуле. Вдруг майор Леденев поднялся и вплотную подошел к Элерсу.

— Ну вот что! — быстро проговорил он.— Хватит валять дурака, Элерс. Посмотрите сюда!

Юрий Алексеевич резко сдернул лежащую на столе газету. Элерс отшатнулся. Это были его ботинки.

— Это ваша обувь?

— Да.

— Так вот, на правом ботинке обнаружена человеческая кровь. Как она могла попасть туда? Отвечайте!

Побледневшее лицо Элерса медленно наливалось краской. Он обвел всех глазами и вдруг улыбнулся дрожащими губами.

— Чему вы улыбаетесь, Элерс? — спросил Леденев.

— Этих ботинок я не видел уже три дня. Их принесли мне только сегодня утром, — ответил стюард и облегченно вздохнул.

— Кто их брал у вас? — спросил Нефедов, когда Нина Самойлова перевела ответ Элерса.

— Боцман Вернер Хилльмер.

Да, у этого коротышки Элерса были непропорционально большие ноги, и его ботинки приходились боцману Хилльмеру впору.

Понадобилось совсем немного времени, чтоб выяснить, почему Хилльмер выпросил эти ботинки у стюарда. Как объяснил Элерсу боцман, он сильно поцарапал верх своей обуви о металлический трап и одолжил запасные ботинки у приятеля, чтоб пойти в них в город.

Выяснив у стюарда все необходимое, работники уголовного розыска попросили его задержаться на случай, если понадобится очная ставка с Хилльмером.

Когда за Элерсом закрылась дверь, Корда сказал:

— А теперь пусть Нина повторит то, что рассказала мне о встрече боцмана Хилльмера с таинственным незнакомцем в Интерклубе.

— Да, — озадаченно произнес Нефедов, когда переводчица закончила свой рассказ. — Вы сумели бы опознать того человека?

— Думаю, что смогла бы, — ответила Самойлова.

— Хорошо. Спасибо, Нина! Вы пока свободны... — сказал Нефедов, и переводчица оставила кабинет.

— Все это далеко не в пользу боцмана, — сказал Леденев. — Зачем он скрыл это обстоятельство на допросе?

— И англичанина выдумал, — сказал Корда. — Нет такого, чует мое сердце...

— Что ж, надо опять ехать в порт... Может, ты, Юрий Алексеевич? — спросил Нефедов.

— Так просто, без соответствующих санкций, капитан «Пиккенпека» не захочет со мной говорить.

— Хорошо, — решил Нефедов. — Соберем все, что имеем, захватим Элерса как свидетеля, Нину тоже и махнем к прокурору. Сам поеду. Буду просить санкцию на

задержание Хилльмера. Улик вроде хватает. Ложь на допросе, потом кровь на ботинках — пусть сам на все даст вразумительный ответ.

ВЫСТРЕЛЫ В МАШИННОМ ОТДЕЛЕНИИ

...После неудачной попытки захватить танкер Эрпст Форлендер понял, что для субмарины все кончено. У нее не было возможности совершить трансатлантический переход из-за отсутствия топлива.

Посоветовавшись с Шеллингом, Форлендер задумал захватить какое-нибудь рыболовное судно, уничтожить лодку, а самим пробираться к испанскому берегу, где можно было найти приют.

— Во всяком случае, — говорил Густав Шеллинг, хлопывая по стальному походному сейфу, с которым он прибыл на борт субмарины, — оказаться в Испании с содержимым этого ящика будет совсем неплохо. Конечно, там не так спокойно, как в Аргентине, но можно пересидеть смутное время и за Пиренеями.

...Неожиданно с мостика низко сидящей лодки заметили огни ведущего промысел траулера. Субмарина вплотную подошла к рыбакам. Очередями из пулемета были расстреляны все, кто находился на палубе, затем четверо матросов перепрыгнули на траулер, и через несколько минут все было кончено.

Когда трупы рыбаков сбросили в море, Форлендер и Шеллинг перебрались в рубку траулера. Клаус Шмеккер обрубил рыболовные снасти, чтобы они не мешали движению.

— Что ты думаешь делать с лодкой, Эрни? — спросил штандартенфюрер.

— Сейчас увидишь, дорогой Густав, сейчас увидишь, — сказал Форлендер и посмотрел на часы. — Эй, Генрих! — крикнул он выбравшемуся из машины траулера механику Шульцу. — Как двигатель?

— В порядке, господин фрегатен-капитан. Можно запускать!

— Тогда давай вниз. Приготовиться дать ход! — Форлендер подозвал одного из матросов и приказал отдать швартовы. Потом он крикнул своему помощнику Максу Крюгеру, который оставался на мостике субмарины. — Хотим попробовать двигатель! Оставайтесь лежать в дрейфе. Скоро мы к вам подойдем!

Траулер заскользил вдоль длинного узкого корпуса субмарины и, ускоряя движение, пошел вперед. Форлендер передал штурвал Клаусу Шмеккеру.

— Держите на норд-ост, — сказал командир.

Они прошли этим курсом минут двадцать, и ветер принес звук далекого взрыва. Форлендер стащил с головы берет.

Ошеломленный Шмеккер выпустил из рук штурвал, и траулер резко пошел в сторону.

— Идиот! — заорал Форлендер. — Держи на курсе!

Вдруг стихло в машинном отделении. Фрегатен-капитан звякнул телеграфом, но снизу никто не ответил. Форлендер дергал рукояткой, но из машины ответного сигнала не было. Потеряв ход, траулер стал медленно разворачиваться.

— Заснул он там, что ли? — закричал Форлендер.

— Успокойся. Я пойду вниз и расшевелю его, — спокойным голосом произнес Шеллинг и вытащил из кобуры парабеллум.

Когда штандартенфюрер спустился вниз, из машинного отделения раздались выстрелы, затем послышался неясный крик. Форлендер схватил автомат, метнулся к открытому световому люку над двигателем, увидел мелькнувшую в полумраке фигуру с пистолетом в руках и выпустил в нее всю обойму.

...Трупы механика Шульца и безымянного норвежского моториста оставили там, где они лежали, а раненого двумя пулями Шеллинга перенесли в кубрик.

Штандартенфюрер умирал. С ним остался Эрнст Форлендер. Поднялся ветер, и беспомощный траулер несло все дальше на северо-восток. Трое матросов молча стояли в рубке. Наконец из кубрика показался их командир. Палуба уходила из-под его ног. Форлендер, покачиваясь, пересек ее и поднялся в рубку.

— Он умер, — сказал он. — Умер...

Форлендер обвел глазами матросов, потом поискал взглядом стальной ящик штандартенфюрера, подошел к нему и два раза легонько стукнул ногой.

— Кто из вас может запустить двигатель и управлять им? — спросил Форлендер матросов.

...Никто этого не умел, но пытались все по очереди. Старания оказались тщетными. Видимо, норвежец-моторист успел вывести машину из строя.

На третьи сутки шторм затих и пришел туман.

Они жарили выловленную бывшими хозяевами траулера треску и ждали нового поворота судьбы. Больше им ничего не оставалось делать. Еще на лодке они переоделись в штатскую одежду, и сейчас Форлендер раздал всем документы солдат одной из частей вермахта, разбитых Красной Армией в Норвегии.

— Если окажемся на этом берегу и нас схватят, говорите, что, сняв солдатскую форму, вы прятались в горах, а сейчас, не выдержав лишений, пришли сдаться в плен, — инструктировал своих матросов бывший командир «Зигфрида-убийцы».

Туман не рассеивался. На четвертый день утром траулер заскрежетал днищем о подводное препятствие и стал валиться на правый борт.

ХИЛЛЬМЕР ОТВЕЧАЕТ: «ДА»

— Вот что, Хилльмер, — обратился к боцману Нефедов. — Мы хотим, чтобы вы снова повторили свой рассказ о всех ваших действиях в тот вечер, когда был убит радист Оскар Груннерт.

— Но я уже обо всем рассказывал вчера...

Вернер Хилльмер растерянно оглядел непроницаемые лица мужчин. Нина Самойлова собрала все силы, чтобы спокойно выдержать взгляд Хилльмера, но боцман не смотрел на нее, он пытался прочесть нечто только в глазах Нефедова, Леденева и Корды.

— Я уже все рассказал, — повторил он.

— Ничего, — заверил его Нефедов. — Переведите ему, Нина, что есть хорошая поговорка: повторение — мать учения...

Когда боцман перестал говорить, некоторое время все молчали.

— А теперь, Вернер Хилльмер, — сказал по-немецки майор Леднев, — я дополню ваш рассказ. Когда вы сидели с Груннертом в баре, то обратили внимание на одного человека из норвежского экипажа. Человек вышел в коридор, и вы последовали за ним. Там вы схватили его за рукав и произнесли такие слова: «Вы не узнаете меня? Но я не мог ошибиться!» Человек резко ответил вам что-то на норвежском языке и пошел прочь, но вы снова остановили его: «Неужели это не... Ведь такое сходство. Не узнаете? Клаус...» Но человек отвернулся от вас и вошел в зал, где были танцы. Вы, Хилльмер, некоторое время

стояли, словно рыздумывая, не пойти ли вам следом, затем вернулись в бар. Так все было или вы поправите меня? Кто это был, Хилльмер? Что значит «Клаус»? Имя этого человека? Отвечайте!

Вернер Хилльмер, испуганно смотревший на Леденева, пока тот говорил, опустил голову.

— Не советую вам отказываться, — сказал Нефедов. — Вас видела с этим человеком и слышала разговор фрейлейн, которая сейчас находится здесь. Вы подтвердите мой рассказ, Ниша?

— Да, — сказала Ниша. — Все было так...

— Кто был этот человек, Хилльмер? Отвечайте! — резко спросил Нефедов.

Хилльмер молчал.

— Вы его знали раньше? За кого вы приняли его? — задал вопрос Корда.

— Почему не рассказали на предыдущем допросе об этой встрече? Зачем вам понадобилась выдумка о стычке с англичанином, которого не существовало? Чтоб направить следствие по ложному пути? — задал вопрос Леденев.

Ниша Самойлова едва успевала переводить вопросы, сыпавшиеся на Хилльмера, но тот молчал.

— Не хотите ответить на эти вопросы, — заговорил с ним Леденев, — ваше дело. Но вот на что вы, может быть, мне ответите! Вы брали у Элерса ботинки, чтоб пойти в них в город?

— Да.

— Эти ботинки были на вас в тот вечер, когда был убит Груннерт?

— Да.

— На правом ботинке обнаружена человеческая кровь. Это кровь Оскара Груннерта?

Хилльмер молчал. Все замерли в ожидании ответа и непроизвольно наклонились в сторону боцмана.

Вернер Хилльмер судорожно глотнул воздух и в третий раз произнес:

— Да...

СЕЙФ СПРЯТАН

Их стало меньше на одного. Клаус Шмеккер видел, как, соскользнув с резко наклонившейся палубы, Людвиг Вальдберг поднял руки над головой, сдавленно выкрикнул что-то и камнем ушел под воду.

Покинув севший на камни траулер, они стали перебираться к берегу, едва видимому в густом тумане. К счастью, спасательная шлюпка уцелела.

Высадились в небольшой бухте с узким пляжем и разбросанными по нему огромными валунами. Ближе к полудню туман рассеялся, и стало видно, что над бухтой нависли скалы, а с моря ее ограждают два мыса характерного профиля. Эрнст Форлендер тщательно зарисовал очертания мысов и бухты, потом выбрал под скалой место и приказал вырыть яму.

Когда яма была готова, Форлендер с трудом опустил в нее стальной ящик штандартенфюрера Шеллинга.

— Теперь засыпайте, — сказал он матросам.

Вскоре стальной сейф был надежно укрыт под полуметровым слоем песка и гравия.

— Вот что, друзья мои! — сказал Форлендер. — Вы хорошо служили мне и рейху, я вами доволен. Скоро мы расстанемся. Будем пробираться поодиночке. Сейчас вместе поднимемся на перевал, а там разойдемся в разные стороны.

Они разделили оставшиеся припасы, отдохнули перед дорогой и принялись подниматься в горы.

Идти было трудно, но они не хотели, чтоб их обнаружили на побережье, и уходили все дальше. Незадолго до того как разойтись в назначенном месте, Клаус Шмеккер, который шел впереди, выбрался на открытую площадку и остановился, ожидая товарищей. Вот показался Отто Мюллер.

— А где господин фрегатен-капитан? — спросил Клаус.

— Немного отстал, — сказал Отто.

Клаус развел руки в стороны, потянулся и вдруг увидел, как странно завертелся волчком и рухнул Мюллер. Клаус Шмеккер схватил приставленный к камню автомат, хотел укрыться за валун, но почувствовал удар в голову, и все исчезло.

ВСТРЕЧА В СКВЕРЕ

— Да, это кровь Оскара Груннерта, — сказал Вернер Хилльмер, — но я не убивал его.

Он пошарил по карманам, достал пачку сигарет, дрожащими пальцами сунул одну в рот. Капитан Корда

щелкнул зажигалкой, которая уже побывала однажды в руках боцмана, и поднес ему огонь.

— Оскар на самом деле пошел тогда за бутылкой, — начал Хилльмер. — Уж лучше бы он этого не делал...

Корда хотел задать боцману какой-то вопрос, но Нефедов сделал ему знак: не надо, пусть, мол, говорит все, что считает нужным, выговорится до конца, а спросить всегда успеем.

— Мы вдвоем вышли из бара, — продолжал свой рассказ Хилльмер, — и ему захотелось взять еще бутылку. Оскар повернул обратно, а я медленно пошел вперед...

Когда боцман оказался в сквере, он вдруг услышал шаги за спиной и пробурчал, не поворачиваясь:

— Поторапливайся, Оскар. Не мог взять бутылку сразу...

Человек поравнялся с ним. Хилльмер почувствовал, как его крепко ухватили за плечо, и он резко повернулся. Это был не Оскар Груннерт.

— Так ты узнал меня, Клаус Шмеккер? — спросил человек.

— О майн гот! — воскликнул боцман. — Господин фрегатен-капитан...

В следующий момент человек, которого он называл фрегатен-капитаном, вдруг выхватил правую руку из кармана, раздался щелчок, и в свете фонаря сверкнуло лезвие.

— Что?! — крикнул боцман. Рука с ножом рванулась к нему, но Хилльмер успел ее перехватить. Свободной рукой человек ударил Вернера в лицо, удар пришелся в челюсть, борода смягчила его, но боцман отпустил руку и пошатнулся. — Зачем? — крикнул он, когда нападавший снова занес нож, и тут между ними оказался человек. Он оттолкнул Хилльмера, схватил врага за горло, потом ахнул и грузно свалился на землю.

Мгновение убийца и Хилльмер стояли друг против друга, и их разделяло лежащее на аллее тело Оскара Груннерта. Потом убийца, не выдержав, побежал прочь. Боцман бросился к Оскару, ощупал его грудь, ощутил липкое на пальцах, рука нашла бутылку, купленную радистом в баре Интерклуба, — пальцы обхватили горлышко. Хилльмер выпрямился, перешагнул через Груннерта, в несколько прыжков догнал убежавшего человека и изо

всех сил ударил бутылкой в коротко остриженный затылок.

— Кто это был? — спросил майор Леденев.

— Бывший командир подводной лодки фрегатен-капитан Эрнст Форлендер, — ответил боцман. — Мой командир...

Упав после ранения с откоса, Клаус Шмеккер сильно ударился головой о камень. Когда Клаус пришел в себя, то увидел труп своего товарища. Форлендера он не нашел и до последней встречи с ним считал, что на них напали партизаны, захватившие в плен командира лодки.

— Но когда я увидел в его руках нож, — сказал Хилльмер — Шмеккер, — то понял, что выстрелы на перевале — его работа. Он хотел избавиться от нас, последних свидетелей.

— Как вы стали Хилльмером? — спросил Корда.

У Клауса Шмеккера были документы на это имя. Рядовой горнострелкового полка Вернер Хилльмер — вот кем стал бывший рулевой субмарины. Проплутав в горах трое суток без каких-либо припасов — рюкзаки его и товарищей оказались пусты, — он вышел к рыбацкой деревушке с поднятыми вверх руками.

Так Вернер Хилльмер в качестве военнопленного очутился в России. Сочиненная им легенда сработала без осечки, и под именем Вернера Хилльмера он был освобожден из плена и отправлен в Германию. В Гамбурге Хилльмер — будем называть боцмана новым именем — узнал, что все его родные погибли.

— Мне показалось, что нет смысла восстанавливать старое имя: никому уже Клаус Шмеккер был не нужен. Так я и остался Хилльмером. Устроился матросом на торговое судно, потом стал боцманом. Все эти годы я плавал по морям и почти забыл о прошлом, как вдруг в вашем порту, в коридоре Интерклуба, встретил командира «Зигфрида-убийцы».

— Тот человек, которого вы остановили в Интерклубе, был Эрнст Форлендер? — спросил майор Леденев.

— Да. Но он не захотел признаться. А я не совсем был уверен, что это он. Сказал было Груннерту, но Оскар посмеялся надо мной. Мол, спьяну мне померещилось...

— Значит, Форлендер был в составе экипажа норвежского судна? — спросил Леденев у Нины.

— Да, кажется, он из норвежской команды.

— Я должен позвонить полковнику Бирюкову, — сказал Леденев вполголоса, наклоняясь к начальнику уголовного розыска.

— Конечно, Юрий Алексеевич, конечно, — согласился Нефедов. — Иди звони, мы пока приостановим допрос.

Когда Леденев вернулся, подполковник спросил Хилльмера:

— Чем вы можете доказать правильность ваших показаний?

Боцман задумался.

— Не знаю... Мы были вдвоем... Он убил Оскара... — Хилльмер замолчал, потом начал говорить снова, медленно подбирая слова: — Когда я ударил Форлендера бутылкой, он сразу упал... Я нагнулся и вытащил из кармана бумажник, чтоб взглянуть на документы: мне подумалось, что я мог ошибиться.

— И что вы увидели в бумажнике? — спросил Леденев.

— Я посмотрел его уже на судне. Там был заграничный паспорт. И еще разные бумаги... В паспорте было написано, что его зовут Оле Абрахамсен, старший штурман теплохода «Вестероллен». Увидев чужое имя в паспорте, я засомневался в том, что это был Форлендер.

— Моряки с этого судна были у нас на вечере, — сказала Нина.

— Это интересно, — сказал Нефедову Леденев. — Значит, он стал норвежцем.

— Что было потом? — спросил Нефедов у Хилльмера.

— Я убрал с аллеи их обоих, Оскара и этого... Оба они были мертвы. Потом я побежал в порт. По дороге вдруг сообразил, что держу в руках плащ Груннерта. Я выбросил его...

— Понятно, — сказал капитан Корда. — А как же все-таки с тем англичанином?

— К нам и на самом деле подсаживался англичанин, он просто хотел прикурить, а потом ушел. Когда я говорил об англичанине, я видел перед собой лицо Форлендера и описал его вам. Считал, что власти решат, будто они убили друг друга в драке. Конечно, я готов нести

ответственность за убийство этого дьявола... Когда я увидел убитого Оскара, то не владел больше собой...

— Но все дело в том, что вы его не убивали, Хилльмер, — сказал Нефедов. — В кустах нашли только труп Груннерта, и капитан теплохода «Вестероллен» не заявлял об исчезновении своего старшего штурмана.

— Так, значит, он жив?! — вскричал боцман. — Арестуйте его немедленно! Это не человек, а дьявол! Он сумеет уйти невредимым из любого положения!

— Не волнуйтесь, Хилльмер, — сказал майор Леденев, — от нас он не уйдет. Скажите, а куда вы девали бумажник Форлендера?

— Он спрятан в фторпике, на верхней полке по правому борту среди банок с краской. Одна из банок пуста. Я положил бумажник в полиэтиленовый пакет и опустил в банку. Вы можете взять его сами, я расскажу, как найти...

— Зачем? — сказал Нефедов. — Проще вам прогуляться вместе с нами на «Джулиус Пиккенпек».

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ФРЕГАТЕН-КАПИТАНА

— Я проверил план, который мы нашли в бумажнике Форлендера, — сказал майор Леденев. — Это наша Палтусова губа. Боцман говорил, что на скале у того места, где они зарыли сейф, характерный рисунок трещин. Есть такой рисунок. Вот фотографии, мы сделали их, когда прилетели туда на вертолете. Приборы показали, что на considerable глубине находится металлический предмет. Я оставил там пост наблюдения. Выкапывать сейф, согласно вашему приказу, мы не стали.

— И правильно, — сказал Василий Пименович, — он никуда не денется, пятнадцать лет пролежал, пролежит и еще, а вот птичек приманить на него мы можем.

— Словом, все готово к аресту Форлендера, — продолжал майор. — Люди Нефедова сумели побывать на «Вестероллене» и установили, что затылок тамошнего старпома залеплен пластырем. Но вот почему он не заявляет о потере паспорта? Странно.

— Выжидает. Выжидает он, Юрий Алексеевич. Он знает, что боцман работает на «Джулиусе Пиккенпеке», и ждет, когда можно будет исчезнуть под чужим именем, вернее, под другим, ведь и это у него чужое. Возможно,

здесь у него есть сообщник. В одиночку Форлендеру никак не добраться до сейфа в Палтусовой губе. Ничего удивительного не будет и в том, если такой план бухты есть и еще у кого-нибудь в Поморске.

— Надо брать Форлендера, — сказал Леденев.

— И как можно скорее, майор. Предварительно следует поговорить с капитаном «Вестероллена» Эвальдом Григом. По моим данным, он участник Сопротивления. Я пойду с вами, норвежский язык, кажется, еще не забыл. Учтите, Форлендер, возможно, вооружен. Надо быть настороже. Этот тип захочет дорого продать свою жизнь...

...Капитан теплохода «Вестероллен» Эвальд Григ вот уже полчаса оживленно беседовал с полковником Бирюковым, у них оказались общие друзья в Норвегии еще с тех, военных, лет, и им было что вспомнить...

Остальные участники операции, прибывшие на судно под видом работников порта, сидели за большим столом в салоне капитана и потягивали пиво, наливая его из жестяных банок.

Был здесь и боцман Хилльмер. Бывший рулевой подводной лодки «Зигфрид-убийца» должен был опознать Эрнста Форлендера, ее командира.

Наконец Василий Пименович перевел разговор на личность старпома.

— У меня он недавно, — сказал капитан Григ. — Мой старый чиф мейт¹ по распоряжению фирмы ушел в отпуск, а Абрахамсена прислали ко мне на два-три рейса. Он новый человек у нас. Я раньше не встречал его на флоте. Говорят, что вырос в Соединенных Штатах. Это похоже: на родном языке Оле говорит с акцентом.

— Сожалею, но вы ошибаетесь, капитан Григ, — сказал полковник. — Норвежский язык никогда не был для вашего старшего помощника родным. Он — немец.

— Немец? — вскричал капитан теплохода «Вестероллен». — Немец?

— Да. И я пришел сюда, чтобы арестовать его по обвинению в убийстве. Вот ордер на арест.

Василий Пименович протянул капитану ордер и его перевод на английский язык.

¹ Старший помощник.

— Но как же так? — рассеянно пробормотал Эвальд Григ, глядя то на листок бумаги, то на полковника.

— Возможно, позднее я приглашу вас к себе и расскажу обо всем подробнее. А сейчас прошу вас показать пам Оле Абрахамсена, но сначала так, чтоб он нас не заметил.

— Он на палубе, — сказал капитан. — Пойдемте на мостик.

Все поднялись и вслед за хозяином вышли из каюты в рубку, а затем на крыло мостика.

— Вот оп, — сказал Эвальд Григ, протягивая руку в сторону полубака, — мой старший помощник Оле Абрахамсен. Я могу вызвать его сюда.

Бирюков вопросительно глянул на Хилльмера. Боцман кивнул.

— Не беспокойтесь, господин Григ, — сказал полковник Бирюков, — мы пройдем к нему сами.

Абрахамсен — Форлендер стоял на самом краю сдвинутых к корме плит механического люка. Перед ним зиял провал трюма. Он отдавал последние распоряжения боцману, который с группой матросов заканчивал приготовления к приему груза на «Вестероллс». Он не видел спускавшихся из надстройки людей, так как стоял к ним спиной. Но когда капитан Григ, он шел впереди, затем полковник Бирюков с Кордой, переводчик из управления, представитель «Инфлота» и замыкающий процессию Леденев двинулись по палубе, старший помощник оборвал себя на полуслове, оглянулся.

Эрнст Форлендер вздрогнул. Он все понял. Последний командир «Зигфрида-убийцы» стал пятиться. Затем он резко повернулся и, как опытный ныряльщик, бросился вниз головой, в пустоту раскрытого трюма.

КТО ОН?

Полковник Бирюков стоял у окна и смотрел на заставленную кораблями бухту.

— «Вестероллен» снимается с якоря, — сказал оп и повернулся к майору Леденеву: — Садитесь, Юрий Алексеевич.

Леденев сел к столу и попросил разрешения курить.

— Курите, — сказал Василий Пименович. — Жаль, не сумели взять живым Форлендера. Значит, смерть его

снимем пока на «несчастный случай», чтоб не спугнуть возможных сообщников бывшего фрегатен-капитана.

— Да, он использовал свой последний шанс, — сказал Леденев.

— Но если бы вовремя не вытянули из бородача эту историю с пиратством и кладом, Эрнст Форлендер отплыл бы сейчас в заморские края. И не исключено, что не с пустыми руками. Кстати, вы были снова в Палтусовой губе? — спросил Бирюков.

— Был. Выставленный там пост продолжает наблюдение. Пока никто не появлялся.

— Надо незаметно оцепить всю прилегающую местность, — сказал Василий Пименович. — Возможно, кто-нибудь в свою очередь наблюдает за постом наблюдения. Попробуем выкопать сейф, ознакомиться с его содержимым и вновь упрятать на старое место. Пока широко распространяйте версию о «несчастном случае» с Форлендером. Мы не знаем, где его сообщник. Возможно, и в торговом порту. Одновременно готовьте через Министерство иностранных дел представление в посольство Норвегии о том, что под личиной норвежского подданного Абрахамсена оказался военный преступник Форлендер. По завершении операции мы представим соответствующие материалы.

— И надо спешить. В деле Форлендера, переданном для посольства, не упоминается история с сейфом, — продолжал полковник Бирюков. — Они не подозревают о том, что мы знаем про него. Сейчас у нас остается какое-то время, чтобы попытаться выяснить, был ли Форлендер один или у него есть в Поморске сообщник. А если он есть, то получил ли от Форлендера план. Главное — кто этот человек?.. Кто он?

— Будем искать, — сказал Леденев.

ВРЕМЯ ОБВИНЕНИЯ

ДВЕРЬ ОСТАЛАСЬ ОТКРЫТОЙ...

Был конец августа, время, когда в Поморск приходили теплые ясные дни, которыми здешний климат редко баловал. В половине шестого вечера в подъезд дома, в котором жил диспетчер Поморского торгового порта Василий Подпасков, вошла молодая, хорошо одетая, привлекательная женщина.

Ровно через четверть часа к подъезду подкатило такси. Нетерпеливый пассажир на ходу раскрыл дверцу, и машина еще не застопорила ход, а он уже стоял на ступенях, мгновение помедлил, поглядев по сторонам, и тут же исчез в дверях.

Минут через пять входная дверь неожиданно распахнулась, из подъезда выбежала та же молодая женщина и стремглав бросилась по улице, но, заметив удивленные взгляды редких на этой тихой улице прохожих, она заставила себя сменить безудержный бег на быстрые шаги.

Вскоре из дома вышел человек, приехавший на такси. Глубоко засунув руки в карманы плаща, он постоял в нерешительности у подъезда, словно раздумывая, куда пойти, затем повернулся и медленно побрел вдоль улицы.

Но был еще и третий. Он прошел в дом после того, как ушел мужчина в плаще.

Василий Подпасков еще третьего дня собирался прикрепить к входной двери цепочку и набить кусок кожи, чтоб дверь не открывалась самопроизвольно, когда она не заперта на ключ.

Но в тот день его задержали в порту неотложные дела, вернулся он поздно, стучать молотком на весь дом было неудобно.

На второй день Подпасков ждал жену старпома с теплохода «Уральские горы» Танечку Яковлеву — она

покупала у него шубку. Тут уж было не до двери. А на третий... На третий день диспетчера Василия Подпаскова уже не было в живых.

Дверь осталась незамкнутой, ночью отошла. А около семи часов утра следующего дня сосед из верхней квартиры спускался по лестнице за молоком. Приоткрытая дверь насторожила его. Смерть, по-видимому, умеет каким-то особенным способом заявлять о своем присутствии. Сосед потоптался у порога, крикнул пегромко: «Дверь-то открыта, эй!..» — и, не получив ответа, полный еще неясных, но явно дурных предчувствий, вошел в квартиру. За молоком сосед не пошел. Он плотно затворил за собой дверь, а когда она вновь отошла, заложил в притвор свернутый кусок газеты из пачки, лежавшей в прихожей. Затем спустился вниз к будке с телефоном-автоматом, по «02» сообщил о случившемся и остался у подъезда ждать милицию.

Через полчаса в квартире Подпаскова — впрочем, это была не его квартира, он снимал ее у хозяев, уехавших работать на остров Шпицберген, — уже работала оперативная группа.

Судебно-медицинский эксперт закончил обследование трупа, криминалисты успели уже зафиксировать положение трупа во всех ракурсах, осмотрели одежду. Судмедэксперт разрешил отправить труп в морг, обратился к Леденеву:

— Юрий Алексеевич, пролом затылочной части черепа, проникающее повреждение мозга осколками костей, смерть наступила мгновенно...

— Когда? — спросил Леднев.

— Часов десять — двенадцать назад.

— И чем?

Врач недоуменно глянул на него. Не в обычае майора торопиться — ведь не новичок, знает, что эксперт все разложит по полочкам, а после вскрытия и письменное заключение представит.

— Гм, часов десять — двенадцать назад этому человеку проломили череп твердым тупым предметом, довольно тяжелым и с гладкой поверхностью: мелких повреждений на коже черепа нет, соприкоснувшаяся с орудием убийства поверхность просто вдавлена. — Судмедэксперт замолчал и пожал плечами. — Диаметр пораженного участка составляет примерно пять сантиметров, форма округ-

лая, — добавил он. — Большого пока, к сожалению, сказать не могу...

Ему показалось, будто Леденев и не слушает вовсе, и врач обиженно поджал губы. Юрий Алексеевич встрепенулся, обменялся взглядом с капитаном Кордой, тот кивнул, и майор развел руками:

— Извините, доктор... Я выслушал вас внимательно, большое спасибо. Учтем то, что вы сказали нам. Последний вопрос: в каком положении находился этот человек в момент убийства?

— Он стоял, и, поскольку удар нанесен в верхнюю часть черепа, можно предположить, что убийца высокого роста, по крайней мере, сантиметров на десять выше жертвы, а ведь и этот парень не из малорослых...

— Еще раз спасибо. Вы отправляетесь в морг?

— Да, буду потрошить там голубчика, авось найду еще что-нибудь интересное для вас, — со свойственным некоторым медикам цинизмом сказал врач.

Он знал, что Леденев не любит такого тона, и это было его маленькой мстью майору за пренебрежительный вид, с которым, как показалось эксперту, тот воспринял его медицинское заключение. Леденев не ответил, врач повернулся и вышел.

Обследование места происшествия продолжалось. На бутылке шампанского, что стояла на столе, были обнаружены отпечатки пальцев. Оказались они и на стенках двух бокалов, один из которых был не допит, на нем виднелись следы губной помады. Специалисты из научно-технического отдела тщательно фиксировали следы пальцев, переносили их на следокопировальную пленку и аккуратно упаковывали для доставки в лабораторию.

Обнаружили большое количество вещей иностранного производства: женские кофточки, нейлоновые сорочки, гибралтарские ковры, шубы из синтетического меха. В карманах куртки-пальто — она висела в шкафу — оказалась крупная сумма советских денег, сто двадцать пять английских фунтов и две сотни долларов.

Один из сотрудников, прибывших с Ледневым, уже писал протокол осмотра места происшествия, начав, как обычно, с даты, должности, повода к осмотру, характера происшествия, фамилий участников и т. д.

— Любопытная находка, — проговорил Алексей Николаевич Корда, подходя к Ледневу с картонной коробкой в руках.

Майор открыл коробку и увидел, что она доверху наполнена мужскими париками. Здесь были волосы блондина, шатена, брюнета и самых разных промежуточных оттенков. Леденев приподнял разноцветную кучу волос и обнаружил на дне коробки набор очков.

— Да, — сказал он, — с таким реквизитом можно менять обличье по десятку раз в день...

— Осмотрю двор, — сказал Корда Леденеву.

— Попробуй, — откликнулся тот.

Капитан вышел, а Юрий Алексеевич принялся перебирать на столе стопку специальной литературы.

Здесь были учебники по грузовому делу, пособия по организации диспетчерской службы, внушительная монография «Морские карты», наставления, инструкции, сборник материалов по технике безопасности. Майор внимательно просмотрел все это, и вдруг руки его дрогнули: перед ним были «Правила обслуживания корпуса судна».

Леденев помедлил, унимая волнение, и раскрыл брошюру, заранее настраивая себя на неудачу.

Так оно и было. Страницы 23-я и 24-я оказались на месте.

И все-таки интуиция подсказывала Юрию Алексеевичу, что ниточку он почти ухватил, что смерть Подпаскова каким-то образом связана с недавними событиями в Палтусовой губе.

— Товарищи, — обратился майор, — никто из вас не видел здесь коробки с противоветровыми спичками?

Домой Юрий Алексеевич возвращался поздно — задержался у полковника Бирюкова, где подробно изложил содержание проведенных им следственных действий. Самым существенным, пожалуй, было то, что в коробке противоветровых спичек не хватало ровно пяти штук. Спички были похожи на обнаруженные у Палтусовой губы. А когда капитан Корда совершенно случайно заглянул за дверь котельной, он нашел круглый медный шар. В него ввинчивалась ручка с ребристой поверхностью, другой конец ручки тоже имел резьбу, что позволяло предполагать наличие второго такого шара, словом, это была самодельная гантель весом шесть килограммов, без второго шара. Она и послужила орудием убийства, на поверхности шара эксперты нашли следы человеческой

кожи и волос. Это было уже что-то, но тем не менее не отвечало на вопрос: кто убил и почему?

Шел уже десятый час вечера, когда Леденев в дурном расположении духа возвращался домой. Вечером это время можно было назвать лишь относительно, так как солнце лишь подтянулось ближе к горизонту и продолжало заливать светом разбросанные по сопкам и берегу залива разноцветные дома Поморска.

Леденев открыл дверь своим ключом, чтоб не беспокоить жену. Но Вера Васильевна обычно слышала, как входил Юрий Алексеевич, и спешила в переднюю. На этот раз никто Юрия Алексеевича не встретил, и он решил, что жены нет дома, разулся и прошел в комнату. Тут-то он увидел Танечку Яковлеву, с опущенной головой, лицо закрыто ладонями, и жену. Она смотрела на соседку, и в глазах ее были и страх, и жалость, и сомнение.

На звук открываемой двери Вера Васильевна обернулась, увидела мужа.

— Юра, — сказала она, — наконец-то...

Таня встала, отняла руки от заплаканного лица и вновь закрылась. Плечи ее вздрагивали.

— В чем дело? — спросил Леденев. — Случилось что?

Вера Васильевна подошла к нему и, взяв за лацкан пиджака, подвела к жене старпома.

— Вот, — сказала Вера Васильевна, — она тебе расскажет сама. Говори, Таня, все говори, не бойся...

И Таня, плача, заикаясь, бессвязно повторяя отдельные фразы, начала рассказывать.

...Позавчера она условилась с диспетчером торгового порта Подпасковым прийти к нему на квартиру, чтобы взглянуть на заграничную шубу. Ее она хотела приобрести у диспетчера для учительницы, своей подруги по школе.

...Подпасков встретил ее весьма любезно, он вообще слыл человеком в высшей степени обходительным. Показав шубу и назначив цену, диспетчер достал бутылку шампанского и предложил обмыть сделку. Яковлева колебалась было, но потом решила, что ничего предосудительного в этом не будет.

Она выпила половину бокала, когда в прихожей раздался мелодичный звонок. Звонок у диспетчера Подпаскова был музыкальный. Хозяин недовольно поморщился, встал из-за стола и вышел. Было слышно, как он откры-

вает дверь. И в ту же минуту он вдруг вновь оказался в комнате, а из прихожей надвигалась на него огромная фигура Валерия Николаевича Яковлева.

Таня никогда не видела мужа таким разъяренным. Старпом страшно глянул на нее — у женщины будто оборвалось внутри, она съежилась и похолодела.

— Иди домой! — вскричал Валерий Николаевич.

Едва не теряя сознания, Таня выскользнула из комнаты, скатилась по лестнице и бросилась по улице стремглав. Как добралась домой, Таня не помнит. Весь вечер она просидела дома, в страхе ожидая мужа, но он не пришел. Наступила ночь. Ее Таня провела без сна. Но Валерий Николаевич так и не пришел. Утром Таня набралась духу и позвонила в порт, на «Уральские горы». Но на судне ничего о старпome не знали. Кажется, сказали ей, он в пароходстве по каким-то судовым делам.

А днем она узнала о том, что диспетчер Подпасков убит... Таню охватил ужас. Она поняла, что после ее бегства из квартиры диспетчера там произошло нечто страшное, и Таня чувствовала свою косвенную вину во всем случившемся.

«Что делать?» — спрашивала она себя и не могла найти ответа. Вконец запутавшаяся женщина, раздавленная свалившимися на нее событиями, вспомнила о Вере Васильевне...

И вот обе женщины ждали Юрия Алексеевича, надеясь на его совет и помощь...

— Значит, вы не видели его больше? — спросил Леде-нев.

— Нет, не видела, — сказала Таня. — Где он? Что с ним сейчас?

— Это я и хотел бы знать... Скажите, Таня, Валерий Николаевич очень ревнив? Я хочу спросить: были ли подобные сцены в вашей жизни?

— Вообще-то, он порою ревновал меня, — ответила Таня. — Но до сцен не доходило. Валерий знал, что оснований для ревности у него нет.

— Что вы делали в тот момент, когда вошел ваш муж? Постарайтесь припомнить все мелочи.

Таня задумалась, поморщила лоб.

— Я сидела за столом... И пила шампанское... Ну, успела сделать глоток...

— Вы поставили бокал снова на стол?

— Подождите... не помню...

— Понятно, — сказал Леденев. — Извините, мне нужно позвонить.

Он вышел в комнату, где стоял телефон, плотно приотворил дверь. Таня снова заплакала, и Вера Васильевна принялась успокаивать ее. Вернувшийся Леденев минуту помолчал и затем произнес, стараясь говорить помягче:

— Вам придется поехать сейчас со мной, Татьяна Андреевна. Сейчас подойдет машина.

— Вы... вы хотите... хотите арестовать меня? — пролепетала Яковлева.

Она смотрела на Леденева широко раскрытыми глазами. Вера Васильевна сделала шаг по направлению к мужу и хотела что-то сказать, но Юрий Алексеевич успокаивающим жестом остановил ее.

— Что вы, Татьяна Андреевна! — возразил он. — Просто необходимо уточнить кое-какие детали, и сделать это нужно в официальной обстановке. То, что вы рассказали мне, весьма важно. Поймите, вы можете очень помочь нам. Будьте мужественной, Таня!

— Дактилоскопическая экспертиза подтвердила идентичность отпечатков на бокале с отпечатками пальцев Яковлевой. Следовательно, мы можем доверять ее рассказу, товарищ полковник.

— Конечно. Какой резон этой женщине придумывать историю, которая, между прочим, отнюдь не возвышает ее. Кстати, вы ее отправили домой, Юрий Алексеевич?

— Отправил. Только не домой, а к себе. Татьяна Яковлева дружит с моей женой. Пусть побудет с нею. Жену я предупредил... А мне, видать, до утра не выбраться.

— Это точно, майор, не выбраться... Группа собралась?

— Все в сборе.

— Ну так давай всех сюда. Проведем оперативное совещание. Да, вот еще что. Необходимо выставить пост наблюдения за квартирой Яковлева. А лучше устроить засаду прямо на квартире. Возможно, старпом появится дома. Посылай туда людей, Юрий Алексеевич, с ордером на арест Яковлева. А товарищи из группы пусть заходят.

Сотрудники один за другим входили в кабинет полковника Бирюкова.

— Товарищи, — сказал Василий Пименович, — выясни-

лись обстоятельства, которые не позволяют нам ждать утра. Майор Леденев доложит сейчас обо всем, затем пусть каждый выскажет свои соображения.

Когда Юрий Алексеевич ознакомил собравшихся с показаниями Татьяны Андреевны Яковлевой и добавил, что экспертиза установила идентичность отпечатков пальцев, сотрудники стали задавать вопросы.

— Что он за человек, этот старпом? — спросил капитан Корда.

— Мой сосед, — ответил Леденев. — Человек не очень общительный. Хороший капитан. На «Уральские горы» пошел с понижением, но по собственному желанию, это мы уже уточнили.

— Мотив? — спросил кто-то.

— Хотел почаще бывать дома... И жена настояла, — ответил Леденев.

— Эту причину легко выдвинуть как прикрытие, — возразил капитан Корда. — А подоплека могла быть и иной... Скажем, регулярное сообщение с иностранным портом.

— Хорошо, принимается к сведению, — сказал полковник Бирюков. — Но мы уже стали высказываться. Тогда обменяемся сложившимися у присутствующих мнениями. Начнем с тебя, Юрий Алексеевич.

— Показания Яковлевой и факт исчезновения старпома, — начал Леденев, — дают нам все основания для задержания последнего в качестве подозреваемого в убийстве диспетчера Подпаскова. Мотивы убийства? Возможно, старпома известили о визите его жены к Подпаскову, присовокупив при этом такие «подробности», которые привели к приступу бешеной ревности и последующему убийству. В этом случае мы имеем рядовое преступление, которое пойдет по разряду бытовых.

— Нужно задержать старпома «Уральских гор», — сказал Бирюков. — Отправляйте, Юрий Алексеевич, людей к нему на квартиру. Объявите розыск Яковлева по городу. Размножьте немедленно фотографию старпома. Пусть особенно внимательно смотрят на вокзале, в аэропорту, на автобусной станции. Действуйте без промедления, времени у нас нет.

Обыск в каюте старшего помощника капитана теплохода «Уральские горы» полковник Бирюков приказал произвести капитану Корде.

Когда Корда вышел, чтобы во главе оперативной

группы отправиться в порт, Бирюков подошел к Леденеву и положил руку ему на плечо.

— Недоумеваешь, поди, майор? — сказал он. — Почему, мол, отставил меня полковник?.. Тут, Юрий Алексеевич, соображеньице есть в отношении тебя, а исходя из существа некоторых намерений моих, нельзя тебе и носа казать на «Уральские горы». Понял?

В эту ночь на теплоходе «Уральские горы» вахту нес третий штурман. Он объяснил капитану Корде, что старпома Яковлева не видел в течение всего дня, а на вахту заступил утром, в восемь ноль-ноль, с подъемом флага.

Штурман был из молодых выпускников Цоморской высшей мореходки, к визитам людей профессии Корды, да еще в сопровождении целой свиты сотрудников, не привык и очень смущался. И уж совсем растерялся, когда Алексей Николаевич предъявил ему ордер на обыск. Обследование такого судна, как «Уральские горы», — дело нелегкое. Люди Корды уже устали, когда он понял, что Яковлева на теплоходе нет, и решил приступить к обыску старпомовской каюты, у дверей которой с самого начала была выставлена охрана.

Второй помощник капитана Нечевин, недавно вернувшийся с берега и свободный сегодня от вахты, был приглашен капитаном Кордой в понятые. Присутствовал при обыске дежурный представитель капитана порта, а также и вахтенный штурман. Когда в рундуке Яковлева нашли медную гантель и шар, отвернутый от второй, капитан Корда, тихоцко присвистнув, записал в протоколе, что изымает ее, и дал осмотреть понятым. В это время Михаил Нечевин шагнул вперед и поднял руку, словно намереваясь обратиться к Корде.

— Вы хотели что-то сказать? — спросил его Алексей Николаевич.

— Нет, нет, ничего...

Нечевин смешался и отступил к дверям старпомовской каюты, где теснились представители судна.

— Нет, — повторил он, — я так...

Новое совещание у полковника Бирюкова началось в седьмом часу утра. Капитан Корда вернулся из порта, доставив неопровержимую улику: вторую часть медной самодельной гантели, которая подошла к найденной на месте преступления.

Алексей Николаевич не забыл тут же, на судне, предъявить гантели членам экипажа, которые подтвердили: да, они принадлежат их старшему помощнику Валерию Николаевичу Яковлеву — он по утрам выходит на палубу для разминки. Моторист Колотухин показал также, что эти гантели он и токарь Свинтицкий изготавливали в судовой мастерской для «чифа».

ПОЛГОДА НАЗАД

— Распорядитесь принять лоцмана, Валерий Николаевич, — сказал капитан, опуская бинокль. — Вон, торопится катеришко... Место нам в гавани Логен определили, как обычно, у мола Смольтерунскайен.

«Уральские горы», крупнотоннажное грузопассажирское судно, стоящее на линии Поморск — Скаген — Поморск, почти погасило инерцию и едва двигалось по серо-свинцовой глади бухты Скагенсхамн. Теперь уже и невооруженным глазом можно было увидеть идущий к «Уральским горам» лоцманский бот, несущий четырехугольный флаг, верхняя половина которого была белой, а нижняя — красной. На белом борту лоцбота четко выделялись черные буквы: «los». Валерий Николаевич Яковлев, старший помощник капитана, перегнулся через фальш-борт мостика и крикнул в мегафон, чтоб готовили штормтрап. Вахтенный штурман ответил с палубы, что все готово. Только вот с какого борта лучше выбрасывать трап? Старпом покрутил головой; ветра не было вовсе. Глянул на подходящего полным ходом лоцмана и передал вниз: — С левого!

Лоцманский бот тихо развернулся на левом траверзе «Уральских гор», притерся к тому месту, где уходил с палубы вниз штормтрап, и тут же отпрянул, оставив на трапе быстро карабкающегося наверх лоцмана.

Вахтенный штурман подал лоцману руку и помог прыгнуть на палубу.

Высокий костлявый норвежец, с гладко выбритым бледным лицом, приветливо улыбался русским морякам, которых он уже знал по прошлым рейсам в Скаген.

— Привет, Мишья! — поздоровался лоцман со штурманом. — Опять нас гости? Карашо!

— Здравствуйте, мистер Эйриксон, — отвечал штурман. — Рад вас видеть...

Последнюю фразу он произнес по-английски

— Нет «мистер»! — вскричал лоцман и продолжал говорить на ломаном русском языке: — Нет «мистер»! Эйриксон тоже нет друзьям! Моя имя — Лейв! Я есть Лейв для русский моряк...

— Капитан ждет вас, Лейв, — проговорил штурман.

— О, кэптин Юкоф! — воскликнул лоцман и повернулся к мостику, подняв в приветственном жесте руку. — Скаген рад видеть ваш корабль, капитан!

Еще через две-три минуты Лейв Эйриксон уже здоровался в рубке теплохода с капитаном Игорем Александровичем Юковым и старпомом Валерием Николаевичем Яковлевым. Не забывал он и о своих обязанностях. Раздались команды, тут лоцман перешел на английский, международный морской язык, и судно, набирая ход, двинулось к пассажирскому причалу в гавани Логен.

...Вечером того же дня на одной из улиц Скагена, выходящих к площади кирки Санкт-Юхн, остановилось такси. Пассажир, сидевший рядом с шофером, расплатился, не спеша покинул машину и вошел в писчебумажный магазин напротив. В магазине покупателей не было. Человек приобрел у румяной хозяйки-толстушки два блокнота в кожаных переплетах, на которых было вытиспено изображение башни Валькендорф, и паркеровскую авторучку, затем кивком головы простился и вышел на улицу. Он постоял, огляделся, стараясь делать это незаметно, затем быстрыми шагами направился в сторону кирки Санкт-Юхн.

Час был не поздний, но прохожих на улице совсем немного. Почтенные скагенцы, жители этого района, рано ложились спать, а тем, кому хотелось веселиться, городские власти отвели место в центре города, в кварталах, примыкавших к гаваням порта.

Человек вышел на площадь, обогнул ее, не отдаляясь от окаймлявших площадь домов, и через сотню-другую шагов свернул в переулок у самой кирки.

Сразу за поворотом, прижавшись к тротуару, стоял черный «мерседес». Может быть, автомобиль был темно-синим или вишневым, в сгустившихся сумерках рассмотреть было невозможно. Задняя дверца «мерседеса» была приоткрыта, фары стоп-сигнала погашены.

По-видимому, человек, приехавший на такси, был уверен, что «мерседес» ждет именно его.

Во всяком случае, он решительно распахнул дверцу и сел на заднее сиденье. Заработал двигатель, вспыхнули фары, машина дернулась и, набирая скорость, понеслась прочь от кирки Санкт-Юхн.

— ...Послушайте, Волк, мы редко кого хвалим, но вашей работой довольны. Хочу уведомить, что счет ваш увеличился именно на ту сумму, о которой улавливались. Добавьте еще четвертую часть в качестве премиальных. Как видите, мы заимствуем полезное у Советов...

— Ваша фирма быстро прогрессирует, мистер Гэтскелл.

— Просто Билл, дорогой Волк, просто Билл... Зачем вам обременять свою память... А это официальное извещение из банка о последнем состоянии вашего счета. Ознакомьтесь и уничтожьте при мне: этот сувенир из Скагена очень порадует парней из госбезопасности.

— Вы правы, Билл, они будут в восторге и отнесутся с величайшей признательностью к тому, кто доставит им этот банковский счет.

— Только им буду не я, Волк, только не я!

Человек, который просил называть себя Биллом, расхохотался. Он сидел за рулем черного «мерседеса». Автомобиль стоял сейчас на берегу гавани Логен, в тени, отбрасываемой стенами форта Скагенхус, угрюмой громадой высившегося в километре от мыса Дурнес. Билл сидел, повернувшись к человеку, которого он называл Волком. Третий в этой компании занимал место рядом с Биллом. Он не поворачивался и сосредоточенно смотрел в сгустившуюся темноту прямо перед собой.

— Вам предстоит провести в Поморске весьма важную операцию, — сказал Билл. — В двух словах суть ее в следующем. В окрестностях Поморска, на побережье, еще в сорок пятом году был зарыт сейф с ценными документами. Единственный человек, который знает это место, — наш человек. Он прибудет в Поморск на одном из иностранных судов и передаст план.

— Передаст мне? Но ведь это...

— Не беспокойтесь, в личный контакт с вами он входить не будет. Разве мы не понимаем, что вам совсем ни к чему встречи с иностранными моряками. Вы слишком ценный человек, Волк, чтоб неразумно вами рисковать... План вы получите через Мороза...

— Опять этот Мороз! Простите, Билл, но мне как-то не по себе выполнять указания призрака...

— Ха-ха-ха! Неплохо сказано, Волк! Если Морозу придется менять кличку, я предложу назвать его Призраком... Но к делу. Мороз по-прежнему остается вашим шефом, Волк, хоть вы его никогда не видели. Да и не к чему вам видеть его... Зато он вас видит, и довольно часто. Но теперь вы будете в Поморске не один. Мы придаем большое значение предстоящей операции и прикрепляем к вам помощника. Свое имя для России он сообщит вам в Поморске, а пока называйте его Беном.

При этих словах человек, сидевший рядом с Биллом, повернулся и молча протянул Волку руку.

— Бен поступает в ваше распоряжение, Волк, — сказал водитель «мерседеса», — а оба вы будете выполнять указания Мороза. Но он вступит в игру только в решительный момент. Со стороны вашему шефу будет лучше видно, как развивается операция. Мороз в нужную минуту скоординирует общие усилия. А для начала, Волк, вы должны помочь Бenu перебраться в Россию и устроить его в Поморске на работу в торговый порт.

— Каким образом?

— О, на своем судне вы занимаете достаточно прочное положение, чтоб изыскать такую возможность. Специалист, знающий особенности конструкции судна, всегда найдет местечко для человека, даже такого крупного телосложения, как у нашего Бена. А для России у него самые чистые документы, не сомневайтесь, Волк. Легенда у вашего будущего помощника правдоподобнее, нежели сама действительность.

— И все же, — перебил Волк, — как вы мыслите себе переход Бена?

— В этот рейс «Уральские горы» берут из Скагена туристов, — сказал Билл. — Бен отплывает из Норвегии в качестве одного из них, но в документах числиться не будет. Это я беру на себя. До подхода к Поморску вы можете о нем не беспокоиться. Затем вы спрячете его в подобранное вами место, где Бен переждет проверку. Когда пассажиры сойдут и «зеленые фуражки» покинут судно, а вы станете под разгрузку, Бен осторожно выйдет из укрытия и смешается с грузчиками, от которых он внешне ничем не будет отличаться. Стоять в Поморске вы будете пять дней. За это время Бен «прилетит в Поморск из Ленинграда» с рекомендательным письмом «от вашего ста-

рого приятеля». Вы поможете Бену устроиться на работу. Вот, возьмите, это советские деньги на расходы. У Бена будут свои. Расписки не нужны...

— Хорошо, я все понял. Хотелось бы только...

— Узнать «русскую» биографию Бена? Он вам все расскажет «по приезду из Ленинграда». Заранее не стоит... Помните, Волк, об одном из законов разведчика — не обременять без нужды память...

— Вы правы, Билл.

— Хо-хо, — сказал водитель «мерседеса», — я всегда прав, дорогой Волк. А сейчас предлагаю пропустить по рюмке в «Сельдяном короле». Вы там еще не бывали, Волк, Бен тоже, хотя он и не новичок в Скагене. Хозяин «Сельдяного короля» — наш человек и устроит скромный ужин в отдельном кабинете. Едем...

«Мерседес» круто развернулся и помчался по вечернему городу. Вскоре он был у гавани Нудде-фьорд, пересек ее по нависшему над водой мосту, покрутился, часто сворачивая в боковые улицы, и остановился наконец перед рестораном, фасад которого украшало разноцветное неоновое изображение легендарной рыбы — «сельдяного короля», впервые выловленного скагенскими рыбаками в 1776 году.

Вскоре все трое сидели в особой комнате, изолированной от общего зала, она служила местом для деловых трапез и буйных оргий. Ведь и то и другое желательно устраивать в узком кругу своих, без лишних глаз и ушей. Молодой официант, с тонкой талией, изящными руками и безразличным лицом, быстро расставлял на столе еду и напитки. Когда ему пришлось выйти в бар за тоником, он оставил дверь слегка приоткрытой. Официант скрылся за поворотом коридора, и в этот момент появился лоцман Лейв Эйриксон. Он жил по соседству, хорошо знал хозяина «Сельдяного короля» и, приходя сюда выпить рюмку хереса, единственный вид спиртного, признаваемого Лейвом, часто пользовался служебным ходом. Итак, лоцман Лейв Эйриксон, встретивший и проводивший в гавань Логен советский теплоход «Уральские горы», шел по служебному коридору ресторана «Сельдяной король». Услышав за приоткрытой дверью мужские голоса, он замедлил шаги, заглянул в щель и в удивлении приподнял брови.

— Вот так встреча! — бормотал Эйриксон, проходя мимо двери, и повторял это, выпивая свой херес в баре.

После двенадцати часов ночи второй штурман теплохода «Уральские горы» Михаил Нечевин, стоявший приходную вахту, сидел в каюте, в который раз просматривая коносаменты¹. Груз на «Уральских горах» всегда бывал генеральный², иногда до двухсот — трехсот наименований, потому и хлопот у второго помощника капитана было невпроворот. И пассажиры еще... На грузовых судах второй штурман хоть в море может отдохнуть, а здесь и в рейсе крутишься как белка в колесе. Правда, четвертый штурман помогает иногда, но четвертый сам ходит у старпома в помощниках, для второго штурмана его уже не хватает.

Посетовав про себя на незадачливую жизнь второго штурмана, Михаил Нечевин отодвинул грузовые документы и поднялся из-за стола, решив обойти судно, посмотреть швартовы и проверить вахту у трапа. Он спустился на главную палубу, прошел на бак, глянул, перегнувшись через релинги, не гуляют ли концы и на месте ли противокрысиные щитки³. На баке все оказалось в порядке, носовые трюмы были готовы к разгрузке, хотя работы должны начаться лишь с утра. Нечевин двинулся к трапу и сразу увидел, что вахтенного там нет.

«Черт побери! — выругался штурман. — Ведь сколько раз говорилось: от трапа ни на шаг!»

Он занял место матроса на верхней площадке трапа, где висел спасательный круг и выброска⁴, и поднял свисток к губам. В это время трап качнулся, на нижнюю ступеньку ступил человек. Он быстро поднимался опустив голову, а когда оказался наверху, Нечевин узнал в нем директора судового ресторана Митрохина.

— Поздненько гуляете, Демьян Кириллович, — сказал второй штурман. — Без пятнадцати час уже.

— Так то по-нашему будет, Михаил Иванович, — весело заговорил Митрохин, стараясь не встречаться с Нечевиными глазами, — а в Скагене совсем рань.

Второй штурман пожал плечами.

¹ Грузовые документы.

² То есть самый разнообразный груз: продукты, промтовары и т. п., в отличие от однородного груза — руды, угля, леса.

³ Каждое судно обязано надевать при стоянке в порту на швартовые тросы особые щитки, препятствующие крысам сходить на берег или приходить с берега на корабль.

⁴ Тонкий длинный трос с грузом на конце. Служит как бросательный конец при швартовых и спасательных работах.

— Мне-то что, — сказал он, — хоть до утра. Смотрите только, чтоб помполит вас не засек.

Директор ресторана ничего не ответил, шагнул на палубу и исчез внутри средней надстройки. Михаил хотел снова вызвать матроса свистком, но тот уже спешил к трапу, на ходу поправляя повязку.

— Ты что же это, Коваленко, а? — грозно спросил Нечевин. — От трапа бегаешь!

— Так я же в галюн только, товарищ штурман! Минутное дело...

— В галюн, в галюн... Меня б вызвал на подмену.

— Так ведь неудобно, Михаил Иванович, может, вы отдыхаете, я ж с понятием.

— Ладно, Коваленко, хватит трепа. Стоять у трапа — и никуда. Приспичит — звонком меня сюда. Усек?

— Так точно, усек, Михаил Иванович! Будет все на «товсь!».

Михаил Нечевин вернулся в каюту и едва сел за стол, сплошь заваленный бумагами, раздался тихий стук в дверь. Затем дверь отворилась, и в каюту вошел директор ресторана. В руках у него был сверток.

— Вахтишь, Михаил Иванович? — спросил он. — А я к тебе. Вот, глянь-ка, что достал.

Митрохин развернул сверток и поставил на стол бутылку, две жестяные банки с тоником, большую банку с консервированными омарами и еще две — поменьше — с черной икрой.

— Коньяк-то «фундатор», — сказал Митрохин. — Самый наилучший, почище «мартеля» будет...

— Это по случаю чего? — спросил второй штурман.

— А так, чтоб вахта шла веселей. Тебе спать нельзя, а мне не спится.

— На вахте не принимаю.

— Брось, Михаил Иванович, рюмку-то осилишь... Ведь «фундатор»!

— Рюмку, пожалуй, приму, — согласился штурман. — Закуска уж больно на уровне.

Когда они выпили, Митрохин, помявшись, проговорил:

— Ты, Михаил Иванович, того... Ну, помполиту, значит... Не проговорись, что поздновато подгреб с берега. Знаешь, знакомого парнягу встретил, коком на «Мезенлесе» ходит. Ну и поддали у него... Ты уж того, пойми... Лады?

— Лады, старик, можешь спать спокойно. Зачем мне капать? Пришел на борт — и добро!

...Через три дня теплоход «Уральские горы» принимал пассажиров. Когда были окончены все формальности, на борт прибыл лоцман и вывел теплоход на фарватер.

«Уральские горы» вышли в Норвежское море. Игорь Александрович Юков проложил курс на север. Постепенно забирая к осту, теплоход совершал обычный рейс по маршруту Скаген — Поморск.

А через полгода у Палтусовой губы прогремели автоматные очереди сержанта Гончарика.

ВЫСТРЕЛЫ В ПАЛТУСОВОЙ ГУБЕ

48 КН биллу тчк волк располагает возможностью провоза связника квч уральских гор квч тчк используйте его тчк 09 17 мороз тчк.

— Стой! Стрелять буду! Стой!

Загремели выстрелы.

В тишине, наступившей вслед, был слышен шорох лиственных веток, срезаемых автоматной очередью и упавших на мягкий ковер из пожелтевшей хвои. Сержант Степан Гончарик поймал в прицел мелькавшую меж стволов спину, и палец его был готов потянуть спусковой крючок. Но тут в памяти сержанта возникло лицо майора Леденева, его слова: «Только живым!», левая рука подбила автомат снизу — и пули снова ударили по верхушкам деревьев.

Неизвестный уходил.

Сержант знал, что выстрелы всполошили солдат, расставленных по границам оперативной зоны, и согласно инструкции они спешат сейчас к месту происшествия.

Собственно говоря, автоматные очереди Степана Гончарика означали провал операции, задуманной полковником Бирюковым. Тот, кого ждали в Палтусовой губе, должен был беспрепятственно проникнуть в нее и извлечь из песка у подножия скалы сейф штандартенфюрера СС Густава Шеллинга, спрятанный там командиром

субмарины «Зигфрид-убийца» фрегатен-капитаном Эрнстом Форлендером. Затем надлежало незаметно проводить неизвестного гостя до Поморска или иного населенного пункта и попытаться установить его связи.

Но все случилось иначе. Сержант Гончарик и рядовой Завьялов обходили цепочку солдат, опоясавшую сопку, за которой лежала Палтусова губа, когда едва носом к носу не столкнулись с человеком, одетым в кожаную куртку, галифе, резиновые сапоги и светло-серую шляпу с короткими полями, надвинутую на глаза. Нижнюю половину лица незнакомца скрывали рыжая борода и усы. Встреча была неожиданной для обеих сторон. Гончарик потянул с плеча автомат, но, едва сержант шевельнулся, рыжебородый отпрянул в сторону, в руках у него оказался пистолет с длинным стволом и утолщением на конце.

Раздалось пощелкивание, и, шумно вздохнув, Завьялов ничком упал на хвою. Впереди замелькала кожаная куртка убийцы, и тогда распорола тишину автоматная очередь сержанта Гончарика.

...На мгновение Степан потерял неизвестного из виду и снова ударил очередью по верхушкам лиственниц. Он знал, что у каменной гряды, в сторону которой неслись стремглав неизвестный, затаились двое солдат, и они, услышав стрельбу, задержат его.

На бегу незнакомец обернулся, выбросил руку — и, едва Гончарик успел отпрянуть за ствол дерева, пуля сбила с него фуражку. Прижав автомат к лиственнице, Степан примерился так, чтоб ударить человека с бесшумным пистолетом по ногам. «Калашников» задергался, пули подобрались почти к цели, взять еще повыше, и никуда он, гад этот, не денется, не убежит, чуток повыше, подумал Гончарик, и тут кончились патроны в магазине-рожке. И такое бывает...

Пуля ударила на уровне груди сержанта и отщепила кусок коры. Он втянул живот и стал рвать из сумки на ремне запасную обойму.

Но по сержанту больше не стреляли. Когда, снарядив автомат, Гончарик от ствола к стволу бросился к каменной гряде, кожаную куртку он больше не увидел. Через сотню метров навстречу вывернули солдаты его взвода. Был с ними и лейтенант Маслов, дежурный офицер.

— Что случилось? Кто стрелял? — крикнул Маслов.

— Завьялов, — задыхаясь, проговорил Гончарик. — Там... Помогите... Завьялов... Кожаная куртка! Где он?

Не объясняя больше ничего, Степан бросился вперед. Лейтенант отрядил двух солдат посмотреть, что случилось с Завьяловым, и последовал с остальными за Гончариком. У каменной гряды они никого не нашли. Срочно прибывшие сюда два проводника служебно-розыскных собак обшарили фантастическое нагромождение громадных валунов и скальных обломков и минут через сорок обнаружили узкий, едва заметный в зарослях кустарника лаз. Потайной ход вел в хорошо оборудованное укрытие, сохранившееся, видно, со времен войны. На двухъярусных деревянных нарах поверх едва тронутых ржавчиной трех автоматов типа «шмайсер» и десятка гранат с длинными деревянными ручками лежали брошенные в беспорядке кожаная куртка, галифе защитного цвета и светло-серая шляпа с узкими полями. Резиновые сапоги валялись на полу.

К тому времени, когда прибыл Юрий Алексеевич Леденев, лейтенант Маслов и солдаты нашли неплотно приваленный камнем второй ход. Он выводил на поверхность по другую сторону гряды, в ста пятидесяти метрах от асфальтированной дороги Мурмано — Поморск.

Собаки легко взяли след, уверенно довели проводников до асфальта и тут засуетились, стали першничать и заглядывать в лица хозяев виноватыми глазами.

— Значит, ушел? — сказал Василий Пименович Бирюков. — А, Юрий Алексеевич?

— Ушел, товарищ полковник... — Майор Леденев развел руками.

— Как солдат? Операцию сделали?

— Будет жить... Две пули в него всадил, но прошли удачно, выше и ниже сердца. Вот они, пули-то...

Юрий Алексеевич придвинул Бирюкову небольшую коробочку. В ней на куске ваты мирно покоились две пули, извлеченные хирургом из тела Завьялова.

Василий Пименович взял одну из них и повертел в пальцах.

— Систему определили? — спросил он.

— Двадцатизарядный пистолет-автомат специального назначения системы «говард», калибр шесть миллиметров. Небольшой калибр позволил конструкторам сделать «говард» многозарядным и достаточно компактным. Достоинства: относительно небольшие размеры и бесшум-

ность стрельбы. Недостатки: слабая убойная сила на расстояниях более пятидесяти метров. Изготавливается преимущественно в Соединенных Штатах Америки, но бывают модели производства ФРГ и Англии. Во всяком случае, «говардом» может быть вооружен агент любой разведки...

— Предваряете мои вопросы, майор, — усмехнулся Бирюков. — Ну-ну... Что ж, давайте все сразу, выговаривайтесь до конца...

— Нет сомнения в том, что неизвестный шел к сейфу, спрятанному Форлендером, — сказал майор Леденев. — Но мы не знаем, на кого работал бывший фрегатен-капитан...

— Но ведь его видели солдаты...

— То, что они видели, осталось в убежище, — сказал Юрий Алексеевич. — Он переменил одежду, и не только се. Уже перед тем как схватить к вам, я распорядился вновь прочесать с собаками местность. И вот что было обнаружено под кучкой мха и хвои.

Леденев достал из портфеля сверток и развернул его. На бумаге лежала рыжая борода.

— Значит, рыжебородого не существует, — задумчиво произнес Бирюков, подняв парик осторожно, за несколько волосиков, и осматривая его со всех сторон. — Рубит, дьявол, по всем концам рубит...

— Это уже почерк, товарищ полковник, — сказал Леденев. — Сказывается неплохая выучка, умение предусмотреть все варианты. Кстати, на одежде нет ни одной марки изготовителя. Все аккуратно срезано. Конечно, можно установить, кто произвел эти товары, но на такую экспертизу уйдет уйма времени.

— А что тайник? Все ли там проверили? Нет ли чего нового?

— Эта территория, товарищ полковник, как вы знаете, во время войны была занята немецкими войсками. Возможно, они оборудовали убежище про запас с целью оставить в нашем тылу своих людей при отступлении. По-видимому, им никто не воспользовался. Между прочим, мы нашли там неплохой запас продуктов военного времени, консервы, сахарин, шоколад, хлеб в целлофане. Хлеб, кстати, хорошо сохранился, сам пробовал.

— Несерьезно, майор, — нахмурился Бирюков. — Продукты могли оставить именно с расчетом на то, что вы их отведаете...

— Тогда их не стали бы так тщательно прятать, Василий Пименович... Так вот... Продукты и оружие не тронуты. Судя по всему, и наш неизвестный побывал там впервые. Допускаю, что о тайнике знал Форлендер. Если он передал неизвестному план того места, где спрятал в сорок пятом году сейф, то мог рассказать и об убежище.

— О нем мог знать и кто-то третий, — сказал полковник.

— Допускается. Тогда мы имеем уравнение с двумя неизвестными.

— Может быть, и с тремя, дорогой майор. И в таком серьезном деле ни одного просвета.

— Кое-что есть, товарищ полковник. Вот, взгляните...

— Что это?

Василий Пименович с интересом смотрел, как майор Леденев разворачивал небольшой пакетик. В нем оказались спички. Пять спичек необычной формы. Они были массивнее простых спичек, головки из серы иного цвета. Каждая была завернута в лощеную бумажку.

— Противоветровые спички, — сказал Бирюков. — Откуда они у вас?

— Такими спичками снабжаются морские спасательные шлюпки, товарищ полковник.

— Это я знаю. И что же?

— А то, что их обнаружили под нарами в тайнике...

— Может быть, оставили немцы?

— Посмотрите листок, в который они были завернуты, Василий Пименович...

Полковник расправил листок бумаги. Это были страницы, вырванные из какой-то книги, 23-я и 24-я страницы...

Бирюков прочитал:

«...При закрывании пайола необходимо тщательно следить за тем, чтобы на втором дне не оставался мусор, стружки и другие предметы, которые могут загнить или засорить приемные сетки осушительной системы.

§ 135. При каждом осмотре пайола следует проверять исправность и плотность лючин над горловинами двойного дна, периодически вскрывать эти лючины и проверять плотность закрытия горловин...»

— Так это же какая-то флотская инструкция! — вскричал Бирюков.

— Совершенно верно, товарищ полковник.

Василий Пименович перевернул страницу и на обороте прочитал: «§ 142. Постоянное наблюдение за исправностью действия водонепроницаемых дверей, лацпортов, иллюминаторов и противопожарных дверей и правильное использование их в аварийных случаях являются важнейшей обязанностью судового состава. Ответственность за их состояние возлагается на старшего помощника капитана...»

— Это уже что-то, — сказал полковник Бирюков. — Надеюсь, вы узнали, откуда этот листок?

— Да, — ответил Юрий Алексеевич. — Он вырван из «Правил обслуживания корпуса судна и ухода за ним». Эти «Правила» утверждены приказом министра морского флота за № 440 от 14 ноября 1955 года и в 1956 году выпущены отдельной брошюрой издательством «Морской транспорт». Значит, в убежище побывали уже и после войны. Данный экземпляр печатался в одесской типографии «Моряк», что находится на улице Ленина, дом 26. Но эти сведения нам уже ни к чему... Такие «Правила» есть на каждом судне торгового флота, по два-три экземпляра. И в первую очередь, у старшего помощника капитана, так как корпус судна проходит по епархии старпома. Ну и у капитана со стармехом такие конечно же есть тоже... Вот опи, эти «Правила». — Юрий Алексеевич достал небольшую книгу в синем картонном переплете и протянул Бирюкову: — Обратите внимание на седьмой параграф, товарищ полковник. Там как раз написано об ответственности старпома за правильное обслуживание корпуса судна, всех помещений, устройств и систем.

— Судя по вашим словам, вы склоняете меня к мысли, майор, что листок, в который завернуты спички, был вырван из книги, принадлежащей некоему старпому.

— Нет, я просто хотел подчеркнуть, что к этим «Правилам» чаще других обращаются старпомы. Только и всего, товарищ полковник.

— Гм... Ну ладно. Если новую загадку вы считаете просветом, Юрий Алексеевич, тогда вам и карты в руки. Начинайте новую операцию. Назовем ее... Ну, скажем, «Шведская спичка». Помните такой рассказ у Чехова?

— Помню.

— Вот и действуйте. Что намерены предпринять в ближайшее время?

— Думаю, что необходимо...

— Нет, погодите, Юрий Алексеевич. Сейчас уже поздно, вы устали. Жду вас завтра в десять с планом проведения операции. Прикиньте, кого дать вам в помощники. Вы свободны, майор. Кстати, нет ли у вас спичек? Нет, не шведских, обыкновенных... Зажигалка барахлит.

Выстрелы в Палтусовой губе раздались незадолго до того августовского дня, когда был убит диспетчер Василий Подпасков.

«ИСКАТЬ НАДО В ПОРТУ»

Василий Пименович Бирюков предложил Леденеву отправиться домой и подумать по поводу нового дела, связанного с выстрелами в Палтусовой губе.

...Он прошел в спальню, лег в постель и попытался заснуть. Перед ним плыли образы, созданные впечатлениями дня. Усилием воли Юрий Алексеевич отгонял их, они, сливаясь друг с другом, медленно ворочались и возвращались снова...

«Все внимание порту, — размышлял Юрий Алексеевич, — чует сердце, там связник Форлепдера. В Поморске почти все связано с портом».

Он стал прикидывать, за какой бы потянуть концы, чтоб начать с него развязывать сложное дело. Вспомнились морские спички, листок из «Правил обслуживания корпуса судна», обнаруженные в тайнике. Надо будет негласно проверить все служебные экземпляры этих «Правил», успех маловероятен, но попробовать стоит. В сознании возникали самые фантастические версии, и Юрий Алексеевич не изгонял их. Он понимал, что действительность более разнообразна, чем самый изощренный набор предполагаемых вариантов.

И все-таки кое-какие соображения Леденев решил считать стоящими и закрепил их в памяти. Вера Васильевна давно уже спала. А Юрий Алексеевич, изменивший своей привычке думать о серьезных вещах с утра, продолжал размышлять, лежа на спине с открытыми глазами.

...В ту ночь и в наступивший за нею день Баренцево море было спокойным, и потому теплоход «Уральские горы» пришел в порт точно по расписанию. Пассажир-

ский причал, на который принимали судно, был заполнен родственниками и друзьями команды, праздными зеваками, представителями портовых властей и общественных организаций города.

Таня Яковлева стояла в толпе встречающих и смотрела, как, подхваченное двумя мощными буксирами, медленно разворачивается долгожданное судно... Рядом с Таней встречал «Уральские горы» красивый седой старик. Впрочем, называть стариком Василия Тимофеевича Еремина, санитарного врача Поморского порта, было, пожалуй, рановато. Вот разве что седина, естественно, добавляла годы. А вообще-то, Еремин обладал хорошей спортивной выправкой — всю зиму ходил на лыжах, был заядлым туристом и даже ведал портовой секцией «моржей».

Одиноким человек — его семья погибла в годы войны, — Василий Тимофеевич нерастраченный запас любви к близким перенес на тех, кто окружал его на работе. Справедливый и принципиальный Еремин очень часто становился третейским судьей в самых различных спорах, опекал обиженных, направлял на путь истинный заблудших. К нему шли за советом и жены моряков, и сами моряки, да и начальство прислушивалось к словам доктора, когда он начинал борьбу за улучшение бытовых условий рабочих порта. Свои обязанности санитарного врача Еремин понимал широко, и основания для конфликта с руководством у него всегда пагодились.

С семьей Яковлевых Василий Тимофеевич был знаком уже достаточное время, «Уральские горы» он встречал и провожал по должности, и сейчас говорил Тане, что на судно ее мужа он мог бы и не ходить, у Валерия Николаевича всегда порядок, у всех бы так...

Таня отвечала невпопад, она искала глазами рослую фигуру мужа на мостике, а «Уральские горы» тем временем приближались к причалу.

Наконец на берег завели швартовы, теплоход прижался к стенке причала, стали майнать трап. По трапу на борт поднялся пограничный наряд, за ним таможенники, кто-то из пароходства и санитарный врач. Таня стояла уже у самого трапа и благодарно улыбнулась Василию Тимофеевичу, когда он крикнул, что сейчас сообщит Якову, мол, жена, у трапа встречает...

Прошло какое-то время, и вот Таня уже в каюте старцона, прижимается головой к широкой груди мужа.

Валерий Николаевич мягко отстраняет ее — дел у старпома, да еще пассажирского судна, на приходе невроворот, сейчас к нему то и дело будут забегать и из команды, и береговые.

— Посиди, Тапюша, поскучай. Вот развяжи эти пакеты, там все для тебя и Олежа, а я документы оформлю, постараюсь освободиться скоро, и тогда — домой...

Яковлев пошел к капитану и там обнаружил, что неприятности, связанные с приходом судна в Поморск, уже начались. Почин сделал доктор Еремин. Он обнаружил отклонения от нормы в помещении ресторана и уже составил акт, который держал сейчас в руках капитан Юков и потрясал им перед лицом вызванного «на ковер» директора.

Митрохин разводил руками, прижимал их к груди и клялся, что немедленно примет меры.

— Вот, — сказал Юков, — смотрите, старпом. Прищучил нас дорогой доктор. А ведь ресторан тоже по вашей части...

— По моей, — спокойно ответил Яковлев и взял акт из рук капитана.

— Спору нет, — начал капитан, оставив Митрохина в покое и обратясь к Еремину, — вы, доктор, великий дока в своем деле и, в общем-то, справедливо поступаете. Но знаете ли вы, что теплоход «Уральские горы» на министерское знамя выходит? А если этот несчастный акт попадет в пароходство, могут нам знамя задробить.

— Понимаю, — сказал Еремин, — только не акт, Игорь Александрович, а акты... Во множественном, так сказать, числе.

— Это еще что! — взревел капитан. — Какие такие акты?!

Василий Тимофеевич раскрыл папку, и на стол легли еще два листа.

— Акт о просрочке дератизационного свидетельства, — сказал доктор, — это будет раз. И акт об антисанитарном состоянии камбуза команды — это два. А всего, стало быть, три...

Юков задохнулся от ярости. Мгновение он пытался подобрать слова, побагровел и вдруг выпалил:

— Вы... Вы старый бюрократ, черт бы вас побрал!.. Крючоктвор!

Еремин вспыхнул, молча сложил листки в папку, взял из рук старпома и первый акт, так же молча повернул-

ся и вышел из каюты. Капитан медленно отходил. Наконец он сдавленным голосом обратился к Яковлеву:

— Как же это так, Валерий Николаевич, а?

— Разберусь тотчас.

— Разберитесь, голубчик, и к Еремину... Может быть, уговорите старика.. Зря я так. Скажите, мастер¹ и извиниться готов, чего уж там.

Тут он увидел директора ресторана и взорвался снова:

— А вы что стоите здесь?! Марш к себе! Наведите полный марафет да готовьте доктору угощение на высшем уровне! Глядишь, и уломаем упрямого черта.

Демьян Кириллович опрометью бросился из капитанской каюты и едва не сшиб подходившего второго штурмана.

— Что, фитиль? — спросил второй штурман.

— И не говори, Миша, — ответил Митрохин. — Доктор подкузьмил... Бегу!

Таня Яковлева рассмотрела подарки, поскучала, а муж все не шел, и тогда она решила выйти на палубу. Когда Таня подошла к кормовым релингам ботдека², ее окликнули. Обернувшись, она увидела знакомого диспетчера.

— Здравствуйте, Таня, — сказал Подпасков. — Встретили мужа?

— Конечно.

— Это хорошо, когда тебя встречают... Или ты встречаешь... Завидую вам, Таня.

— Что хорошего!.. А я к вам с просьбой, Василий. Помните разговор о шубе? Нужно мне еще такую, как вы доставали, только на размер больше, сорок восьмой.

— Это можно. Для вас всегда расстарюсь, Таня.

— А когда?

— Давайте я завтра позвоню вам. Вы когда будете дома?

— После обеда.

— Вот часика в три и звякну. Договорились?..

Подпасков ушел, а Таня начала смотреть вниз, как суетятся люди на главной палубе, и если б она в эту минуту оглянулась, то увидела бы внимательные глаза человека, который стоял за трубой вентилятора и слышал

¹ Так порою зовут на флоте капитана.

² Б о т д е к — шлюпочная палуба.

их разговор с Подпасковым. Но Танино внимание было поглощено тем, что происходило внизу, и человек осторожно отодвинулся от вентилятора, шагнул к открытой двери надстройки и исчез.

БЕН ОБРЕЧЕН

— ...Значит, говорите, туго пришлось... А я-то надеялся, что следующим рейсом доставлю Биллу и «посылку» и вас, — сказал Волк.

— Едва ушел... Хорошо, что вы рассказали об этом убежище. Если б не тайник, мы бы не встретились больше. По крайней мере, вне кабинета следователя.

Волк промолчал, подумав, что если б Мороз не подсказал ему в одном из своих писем о существовании тайника, то как раз у следователя они б и встретились с Беном. Волку не понравился тон, каким его подручный говорил с ним. Волк неприязненно взглянул на Бена, ругнул про себя Билла — мистера Гэтскелла, — так расхваливавшего Бена.

— Надо было не открывать пальбу, а спокойно предъявить документы, выдать себя за грибника, ягодника или черт знает за кого...

— Если б не моя борода, то меня б давно опознали. А что касается ваших советов по поводу стрельбы, то я бы рекомендовал вам заткнуться, Волк. Мне, старому разведчику, доводилось бывать и не в таких переделках, а вы всего лишь...

— Тихо! Мне плевать на ваш опыт, если он не приносит результатов. И потом, вы забыли, Бен, кто кому подчинен. Может быть, сообщить обо всем вездесущему Морозу? Связь с ним поддерживаю все-таки я...

— Ладно, Волк, я погорячился, извините.

— Оставим это, Бен. Что вам удалось разузнать о несчастном случае на «Вестероллене»?

— Сдается мне, что старпом «Вестероллена» Абрахамсен не случайно упал в трюм. Матросы с «норвежца» болтали между собой, что это произошло в тот момент, когда группа русских явилась к капитану, а затем вместе с ним направилась к старпому. По-видимому, Абрахамсен и был нашим связным. Мороз вам ничего не сообщал?

— Нет. Он передал только план. Но если план при-

был с этим норвежским старпомом, а его собирались арестовать — пути в Палтусову губу для нас больше нет.

— И я так считаю, — сказал Бен.

— Вот что. Готовьтесь еще раз проверить подходы этому месту. Но сначала запросим Мороза, узнаем его впечатления на этот счет. Что у вас по части сведений базе атомных подводных лодок?

— Тут идет. Военные моряки приучены держать язык за зубами. Выпить с тобой выпьют, анекдоты слушают, сами умеют потрепаться, но о настоящем — ни слова. Денег я на эти кабаки извел — пропасть.

— Денег не жалейте. Нуждаетесь в средствах?

— Пока нет. Делаю заход через жеп, те будут послабее. Тряпки любят, блестящие штучки — сороки, одним словом... А вот по комбинату «Поморскникель» кое-что можете передать Биллу. — С этими словами Бен протянул Волку небольшой тюбик голубой помады. — Микропленка, — сказал Бен. — Материалы операции «Никель».

— Хорошо, — ответил Волк. — Не совсем удачный футляр... Как бы судовые девочки не утащили для использования по прямому назначению. Небось перламутровая?

— Точно, — сказал Бен, — у меня всегда дефицитный товар.

...На стоянке такси было человек десять, но машины подходили часто. Он дождался своей очереди, открыл заднюю дверцу подошедшей к стоянке машины и, спокойно усевшись, сказал: «В Мурмано и обратно, шеф». Водитель помялся, но лишь секунду — сообразил, что пустого пробега не будет, а артачиться по поводу маршрута резона вроде бы нет.

Пассажир молча сидел позади водителя, но, когда такси выбралось из города, оживился, раскрыл коричневый саквояж и вытащил из него транзисторный радиоприемник. Заметив, что шофер глянул на пассажира в зеркальце, человек на заднем сиденье улыбнулся и, выдвигая антенну радиоприемника, сказал:

— Еле достал такую штуку... Племяннику на день рождения везу... Маленькая, а берет ого-го, хорошо берет. И сети никакой не надо, от батарей работает.

С этими словами пассажир включил приемник, и в кабину ворвались разноязычные голоса, обрывки мело-

дий, писк морзянки. Водитель одобрил подарок, добавив, что чересчур даже хороший подарок, дорогой, на что пассажир заметил, что дети сестры ему, как родные, поскольку своих у него нет, и дело не в деньгах, лишь бы вещь была стоящая, а такая своих денег стоит, это точно... Разговаривая, он крутил колесико настройки, не задерживаясь подолгу на одной волне, но минут через пятнадцать занятие это ему надоело, пассажир щелкнул выключателем, сложил антенну и убрал радиоприемник в саквояж.

Машина тем временем подобралась к крайним домам Мурмино, затем проскочила к центральной площади, где высилось здание санатория «Рыбак», а дальше шли кварталы новой застройки, пятиэтажные коробки.

— Я сейчас, — сказал пассажир, — подарок отдам, рюмку хлопну и назад.

— Только недолго, — пробормотал шофер.

Не то чтоб он не доверял пассажиру, а все-таки неуютно, когда отпускаешь клипса, а на счетчике более трех рублей.

— Что вы, шеф! — сказал пассажир. — На восемь утра отход заказали, а я к тому ж с поля часов на вахте.

С этими словами он подхватил саквояж и исчез в подъезде. Через восемь — десять минут человек подошел к машине. Саквояжа с ним не было.

— Знаешь, браток, — виновато заговорил он с водителем такси, — упрости-таки родичи остаться. Отправим, говорят, к вахте-то... Ты уж поезжай один, а дорогу назад, как обещано... Вот, держи монеты!

«Волга» развернулась и пошла к центральной площади, где была стоянка такси — шофер надеялся подцепить попутчика в Поморск. Еще через четверть часа из подъезда дома, к которому подъезжало такси, вышел давешний пассажир. В руках он держал саквояж. Пассажир неторопливо огляделся и медленно направился к площади. Неподалеку пофыркивал длинный «Икарус». В автобусе было немного народу. Бывший пассажир светло-серой «Волги» сел на заднее сиденье, в левый угол, поставил саквояж на колени и, приподняв воротник плаща, отвернулся к окну. Так он и просидел не двигаясь до самого Поморска.

— ...Это четвертая передача такого типа за последние шесть месяцев, — сказал полковник Бирюков. — Если

верить нашим экспертам, именно в этой передаче ключ к шифру. Так что они вам объяснили, майор?

— Видите ли, товарищ полковник, это особый шифр, который не может быть разгадан до тех пор, пока в руках дешифровальщика не будет определенное количество текста. В данном случае необходимо было дожидаться четвертой передачи... Теперь она перехвачена нами, и расшифровка ее — вопрос времени.

— Ну, положим, времени у нас на это немного, прямо скажем, нет у нас времени, Юрий Алексеевич.

— Понимаю, товарищ полковник, но все сейчас в руках товарищей из научно-технического отдела.

— Кстати, что они говорят о характере этих радиопередач?

— Первые две записывать не удалось, хотя они были успешно записаны на пленку. Что же касается двух последних, то их пеленг очень нечеткий, похоже, что радиопередатчик перемещался с большой скоростью. В первом случае передача производилась где-то севернее Поморска, во второй раз — южнее. Кроме того, по мнению экспертов, для передач был использован новейший радиоавтомат. Агенту, обладающему им, нет теперь необходимости отбивать ключом свое сообщение. Он записывает текст на пленку, заправляет ее в аппарат, настраивается на необходимую волну, включает автомат, и тот с любой скоростью выдает в эфир закодированное послание. Вот и с этими передачами... Люди из НТО изрядно повозились, пока сумели подобрать скорость движения пленки, при которой передача переставала быть бессмысленным набором звуков.

— Когда обещаны результаты расшифровки? — спросил Василий Пименович.

Леденев взглянул на часы:

— Жду с минуты на минуту.

— Итак, Юрий Алексеевич, можно сказать, что у нас кое-что есть...

— Будет, товарищ полковник... Надо подождать. Ведь может оказаться, что события в Палтусовой губе и перехваченные радиопередачи не находятся в связи между собой. И тогда...

— Тогда у нас будет новое дело, — подхватил Бирюков.

Дверь кабинета бесшумно открылась. Вошел капитан из приемной Василия Пименовича.

— Товарищ полковник, к вам из НТО...

— Давайте-давайте! — оживился Бирюков. — Вот и наши корифеи, Юрий Алексеевич, надеюсь, что им удалось прочитать текст.

Расшифрованная в научно-техническом отделе радиogramма выглядела так:

«84 РД биллу тчк операция квч сорок пять квч сорвана связи гибелью моряка тчк подозреваю зпт что моряк был на грани провала тчк целях безопасности убираю бена тчк материалы операции квч сорок четыре квч передаст волк очередным рейсом тчк 03 49 мороз тчк».

— Ого, — сказал Бирюков и положил расшифрованную радиogramму на стол текстом вниз. — Спасибо, товарищи, великую службу вы сослужили нам...

Полковник крепко пожал руки специалистам из НТО.

Когда они остались вдвоем, Бирюков сказал Леденеву:

— Видал, майор? Ждите трупа, дорогой товарищ Леденев, в этом деле уже третьего. Бена уберут, а мы и помешать не сможем.

— Можем и не узнать даже, что это произошло, — сказал Леденев, — если надежно упрячут концы.

— Ну нет, — возразил Василий Пименович, — тут уж будет наша промашка, Юрий Алексеевич. Ведь посуди сам. Этот Бен находится сейчас у нас на легальном положении, что самое вероятное. И если он неожиданно исчезнет, это неизбежно вызовет толки, дойдет в конечном счете и до нас. Хотя...

Бирюков замолчал, и Юрий Алексеевич закончил его мысль:

— Они могут послать его в командировку или в отпуск, а по дороге убрать...

— Верно. Поэтому немедленно взять под контроль всех, кто в ближайшее время неожиданно покинет Поморск, ну и все несчастные случаи, происшествия. Твою группу, майор, увеличиваю вдвое. Подбирай людей сам, бери кого хочешь, тебе работать, как, впрочем, и отвечать за успех дела. Держи наготове двух-трех парней, которых выпустишь на первый же сигнал о трупе, лишь бы не прозевать, лишь бы он попал к нам в руки. Но главное в другом. Благодаря перехваченной радиogramме мы знаем клички почти всех участников игры. Ну а что касается Билла, то это, по-видимому, старый знакомый, мистер Гэтскелл, специалист по нашей зоне. Бывал он и

в Поморске, правда вполне легально, в конце войны. С его людьми мы уже встречались.

— Значит, этот самый Мороз — явно резидент, судя по тому, как он распорядился судьбой Бена. И он что-то сумел прошухать в порту.

— Да, — сказал Бирюков, — и он меня смущает больше остальных. Это, Юрий Алексеевич, зубр.

— И операцию «Сорок четыре» он, видимо, уже завершил. Готовит передачу материалов. Как они собираются передать их? Судя по словам «очередным рейсом», речь в радиোগрамме идет о судне, которое регулярно ходит в иностранный порт. Таковым у нас является теплоход «Уральские горы». Остальные суда бывают за границей от случая к случаю. Будем искать Волка на этом теплоходе.

— Загадочки, черт побери! — выругался Бирюков. — Юрий Алексеевич, подбей бабки, ты это умеешь...

— Хорошо, — сказал Леденев. — Итак, их трое. Кто Мороз и где он — нулевая информация. Бена собираются уничтожить. Очевидно, с ним мы познакомимся раньше, нежели с другими. С Волком тоже полегче. По-видимому, он находится в составе экипажа «Уральских гор». Ведь наших пассажиров в очередном рейсе на Скаген не будет, за исключением нескольких человек, направленных в заграничную командировку. Их мы немедленно возьмем на контроль.

— Вы забыли об иностранных туристах.

— Нет, товарищ полковник, я попросту еще не добрался до них. В Скаген на «Уральских горах» пойдут две группы иностранных туристов: шведы и финны. Программа их пребывания в Поморске составлена так, что прямо с границы их везут в автобусах в город. Город туристам покажут, и они все будут оставаться на местах, затем — порт, посадка на теплоход, обед на борту и — отход. Практически ни с кем, кроме сотрудников «Интуриста», эти люди общаться не будут...

— Ну а как этот самый Мороз и есть сотрудник «Интуриста»? — с усмешкой спросил Бирюков.

— Гм, — замялся Леденев, — подловили-таки, товарищ полковник. Что ж, усилим наблюдение. И все-таки сдается мне, что и Мороз, и Волк глубоко внедрены здесь, в Поморске, и именно в торговом порту. Удобно для закордонных контактов — раз, для внутренних связей — два,

при необходимости можно попытаться уйти на иностранных судах — три. И вообще...

— Вообще, резон в ваших логических построениях есть, Юрий Алексеевич. Для «Уральских гор» и тех, кто связан с ними по службе, выделяйте особую группу. Попробуем офлажить этого Волка.

— У нас есть только две вещи, если не считать радиogramм, — сказал Леденев. — Листок из инструкции и морские противоветровые спички.

— Начните плясать пока от них, — устало проговорил полковник Бирюков и поднялся из-за стола. — Операция «Шведская спичка» продолжается...

«Волку. Бен знает слишком много и уже на подозрении. Его следует как можно быстрее устранить. Попытайтесь сделать это до вторника. В случае провала действуйте по варианту «Два». Мороз».

В ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ

Этот двухэтажный коттедж в селении Штрудисхамп, стоявший на берегу фьорда в нескольких милях от Скагена, мало чем отличался от загородных домов подобного типа. Некое удивление мог вызвать высокий глухой забор из дикого камня, ограждавший дом, но скандинавы люди сдержанные, привычки совать нос в чужие дела за ними не наблюдается, и, если хозяину по душе отгораживаться от мира таким барьером, что ж, это его право.

Впрочем, хозяина дома почти никто не видел. Он постоянно жил в городе и лишь изредка приезжал сюда один или в компании друзей. Они не стреляли в пустые бутылки, не устраивали потасовок друг с другом и, главное, не привозили с собой женщин.

Они приезжали на одной, двух или трех автомашинах, железные ворота пропускали их, захлопывались, окна коттеджа освещались, иногда доносилась из дома музыка, музыка серьезных людей, обладающих вкусом, — Бах, Шуберт, Лист, Эдвард Григ.

Рано поутру гости и хозяин покидали дом на берегу фьорда, все погружалось в покой и тишину, изредка нарушаемую звуком открывающейся рядом с воротами двери, через нее выходили за продуктами в лавку постоянные обитатели коттеджа: садовник Юхан и его жена Хе-

лец, горничная и кухарка. Эти люди не отличались разговорчивостью, а впрочем, никто и не пытался через них узнать что-либо о доме с забором, в скандинавских странах не поощряется чрезмерное любопытство.

Скаген не так уж далеко расположен от Поморска, порядка девяти градусов по широте. И в тот ясный, солнечный день нежаркое в Скандинавии солнце смотрелось и в воды пролива Блю-фьорд, и в воды Поморского залива, и сопки здесь были похожие, и судов в гаванях порта, пожалуй, не меньше, только вот в положенное время наступила в окрестностях Скагена ночь — ведь он не был, как Поморск, расположен за Полярным кругом.

В этот раз хозяин коттеджа, которого знали как мистера Гэтскелла, а определенный круг людей называл Биллом, принимал необычного гостя. В Берген прибыл эмиссар центра, инспектирующий работу разведывательных резидентур и выступающий в этой командировке под именем Джона Хелборна.

— Итак, — сказал Хелборн, закуривая сигарету от любезно протянутой Гэтскеллом зажигалки, — вы определенно считаете, что на сейфе этого эсэсовца Шеллинга можно поставить крест?

— Так считает Мороз, а я склонен верить ему.

— Обидно, черт возьми, что все документы попали в руки красных. Теперь тем «консам»¹, которых хозяева Шеллинга оставили в России, пришел конец.

— По словам Моряка, там должна быть и валюта, — сказал Гэтскелл.

— Мы планировали использовать ее как гонорар для Моряка — Форлендера. На этих условиях он и согласился отправиться в самое пекло, хотя ему очень не хотелось этого. Видимо, предчувствовал свой конец.

— Я поручил Морозу выяснить подробности его провала, — сообщил хозяин дома.

— Да, Мороз... — задумчиво проговорил Джон Хелборн. — Мы не виделись с ним лет пятнадцать... Мой старый товарищ, вместе начинали, и не одно дело провернули вдвоем. Вы довольны им, Гэтскелл?

— Еще бы! — ответил Билл. — Я докладывал уже вам, мистер Хелборн, что Мороз передает через Волка мате-

¹ На жаргоне разведчиков так называют тщательно законспирированных агентов, которых до поры до времени не привлекают к активным действиям.

риалы операции «Сорок четыре». Надеюсь, это в какой-то степени смягчит удар, который нанесли нам в связи с провалом «Сорок пятой». Пришлось пожертвовать Бомом...

— Не расстраивайтесь, Гэтскелл, — сказал эмиссар центра. — Не моя задача — утешать вас, но неофициально скажу вам, что история с сейфом свалилась на нас неожиданно, в связи с предложением Форлендера. Она не планировалась заранее и носила характер экспромта. А наши боссы сейчас все чаще и чаще призывают аппарат центра перенимать у русских их приверженность к плановому началу в любом деле. «Сорок четвертая» как раз и проходит по разряду плановых, заметьте, плановых, стратегических операций. Гигантский горнорудный комбинат «Поморскникель» имеет для Советов большое оборонное значение. Куда там тягаться с этим комбинатом нескольким паршивым агентам военного времени, половина из которых, пожалуй, уже на том свете или пришла с повинной в органы госбезопасности. Никель, редкие металлы — вот тема, достойная такого мастера, как Мороз! В очередной передаче сообщите, Гэтскелл, что он представлен к повышению в звании и премирован крупной суммой. Но не раньше, конечно, чем мы получим материалы по операции «Сорок четыре». Когда приходит теплоход «Уральские горы»?

— Не позднее пятого сентября...

...На второй день стоянки теплохода «Уральские горы» старший помощник капитана Валерий Николаевич Яковлев появился на судне рано утром, распорядился по всем заведованиям и вскоре ушел, передав второму штурману, что до вечера будет занят делами в конторе. Вновь на борту он появился уже в половине пятого и сразу приказал вызвать к себе директора ресторана. Из каюты они вышли вдвоем и направились осматривать помещения, находящиеся в ведении Митрохина. Когда Яковлев возвращался обратно, в пассажирском коридоре он встретил Еремина.

— Здравствуйте, чиф! — приветствовал доктор Валерия Николаевича. — Иду глядеть хозяйство Митрохина. Не хотите ли со мной?

— Здравствуйте, доктор. Загляну на минутку в каюту и присоединюсь к вам.

Дверь каюты старпом закрыл неплотно и, стоя к ней спиной, не заметил, что она приоткрылась. Подошедший в это время второй штурман Михаил Нечевин успел увидеть, что Яковлев распечатал конверт и, вынув из него листок бумаги, прочитал. Затем старпом медленно опустил руку с листком, снова поднес его к глазам и, вдруг яростно скомкав, сунул в карман кителя. Возбуждение старпома некоторым образом передалось Нечевину, ему почему-то стало не по себе и совсем расхотелось встречаться сейчас с Яковлевым, хотя он и шел к нему по делу. Михаил отступил назад, свернул по коридору вправо и вошел в галюн. Стоя за тонкой дверью, он слышал, как старпом стремительными шагами прошел мимо.

Когда все стихло, второй штурман направился к трапу. С палубы он увидел, как Валерий Николаевич быстро идет в сторону проходной порта.

— Старпом что-нибудь передал? — спросил Нечевин матроса. — Ну, мол, пошел куда... Или, может, меня спросил?

— Ничего не было, товарищ штурман, — ответил матрос. — Пробежал молча — вот и все.

Ресторан «Дары моря» располагался на главной улице Поморска. Несмотря на исключительно рыбный ассортимент блюд, ресторан пользовался популярностью у возвратившихся с Атлантики промысловиков, всегда был полон, и часто в зале слышался усиленный микрофоном голос руководителя оркестра:

— По просьбе моряков БМРТ¹ исполняется...

Было здесь тесно и в этот августовский вечер. Оставалось уже менее двух часов до полуночи, а у входной двери продолжали стоять человек десять, кто жаждал отведать окуня в кляре, бельдюгу по-саамски или фирменное блюдо из рыбы «капитан». За столиком, что неподалеку от служебного входа, сидели двое. На пустовавшие рядом места находилось немало охотников, но один из сидевших за столом неизменно вежливым тоном отклонял их притязания, заявляя, что эти места заняты, они ждут друзей.

Через три стола сидел второй штурман с теплохода «Уральские горы». Михаил Нечевин плохо слушал, что

¹ Большой морозильный рыболовный траулер.

говорит ему его приятельница Марина, переводчица из «Инфлота», отвечал невпопад. Дело в том, что в одном из двух мужчин, сидевших у служебного входа, второй штурман узнал директора судового ресторана Демьяна Кирилловича Митрохина. Танцуя с Мариной и приблизившись к столу Митрохина, он увидел, как тот украдкой передал своему соседу небольшой сверток. С этого момента Михаил не выпускал Митрохина из поля зрения и даже танцевать уходил с неохотой.

Но он был не один в своем интересе к поведению директора ресторана. За Митрохиным наблюдал молодой человек, сидевший неподалеку. Но в отличие от Печевина этот парень умел скрывать свою заинтересованность и потому, вроде бы не обращая никакого внимания на директора ресторана, весело проводил время в обществе симпатичной девушки.

Вечер для Михаила Печевина, взявшего на себя небольшое бремя сыщика, был безнадежно испорчен. В одиннадцатом часу Митрохин и его приятель расплатились по счету, причем второй штурман успел заметить, что платил митрохинский собеседник, и направились к выходу.

Михаила так и подмывало подняться и направиться следом, и потому он нервничал. Девушка разобиделась, и вообще все летело кувырком.

Утром следующего дня Михаил Печевин попросил прибывшего на борт капитана принять его. Оставшись с Игорем Александровичем в каюте наедине, второй штурман поделился своими подозрениями в отношении поведения директора ресторана.

Юков взволновался, дотошно выпросил обо всем своего помощника, поблагодарил за бдительность и всел держать язык за зубами, а он, капитан, дескать, официально проинформирует кого следует, пусть второй не тревожится больше и без нужды за Митрохиным не следит, поскольку может насторожить его и спугнуть, тут уж справятся соответствующие товарищи сами, мешать им не нужно. На том они и закончили разговор. Об убийстве диспетчера Подпаскова никто еще не знал.

ВЕРСИЯ СТАРПОМА

За квартирой Яковлева следили сотрудники из группы Леденева. Но старпом не появлялся. Засаду решено было оставить, за женой Яковлева продолжать наблюдение.

От многочисленных постов никаких сообщений не поступало. Старпом «Уральских гор» как в воду канул.

— Что ж, это могло случиться тоже, — сказал Василий Пименович, когда кто-то из работников высказал предположение о самоубийстве.

— Сомневаюсь, — возразил Леденев. — Не такой он закваски, этот помор, чтоб наложить на себя руки. Слишком сильно в нем жизненное начало. Забился в какую-нибудь дыру... А может быть, Мороз решил, что нечисто сработана ликвидация Бена, и убрал исполнителя. Спускаю, мол, все карты.

— Надо еще раз допросить его жену, — предложил Корда. — Не является ли она сообщницей во всех этих делах? Напрасно мы оставили ее на свободе.

— За ней установлено наблюдение, — сказал Леденев. — Взять недолго. Но через нее можно выйти на мужа. Да и не думаю я, что Таня к таким делам причастна.

— Все может быть, — согласился с Кордой Василий Пименович. — Но для выводов у нас мало фактов. Оружия в квартире Подпаскова не обнаружили?

— Нет, — ответил Юрий Алексеевич.

— Распорядитесь сделать повторный обыск на его квартире. Смените людей на постах, и всем, кто работал ночью, спать до одиннадцати ноль-ноль. В половине двенадцатого быть у меня. Свободны, товарищи.

Вторая бессонная ночь вконец измотала Таню. Обессиленная, она едва забылась к утру. И конечно, Тане ничего не было известно ни про обыск на «Уральских горах», ни про начавшееся рано утром совещание у полковника Бирюкова, ни про дальнейшую судьбу мужа.

Когда Вера Васильевна поднялась с постели, Таня Яковлева спала, изредка вздрагивая и судорожно всхлипывая во сне. Леденева сочувственно поглядела на нее, покачала головой, вздохнула и направилась в кухню готовить завтрак. Хлопоча у плиты, она думала о муже, который так и не пришел ночевать, о его нелегкой работе. Конечно, хлопотно с таким мужем, и у нее душа не на месте, когда он ночами пропадает на службе, а служба такая, что и нож, и пулю получить можно, и жена не спит: голова раскалывается от недобрых предчувствий и страха за него. И все-таки Вера Васильевна гордилась профессией мужа, ее необычностью.

Она услышала шаги за спиной, повернулась и в дверях кухни увидела Таню.

— Далеко ли собралась, Танюша?

Она видела, что Татьяна Андреевна одета и причесана. Лицо ее, бледное, осунувшееся, было спокойным.

— Хочу пройтись, — сказала она. — Душно мне... Сердце как-то жмет.

Вера Васильевна подумала, что и в самом деле не мешает Тане проветриться, кивнула головой:

— Пройдись, милая, развеешься малость... Только не надолго. Скоро будет готов завтрак, кофе хоть выпьешь. Нельзя же вот так, впроголодь, третий день! Может быть, и Юрий Алексеевич к завтраку подойдет, новости какие будут...

Но Вера Васильевна ошиблась. Напрасно в то утро ждала она к завтраку и мужа, и Таню.

Получив приказание спать до одиннадцати, майор Леденев вышел из управления. Он отказался от машины, решив добраться до дома пешком, чтоб на свежем воздухе не спеша обдумать все случившееся за последние два дня. Не торопясь, шел он по улицам Поморска. Вспоминая Яковлева, Таню, обдумывая жизнь старпома «Уральских гор» на Кольском полуострове до капитанства на рудовозе, последнем перед «Уральскими горами» судне Яковлева, знал все, казалось бы, вехи на жизненном пути этого человека. И никак не мог поверить, что у какой-то из этих вех поморский сын вдруг свернул на путь предательства и измены. Эмоции, конечно, к ряду доказательств не причисляются, но весь облик этого человека не совпадал с представлением о подонке, предающем Родину. К сожалению, факты говорили обратное. И если не будет доказано, что убийство Поднаскова совершено из-за чувства ревности, остается один вывод: Яковлев — убийца своего соратника, вражеского агента по кличке Бен... И чтоб как можно скорее узнать это, пужен сам Яковлев.

Юрий Алексеевич почувствовал, как першит в пересохшем горле — ночь не спал и вторая пачка сигарет на исходе, — остановился, чтоб прикинуть, где ближайшая торговая палатка. До нее оказалось меньше квартала. Быстрыми шагами Леденев подошел к палатке и встал в очередь ранних посетителей. Стоять пришлось минут пятна-

дцать, тяжелых пятнадцать минут, когда видишь, как отходят от стойки счастливицы с пенящимися кружками и, едва добравшись до круглых высоких столов, погружают губы в янтарную жидкость. Наконец и Юрий Алексеевич вышел из очереди с кружкой в руках. Он, не отрываясь, залпом выпил несколько глотков, опустил кружку и огляделся. За спиной Юрия Алексеевича спросили:

— Не помешаю?

Он ответил: «Пожалуйста», и рядом с его кружкой встали еще две. Затем показался и их хозяин. Леденев мельком взглянул на него и мысленно ахнул: это был Валерий Николаевич Яковлев.

Поначалу Леденев усомнился. И встреча была уж очень неожиданной: его ищут по всем вокзалам, а он спокойно пьет пиво в центре города. Внешность Яковлева несколько изменилась: щеки и подбородок обросли щетиной, лицо осунулось, под глазами черные круги, а на голове вместо неизменной флотской фуражки с большим козырьком «гамбургского» покроя была мохнатая кепка. Яковлев Леденева не узнал. Юрий Алексеевич стоял спиной к окнам, да старпом и не глядел на него.

«Вот так встреча! — подумал Леденев, спрятав лицо за кружкой с пивом. — Его надо брать. Но вдруг он вооружен? Затеять стрельбу здесь, в зале, набитом людьми? Нет, так не годится... Но что делать? Пусть пока он выпьет свое пиво».

Когда Яковлев допил свою вторую кружку, он осторожно поставил ее на стол и с высоты своего роста оглядел собравшихся в зале людей. Потом перевел взгляд на пустые кружки, вздохнул, поднял глаза и встретился с внимательно следящими за ним глазами майора.

Леденев напрягся. Несколько секунд старпом с каким-то неуловимым сожалением смотрел ему прямо в глаза, затем отвел их, рослая фигура его поникла и вроде бы разом усохла, что ли...

— Здравствуйте, Валерий Николаевич, — спокойно сказал Леденев. — Вы, оказывается, любитель пива...

Яковлев не ответил и лишь махнул рукой, но Леденев ждал от него первых слов, ему было очень важно это — услышать первые слова. Пауза затягивалась. Наконец Яковлев выпрямился, легонько оттолкнулся от столика и сказал:

— Ладно... Спасибо, что дали выпить пива. Куда надо следовать? Я готов.

Татьяна Андреевна медленно брела по улицам Поморска. Она шла опустив голову, но ничего не видела под ногами. А ноги как-то сами привели Таню Яковлеву к зданию, в котором работал Юрий Алексеевич Леденев. Она не могла бы объяснить, зачем пришла сюда.

Растеряннo оглядываясь, Таня стояла на тротуаре, когда вдруг увидела двух мужчин, подходивших к большому металлическим воротам, закрывавшим вход в арку в середине здания. Глаза Тани расширились: она узнала в одном из них своего мужа. На шаг позади шел Юрий Алексеевич Леденев. Таня попыталась крикнуть, побежать через улицу. Но неведомые силы приковали ее к месту, и она видела, как те двое подошли к железным воротам. Юрий Алексеевич нажал кнопку, распахнулась калитка. Леденев жестом пригласил Яковлева войти. Старпом нерешительно шагнул за ворота, Юрий Алексеевич вошел следом, и калитка захлопнулась.

К Юрию Алексеевичу подошел дежурный офицер и передал приказание полковника Бирюкова срочно прибыть к нему.

— Прямо сейчас? — спросил Леденев.

В приемной полковника дежурный офицер предложил Юрию Алексеевичу пройти в кабинет, а арестованного с конвоирами поместил в комнату, примыкавшую к приемной.

Бирюков разговаривал с человеком средних лет. Едва Леденев показался в дверях, полковник поднялся со стула и направился к нему:

— Входи-входи, Юрий Алексеевич! Вот представляю тебе директора судового ресторана. Товарищ Митрохин, Демьян Кириллович. Работает товарищ Митрохин на теплоходе «Уральские горы».

Бирюков выглядел бодрым, посвежевшим, говорил веселым тоном.

— Когда вы были последний раз в отпуске, Демьян Кириллович? — спросил полковник.

Директор ресторана удивленно заморгал глазами.

— С полгода назад, — ответил он.

— Полгода, — повторил Бирюков. — Что ж, придется вам еще разок отдохнуть... Ну вот что, Демьян Кириллович, поскучайте еще часок.

Директор судового ресторана кивнул.

Василий Пименович позвонил.

— Проводите товарища Митрохина, — сказал он дежурному офицеру, — устройте так, чтоб он отдохнул часок-другой. Вы еще понадобитесь мне, Демьян Кириллович, но немного позднее...

Директор ресторана и сопровождающий его офицер вышли. Бирюков подошел к столу и придвинул к Леденеву пачку «Любительских»:

— Закуривай, майор...

— Спасибо, я — сигареты...

— В девять утра появился здесь товарищ Юков, капитан теплохода «Уральские горы», — начал Бирюков. — Просил припять его по важному делу. Ну, поговорили мы с капитаном, интересный он человек...

— А как же приказание снасть до одиннадцати, Василий Пименович? — улыбаясь спросил Леденев.

— Так это приказание для вас, — сказал Бирюков, — которое, кстати сказать, ты, дорогой майор, нарушил. Ведь не спал, признавайся?

— Не спал... А лег бы, так и Яковлева в вашей приемной сейчас не было бы.

— Гм... допустим... Этот самый капитан Юков, узнав, какой переполох устроил Корда на его корабле ночью, тотчас же примчался ко мне.

Василий Пименович замолчал, брезгливо оглядел дымящуюся папиросу, сунул в пепельницу и тщательно загасил окурочек.

— Ну и гадость, — сказал он, — накурился так, что уже язык щиплет. Бросать надо, майор.

— Надо, — согласился Леденев.

— Так вот, — продолжал полковник. — Приходит, значит, этот самый Юков, Игорем Александровичем его зовут, и заявляет, что имеет намерение сообщить нам важные сведения. Я насторожился и, признаться, почувствовал легкое разочарование. Думаю, выложит он мне сейчас все, над чем мы ломаем голову, ведь с «Уральских гор» капитан, и завершится операция «Шведская спичка». Шу-чу, конечно, но нечто подобное в голову мне приходило... И вот капитан рассказывает, что явился к нему второй штурман Нечевин и доложил о странном поведении директора судового ресторана. На стоянке в Скагене Митрохин поздно пришел с берега, пытался задобрить штурмана Нечевина, просил, чтоб он не докладывал об опоздании по начальству. Затем Нечевин видел в ресторане «Дары моря», как Митрохин передал неизвестному подо-

зрительному человеку таинственный пакет. Словом, штурман взял на себя роль частного детектива и принялся выслеживать директора ресторана. Собрав, по его мнению, достаточный материал, Нечевин доложил обо всем капитану. Тот выслушал и обещал довести его подозрения до сведения соответствующих инстанций. И вот сегодня утром, узнав про обыск на теплоходе «Уральские горы», капитан тут же отправился к нам... «Может быть, здесь ничего нет, но согласитесь, что я должен был немедленно сообщить вам о подозрениях моего штурмана». Я, конечно, поблагодарил его, попросил никому ни слова не говорить, и Юков ушел.

— И вы послали за директором судового ресторана? — сказал Леденев.

— Точно. Меня заинтересовал пакет, только пакет, ибо все остальное о Митрохине я знал сам. Демьян Кириллович — наш старый работник. Сейчас он на пенсии за выслугу лет, да и со здоровьем у него неважно: в сорок шестом году Митрохина расстреливали бандеровцы. Всадили в грудь очередь из автомата, а он, видишь, живет до сих пор... И тут случилось так, что товарищи из другого отдела вышли на кока с одного из судов нашего пароходства. Подозревали его в махинациях с иностранной валютой. Демьяна Кирилловича и попросили помочь, потолковать по-свойски с парнем. Помогли, мол, Митрохину, по старой памяти. Тогда он и опоздал в Скагене на судно. И в ресторане с тем же коком сидел. А про пакет я не знал. Вот и пригласил Митрохина. Да и из-за тебя тоже.

— Из-за меня?

— Ну да. В пакете знаешь что было?

— Валюта, документы?

— Век не угадать. Билеты...

— Потерейные?

— Экзамнационные. Они оба, и тот, кого мы подозревали, кстати подозрения с него уже все сняты, и Митрохин, учатся заочно в Институте народного хозяйства, на товароведов, что ли... А для заочников, сам знаешь, что такое билеты. Как-то они их раздобыли и стали оделять друг друга. Этот штурманец с теплохода «Уральские горы» вытащил пустышку, все осталось по-прежнему, но, видимо, наблюдательный, глазастый парнишка. Да... Что ж, теперь у нас есть Яковлев. Это уже много. Его доставили?

— Здесь он, Василий Пименович, — ответил Леденев.

Когда за Яковлевым и майором Леденевым захлопнулась вырезанная в глухих железных воротах дверь, Таня очнулась от оцепенения, и первым порывом ее было рвануться вслед за Валерием Николаевичем, стучать в эту дверь, требовать, чтоб ей разрешили увидеться с мужем. И женщина пересекла улицу. Но, едва оказалась перед металлической дверью, решимость покинула ее. Таня остановилась и попыталась заставить себя поднять руку и коснуться кнопки звонка.

Прошла минута-другая, а Таня продолжала стоять у ворот. Наконец она решила дождаться Леденева — ведь это он привел сюда ее мужа. Да, самое верное дело — дождаться Леденева.

Исток первый час ожидания, начался второй, а Леденева все не было... Таня ходила от угла до угла, нервно оглядываясь. А Юрий Алексеевич и Яковлев тем временем в сопровождении конвоиров уже прошли в здание управления, которое сообщается со следственной тюрьмой внутренним ходом.

Через два часа беспцельного ожидания Таня вдруг увидела знакомую. Она почему-то решила, что весь город уже знает о преступлении ее мужа, к которому причастна и она сама, и ей захотелось поскорее уйти, чтоб не встречаться со знакомой, да еще здесь, у этих ворот.

Быстрыми шагами она направилась прочь. Домой идти было страшно — с ума можно сойти в четырех стенах, — беспокоить Веру Васильевну снова, да и как общаться с женой человека, арестовавшего мужа и, наверно, ведущего теперь следствие по его делу!

Таня поравнялась с входом в парк и свернула туда в надежде, что уж здесь ей не грозит встреча с кем-либо из знакомых. Но не успела пройти и сотни шагов, как ее окликнули:

— Таня! Танечка!

Она повернулась и увидела доктора Еремина.

— Здравствуйте, Танечка, — сказал он. — Далеко ли направились? — Таня промолчала. Еремин внимательно поглядел на нее и осторожно взял за локоть: — Что это с вами? Вы больны? Так почему же разгуливаете? И как это только Валерий Николаевич выпустил вас из дому?

Едва Еремин упомянул имя мужа, Таня судорожно вздохнула и вдруг зарыдала, припав головой к плечу Василия Тимофеевича. Еремин растерялся.

— Что вы, что вы, Танечка... Успокойтесь, — заговорил он, пытаясь отвести ее в сторону и усадить на скамейку. — Сядьте вот тут, успокойтесь, возьмите себя в руки; нельзя же так... Что случилось? Расскажите... Может быть, я смогу вам помочь.

Всхлипывая, прерывающимся голосом Таня поведала Василию Тимофеевичу о событиях последних дней. Рассказала и о встрече, которая произошла сегодня утром.

— Так-так! — сказал Еремин, выслушав Танину исповедь. — Значит, Валерия Николаевича арестовали... Это плохо. Арест означает, что его считают виновным в смерти диспетчера.

— Да ведь у нас-то и не было ничего с Подпасковым! — вскричала Таня.

— А разве я вам не верю? — с горечью сказал Еремин. — Я давно знаю Валерия Николаевича, кристальной честности человек, умница, выдержанный и тактичный, настоящий интеллигент, одним словом... Нет, здесь, Таня, что-то не так. Вам сообщили об аресте мужа?

— Нет, ведь я же не была дома...

— Тогда отправляйтесь домой и ждите от меня вестей. Никуда не выходите. А я отправлюсь в порт, в пароходство, если надо — обращусь в прокуратуру. Необходимо, наверное, подумать и про адвоката. Возьмите себя в руки, Таня, будьте мужественны. Я уверен, что это недоразумение.

Допрос подозреваемого в убийстве старшего помощника капитана теплохода «Уральские горы» Валерия Николаевича Яковлева начался, как обычно, с вопросов, касающихся его личности. Яковлев спокойно отвечал, иногда поглядывая на записывающего ответы Леденева, сидевшего в стороне. Вопросы задавал Бирюков. Яковлев сидел лицом к нему, но смотрел куда-то мимо, сквозь стены, не встречаясь с полковником глазами.

— Вам известно, что вы подозреваетесь в убийстве диспетчера Подпаскова? — спросил Василий Пименович.

— Да, — сказал Яковлев, — диспетчера Подпаскова убил я.

Яковлев по-прежнему смотрел куда-то за спину полковника Бирюкова и казался спокойным. Василий Пименович рисовал фигурки на листе бумаги, а Леденев неторопясь раскрывал новую пачку сигарет, поддевая ног-

тем красный целлофановый хвостик. Хвостик не поддавался, палец майора скользил по пачке, и Юрий Алексеевич начал тихо злиться. Полковник Бирюков вздохнул, выпрямился, перевернул испещренный рисунками лист бумаги чистой стороной и спросил:

— Вы отдадите себе отчет, Яковлев, в том, что сказали нам?

— Отдаю.

— Что ж... Тогда расскажите, как все это произошло.

По словам Валерия Николаевича, выходило, что все произошло случайно и неожиданно для него самого. Он никогда не проявлял явной ревности к своей жене, но в глубине души, как, наверное, и многие мужчины, а особенно те из них, которые часто и подолгу отлучаются из дому, допускал некоторые сомнения...

— Все-таки я старше ее на десять лет, — сказал Яковлев. — И характеры у нас разные. Таня любит шумные компании, общество, как она говорит, а мне предпочтительнее домашний уют, тишина, возможность побыть с Таней. Извините, я, наверное, не то говорю...

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Бирюков.

— Словом, я бывал с ней там, где мне не по себе... Иногда мне не нравилось, когда какой-нибудь хлюст был чересчур внимателен к жене, но неудовольствия своего я не высказывал. Не хотел выглядеть старым ревнивцем... Но видимо, какой-то червячок внутри существовал. Да... Можно мне закурить? — Яковлев затянулся дымом, с минуту молчал, затем продолжал снова: — Все началось с записки. Я вошел к себе в каюту и увидел на письменном столе листок. Печатными буквами там было написано: «Яковлев! Ты — рогатый козел! Твоя жена — шлюха...» Ну и дальше в том же духе. Что она с диспетчером Подпасковым в его квартире...

— Где эта записка? — спросил Леденев.

— Тогда, в каюте, я сунул ее в карман... Потом, после всего этого, вспомнил о ней, обшарил все карманы, но не нашел. Вероятно, обронил где-то...

— Жаль, Яковлев, жаль, — сказал полковник. — Эта записка сейчас была бы как нельзя кстати.

— Какое это имеет значение? — возразил старпом. — Разве я отрицаю свою вину?

— Так-то оно так... Но продолжайте.

— Прочитав записку, я потерял самообладание, будто шарахнули чем по голове.

— И вы ни на миг не усомнились в истинности сообщенного вам? — спросил Леденев.

Яковлев опустил голову:

— Я понимаю ваш вопрос... Потом... Уже после случившегося, когда остыл маленько, тогда думал... Думал, что могли ведь и наплести на Таню...

Старпом поднял голову и посмотрел на Юрия Алексеевича, затем перевел взгляд на Бирюкова.

— Но ведь я видел, как она распивала шампанское с этим типом! — выкрикнул он.

— Успокойтесь! — сказал полковник Бирюков. — Продолжайте рассказ и старайтесь не пропустить подробностей.

— Ну, я, значит, выбежал на причал и направился к проходной, чтобы их... проверить...

— Вы знали, где живет Подпасков?

— В позапрошлый приход я поздно уходил с судна, уже после часу ночи. В диспетчерской порта мне дали дежурную машину и попросили заехать к Подпаскову, чтобы передать записку. Я знал, где он живет...

— А до этого вы были знакомы?

— Конечно. Он закреплен за нашим судном и по приходе «Уральских гор» всегда бывает на борту.

— Какие у вас были отношения с диспетчером Подпасковым? — спросил Юрий Алексеевич.

— Нормальные отношения. Дело он знал.

— Хорошо. Значит, вы отправились к нему на квартиру, — уточнил Василий Пименович. — В котором часу это было?

— Около восемнадцати часов. У проходной я схватил такси и поехал прямо туда...

— У вас были какие-то определенные намерения?

— Не знаю... Кажется, нет. Мне надо было самому во всем убедиться... Я поднялся по лестнице. Рванул дверь, но она была заперта. Позвоил. Открыл Подпасков. Мне показалось, что он удивился моему появлению, но отступил в сторону, приглашая войти.

— Удивился или испугался? — задал вопрос Василий Пименович.

— Нет, испуганным я бы его не назвал. Потом я задумывался над этим, и меня смущала его готовность, с которой он приглашал меня войти.

— Вы хотите сказать, что застигнутые врасплох любовники так себя не ведут? — спросил Леденев.

— Да, именно это я хотел сказать... В комнате Подпаскова я увидел Таню. Она держала в руках бокал. На столе стояла открытая бутылка шампанского и второй бокал. Увидев меня, Таня побледнела... Я велел ей тотчас уходить. И она вышла. Мы остались с Подпасковым вдвоем. Я хотел показать ему записку и потребовать объяснений. Но он меня опередил. Он сказал... Лучше б ему не произносить этих слов...

Яковлев замолчал и потянулся за сигаретой. Василий Пименович и Леденев ждали, когда он закурит.

— И что он сказал?

— Он сказал мне: «Что ты бегаешь, чиф, за своей бабой, как ошпаренный пес? Это такая порода: захочет, так у тебя на глазах отдастся кому угодно... Садись, выншем лучше».

Старпом глубоко затянулся, потом еще и еще... Тщательно загасил в пенельнице сигарету.

— Если б он не сказал этого, возможно, все бы обошлось. Но от этих слов разум мой снова помутился. Я ударил Подпаскова...

— Чем ударили?

Яковлев удивленно глянул на Бирюкова:

— Как «чем»? Кулаком. — Он сжал пальцы правой руки в кулак. — Вот этим, — сказал старпом.

Бирюков и майор переглянулись.

— Да-а, — протянул полковник. — И что же вы, хотите всерьез уверить нас, что отправили Подпаскова на тот свет кулаком? Кулак, правда, у вас приличный...

— Нет, конечно! — ответил Яковлев. — Кулаком, наверное, не убьешь. Но двинул я его крепко, и он, по моему, упал. Ну и мог удариться головой обо что-нибудь. Поверьте, я не хотел убивать.

— А может быть, это и не вы убили? — спросил Василий Пименович.

Поначалу Леденев подумал, что Бирюков задал не тот вопрос, но затем решил, что психологически такой поворот в допросе будет верным.

— А кто же еще мог убить? — удивился Яковлев, и Юрий Алексеевич отметил, что удивление старпома было искренним.

«Или очень профессионально играет», — подумал он, преодолевая то внутреннее сопротивление, которое приходило, когда он думал о Яковлеве как об убийце.

— Что вы делали потом? — спросил он старпома.

— Я выбежал из квартиры... Почему-то мне противно было от мысли оказаться дома, требовать объяснений у жены... Я бродил по городу, дважды подходил к своему дому, но войти не решился. Затем купил водки и отправился на такси в поселок Гремячий Ручей. Там работает на барже шкипером мой родственник из нашей деревни. Баржа у него была на отстое, а сам он на борту. Там мы напились... Утром стали опохмеляться, — словом, пьянка началась по новой... Мне показалось, что жизнь кончилась, я снова и снова вспоминал содержание записки, и перед глазами моими вставала жена с бокалом шампанского в руках. А к вечеру приехал баржевой матрос из Поморска. Он и рассказал об убийстве Подпаскова... Я перестал пить и рано утром первым автобусом поехал в город. Сразу хотел идти в милицию и обо всем рассказать, но после выпитого мучила жажда. Решил выпить пива. В последний, так сказать, раз...

Яковлев замолчал, потянулся было к сигарете, но спохватился, отдернул руку и вопросительно посмотрел на Бирюкова.

— Курите, курите! — сказал полковник. — Что вы еще можете добавить к своему рассказу?

— Больше ничего.

— Хорошо. А теперь мы зададим вам несколько вопросов. Давайте вы, Юрий Алексеевич.

— Кто-нибудь, кроме вас, знает о том, что вы получили записку?

— Нет, я никому не говорил. Сами понимаете, что такой информацией не делятся...

— Понимаю, а шкиперу, вашему родичу, вы говорили о случившемся?

— Нет.

— А как вы объяснили ему неожиданный визит и пиршество?

— Ну... Как вам сказать... У моряков не принято доискиваться до причин, по которым их товарищ решил «дать газ» — загулять, значит... Сказал, что пришел с рейса, давно не видел земляков, решил навестить... Этого ему было достаточно.

— Понятно, — сказал Бирюков. — А теперь посмотрите сюда. Ваши гантели?

— Да, — растерянно сказал Яковлев. — Это мои гантели. Я держу их в каюте, чтоб иногда размяться.

— Посмотрите внимательно, Валерий Николаевич.

Гантели эти кустарного производства, но и такие изделия могут быть похожими одно на другое.

— Да нет же, это мои гантели, — сказал старпом. — Вот здесь, видите, две каверны рядом и царапина на другой. Я хорошо знаю свои вещи.

— Это похвально — знать свои вещи... Ваше утверждение запротоколировано... Дело в том, что одной из этих гантелей был убит диспетчер Подпасков.

— Как?! — вскричал Яковлев. — Но я...

— Вот именно вы... Вы могли использовать один из этих снарядов в качестве орудия убийства. Видите, как легко отвинчиваются шары с рукоятки! Один такой шар вместе с рукояткой был обнаружен за дверью черного хода у котельной. На шаре нашли следы волос и кожи. Да и форма травмы на голове Подпаскова соответствует форме и размерам шара на гантели. Второй шар, свинченный за ненадобностью, сегодня ночью был найден во время обыска в вашей каюте. Там же была и другая гантелина. Члены экипажа признали это вашей собственностью, как только что признали и вы сами...

— Так, — глухо произнес старпом. — Но как... Как могло попасть туда?..

— Мы и пытаемся выяснить, — продолжал Бирюков. — Подпасков убит гантелью — в этом сомнений у нас нет. Но кто ее принес? Если не вы, следовательно, и обвинять в убийстве вас нельзя. При всем уважении к вашему крепкому телосложению я не могу согласиться, чтоб с помощью кулака можно было бы отправить к праотцам такого здоровяка, каким был диспетчер.

— Так что же произошло? — сдавленным голосом спросил Яковлев.

— Пока не знаю, — сказал Бирюков. — Значит, если не вы принесли гантель, вы — не убийца. А если убили вы, то вашему искреннему признанию, которое вы сделали нам сегодня — грош цена. Вы далеко не мальчик и, конечно, понимаете, что одно дело убить так, как, судя по вашему рассказу, это сделали вы, а убийство с заранее обдуманном намерением — совсем другое дело. Вот, послушайте. — Василий Пименович раскрыл небольшую книгу, лежащую у него с левой стороны стола, под рукой. — «Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, — прочитал он, — наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со ссылкой

или без таковой или смертной казнью». Ну, пока отягчающих обстоятельств в вашем деле не усматривается. А теперь, посмотрите, как оценивается уголовным законодательством ваш рассказ. «Умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего... — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до одного года». Видите, как разнятся правовые нормы?

— Вижу, — сказал Яковлев. — Только зачем все это? Я признал свою вину... Чего же еще?

— Весь вопрос в том: какую вину? Надо выяснить: как гантели разделились между вашей каютой и домом убитого? Пока на этот вопрос вы не ответили, да и у нас нет объяснения. И записочку потеряли... Неудачно все складывается. У вас больше ничего нет, Юрий Алексеевич, к Яковлеву? Тогда отправьте подозреваемого. Яковлев, подумайте обо всем в одиночестве, может быть, вам придут на ум какие-то мелочи, которые вы упустили. Подумайте. Если вспомните что-то новое, требуйте у надзирателя свидания со мной.

Некоторое время Леденев и полковник молчали. Затем Василий Пименович подошел к окну и принялся что-то выстукивать по стеклу.

— Что скажешь? — спросил он наконец, резко поворачиваясь к Юрию Алексеевичу.

— А что сказать?.. И так можно прикидывать и эдак. Я со вчерашнего вечера, как узнал от его жены обо всем, да еще после обыска на судне особенно, прикидываю Яковлева на роль Волка. Не ложится он на эту роль, ну никак не ложится, Василий Пименович!

— Эмоции, дорогой майор... А факты?

— Факты, конечно, упрямая вещь. Пока они свидетельствуют против него. Гантели... И эти страницы из «Правил» в тайнике... Какая-то связь между Яковлевым и убитым Беном, конечно, есть. Но какая?

— Это нам и надлежит выяснить. Какие у тебя соображения в целом, Юрий Алексеевич?

— Мне представляется сложившееся положение таковым. Разберем два варианта. Первый: Яковлев — человек Мороза, может быть, и не тот Волк, о котором Мо-

роз радировал Биллу, но из той же компании. Что получится в этом случае? У Мороза вышел из игры помощник. Передача материалов завершённой ими операции «Сорок четыре» затрудняется, если не срывается вовсе. Мороз попытается проинформировать об этом Билла. Значит, следует ждать выхода резидента на связь. Возможно, на теплоходе «Уральские горы» есть и другие сообщники Мороза.

— А если Яковлев не причастен к этой компании? — спросил Василий Пименович.

— Тогда его арест успокоит Мороза, и материалы поедут в Скаген на «Уральских горах». Я думаю, что Мороз, узнав об аресте Яковлева в связи с убийством Подпаскова, решит, что мы клюнули на живца. Надо быть начеку, опять-таки все внимание «Уральским горам». Если Волк там, то туда не замедлит явиться и Мороз, хотя они могут встречаться и не на судне.

— А что будем делать с Яковлевым?

— Искать факты, которые бы прояснили его участие во всей этой истории. Ведь это мы обвиняем его в убийстве с заранее возникшим намерением, значит, и обязанность искать доказательства его виновности возлагается на нас. Подозрения по поводу его участия в группе Мороза ведь не снимаются...

— Конечно, — сказал полковник. — Все это на нем остается. Прикажите, Юрий Алексеевич, еще раз тщательно обследовать одежду Яковлева. Пусть вообще заменят ее на казенное платье. Если он — Волк, не исключена попытка уйти от нас, как это сделал Эрнст Форлендер.

— Будет исполнено, товарищ полковник.

— Теперь по поводу ваших размышлений. В принципе я согласен со всем. Конечно, главное сейчас — «Уральские горы». Все внимание переключаем туда. Рейс мы, разумеется, не задержим. Я свяжусь с пароходством и условлюсь, чтоб безо всякого шума дали на теплоход «Уральские горы» нового старпома из резерва. А Митрохина, Юрий Алексеевич, заменишь ты...

— Я?! — удивился Леденев.

— Да, ты. Потому я и задержал Демьяна Кирилловича Митрохина, чтоб вы при моем участии договорились о передаче дел в ресторане. Для Митрохина мы организуем отпуск по семейным обстоятельствам и отправим из города на две недели. Он тебе передаст все

полномочия: ключи, людей, а также расскажет о производственных деталях, особенностях своей работы — прямо здесь. С береговым руководством Митрохина я уже договорился, так что все будет в порядке...

— Боязно, — сказал Леденев, — за такое дело никогда не брался. А вдруг под растрату попаду?

Бирюков рассмеялся.

— Эх, ты! — сказал он, продолжая улыбаться. — Растраты испугался... Ведь директор прямого выхода к материальным ценностям не имеет, только через буфет и заведующего производством, из рук которых продукты идут к пассажирам. Разве сие тебе не известно?

— Известно, конечно, а все же...

— Судят тех, кто махинации затевает, — сказал Василий Пименович. — А у тебя просто времени на махинации не хватит, на один ведь рейс идешь... Ну ладно, шутки долой, давай о деле... На судне будьте осторожны, — уже официальным тоном продолжал Бирюков. — Если мы и допустим, что Волк — старпом Яковлев, то нет гарантии, что его подручные не остались на судне. Вы попытаетесь привлечь кого-то для оказания вам помощи, а окажетесь в объятиях кого-нибудь из той банды.

— Это мне понятно, — сказал Леденев. — Когда отправиться на судно?

— Завтра с утра. Сегодня — беседа-инструктаж с Митрохиным, затем домой — отдыхать... В восемь часов я жду вас, Юрий Алексеевич, у себя. Будет большой разговор по вашей работе в рейсе и, если понадобится, в Скагене. Да! Кстати, где-то там еще со времен войны у меня остался хороший друг. Активный участник Сопротивления, подпольщик, был в отряде коммандос... Попробуйте справиться о нем. Может быть, разыщете... Он вам пригодится.

— Это уже что-то, — отметил Юрий Алексеевич.

— Постой! — воскликнул Бирюков. — Да ведь ты его должен знать! Помнишь высадку в районе Тромсё?

— Зимнюю? — спросил Леденев.

— Ну да. Когда нас окружили егеря, и если бы мы не сумели выйти к берегу моря, то нам была бы крышка...

— А ведь я не был тогда с вами, — сказал Юрий Алексеевич. — В госпитале лежал...

— Верно говоришь, — разочарованным тоном произнес полковник. — Тогда ты его не можешь знать. Он ведь как раз и вывел отряд к морю. Кажется, сейчас он рабо-

тает в Скагенском порту лоцманом. Его зовут Лейв Эйриксон...

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

После встречи с полковником Бирюковым Юрий Алексеевич Леденев направился в порт, к теплоходу «Уральские горы». Ему предстояло принять судовой ресторан, заняться делом, о котором Юрий Алексеевич до вчерашнего дня и понятия не имел. Долгая беседа с Митрохиным несколько просветила его, но предстоящих хлопот Леденев побаивался. Правда, Демьян Кириллович написал записку заведующему производством Юлию Степановичу Кадомскому, который, по словам директора, был хорошим специалистом и честным, добрым человеком.

— Он все возьмет на себя, все хлопоты, — успокаивал Леденева Митрохин. — Вы, Юрий Алексеевич, с виду будьте построже, обходите время от времени свои владения. А Юлий Степанович и в курс вас введет, и подскажет, ежели что... Я написал ему, что вы мой старый товарищ по торговой, конечно, работе, но ресторанно-морского опыта у вас нет. Не тушуйтесь. Поправится — так и совсем к нам в «Мортортранс» перейдете.

Проснулся Леденев в шесть часов. В восемь его будет ждать полковник Бирюков, а до того надо было собраться в дорогу, какие-то вещички прихватить — ведь после разговора с начальством он сразу отправится на судно и останется там вплоть до отхода. Значит, надо проститься с женой, которая еще спит и не подозревает о предстоящем отъезде мужа.

Он вспомнил, как сетовал в шутку, что не моряк и его никто не провожает и не встречает, было это за день до прихода «Уральских гор». А теперь вот он сам отправляется в рейс на этом судне, и опять его никто не будет провожать... Вера Васильевна и не узнает, что ее муж выходил в море. Такая уж работа, что делать. Ведь и сам не подозревал еще несколько дней назад, представить не мог себя в такой роли.

«Да, — подумал Юрий Алексеевич, — мы обязаны добыть доказательства вины Яковлева. На месте преступления обнаружено орудие убийства, которое хранилось у

обвиняемого в каюте и принадлежало ему. Примерно в то время, когда наступила смерть Подпаскова, подозреваемый находился в его квартире и расположен был к нему отнюдь не дружески. Это все по поводу причастности Яковлева к убийству. Связь его с группой Мороза — дело другое... Значит, он находился в его квартире в то время, когда наступила смерть. Кто-то должен был запомнить время, когда Яковлев ушел с судна. Вахтенный, например. Вахтенный в проходной, если он знает в лицо старпома. Да! Таня... Но ее свидетельство не может иметь такой силы... Хотя... Ее тоже следует допросить. Наконец, шкипер баржи, к которому уехал Яковлев. Вот кто может быть полезен! Судебно-медицинский эксперт сказал, что смерть наступила 10—12 часов назад. Мы прибыли в половине восьмого. Если двенадцать часов назад, значит, Подпасков был убит в семь — в половине восьмого. В это время и был в квартире диспетчера Яковлев, плюс — минус тридцать минут. А если десять часов?.. Значит, убийца пришел к диспетчеру двумя часами позже. Где был в это время Яковлев?..»

Размышляя об этом, Юрий Алексеевич укладывал вещи и не заметил появившейся в дверях спальни жены.

— Далеко собираешься, Юра? — спросила она, и от неожиданности Леденев вздрогнул.

— Ну, — сказал он, — напугала... В командировку, Веруша, деньков на десять.

— Что же ты с вечера не сказал?

— И не спала б всю ночь, — проворчал Юрий Алексеевич. — Знаем мы эти предупреждения с вечера. Так вот, экспромтом, оно лучше...

Утром в разговоре с Василием Пименовичем Леденев поделился своими соображениями.

— По-моему, — сказал он, — следует точно определить время смерти Подпаскова. И мог ли в это время находиться там Яковлев. Ведь дверь-то была открыта... До соседа тоже мог кто-то зайти. Если это обвинение отпадет, то легко снимается и подозрение о связи старпома с Морозом. Разумеется, версию эту отбрасывать сразу нельзя... Но уж больно все по нотам выходит — записка эта...

— Послушать тебя, Юрий Алексеевич, так ты прямо защитником к Яковлеву назначен.

— Если мы во что бы то ни стало будем искать только факты, компрометирующие Яковлева, то нам легко будет оказаться в плену ошибочной версии. А это приведет к осуждению невиновного или, по меньшей мере, к потере времени, на что, возможно, и рассчитывает наш противник. Значит, надо искать также факты, снимающие вину с Яковлева.

— В Гремячий уже отправился Корда.

— Именно такой, как Корда, там и нужен, — проговорил Леденев.

— Как видишь, где-то мы с тобой идем параллельно... Правда, я послал его вообще проверить показания Яковлева, но Алексей Николаевич уточнит и время прибытия старпома на баржу. Назначим повторную судебно-медицинскую экспертизу, попросим строго уточнить время смерти Подпаскова.

— Да, Юрий Алексеевич, — обратился Бирюков к Леденеву, — миссия твоя на теплоходе «Уральские горы» будет иметь решающее значение. Гляди в оба на судне — присматривайся ко всем и ко всему.

На всякий случай ты имей в виду этого парня, второго штурмана. После заявления капитана о его повышенной бдительности мы проверили его. Михаил Нечевин — надежный человек, ежели что — можешь опереться на него... Вот, возьми. Это вид Скагена, довоенного Скагена. Подарок Эйриксона. Видишь, на обороте надпись на норвежском языке: «Жизнь и смерть — поровну». Написано рукою Лейва Эйриксона. При встрече с ним покажи фотографию и назови мою фамилию. Он немного говорит по-русски и знает немецкий, общий язык вы найдете. Разумеется, на «Уральских горах» никто не должен знать о ваших встречах. Лейву надо рассказать о том, что нас интересует неизвестный член экипажа, связанный с иностранной разведкой. Может быть, он сумеет узнать что-нибудь там, куда тебе, Юрий Алексеевич, в силу своего положения попасть никак нельзя. Желаю удачи. До отхода сиди на «Уральских горах». Осматривайся. С женой простился?

— Простился.

— Если возникнут какие вопросы до отхода судна, звони из порта или выходи на сотрудника, обслуживающего ту территорию. До самого выхода рядом с тобой будет кто-нибудь из наших... Ну, давай и мы простимся...

Бирюков подошел к Юрию Алексеевичу, и они,

обнявшись, троекратно расцеловались, по доброму русскому обычаю...

Через час после ухода Юрия Алексеевича в порт дежурный офицер доложил полковнику Бирюкову, что прибывший в управление второй штурман теплохода «Уральские горы» Михаил Нечевин просит встречи с «самым главным начальником», которому он хочет сообщить нечто важное в связи с убийством диспетчера Подпаскова.

— А, тот самый, детектив-любитель! — сказал Василий Пименович. — Что ж, пригласите его ко мне. Послушаем, на какой след вышел юный Шерлок Холмс... Сдается мне, неспроста явился этот парень.

В НОВОЙ РОЛИ

Юрий Алексеевич отправился в порт. Когда он проходил мимо здания управления пароходства, то увидел Татьяну Андреевну Яковлеву. Она разговаривала с каким-то мужчиной. Мужчина стоял к Леденеву спиной, и лица его Юрий Алексеевич не рассмотрел.

Он хотел пройти незамеченным и ускорил шаги.

Но Таня заметила его, может быть, заметила и попытку пройти мимо, и, когда глаза их встретились, она лишь кивнула. Леденев ответил на приветствие и направился к проходной порта. Дойдя до угла, он почувствовал, спиной почувствовал чей-то взгляд. Очень хотелось оглянуться, но Юрий Алексеевич решил, что это Таня провожает его глазами, и свернул за угол, ни о чем не подозревая.

Теплоход «Уральские горы», стоящий на грузо-пассажирской линии Поморск — Скаген — Поморск, отошел от причала точно по расписанию.

В судовом списке экипажа, составленном четвертым штурманом и переданном портовым властям, значились две новые фамилии: старшего помощника капитана, его звали Евгением Александровичем Фёдоровым, и нового директора судового ресторана — Юрия Алексеевича Леденева.

Полковник Бирюков решил, что имя Юрию Алексеевичу менять не стоит.

«Волку. Новый директор судового ресторана направлен для работы против вас. Он является следователем по делу Бена. Во избежание провала операции «Сорок четыре» ликвидируйте его при первой же возможности. Мороз».

Он грыз черный соленый сухарь, изредка отхлебывая из высокого стакана. На столе лежал лист бумаги, исчерканный причудливыми геометрическими фигурами. Юрий Алексеевич аккуратно зачеркивал их и тут же рисовал новые.

За иллюминатором шумела вода. Теплоход огибал мыс Нордкап, который почему-то во всех учебниках географии считается самым северным мысом Европы, хотя рядом с ним находится мыс Кнившероден, протянувшийся к северу на три мили дальше, чем Нордкап.

В дверь каюты постучали. Леденев убрал листок в ящик стола и сказал:

— Войдите!

Это был заведующий производством. Юлий Степанович Кадомский вошел с папкой в руках.

— Здесь накладные на отпуск продуктов, — сказал он. — Надо подписать их, Юрий Алексеевич.

«Наподписываю на свою голову, — весело усмехнулся Леденев. — И поделом полковнику, не будет бросать меня в сферу общественного питания...»

Юлий Степанович собрал подписанные документы, закрыл папку и напомнил:

— Через пятнадцать минут обсуждение меню у старпома. В двадцать ноль-ноль мы, то есть вы, доктор, шеф-повар, я, собираемся у старшего помощника и докладываем, чем будем кормить пассажиров на завтра. Я тут приготовил свои соображения. Вот, извольте взглянуть. И ваши коррективы, пожалуйста.

Юрий Алексеевич просмотрел проект меню, сделав вид, что внимательно изучает отдельные места довольно длинного списка. Замечаний, или «корректив», как выразился Кадомский, у него не было, и вскоре они оба были уже в каюте старшего помощника, где собрались и остальные,

...Через полчаса Юрий Алексеевич стоял на прогулочной палубе лицом к корме и смотрел, как уходит к горизонту светлая дорога, проложенная «Уральскими горами». День был теплым и солнечным. Надстройка защищала его от встречного ветра. Здесь, на палубе, было тихо и спокойно. Неподалеку, накрыв ноги темно-красным пледом, сидел в шезлонге пожилой мужчина в вязаной шапочке. Он курил трубку и так же, как Леденев не отрываясь, следил за кильватерной струей. На правом борту расположилась компания спортивного вида ребят в тренировочных костюмах. На их куртках значилось желтым: «Suomi». Леденев вспомнил, что среди пассажиров есть финская футбольная команда. К нему подошли две девушки и спросили что-то. Юрий Алексеевич уловил, что язык шведский.

Он сказал по-немецки, что не понимает. Оказалось, девушки знают этот язык, а спрашивали они, верно ли, что теплоход обогнул уже мыс Нордкап и повернул к югу.

— Верно, — сказал Леденев.

Затем он вежливо раскланялся и стал спускаться вниз, чтоб взглянуть на свои владения, все ли там идет как надо, хотя он и смутно представлял себе, как именно надо.

В ресторане танцевали. Юрий Алексеевич постоял в дверях, посмотрел, как работают официанты, и остался доволен их ловкостью и неназойливой виртуозностью обслуживания. Во всяком случае, ни в одном из поморских ресторанов такого класса он не видел.

Подошел к буфету. Высокий рослый буфетчик приветливо улыбнулся шефу и спросил, чего ему налить.

— Пива кружку, Георгий Иванович, — сказал Леденев, взбираясь на высокий круглый табурет у стойки.

Тут шло все своим чередом, организовано, без срывов. Леденев допил пиво, надел халат и прошел на камбуз, заглянул в разделочные цеха — везде чисто, и люди при деле...

Он вернулся в зал и подумал, что надо бы глянуть на складские помещения. Митрохин говорил, что ему влетело от капитана за них: санитарный врач составил акт о беспорядке. При этом предупредил Леденева, что если тот попадется на зуб капитану Юкову, то пусть готовится к хорошему разному. «Интеллигентный человек Игорь Александрович, — сказал Митрохин. — Одна беда: как сорвется — мотом сечет, ну прямо боцман с парусного

флота... Будь готов к этому, Юрий Алексеевич». Леденев еще днем взял у завпрода ключи от овощехранилища и теперь решил посмотреть, какой там порядок сейчас. Быть обруганным ему не хотелось.

В овощехранилище можно было спуститься по металлическому трапу и грузовому лифту. Леденев выбрал первый путь, так как завпрод говорил ему, что лифт часто заедает, и просил Юрия Алексеевича поставить в известность электромеханика. Да и по технике безопасности пользоваться грузовым лифтом для перевозки людей запрещалось, и не резон ему, руководителю, подавать дурной пример...

Трап вывел его на обширную площадку перед дверью лифта. На площадку выходили двери хранилищ с отбитыми через трафарет надписями черной краской: «Свекла», «Морковь», «Капуста», «Фрукты». Здесь же была дверь с надписью «мука». Влево уходил узкий коридорчик, рядом была нарисована стрелка и надпись: «Картофель».

Юрий Алексеевич решил начать отсюда и двинулся в направлении, указанном стрелкой. Он вытащил связку ключей и, подбирая подходящий, открыл дверь в картофелехранилище. Потянуло специфическим запахом лежалого картофеля. Леденев повернул выключатель у двери и переступил комингс. Вдоль переборок высились ряды ящиков с картофелем. В хранилище было чисто. Пустые ящики завпрод аккуратно сложил в углу. Их было немного — рейс только начался. Леденев поймал себя на мысли, что он уже и думать начинает как настоящий директор ресторана, по-хозяйски. «Вхожу в роль». И в это время вдруг погас свет.

«Вот незадача, — подумал Юрий Алексеевич. — Лампочка перегорела, что ли...»

Но, обернувшись к двери, ведущей в коридор, он понял, что дело не в лампочке. В коридоре света не было тоже, значит, отключен весь этот отсек.

Леденев обшарил карманы и вспомнил, как давал прикурить недавно старпому и коробок со спичками положил на стол, так они там и остались...

Тьма вокруг стояла кромешная. Юрий Алексеевич осторожно двинулся к выходу из хранилища, вытянув руки вперед и медленно переступая ногами. Вот, кажется, и дверь... Рука было промахнулась, ушла в проем, в пустоту, но тут же нащупала металлический край. Леденев

высоко поднял ногу, чтоб не споткнуться о высокий комингс, перешагнул его и оказался в коридоре. Теперь он шел, ведя рукой вдоль стены, шел к трапу, чтоб подняться наверх и вызвать вахтенного электрика, пусть разберется со светом, наверно, полетели предохранители на этой линии, или что другое, это уж их, электриков, дело. Дойдя почти до конца коридора, Юрий Алексеевич вдруг почувствовал, что он здесь не один.

Он замер и прислушался. «Показалось, — подумал Леденев, — в такой тьме немудрено...» И тут он явственно услышал чужое дыхание не далее чем в полутора метрах от своего лица.

— Кто? — спросил Леденев и резко присел. Он не видел, как его приготовились ударить, но непонятным образом понял это и присел, даже не осознавая еще, зачем так поступает.

Над его головой невидимый предмет рассек воздух, и следом грохнула металлическая переборка.

Не раздумывая больше, Юрий Алексеевич рванулся вперед, вытянув перед собой руки, чтобы обхватить неизвестного ниже пояса и резким толчком свалить с ног.

Но тот, видимо, разгадал этот маневр и немедленно переместился. Руки Юрия Алексеевича встретили пустоту, тело его в стремительном броске долетело до переборки, и Леденев крепко ударился головой.

Ушиб на какое-то мгновение оглушил его, но в ту же секунду Леденев был на ногах и, прикинув, что противник где-то рядом, послал прямой удар правой руки. Кулак попал во что-то мягкое, неизвестный всхрипнул, и в то же время Юрий Алексеевич почувствовал на себе тяжесть его тела. Леденеву показалось, что он ощутил шею противника, и попытался рубануть ее ладонью. Неизвестный в момент удара повернулся и подставил плечо, о которое Леденев сильно ушиб пальцы. Он вдруг понял, что его поднимают и сейчас бросят об пол. Леденев обхватил руками голову нападавшего, уходя от захвата, скользнул вниз.

Оба они оказались на полу, нанося друг другу беспорядочные удары. Борьба шла с переменным успехом. Оба молчали, лишь хрип и тяжелое дыхание раздавались в темноте. Леденев извернулся, и в то мгновение, когда к его лицу прижалась нога нападавшего, изо всей силы укусил ее. Неизвестный вскрикнул и с утроенной энергией набросился на Леденева. Силы оставляли Юрия

Алексеевича, он попытался ударить насевшего на него противника о переборку и вдруг почувствовал, как тот отпрянул: слышался чей-то голос на трапе. Леденев быстро откатился в сторону, и пальцы его неожиданно нащупали деревянную рукоять.

«Молоток!» — мелькнуло в голове Юрия Алексеевича.

Он с трудом поднялся на ноги, гудела ушибленная голова, отступил на шаг и поднял оружие над головой, готовясь отразить новое нападение.

— Есть тут кто? — спрашивали с трапа. — Отзовись! Эге, да тут темно...

Вдруг Леденев услышал звук движущегося лифта. «Ушел, — подумал он, — ушел...» Возникшее было намерение броситься вслед Юрий Алексеевич подавил. Лифт ушел, а пока он поднимется по трапу...

Вспыхнул луч электрического фонаря.

— Что с вами? — спросили опять, уже близко, и Леденев узнал голос второго штурмана.

— Кто был здесь? — спросил Леденев.

— Не разобрал, — ответил штурман. — Вы ранены?

Юрий Алексеевич почувствовал слабость и опустился на пол. Но тут же поднялся и, пошатываясь, держась рукою о стену, двинулся по коридору. Нечевин бросился к нему, поддержал. Шагов через десять штурман нащупал выключатель. Яркий свет заставил Леденева сощурить глаза и напрячься. На площадке перед лифтом никого не было. Леденев глянул на правую руку, сжимавшую деревянную рукоять, и увидел, что в руке у него не молоток, как ему показалось в темноте, а кирка, которой на судах оббивают ржавчину с корпуса судна и переборки. Раскрыть голову такой штуковиной — пустяк.

«Волк! — подумал Юрий Алексеевич. — Вот и встретились... Значит, за мной следили. Он спустился по трапу, приготовил лифт, выключил свет и ждал меня...»

Леденев внимательно осмотрел все вокруг, не оставил ли его противник каких следов, но, кроме кирки, так ничего и не нашел. Во время схватки Леденев понял, что нападавший одет в облегающий спортивный костюм, и сейчас тщательно искал обрывки ткани или хотя бы нитки... Но ничего обнаружить ему не удалось.

«Заметочку я ему, положим, оставил, — подумал он, — только не раздевать же весь экипаж! Вот если б случайно увидеть... Но и он не дурак, не пойдет со мной в баню мыться...»

— Ты, парень, молчи, — сказал Леденев штурману. — Спасибо, что выручил, но никому ни слова. Понимаешь?

— Что я, маленький, да? — обиженным тоном произнес Нечевин. — Может, к доктору вас?

— Ну вот, а говоришь, что все понимаешь... Нельзя, чтоб кто-нибудь знал об этом.

— А в чем другом вам не надо помочь?

— Нет, брат, пока не надо...

...Сотрудник научно-технического отдела положил на стол Василия Пименовича зеленую папку.

— Ну как? — спросил полковник Бирюков. — Готово?

— Так точно, товарищ полковник. Радиограмма расшифрована. Передавалась, как и обычно, с движущегося объекта, из южной части пригорода.

Василий Пименович открыл папку и прочитал расшифрованный текст:

«ФН 59 Биллу тчк груз идет тчк будьте осторожны приемке тчк на судне находится след тчк получение груза подтвердите распиской тчк мороз тчк».

— Так, — сказал Бирюков. — «Груз», значит, идет на теплоходе «Уральские горы»... Четко работает фирма «Мороз энд компани». «На судне находится след». След?

«Значит, разгадали Леденева, — подумал он. — Леденев в опасности. Раз Мороз знает о его присутствии на борту «Уральских гор», то об этом знают и те, кто везет сейчас «груз» для Билла. Как предупредить Леденева?»

— Запишите текст радиограммы и передайте на «Уральские горы», Леденеву. Только сделать это надо частным порядком, сходите на почту. Пишите: «Дорогой Юра. Неожиданно прибыла тетя Белла из Новосибирска. Узнала про твой рейс и расстроилась, что не застала тебя. Будет ждать возвращения. Береги себя. Целуем. Дядя Вася». Записали? Отправьте немедленно.

— Прибыл капитан Корда, товарищ полковник.

— Пусть войдет.

Когда Алексей Николаевич Корда вошел в кабинет, полковник Бирюков сидел за столом и перебирал фотоснимки, доставленные из научно-технического отдела.

— А, капитан! — сказал он. — Как я понимаю, вернулись не с пустыми руками...

— Так точно, товарищ полковник. Кое-что действительно есть. Можно докладывать?

— Докладывай. Пока нет Леденева — руководство группой лежит на тебе.

— Повторная судебно-медицинская экспертиза, которую мы провели по инициативе Юрия Алексеевича, уточнила время наступления смерти диспетчера Подпаскова: двадцать один час тридцать минут, плюс — минус полчаса, но никак не раньше. Значит, в девять вечера Подпасков был еще жив. Эксперты же уверяют, что смерть наступила мгновенно. Значит, ударили его гантелью в это же время. А как показывает шкипер баржи из Гремячего Ручья, Яковлев был у него в девять. Точность этого показания проверена. В двадцать один десять портовый надзиратель портпункта делал осмотр местного флота и произвел в журнале обхода запись, что в этот момент посетил баржу МБНС-23, ту, на которой находился Яковлев. Я беседовал с надзирателем. Он утверждает, что в каюте шкипера видел человека. Судя по его описанию, это был старпом «Уральских гор».

— На чем можно добраться до Гремячего в кратчайший срок? — спросил Василий Пименович.

— На такси. Из города машина идет тридцать — сорок минут, самое меньшее. Минут десять — пятнадцать ходьбы от проходной, где останавливаются машины, до причала с баржами. Двадцать минут я кладу на магазин: Яковлев привез земляку водку и закуску, а время было пиковое.

— Словом, у Яковлева есть алиби...

— Вроде того. За час добраться до Гремячего Ручья из Поморска можно, но только с трудом. Значит, Яковлев выехал до двадцати часов, а убит Подпасков был часом позже. И еще... Я тут по своей инициативе поставил экспертам вопросик.

— Какой вопросик?

— Был там среди экспертов профессор Горохов — я ему в прошлом судебную медицину сдавал, — ну, значит, по старому знакомству и спросил: «Можно ли определить, был ли удар кулаком по лицу, если видимых следов не осталось?»

— И что же Горохов? — спросил Бирюков.

— Он ответил, что можно. Ведь от удара может возникнуть внутреннее кровоизлияние в мышце, которое на поверхности иногда никак себя не проявляет. Тогда я по-

просил определить, не получил ли покойный перед смертью удара в челюсть. И вот заключение... Был такой удар, товарищ полковник, был!

— М-да... То, что вы рассказали, очень интересно. Но придется старпому еще погостить у нас. До тех пор, пока не вернется Леденев.

Василий Пименович собрал фотографии, которые рассматривал перед приходом капитана Корды, сунул их в пакет, потряс им в воздухе.

— Вот, — сказал он, — вещественное доказательство, которое выведет нас на одного из «героев» этой истории. А может быть, и на «режиссера».

— Вышли на Мороза?! — воскликнул капитан Корда.

— Возможно, — ответил Василий Пименович, — возможно... Да... Как-то там Юрий Алексеевич? Вестей от него никаких?

— Пока нет. Без особой нужды он не будет выходить на связь.

Бирюков снова взял пакет и передал его Алексею Николаевичу:

— Знакомься... Самое интересное в том, что добыл для нас эти материалы человек, совершенно не причастный к нашей работе.

— Кто же он? — спросил Корда.

— Второй штурман теплохода «Уральские горы» Михаил Нечевин.

ЛОЦМАН ЭЙРИКСОН

Леденев понял, что истинная цель его пребывания на «Уральских горах» раскрыта. Он не стал ломать голову над тем, как это оказалось возможным, но решил принять все меры предосторожности. Во второй раз легким испугом не отделаешься.

Готовясь лечь спать, Юрий Алексеевич тщательно проверил надежность запора, взял с постели подушку и устроился на диване не раздеваясь.

Ночью ему снился кошмарный сон. Некто преследовал Леденева, постоянно меняя обличье. Юрий Алексеевич осознавал, попадая в очередную ловушку, что это только сон, который рано или поздно закончится пробуждением, но облегчение не приходило, он просыпался и снова погружался в забытие, а поутру трещала голова и ощущалась разбитость во всем теле.

С началом нового дня косяком пошли служебные хлопоты. Юрий Алексеевич занимался самыми различными делами по своей беспокойной должности, встречался со многими людьми и, приглядываясь к каждому, думал: «А не ты ли вчера вечером пытался раскрыть мне голову?»

Кирку он спрятал в каюте: могла пригодиться как вещественное доказательство.

Так проходило время. Никто из находящихся на судне людей пока не вызывал у Юрия Алексеевича никаких подозрений. Все люди как люди — и в команде, и среди пассажиров... Леденев допускал, что Волком или его сообщником могут оказаться самые неожиданные лица, но от осознания этой истины легче ему не становилось.

Когда после обеда Леденев вышел на прогулочную палубу и, стоя у левого борта, смотрел на синеющие вдали берега Норвегии, к борту подошел начальник судовой радиостанции Колотов. Это был плечистый человек лет тридцати пяти.

— Дышите озоном, уважаемый товарищ? — несколько развязным тоном обратился Колотов к Леденеву. — Вы, кажется, вместо нашего Митрохина пошли в рейс?

— Да вот, подменяю, — с готовностью ответил Леденев. — Семейные дела у Демьяна Кирилловича.

— Значит, временно, — сказал Колотов и бесцеремонно с ног до головы оглядел Леденева. — Раньше плавали?

— Нет, — смутился Леденев, — не приходилось... Мы больше по сухопутным точкам: столовые там разные, кафе... Общепит, одним словом.

— Сухопутный, значит, товарищ, — не скрывая насмешки, протянул Колотов. — Ну-ну... Травите?

— Как это? — недоуменно спросил Леденев.

— Ну, харч за борт кидаете? — уточнил Колотов. — Я про морскую болезнь спрашиваю... Укачивает?

— Ага, понятно, — сказал Леденев. — Не доводилось испытать. Море-то тихое пока. Не слыхать про ураганы?

— Пока бог миловал, — сказал радист. — Ну, бывай, общепит...

Он еще раз насмешливо оглядел Леденева, тот добродушно улыбался, явно не понимая, что над ним смеются. Радист помахал ему рукой и неторопливо зашагал в сторону ходового мостика.

Леденев решил обойти верхнюю палубу. Он считал для себя необходимым больше двигаться, старался встре-

таться с возможно большим числом людей, заговаривать с ними: может быть, их поведение, интонация, случайные оброненные слова, особенным образом построенные фразы подадут ему конец нити, которая приведет к разгадке вчерашнего приключения.

Он прошел на полубак, где два матроса занимались такелажными работами, постоял рядом, понаблюдал, как они ловко сплетали конец тяжелого швартового троса в петлю — огон. Эту петлю при швартовке набросят на береговой кнехт и, выбирая на судно, закрепят корабль у причала. Возвращаясь к средней надстройке, Леденев почувствовал чей-то взгляд. Он поднял глаза и увидел, что сверху на него смотрит начальник судовой радиостанции. Заметив, что его обнаружили, Колотов отпрянул назад и скрылся за высоким ограждением крыла ходового мостика. Обойдя судно с бака до юта, Леденев вернулся в каюту, и, едва присел на диван, чтоб собраться с мыслями, в дверь постучали.

— Войдите! — сказал Юрий Алексеевич.

В дверях показался незнакомый молодой парнишка.

— Вы Леденев Юрий Алексеевич? — спросил он.

— Я самый, — ответил Юрий Алексеевич.

— Вас просит зайти начальник радиостанции. Он ждет вас в радиорубке.

— Ну что ж, пойдем, коли так...

В радиорубке Юрий Алексеевич удивленно ахал, тихонько прищелкивая языком и озираясь в заставленном и завешанном аппаратурой пространстве.

Играть роль впервые попавшего в радиорубку и несколько ошарашенного необычностью обстановки человека ему нравилось все больше, хотя он и допускал, что его собеседником может оказаться сам Волк.

Он даже, казалось, поначалу не заметил сидевшего в углу на кривом диванчике хозяина всей этой радиопремудрости. Колотов посмеивался, глядя на ошарашенного общепитовца.

— Видел, — сказал он, переходя уже на «ты», — какая техника? Это тебе не на камбузе командовать...

— Сейчас и у нас внедряют механизацию процессов приготовления... — примирительно начал Юрий Алексеевич, но радист не слушал его.

— Радиограмма тебе, начальник. Вон там, на столике, возьми бланк да распишись в журнале.

Молодой парень, приходивший за Леденевым, подал

ему журнал. Юрий Алексеевич расписался, принял из рук Олега бланк с текстом радиogramмы и прочитал:

«Дорогой Юра. Неожиданно прибыла тетя Белла из Новосибирска. Узнала про твой рейс и расстроилась, что не застала тебя. Будет ждать возвращения. Береги себя. Целуем. Дядя Вася».

«Спасибо, — подумал Юрий Алексеевич, — спасибо, «дядя Вася». Правда, я уже знаю про «неожиданный приезд тети Беллы» и даже едва не лишился из-за этого головы, но все равно приятно узнать о том, как вы все там заботитесь обо мне. Спасибо...»

— Вот незадача какая! — вслух сказал он. — Разминулись мы с теткой...

— Так она ждать будет, — сказал радист. — Или ты не понял, что там написано?

— Как не понять, понял.. А все же нехорошо.

— Что это за тетя у тебя такая? Уж больно печалишься за нее! — спросил Колотов.

— Хорошая женщина.

— Молодая? — Колотов подмигнул своему помощнику.

— За шестьдесят уже, — мстительно сказал Леденев, — и горбатенькая при том...

Весь рейс думал Юрий Алексеевич о встрече с лоцманом Лейвом Эйриксоном, о том, как и где его будет разыскивать, но все сложилось наилучшим образом: боцман сам прибыл на борт «Уральских гор», как обычно, вести судно в Логен — одну из четырех гаваней Скагенского порта. Когда теплоход ошвартовался у мола Мольтегрунскан, капитан Юков по старой флотской традиции распорядился угостить лоцмана добрым русским обедом. Он вызвал к себе по этому поводу Юрия Алексеевича, распорядился также в отношении прощального банкета, который судовая администрация давала в честь прибывших в Скаген иностранных туристов и встречающих их городских властей.

Юрий Алексеевич улучил момент, когда они остались с Эйриксоном наедине, и сунул в руки лоцману старую фотографию, врученную ему в Поморске полковником Бирюковым.

— Привет от Василия, — сказал Леденев и произнес по-норвежски: — Жизнь и смерть — поровну.

— О, — сказал Лейв, — Василий... Вы говорите по-норвежски? Русский я плохо знаю, трудный язык, учу ваш язык много лет и ломать язык все время. Нет практика.

— Давайте говорить по-немецки. Я знаю этот язык, и вы его, как говорил мне Бирюков, знаете тоже.

— Хорошо, друг... Василий Бирюков... Как давно это было, а будто только вчера. Капитан Бирюков...

— Он уже полковник, камрад Эйриксон, и просит о помощи.

— Полковник? Помочь ему? О, конечно!

— Мне хотелось бы встретиться с вами за пределами судна.

Эйриксон сразу подобрался, словно он уже знал, о какой помощи просит его далекий друг из России.

— Через час приходите в кафе «Морской язык», это рядом с морским вокзалом. Я буду там ждать.

— Хорошо, — сказал Леденев. — Я приду.

Они сидели в «Морском языке» друг против друга за кружками с пивом и разговаривали. Леденев рассказал Эйриксону о том, что привело его сюда. Лейв внимательно выслушал Юрия Алексеевича и сказал:

— Кажется, я могу помочь вам. Мне знаком человек, которого вы ищете среди экипажа. Я знаю, кто он...

— Знаете?! — воскликнул Леденев. — Кто?

— Потихе, пожалуйста. Здесь, правда, все свои, но не надо волноваться...

— Вы мне должны сказать, кто этот человек, Лейв.

— Нет, — сказал Лейв Эйриксон, — вам в это трудно будет поверить... Мне надо сделать так, чтоб вы все увидели сами. И, я думаю, они, этот Гэтскелл, господин Билл, и ваш соотечественник, захотят встретиться сегодня.

— Прошу вас, Лейв, не называйте этого человека моим соотечественником.

— Вы правильно сказали. Так и у нас, в Скапдиавии, думают настоящие патриоты. Вот моя рука. — Лощман протянул Леденеву руку, и тот крепко сжал ее.

— Почему вы считаете, Лейв, что они обязательно встретятся сегодня?

— Соображения есть у меня на этот счет... Как вы мне сообщили, этим господам теперь известно о вашем пребывании на корабле. Такое обстоятельство заставит

их поторопиться с передачей материалов — затягивать завершение операции опасно, им ведь неизвестны ваши планы. Может быть, у вас есть такие полномочия и улики, что вы захотите обратиться к нашим властям... И тогда им крышка. Хотя наши власти побаиваются тех, на кого работают Билл и его люди.

— К сожалению, у меня нет ни таких улик, ни таких полномочий, — сказал Юрий Алексеевич.

— Вот видите... Пейте пиво, друг, в Скагене хорошее пиво. Или вы не любите его?

— Что вы! — широко улыбнувшись, возразил Леде-нев. — Очень люблю, и пиво у вас прекрасное. — Он залпом осушил половину литровой кружки. — И кружка добрая, — добавил он.

— Такие держат для постоянных клиентов, — пояснил Эйриксон. — Я здесь ветеран. Жаль, что у нас с вами мало фактов. Но мы добудем их. Для русского друга в Скагене будет много друзей. Скандинавам не безразличны также и враги русских. Они для нас тоже враги, и потому здесь найдутся патриоты, которые помогут вам справиться с этим делом. Когда у нас будут доказательства и мы сумеем убедить власти в том, что эта банда занимается в нашей стране темными делами, то их выставят отсюда, и это будет нашей общей победой.

— Еще раз спасибо, Лейв.

— Тогда слушайте меня. Я узнал, что хозяин ресторана «Сельдяной король» готовится к встрече особых гостей. Заказ поступил от Гэтскелла. По-видимому, там они и встретятся. Сейчас мой друг Олаф приедет на машине. Мы займем наблюдательный пост неподалеку отсюда. Там такое место, с которого видны все подходы к порту. Когда человек, которого ждет Гэтскелл...

— Так кто этот человек?

— Потерпите, Юрий. Возможно, я ошибаюсь и навлеку ваше подозрение на ни в чем не повинного человека. Ведь может так случиться?

— Может. Извините меня, Лейв.

— Так вот. Из машины мы увидим его и попытаемся проследить путь до встречи с Гэтскеллом. У меня много друзей. Олаф, у которого я возьму машину, — настоящий скандинав, капитан траулера. Он был в Сопротивлении тоже и поможет мне в этом деле.

— Отлично. «Жизнь и смерть — поровну». Не так ли?

— О, да! — сказал Лейв Эйриксон. — Жизнь и

смерть — поровну, — повторил он. — Но лучше — жизнь. Смерть мы еще успеем поделить...

Когда Юрий Алексеевич Леденев минутами пятью позже Эйриксона покинул «Морской язык», он неожиданно столкнулся на улице с начальником рации.

— А, общепит! — натянуто улыбнулся Колотов. — Обмениваешься опытом со скандинавами?

— Полезное всегда надо перенимать, — ответил Леденев, стараясь обойти Колотова, ведь его ждет в машине Эйриксон.

Но радист явно пытался задержать директора ресторана.

— Куда спешишь? Зайдем, по кружке пива дернем. Пиво у них, чертей, преотличное...

— В другой раз, — сказал Леденев. — Как-нибудь потом...

— Ну смотри... Тебе жить...

ДВЕ ЗАЖИГАЛКИ

Поздним вечером того дня, когда теплоход «Уральские горы» вошел в гавань Логен и пришвартовался у мола Мольтегрунскан, по горной дороге, ведущей в пригородный район Штрудисхамн, двигались два автомобиля. Первый — вместительный элегантный «мерседес» — вел человек, которому, видно, некуда было торопиться. Машина его шла со средней скоростью, притормаживая на поворотах.

Следовавший за «мерседесом» второй автомобиль — маленький юркий «фольксваген» — держался на почти-тельном расстоянии от первой машины, но и не выпускал ее из виду. Чувствовалось, как «фольксвагену» хочется рвануться вперед, но шофер подавляет это желание и продолжает идти за «мерседесом» на прежнем расстоянии.

В первой машине пассажиров не было. В «фольксвагене» ехали двое... Наконец пачались каменные дома Штрудисхамна с островерхими черепичными крышами и продолговатыми узкими окнами, которые кое-где еще светились, несмотря на довольно позднее время.

Штрудисхамн во все времена населяли рыбаки и те, кто скупал у них рыбу. Строились здесь прочно, складывая стены домов из дикого камня, призванного стоять

вска. В Скагене рассказывают, что когда иностранные туристы, а было это уже в наше, мобильное и неустойчивое время, спросили одного из рыбаков Штрудисхамна, начавшего строительство нового дома, почему он продолжает по старинке класть стены из камня, не проще ли, скажем, выстроить кирпичный дом, то рыбак ответил: «Дом из кирпича стоит только восемьсот лет».

Правда, последние годы изменили и самих рыбаков Штрудисхамна, и социальный состав населения. Все чаще и чаще старинные дома прежних обитателей переходили в руки состоятельных людей из Скагена, которые стремились проводить свободные от бизнеса часы за городом. Это стало модой, следовать которой могли лишь немногие. Они перекраивали старые дома на современный лад, создавали себе все удобства цивилизованного мира и гордились тем, что живут, «как наши славные предки в старое доброе время».

«Мерседес» миновал селение и повернул к одному из таких домов, превращенному в комфортабельный коттедж и стоявшему несколько в стороне от въезда в Штрудисхамн. Вторая машина замедлила ход у крайнего дома, и водитель «фольксвагена» сказал, обращаясь к сидевшему рядом пассажиру:

— Видишь, Олаф, он свернул вправо, к тому особняку, о котором я тебе говорил. Машину мы оставим здесь, а дальше ехать опасно. Теперь вся надежда на Юхана. Он предупрежден, но все же надо быть ко всему готовыми.

Когда «мерседес» подкатил к высоким железным воротам, раздался сигнал и ворота стали медленно открываться. Машина въехала во двор. Навстречу ей спешил садовник Юхан.

— Добрый вечер,— сказал водитель «мерседеса», вылезая из кабины с небольшим портфелем в руках.— Передайте Хелен: ванну и постель. Я буду ночевать здесь. И проверьте входные двери, сигнализацию. Мне говорили в Скагене, что участились случаи квартирных грабежей.

— Так то в Скагене,— проворчал Юхан.— Город он и есть город. А у нас, слава господу, никогда о таком не слыхали... Будет исполнено, хозяин.

Он передал жене распоряжение приготовить ванну и постель господину, поставил «мерседес» в гараж и на-

правился к воротам, рядом с которыми была еще и дверь, она так же, как и ворота, открывалась и закрывалась автоматически, по сигналу из дома.

Юхан несколько минут возился у специального щитка, налаживая, очевидно, сигнализацию, затем вернулся в дом и поднялся на второй этаж, в кабинет хозяина. Постучав в дверь и получив разрешение войти, Юхан переступил порог и сказал:

— Все готово для вас, хозяин. Что подать на ужин?

— Я не буду ужинать. Ванну и постель! Разбудите меня в шесть утра. К этому времени приготовьте кофе и машину.

— Будет исполнено. Что-нибудь еще?

— На сегодня все. Можете отдыхать, Юхан.

Когда хозяин остался один, он вынул из кармана пиджака зажигалку, повертел в руке, подбросил в воздухе, поймал, довольно ухмыльнувшись, снова спрятал в карман, снял пиджак, повесил на спинку стула и распустил галстук.

Садовник Юхан тем временем снова вернулся к щитку, пощелкал там переключателями, затем подошел к темной металлической двери и, отодвинув ее в сторону, застыл на пороге. Кругом была темнота, пониже, на улицах Штрудисхамна, горели редкие ночные огни, еще ниже чернела вода фьорда, испещренного огнями стоящих на рейде траулеров. Юхан легонько свистнул. Из ближних кустов поднялась фигура человека. Мгновение — и тень его, скользя к двери, слилась с черпотой дверного проема.

— Быстрее, Лейв, быстрее! — шепнул Юхан.

Молча пожав руку садовнику, человек проник во внутренний двор коттеджа, и тень его растворилась.

Юхан медленно побрел к дому. Дверь осталась открытой. Через несколько минут окно в кабинете хозяина, не закрепленное шпингалетом, стало медленно раскрываться. Лейв внимательно осмотрел комнату, легко перелез через подоконник и подошел к столу, на котором лежал портфель. Послышался неясный шум внизу, и Лейв моментально отскочил к окну. Прислушался. Шум не повторился, и он вновь приблизился к столу...

Он раскрыл портфель и быстро обшарил его. Но не нашел там того, что искал. Он снова осмотрел внутренность портфеля, затем оставил его, не забыв привести все в прежний вид, и шагнул к висевшему на спинке сту-

ла пиджаку. Опустил руку в карман, во второй, третий... Наконец вытащил зажигалку. Затем снова осмотрел пиджак и из четвертого кармана достал вторую зажигалку такой же формы, что и первая.

Какое-то время Лейв рассматривал их, затем решительно сунул обе себе в карман, тихо ступая, двинулся к окну и исчез за ним. В ту же минуту в комнату вошел хозяин с халатом в руках. Побывавший в его кабинете человек не оставил никаких следов, но, видимо, существует нечто такое, чему мы и сами еще не нашли определение, — невидимое, непостижимое шестое чувство, подсказывающее нам приближение беды, опасности...

Хозяин коттеджа замер на пороге, продолжая держать халат в руках. Он оглядел комнату, будто впервые попал в нее, затем встрепнулся, словно уловил какой-то сигнал, отбросил халат, подскочил к пиджаку и быстро обшарил карманы. Зажигалок там не было. Из двери потянул сквозняк, и незакрепленное шпингалетом окно стало медленно раскрываться...

...В это время Лейв был почти у самого выхода. Он услышал раздавшиеся в доме крики, звук сирены и побежал к двери. Дверь уже начала закрываться, отрезая ему путь к отступлению.

Лейв бросился к ней, протиснув тело в оставшийся проем, почувствовал, как край двери, неудержимо движимый электромотором, сдавливает грудную клетку, напрягся и вырвался из капкана.

...По горной дороге, ведущей из селения Штрудисхамн в Берген, на бешеной скорости мчались два автомобиля. Впереди — маленький юркий «фольксваген». Его преследовал мощный и элегантный «мерседес».

— Быстро спохватился! — крикнул водитель «фольксвагена» своему пассажиру, когда они заметили погоню. — Будто кто сообщил ему о нашем визите...

— Ничего, — возразил пассажир. — Главное мы сделали... — И он похлопал себя по левой стороне груди.

Водитель, мельком взглянув на спутника, улыбнулся.

Они пролетали поворот за поворотом, но преследователь не отставал, а боковых дорог здесь не было, свернуть в сторону, сбить «мерседес» со следа они не могли. Они мчались мимо небольшой группы домов, когда за-

метили впереди еще один автомобиль. Через две-три мили водитель «фольксвагена» понял, что эта машина идет впереди не случайно. Их взяли в клещи. Очевидно, хозяин коттеджа как-то связался с этим поселком. Но почему они не задержали их в поселке?

— Теперь они зажали нас с обеих сторон, — сказал водитель. — Проверю, так ли это...

Он стал понемногу сбрасывать скорость. «Мерседес» тоже замедлил движение. Сохранил прежнюю дистанцию и первый автомобиль.

— Я понял, что они хотят, — сказал водитель. — Впереди есть скала, она выходит прямо к дороге. С другой стороны — пропасть. Там они остановят первую машину, она не даст проехать нам, а вторая прижмет сзади.

— Может быть, бросим машину? — предложил пассажир.

— Нет. Надо сделать так, чтобы они не искали нас. Ведь им неизвестно, сколько человек в машине. И потом, у меня есть план. До скалы будет еще переезд...

— Кажется, «мерседес» прибавил скорость, — сказал пассажир.

Его спутник глянул в зеркальце и покачал головой.

— Вот что, — сказал водитель «фольксвагена», — сейчас я устрою маленькую аварию на переезде. Там рядом полицейский пост, и я сделаю все, чтоб их задержать как можно дольше. Главное — не дать им предупредить того, кто сейчас на судне.

— Я доставлю это на борт и расскажу обо всем нашему другу, Лейв.

— Хорошо. Товарищи предупреждены и следят за нами. Как только я устрою эту комедию на переезде, они начнут действовать по другим каналам. Возможно, удастся предъявить этой шайке соответствующие обвинения. А ты, Олаф, уходи... Тебе надо доставить зажигалки. Сейчас я приторможу. Вываливайся из машины в обочину. Но не поднимайся, пока они не проедут. Внизу тропинка. Она выведет тебя на железнодорожную станцию. Там возьми такси. Если нет машин на станции, вызови из города по автомату. Приготовься! Внимание! Торможу!

«Фольксваген» прижался к обочине, резко сбавил ход, открылась дверца, пассажир вывалился наружу и кубарем покатился по откосу, покрытому жесткой травой.

Он слышал, как рванулся, набирая скорость, «фолькс-

ваген», затем над его головой прошелестел шинами «мерседес», и все стихло.

Текст расшифрованной радиогаммы, переданной майором Леденевым для полковника Бирюкова с борта возвращающегося в Поморск теплохода «Уральские горы»:

«Задание выполнено. Операция «Сорок четыре» сорвана. Личность Волка установлена. Он находится на борту. Волку о срыве операции, по-видимому, ничего не известно. О своем раскрытии он тоже не подозревает. Леднев».

ВОЛК ИДЕТ В ЗАПАДНЮ

Лоцманская проводка в Поморский порт была обязательной для всех судов, и наших, и иностранных, и потому, сообщив с моря расчетное время подхода, «Уральские горы» добрались до Тюркиной губы и сбавили здесь ход, чтоб принять лоцмана на борт.

Едва громада теплохода замаячила на траверзе входа в губу, оттуда выскочил бойкий катеришко и резво помчался к судну.

С мостика было видно, как по штурмтрапу поднялись на палубу двое.

— А кто второй? — спросил капитан Юков у старпома Федорова.

— Не знаю, — ответил тот. — Сейчас выясню.

Когда государственный лоцман Поморского торгового порта и сопровождавший его человек поднялись на борт, все разъяснилось. Спутником лоцмана оказался московский корреспондент, имевший задание написать очерк о «встречающих корабли» — морских лоцманах.

— Что ж, это хорошо, — сказал капитан. — Располагайтесь как дома, вы — наш гость.

Лоцман занял свое место и, передавая команды рулевому, повел теплоход узким заливом в порт. Ходу до гавани было не менее двух часов, и журналист, поскучав на мостике, попросил разрешения осмотреть судно.

Капитан не возражал, и гость в сопровождении четвертого штурмана покинул рубку.

Осматривая помещения и службы «Уральских гор», журналист и его проводник как-то случайно оказались

рядом с рестораном, и, обнаружив это, гость вдруг вспомнил, что не успел сегодня позавтракать.

— Так это мы организуем! — сказал штурман, проводил журналиста в малый банкетный зал, усадил за стол, а сам отправился за директором.

Леденеву передали, что на борту гость, журналист из Москвы, которого надо накормить по высшему разряду. Когда он вошел в банкетный зал, человек, сидевший спиной к выходу, повернулся, и Юрий Алексеевич увидел сотрудника управления лейтенанта Самсонова.

Оставив «московского журналиста» в ресторане, уверенный в том, что теперь тот в надежном месте, четвертый штурман извинился и поспешил к себе готовить приходные документы.

— Как видите, — сказал Самсонов, когда они остались с Ледневым вдвоем, — все в порядке: я вышел к вам навстречу за два часа до прихода судна в порт.

— Спасибо, — сказал Юрий Алексеевич, — это хорошо. Понимаешь, надо сделать так, чтобы Волк и Мороз не смогли связаться друг с другом. Возможно, Билл сумел сообщить в Поморск о провале операции «Сорок четыре», и тогда Мороз даст знать об этом Волку. Как бы они не придумали какой-нибудь финт!

— Полковник просил передать, что он вместе с нашими ребятами будет на борту «Уральских гор» в составе пограничного отряда. Увидите его в форме старшины-сверхсрочника. Разжаловал себя наш Василий Пименович... Ну а у вас какие соображения? Я в вашем распоряжении. В качестве журналиста могу бродить по всему судну и приставать с вопросами к каждому.

— Это удобно. Поручу тебе самого Волка. Твоя задача — по приходе в порт вертеться возле него и не оставлять ни с кем наедине. Смотри также внимательно за всеми, кто будет входить с Волком в контакт. Он не должен встретиться с Морозом...

Полковник Бирюков в форме старшины пограничных войск сидел в каюте Леденева и молча рассматривал своего помощника, стоявшего перед ним.

— Ну, здравствуй, — сказал он наконец, — с приходом тебя...

Василий Пименович поднялся, шагнул к Ледневу и крепко обнял его.

— Живой и здоровый, — констатировал полковник, — это главное...

— Пытались сделать мертвым или больным, — улыбаясь сказал Юрий Алексеевич, — вывернулся...

— Все-таки пытались? Ну ладно, давай по порядку. Я договорился, чтоб без моей команды пограничники никого на судно не впускали и не выпускали, даже портовые власти... Слушаю тебя, Юрий Алексеевич...

— Наши предположения оказались верными, — сказал Леденев. — Волк действительно находился на теплоходе «Уральские горы». В Скагене он встретился с Гэтскеллом и передал ему материалы операции «Сорок четыре».

— Передал? — вскричал Василий Пименович.

— Да, передал. Но они вот здесь, эти материалы...

Юрий Алексеевич протянул полковнику Бирюкову две зажигалки.

— Одна из двух, — сказал Леденев. — Я не стал выяснять, какая именно. Возможно, там непроявленная пленка, и я засветил бы ее, пытаюсь извлечь из зажигалки.

— Прекрасно, Юрий Алексеевич.

— Я видел, как одна из этих зажигалок переходила из рук в руки. Теперь Волк в наших руках.

— Только ты не очень-то зазнавайся. Мы тут тоже не дремали. Вышли, брат, на самого Мороза...

— И он арестован? — спросил Леденев.

— Пока нет, — спокойно сказал полковник.

...Пограничные власти осмотрели теплоход «Уральские горы», проверили документы команды и прибывших в Поморск пассажиров и, поскольку все было в порядке, разрешили вход и выход с судна — открыли границу. Портовые власти принялись за оформление прихода судна, на борт поднимались родственники и друзья членов экипажа, грузополучатели, диспетчеры, грузчики, — словом, недостатка в посетителях на теплоходе «Уральские горы» не было.

Капитан Юков принимал береговое начальство в салоне своей просторной, четырехкомнатной каюты. После традиционной бутылки коньяку и легкой закуски на заглавный манер Игорь Александрович предложил перейти в кают-компанию, где гостей ждал обед.

Капитан вышел из каюты последним и запер дверь.

И почти сразу у этой двери возникла человеческая фигура. Едва слышно скрипнул замок, и дверь в каюту

капитана отворилась. Человек вошел и направился к шкафчику с книгами. Быстрым движением он вытащил учебник по мореходной астрономии, достал из кармана конверт и, вложив в книгу, поставил ее на место. Человек двинулся к выходу и был уже у порога, когда услышал голос за спиной:

— Извините, пожалуйста, можно вас на минутку?

На мгновение человек замер, затем резко повернулся и увидел в дверях капитанской ванной комнаты лейтенанта Самсонова.

— Извините,— сказал Самсонов,— я тут посторонний, корреспондент из Москвы, хотел спросить вас, вы ведь из экипажа?..

— Простите, но я тоже посторонний и сейчас спешу.

Он решительно шагнул к двери, но уйти ему не удалось. В дверях капитанской каюты показался Леденев в сопровождении Корды и лейтенанта Рябикина.

— Куда вы так спешите, Василий Тимофеевич? — спросил Леденев.— Я не путаю ваши имя и отчество, доктор Еремин?

— А в чем, собственно говоря, дело? — спросил Еремин.

В это время лейтенант Рябикин зашел Василию Тимофеевичу за спину и неожиданно закинул свою правую руку так, что она обхватила шею Еремина, а локоть уперся в грудь, не давая голове доктора шевельнуться.

Одновременно с этим Леденев и Корда сорвали с Еремина пиджак и надели наручники.

— Отпустите его, Рябикин,— сказал Леденев и развязал доктору галстук, ощупав также уголки воротника сорочки.

— Извините, доктор, это мы на всякий случай. В последнее время наши клиенты так и норовят использовать последний шанс: чистенькими уйти на тот свет. Так что, извините...

— Это беззаконие! Я буду жаловаться! Кто вы такие? По какому это праву! — закричал Еремин.

— Разрешите представить вам моих коллег,— сказал Юрий Алексеевич.— Капитан Корда, лейтенанты Рябикин и Самсонов. А я — майор Леденев.

— Что все это значит, майор?! — заметно успокаиваясь, спросил Еремин.

— Это значит, что вы арестованы, арестованы по мотивам, о которых я скажу вам несколько позже. А те-

перь отвечайте на мои вопросы. Что вы делали в каюте капитана?

— Вошел посмотреть, нет ли здесь старпома. Мне нужно было подписать акт санитарного осмотра.

— И для этого вскрыли отмычкой запертую каюту?

— Я не вскрывал ее!

— Рябикин!

Лейтенант Рябикин опустил руку в карман пиджака Еремина и извлек оттуда отмычку.

— Это мне не принадлежит,— сказал доктор.— Вы подсунули ее!

— Фу, как вы не солидно ведете себя, доктор! — брезгливо поморщился Леденев.— Ну ладно. Осознание случившегося к вам придет позднее. С каких пор вы состоите с капитаном в тайной переписке?

— Ни в какой переписке ни с кем я не состою!

— А конверт в «Мореходной астрономии»? — спросил лейтенант Самсонов, подошел к шкафчику и постучал пальцем по корешку книги.— Достать?

— Не нужно,— остановил его Леденев.— Пусть достает письмо тот, кому оно адресовано.

При этих словах Еремин быстро взглянул на Юрия Алексеевича.

— А вот и он, легок на помине,— сказал Леденев.

Дверь каюты отворилась, и вошел капитан теплохода «Уральские горы».

Он застыл у порога, оглядывая собравшихся здесь незнакомых людей. Обнаружив среди них Леденева, Юков набросился на него:

— А вы какого... здесь околачиваетесь? Что за люди? Откуда?

— Извините, капитан, но я больше не работаю у вас. С этого момента я для вас не директор судового ресторана, а майор Леденев.

— Майор? И что вам угодно, майор?

— Мне хотелось бы, чтоб вы прочитали письмо, которое написал вам этот гражданин.

Юрий Алексеевич показал на сидевшего в кресле Еремина. На руки, оцепленные наручниками, лейтенант Рябикин набросил перед приходом капитана салфетку.

— Доктор? — спросил Юков.— А вы чего расселись как у себя дома?

— Пусть, пусть посидит,— сказал Леденев.— Берите

письмишко, капитан, оно в обычном месте, в «Мореходной астрономии», берите, не стесняйтесь.

Он подвел капитана к шкафчику и пастороженно смотрел, как тот извлек из книги конверт, распечатал его и вынул листок бумаги.

— Читайте, — сказал Юрий Алексеевич. — Читайте вслух.

— Уничтожь! — крикнул вдруг Еремин, срываясь с кресла.

Лейтенанты разом надели на него, а Ледснев выхватил из рук капитана листок.

— Кретин! — крикнул Еремин, откидываясь в кресло. — Кретин...

— Вот, слушайте: «Волку, «Сорок четвертая» завалена. Кругом горячо. Уходите. Мороз». Это письмо написал вам сей гражданин. Оказывается, его зовут Мороз...

Капитан вздрогнул.

— Мороз, — прошептал он, растерянно озираясь. — Мороз... Он — Мороз?

— Совершенно верно, — сказал Леденев. — Не ожидали встретить его здесь?

Юков молчал.

— Сядьте! — вдруг резко скомандовал майор. — Сядьте в кресло, Юков!

Игорь Александрович послушно присел.

— А теперь заверните левую штанину, — приказал Юрий Алексеевич. — Быстро! Ну!

Юков не двигался.

— Самсонов, — сказал Леденев, — помогите гражданину Юкову.

На обнаженной левой ноге капитана виднелось овальное пятно, в котором еще можно было распознать следы укуса.

— Значит, это вы хотели угостить меня киркой? — спросил Леденев. — Ну и шуточки у вас, капитан... И все-таки, хотя Волком зовут вас, зубы у меня оказались покрепче... Наденьте ему наручники, Самсонов, чтоб не задурил ненароком. И можно увести обоих. Незачем привлекать внимание команды и гостей.

Юрий Алексеевич и Корда остались вдвоем.

— Ну вот и все, — сказал Леденев, когда Волка и Мороза увели на причал, где ожидала их спецмашина.

ТОЧКИ НАД «И»

— Что ж, товарищи... — Бирюков помолчал, обводя собравшихся взглядом. — Думается мне, что операцию можно считать завершённой.

В кабинете собрались люди, которые были заняты в операции, и каждый из них вложил свою долю труда в это нелегкое и опасное дело. Теперь, когда все было позади, можно подвести итоги, отметить удачные моменты в своей работе и просчеты, да и проинформировать сотрудников о всем ходе операции, так как отдельные работники занимались своими участками и не знали всего в целом.

— Пусть начинает Юрий Алексеевич, — сказал Бирюков, — а если понадобится, по ходу дела добавлять будут другие. Кстати, майор Леденев поведает нам о своих приключениях в рейсе. Давайте, Юрий Алексеевич.

— Ну что ж, я готов... Если позволите, начну с характеристики тех людей, которых мы арестовали на «Уральских горах» и следствие по делу которых теперь закончено.

Леденев подвинул к себе пачку с сигаретами, но, заметив, как улыбнулся Василий Пименович, закуривать не стал.

— Начну с Мороза, — сказал майор. — Василий Тимофеевич Еремин, санитарный врач торгового порта, пятьдесят пять лет... Действительно, существовал такой человек. Но его уже нет в живых. Военный врач Еремин попал в плен в 1943 году. До конца войны он находился в лагере военнопленных и в мае сорок пятого был освобожден войсками союзников. Но вернуться на родину Еремину не пришлось. Он оказался в лагере для перемещенных лиц, подвергался обработке, которую вели тогда в этих лагерях работники западных секретных служб с целью воспрепятствовать возвращению советских людей домой. Но Еремин продолжал настаивать, требовал встречи с представителями советской военной администрации, предпринимал все меры к тому, чтобы вернуться в Советский Союз.

Изучив его данные, руководители секретной службы решили использовать Еремина в своих далеко идущих целях. Под видом товарища по несчастью к нему подключили матерого разведчика, который и всплыл потом в Поморске под кличкой Мороз. О нем я скажу позже.

Так вот... Мороз прикинулся таким же военнопленным, как и Еремин, тоже рвущимся на Родину. Постепенно он завоевал доверие военного врача, разузнал всю его подноготную и вскоре был готов принять обличье доктора. Затем Василий Тимофеевич был уничтожен, а его место в этом мире занял будущий Мороз... Он был заброшен в нашу страну...

Настоящая фамилия Мороза — Блувбанд, Иосиф Рудольфович Блувбанд. Сын немецкого колониста с юга России, Блувбанд еще до второй мировой войны был зачислен на службу в германскую разведку под именем Эрнста Брука. Выросший в России, он прекрасно владел русским языком, знал обычаи и нравы, поэтому и считался хорошим специалистом по «русским делам». С начала Великой Отечественной войны оберштурмфюрер Брук выполнял самые различные задания, действуя и в оккупированных гитлеровцами районах, и по эту сторону фронта.

Как организатор сети провокаторов и предателей в подполье Н-ской области, Брук, носивший тогда имя Альберта Ивановича Троицкого, был приговорен патриотами к смертной казни, но чудом избежал возмездия и был вскоре переброшен на Западный фронт. Там штурмбанфюрер Брук и встретил конец войны, явившись к союзникам, которым он предложил свой опыт и знания специалиста по «русским делам».

После необходимой подготовки, заручившись легендой, сутью которой была прошлая жизнь Василия Тимофеевича Еремина, человека, потерявшего в войну всех родственников, Блувбанд — Брук — Троицкий стал вживаться в свою новую роль.

Некоторое время он осматривался, поездил по стране, проверяя, нет ли за ним слежки, менял места жительства и работы, затем прочно осел в Поморске с намерением создать здесь разведывательную сеть шпионской резидентуры.

Но дело подвигалось у Мороза с трудом. Напрасно пытался он завербовать кого-либо из наших советских людей. Уже предварительные, проверочные контакты говорили мнимому Еремину, что на них рассчитывать ему нельзя. Со своей стороны, Блувбанд — Брук — Троицкий — Еремин постарался завоевать репутацию доброго и отзывчивого человека, честного и принципиального специалиста.

Оставшись в одиночестве, без помощников, Мороз забил тревогу. И тогда хозяева Мороза вывели его на Волка.

Волк... Игорь Александрович Юков, сорок пять лет. Юков — его настоящая фамилия. В сорок первом году Юков был штурманом на советском судне, которое война застала во время стоянки в немецком порту. Пароход был интернирован, команда взята под стражу. Но в первые дни охрана была недостаточно суровой, и у экипажа возникла реальная возможность отбить свое судно и бежать на нем в Швецию. Моряки были готовы на все, на смертельный риск, лишь бы избежать фашистской неволи.

Так думали все. Кроме одного...

Штурман Юков понимал, что их могут перестрелять раньше, чем они отойдут от причала. Да в море их немедленно догонят самолеты и военные корабли, которые легко отправят пароход на морское дно. И Юков предпочел отсидеться на берегу. Но как это сделать? Сказать товарищам? Но, узнав о его нежелании идти с ними, товарищи сочтут его предателем, еще, чего доброго, прикончат. И штурман Юков выбрал свой путь: сообщил темцам о готовящемся побеге. Экипаж судна немедленно отправили в концлагерь, где за годы войны почти все моряки погибли.

Конец войны застал Юкова в лагере для военнопленных. Компрометирующих сведений на Юкова не было, и он возвратился домой как жертва войны, наивно считая, что все для него в прошлом.

Но Юков не знал, что вместе с другими агентами секретной службы бывшего рейха он перешел по наследству новым хозяевам. Они нашли его в Поморске и подключили к Морозу под кличкой Волк. Резидент не вступал с Волком в личные контакты — это было обусловлено. Свои указания Мороз передавал либо посылая их почтой, либо звонил Юкову по домашнему телефону. В силу специфики своей работы Мороз всегда мог находиться рядом с Волком, негласно контролировать его работу. А Юков, зная, что Мороз где-то рядом, и не имея возможности догадаться, кто он, находился постоянно в напряженном состоянии, которое исключало, во-первых, отлынивание от своих обязанностей, и, во-вторых, Волк в случае провала не мог выдать Мороза.

Когда появился Форлендер с планом места захоронения сейфа с подводной лодки «Зигфрид-убийца», их было уже трое. Третий — Василий Подпасков, диспетчер, — носил кличку Бен и предназначался для грубой работы — выуживание сведений у подгулявших болтунов, заманивание дефицитными вещами, тряпками офицерских жен, с последующим шантажом, устранение неудобных лиц и т. д. Кроме клички и фамилии, мы о третьем из этой группы ничего не знаем. Бен мертв, а сообщникам его о прошлом Подпаскова ничего не известно.

Снабженный планом, который передал ему Форлендер, Бен попытался проникнуть в Палтусову губу, но наткнулся на сержанта Гончарика и рядового Завьялова. О том, что Палтусова губа оцеплена, он не подозревал, так как считал, что с Форлендером действительно произошел несчастный случай.

Выстрелы в Палтусовой губе насторожили Мороза. Лично ему это ничем не грозило. В случае провала Подпасков мог выдать только Волка, так как знал лишь его. Но Морозу нужен был Юков, чтобы передать Гэтскеллу — Биллу материалы операции «Сорок четыре», шпионские сведения, собранные Беном, Волком и самим Морозом. Поэтому мнимый доктор Еремин решает ликвидировать Подпаскова. Но как это сделать? Мороз поручает убийство Юкову, но в последний момент случайно подслушивает на «Уральских горах» разговор Тани Яковлевой и Подпаскова. Диспетчер приглашает жепу старпома к себе на квартиру.

На второй день старпом обнаруживает в своей каюте записку. Яковлев действительно потерял ее, но мы сумели прочитать текст, хотя и не видели записки.

Запасшись гантелью из каюты Яковлева, бывший штурмбанфюрер Брук следил за домом Подпаскова. Он видел, как туда ворвался Яковлев, как выбежала Таня, как покинул дом вслед за нею сам старпом. Выждав час, в квартиру Подпаскова направился Мороз. Бен оказался живым и невредимым. Он впустил резидента в квартиру и был убит гантелью старпома. Затем Мороз оставил дверь квартиры незапертой и исчез черным ходом, бросив за дверь, ведущей в котельную, орудие убийства, полагая, что теперь все подозрения в убийстве падут на ревнивого старпома теплохода «Уральские горы».

Узнав о смерти Подпаскова, Яковлев счел себя виновным в убийстве. Убедившись, что старпом арестован,

Мороз решил, что партия выиграна. Но тут, за день до отхода «Уральских гор», меня угораздило столкнуться с резидентом в тот момент, когда он разговаривал с Татьяной Яковлевой. Ни о чем не подозревая, она поздоровалась со мной, а на вопрос Мороза, кто я такой, сказала — следовательно... В день отхода санитарный врач увидел меня на судне в роли директора судового ресторана. Опытному разведчику не понадобилось долго соображать, что все это означает. Он тут же информирует об этом Волка и требует от него ликвидировать «ресторатора», а затем радиограммой сообщает об усложнившейся обстановке Биллу.

В море Волк попытался отправить меня на тот свет.

С большими предосторожностями встретился он с Биллом в ресторане «Сельдяной король» и передал зажигалку, в которой находилась микрофотопленка. Как выяснили наши специалисты, зажигалка устроена так, что, в случае попытки зажечь ее, особое устройство поджигало пленку, и та моментально сгорала. К счастью, мне не пришло в голову прикурить от этих зажигалок...

— Разве их было несколько? — спросил Самсонов.

— Лейв передал мне две.

— Кстати, товарищи, — перебил Леденева полковник Бирюков, — сообщаю вам, что Лейв Эйриксон и его друзья из Национального комитета ветеранов Сопротивления сумели представить своим властям неопровержимые доказательства, мягко говоря, нелояльного поведения Гэтскелла и его друзей. Как стало известно, вчера вся эта компания выдворена из Норвегии.

— В то время как я плавал на «Уральских горах» и «одалживал» зажигалки у мистера Гэтскелла, здесь, на берегу, шла работа по установлению личности Мороза. Во-первых, наши радисты, караулившие каждый его выход в эфир, с помощью передвижных радиопеленгаторных станций сумели засечь очередной радиосеанс Мороза и перекрыли шоссе, с которого велась передача. В зоне оказалось одновременно двенадцать автомашин разных марок, на которых ехало в двух направлениях тридцать восемь человек...

— Хорошо, хоть ни одного автобуса не попало, — негромко проговорил капитан Корда.

— Да, в этом случае объем работы значительно бы вырос, — сказал Леденев. — Так вот... Все тридцать восемь человек — владельцы машин, водители и пассажи-

ры — были взяты под наблюдение. Среди них оказался и санитарный врач торгового порта Василий Тимофеевич Еремин. Одновременно произошло событие, которое позволило резко сузить круг поисков. В управление обратился второй штурман теплохода «Уральские горы» Михаил Нечевин. В беседе с полковником Бирюковым штурман рассказал, что видел, как доктор Еремин писал что-то в каюте старпома, затем наблюдал реакцию Яковлева на эту записку. «Старпом прочитал записку, скомкав, сунул в карман и помчался убивать диспетчера», — сказал Нечевин, любитель разгадывать всевозможные тайны. На этот раз Нечевин оказал следствию большую услугу. Когда старпом выбежал из своей каюты, штурман вошел туда и снял со стопки бумаги, на которой писал Еремин, верхние листки. Он читал в детективных романах о том, что по вдавленным следам можно прочитать текст. Эти листки Нечевин и припес в управление, где специалисты действительно немедленно восстановили содержание записки, адресованной Яковлеву.

Теперь за Ереминым было установлено постоянное наблюдение, и, когда он, по своему обыкновению, выехал на такси за город, чтобы передать очередное сообщение в эфир, по пятам за ним следовала специальная машина, оборудованная аппаратурой, которая окончательно подтвердила, что и нынешняя, и все предыдущие радиопередачи — дело рук Еремина.

Решено было дожидаться прихода «Уральских гор» и взять Мороза в тот момент, когда он будет пытаться передать что-либо Волку. О Волке мы уже знали и по приходе судна в порт устроили ловушку для обоих. Так была завершена операция.

Ну, — сказал в заключение Леденев, улыбаясь и вновь пододвигая к себе сигареты, — могу еще прибавить, что после схватки в темноте с Волком я на всех смотрел... волком, ждал опасности со всех сторон. Исключая, конечно, штурмана Нечевина, который выручил меня в трудную минуту, сам того не подозревая.

— Это не совсем так, — заметил Бирюков. — Нечевину было поручено наблюдать за вами и при случае прийти на помощь. Он видел, как вы подались в трюм, и через какое-то время решил прогуляться туда тоже. Нечевин знал о том, что «директору ресторана» угрожает опасность, хотя и не мог даже предполагать, как и все мы, откуда она может прийти.

— Спасибо, что позаботились обо мне... Сильно по-
дозревал я,— продолжал Леденев,— начальника рации
Колотова, прямо-таки был уверен, что он и является тем,
кто хотел разбить мне голову киркой. Сомневался в нем,
пока Лейв Эйриксон не показал мне настоящего Волка.
Он его как-то видел в компании с Гэтскеллом, а уж про
Билла Лейв и его товарищи знали многое. Отличный он
человск, этот ваш фронтовой друг, товарищ полковник.

— Да,— сказал Василий Пименович,— Лейв Эйриксон
из тех людей, с которыми можно дружить по принципу:
«Жизнь и смерть — поровну».

ЕРНЫЙ ЗАНАВЕС

В этот солнечный день на берегах озера Ультигун, что раскинулось подле города металлургов Рубежанска, отдыхали тысячи людей. Ничто не омрачало их покой. Купальный сезон был в разгаре. Повсюду обнаженные тела мужчин и женщин, ошалевших от воды и солнца детей. Одни лежали, прикрыв лицо, другие играли в бадминтон, волейбол, многие неторопливо закусывали, расположившись группами.

На вышку для прыжков поднялась молодая женщина. Помедлив, она грациозно изогнулась, прыгнула в воду, быстро вынырнула, легко и непринужденно поплыла к середине озера.

На берегу каждый говорил о своем: о пользе загара, мороженом, пиве, карточной игре, отдыхе на Черноморском побережье. И вдруг закричали тревожным голосом:

— Утону-у-ула!

Кто-то пробежал, бросил на ходу:

— Говорят, баба молодая!..

Вокруг заговорили:

— Молодая...

— Жалко...

ВЫЛЕТЕТЬ НОЧНЫМ РЕЙСОМ

Он любил собирать грибы. Знал повадки и уловки разных представителей грибного племени, знаком был с их привычками, умел раздобывать и самого царя грибов — белый гриб, а уж готовил из своей добычи такие кушанья, что все только ахали и записывали подробности технологии. Происходил Андрей Иванович Гуков из той самой Рязани, в которой «грибы с глазами». После войны служил на побережье Баренцева моря, здесь и остался... А в Заполярье какие грибы! В тундре да в распадах, за-

нятых тайгой, их, конечно, на жареху наберется. Только чем-то местные грибы Гукову не нравились. Правда, в отпуск или в другие свободные дни Андрей Иванович и соблазненные им сослуживцы спускались пониже, на юг, в соседнюю Карелию, и отводили грибную душу — тут даже рыжики росли, каких не бывает на Рязанщине вообще. Но вылазки эти были не часты.

А вот когда вслед за начальником управления Щербаковым уехал Андрей Иванович на работу в Москву, тут он вполне развернулся. Все Подмосковье по этой части изучил и в соседние области, особенно, конечно, в Рязанскую, заглядывал. Вскоре кто-то из молодых и языкастых сотрудников не замедлил пустить по отделам шутку: «Какая разница между агентом 007 и грибом боровиком? Ответ: когда против них работает Гуков — никакой, оба окажутся в корзине».

Июль в Подмосковье выдался переменный. День — дожди, два дня — солнце... Самые грибные условия. На последние дни месяца приходились суббота с воскресеньем, в пятницу Гуков закрыл среднее по трудности дело, горящего ничего не предполагалось, и мысленно он ехал уже на автобусе Москва—Касимов, ехал в озерную Мещеру. Он знал там заповедное место, где по его расчетам должны были появиться белые грибы. Но человек предполагает, а бог, то бишь начальство, располагает...

Время подходило к рубежу, означавшему конец недели. «Уик-энд», — усмехнулся Гуков и принялся собирать бумаги со стола. Аккуратно разложил их по папкам, спрятал в сейф, одновременно достав оттуда клубок суровых ниток и оплывшую палочку сургуча. Он приготовил эти принадлежности для опечатывания сейфа — на столе уже не было ни одной бумажки — и привычным жестом выдвинул один за другим ящики, проверил, не осталось ли там какого-либо документа.

Июльское солнце жарило всюду. Андрей Иванович закрыл верхнюю часть окна и опустил штору. Он готовился опечатать сейф и зажег уже спичку, как в динамике селекторной связи зашелестело и Щербаков спросил:

— Ты не ушел, Андрей Иванович?

Ничего особенного в таком вопросе не было, но сердце у Гукова екнуло.

— Собираюсь, — упавшим голосом ответил Андрей Иванович.

— Тогда загляни ко мне, — сказал Василий Кузьмич.

В коридорах было оживленно, пробила, как говорится, пушка, наступали дни отдыха, и сотрудники, с удовольствием разговаривая на неслужебные темы, спешили к выходу. Не все, конечно, спешили... Были и такие, кто останется здесь до поздней ночи и кому и завтра, и в воскресенье предстоит работа. И какая работа! Но в целом и здесь, как в обычном советском учреждении, люди работают до шести и два дня в неделю отдыхают. Если удастся, конечно...

«Вот мне, кажется, не удалось,— подумал Гуков, приближаясь к кабинету Щербакова.— Ведь не в попутчики же до Спас-Клепиков собирается он проситься ко мне...»

В приемной Василия Кузьмича на Гукова недовольно глянул молодой офицер — адъютант Щербакова.

— Ждет,— сказал он.

Андрей Иванович кивнул.

— И я вас буду ждать,— добавил адъютант.

«Все ясно,— подумал Гуков.— А ты еще падесялся, чужак!..»

Адъютант тоскливо взглянул на большие часы в углу.

— Через два часа самолет уходит со Внукова,— доверительно сказал он Гукову.— Ребята будут ждать. Пропал наш поход!

— А меня грибы теперь не дождутся,— ответил Андрей Иванович и потянул на себя тяжелую дверь.

Василий Кузьмич сидел за столом и торопливо писал в настольном блокноте. Услыхав звук открываемой двери, он приподнял седую голову, молча показал взглядом — садись, мол,— потянулся и выключил вентилятор. Стало тихо. Из-за окон едва доносился уличный шум летней Москвы, но шум приходил сюда слабый, какой-то нереальный, призрачный.

Гуков сел, приготовился слушать.

— Где бродишь-то? — проговорил Щербаков ворчливым тоном.

Но Андрей Иванович понимал, что шеф напускает на себя эдакую строгость... Так всегда бывало перед ответственным заданием. Он знал Василия Кузьмича давно, и теперь, уловив знакомые нотки в голосе Щербакова, Гуков окончательно распростился с мыслью о поездке в рязанские леса.

— Где, говорю, пропадал? — спрашивал меж тем Василий Кузьмич.— Уже битый час тебя вызываю!

— Сдавал дело в секретариате, потом в НТО забежал, к экспертам,— ответил Андрей Иванович.

— Это хорошо,— сказал Щербаков, и непонятно было, что именно хорошо, но Гуков не обратил на эту нелогичность внимания: он знал, что сейчас начнется серьезный разговор.— Ты Королева помнишь? — спросил Василий Кузьмич.— Вадима Николаевича?

— А как же! Конечно помню. Он начальником горотдела в Рубежанске.

— Это хорошо, что не забываешь старых сослуживцев. Никогда не надо забывать тех, с кем когда-то делил хлеб-соль. А при случае и на помощь надо прийти. А как же иначе?! Иначе нельзя...

Щербаков включил вентилятор, в кабинете было душновато, вентилятор зажужжал, Василий Кузьмич поморщился и щелкнул выключателем.

«Сдал старик,— подумал о нем Гуков, хотя сам был лишь на восемь лет моложе. — В лес бы вытянуть его на недельку!.. Что там с Королевым приключилось? Неспроста ведь он затеял разговор о нём».

— Почему именно ты? — неожиданно сказал Щербаков, порою он любил начинать разговор с конца, не объясняя сразу, что и как и почему.— Во-первых, Королева знаешь давно, вместе работали, и неплохо работали, должен я тебе сказать. Во-вторых, дело связано с комбинатом «Рубежанскникель», а ты у нас известный спец по редким металлам. Помнишь как в Никельграде с тобой брали Белозубова?

— Очень вам тогда к лицу была форма старшины милиции,— ввернул Гуков, и это было его маленькой мстью за испорченный конец недели.— Будто всю жизнь посили...

Щербаков усмехнулся.

— Намек принят к сведению,— сказал он.— А дело в Рубежанске приключилось такое. В воскресный день в пригородном озере Ультигун утонула молодая гражданка. Звали ее Ириной Вагай, работала она режиссером народного театра при Дворце культуры «Рубежанскникеля». Выпускница Московского института культуры. Да... Поначалу все сочли это заурядным несчастным случаем. А потом... Потом дело повернулось так, что Королев оказался в сложной обстановке. Он ждет теперь твоей помощи. Прочти-ка вот эти бумаги.— Щербаков протянул Андрею Ивановичу тонкую кожаную папку.

— Он сам просил, чтоб именно я?..

— Сам не сам... — проворчал Василий Кузьмич. — Какое это имеет значение? Намекнул, конечно. Большие вы мастера по части намеков. Ты читай, читай! Веселая, я тебе скажу, история.

Пока Гуков читал, Василий Кузьмич поднялся из-за стола, подошел к окну, отодвинул штору и посмотрел вниз, на большую площадь, по которой потоками шли автомобили; площадь обтекали люди, а на них смотрел высокий человек в длинной шинели, Феликс Эдмундович Дзержинский...

— История, скорее, печальная, — сказал, закрывая папку, Андрей Иванович. — Когда ехать?

— Сегодня ночью. В приемной получишь у моего парня, я его специально задержал, проездные документы и прочее, билет уже заказан. Вылететь надо ночным рейсом.

— Хорошо, — сказал Гуков. — Заеду только домой, собираю вещи.

— Зое Васильевне от меня поклон. Небось за грибами собрались?

— Собрались.

— Ты б меня когда-нибудь прихватил.

— Это можно.

— Я почему тебя ночью отправляю! — сказал Щербаков. — Завтра ведь суббота. Пока летишь, то да се, и в Рубежанске с Москвой во времени разница — словом, будешь в семь утра по местному времени. Королев тебя встретит. Отдохнешь с дороги, поговоришь с товарищами, войдешь в курс дела на месте — оно ведь там все не так видится, как из Москвы. Осмотришься — и на пляж. Не забудь прихватить плавки с собой... Там и начнешь присматриваться. На друзей и знакомых Ирины Вагай тебя выведут люди Королева. Вот тебе и воскресный отдых. Говорят, красивое озеро Ультигун. Заодно позагораешь, изучая место, где произошел так называемый несчастный случай. И пусть попробуют упрекнуть меня, что я не забочусь о здоровье своих работников! — Щербаков встал. Улыбка исчезла с его лица, он протянул Гукову руку: — Поезжай, помоги Королеву, разберитесь вместе в этом деле. В том краю нам совсем ни к чему такие неожиданности. Впрочем, они везде, эти неожиданности, не нужны. На том стоим. Иди. Там мой парень тебя заждался. Поход у него срывается... Он, ты понима-

ешь, на байдарке сквозь пороги проходит... Так я до понедельника сам не свой. Все звонка жду... Понавыдумывали себе разное хобби на мою седую голову! Попутного ветра тебе, Андрей.

Самолет улетал ночью. В аэропорт Гуков приехал рано — ему не хотелось допоздна задерживать водителя служебной машины. Андрей Иванович часа два сидел с книгой в удобном кресле зала ожидания среди улетающих в разные концы страны отпускников — их можно было узнать по ящикам и сеткам с фруктами, — скучающих командированных с портфелями, многоголосого гомона пассажиров, равнодушных объявлений о начале посадки и регистрации билетов и рыкающих раскатов выруливающих на старт лайнеров.

Книга в руках Андрея Ивановича была интересной, сборник детективов Жоржа Сименона. Писатель этот нравился Гукову тем, что не увлекался исключительно разгадкой преступления, как это делала, например, Агата Кристи, большая мастерица сплести замысловатое детективное кружево. Сименона больше интересовало не как было совершено преступление, а почему оно совершилось, какие силы заставили человека нарушить законы, каковы психологические предпосылки преступления. Последнее всегда занимало Андрея Ивановича. Он постоянно следил за работами юристов-теоретиков в этой области, были у Гукова и свои соображения на этот счет, но дальше выступлений на занятиях в системе профессиональной переподготовки, на курсах и совещаниях он не пошел — времени не хватало. На его работе совмещать практику с серьезными научными исследованиями трудно.

Объявили регистрацию билетов на Рубежанск. Гуков спрятал Сименона в объемистый портфель, с которым ездил в командировки, и не торопясь, чтоб не томиться в очереди, пошел к стойке с весами для багажа. В самолет посадили всех быстро, без случающихся порой досадных аэрофлотовских неожиданностей. Место у Андрея Ивановича было у окна, но вид ночной Москвы его не волновал. Он вдоволь на этот вид насмотрелся, прилетая и улетаая по своим особо важным делам, которыми занимался уже много лет, и Гуков вернулся к Сименону — спать в самолете он мог, лишь изрядно утомившись.

Его сосед, молчаливый мужчина неопределенного возраста, скользнул глазами по обложке и с интересом глянул на Гукова.

— Сумели достать? — спросил он. — Я вот не смог... Одна надежда на друзей в рубежанском книготорге.

— Вы из Рубежанска? — спросил Гуков. Он никогда не избегал дорожных знакомств. Порою такой вот попутчик может дать тебе довольно приличную информацию для первоначальной ориентировки в незнакомом городе.

— Да, — ответил сосед, — из Рубежанска. Две недели уж не был... Спешу домой.

Гуков ждал, что попутчик разговорится, но тот откинул вдруг спинку кресла, зашаркал ногами, устраивая их поудобнее, повернул голову набок и закрыл глаза.

Андрей Иванович улыбнулся и развернул книгу.

Читал он еще час с небольшим, потом попытался улечься в кресле, беспокойно дремал, порой забывался, и возвращение к действительности сопровождалось неприятным, тягостным чувством.

Самолет начал снижаться, и Гуков снова включился в размеренный, неброский образ жизни комиссара Мегрэ.

Сосед спал и после того, как перестали реветь турбины. Андрею Ивановичу пришлось даже тронуть его за плечо, и тогда тот принялся снимать с полки пакеты и авоську с апельсинами.

Выходил Андрей Иванович одним из первых. О вещах ему тревожиться необходимости не было, да и ни о чем другом, кроме, разумеется, самого дела, беспокоиться не приходилось — ведь у трапа его ждал, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, начальник рубежанского горотдела КГБ, давний сослуживец Гукова, Вадим Николаевич Королев.

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ НАХОДКА

— Ты разве не знаком с обстоятельствами этого «несчастливого случая»? Я отослал подробное изложение сути дела Щербакову.

— Читал я «подробное изложение сути дела», читал, Вадим... Но ты ведь сам знаешь, что бумага — это одно, а живой человек — другое, даже если разговор идет об одном и том же. Так что ты уж, будь добр, расскажи мне обо всем по порядку.

Королев, встретив Андрея Ивановича в аэропорту,

тотчас отвез его в гостиницу, отказавшись отвечать на какие-либо вопросы, пока тот не отдохнет с дороги. Гуков не спорил. Он понимал, что уставшей после самолета головой много не насоображаешь. Но в десять часов по местному времени он был уже на ногах и звонил Королеву о своей готовности приступить к делу. Вадим Николаевич предложил встретиться в номере у Гукова, и сейчас они сидели за столом, открыв одну из бутылок холодного пива, принесенного Королевым. День обещал быть жарким.

— Понимаешь,— начал рассказывать начальник горотдела,— поначалу никому и в голову не приходило, что здесь тонко организованное убийство. Рядовой несчастный случай. Утонула молодая женщина, красивая — пожалуй, первая красавица Рубежанска,— жалко, конечно, но что делать! Летом на воде бывает такое, хотя и спасатели дежурят.

— Как все это происходило? — спросил Гуков. — Были крики о помощи, попытки спасти, свидетели случившегося?.. Словом, как можно подробнее, Вадим.

Королев помрачнел, насупился, хмыкнул.

— Подробности,— повторил он ворчливо,— подробности... Я и сам бы хотел получить их, Андрей. Не было никаких криков о помощи, никто не бросался спасать Ирину Вагай. А свидетели... Свидетель был только один. Парень со спасательной станции, некий Тимофей Старцев, рубежанский, так сказать, олимпиец, мастер спорта по гребле. С его помощью и обнаружили труп Вагай.

— Безнадёжный труп?

— Пытались делать искусственное дыхание по разным системам на берегу, но безрезультатно. А Старцев дал на допросе такое объяснение: «Объезжал я границу безопасной зоны и увидел человека, плывущего к середине озера. Ну, конечно, погреб за нарушителем, чтоб вернуть его в зону. Когда оставалось метров пятьдесят — на глаз прикинул,— повернулся к пловцу и увидел, что впереди никого нет. Бросил весла, стал смотреть вокруг — может быть, нырнул пловец... Подождал минуты две, никто не появился на поверхности. Усомнился было: не почудилось ли? Потом погреб к берегу, поднял на спасательной станции тревогу, а место обозначил: выбросил из лодки спасательный круг...»

— Таинственная история,— заметил Андрей Иванович.

— Тайн здесь хоть отбавляй,— махнул рукою Королев.— Надо отдать должное спасателям: работать они умеют. Двое ребят в аквалангах примчались на указанное Старцевым место в моторке и в считанные минуты на дне озера — глубина там не более четырех метров — нашли Ирину Вагай, точнее, труп этой женщины.

— Старцев умеет работать с аквалангом?

— Умеет. Но аппарат ему не доверили. По словам начальника спасательной станции, уж очень он был взволнован, потрясен случившимся. А когда выяснилось, что утопленница — Ирина Вагай, Старцев едва в обморок не упал, дурно ему стало. Ведь они были близко знакомы. Тимофей Старцев считался одним из поклонников Вагай, был, как говорили раньше, ее ухажером.

— Ты сказал, «одним из поклонников». Их было достаточно?

— Более чем достаточно. Правда, по нашим сведениям, вряд ли кто из них мог похвастаться реальным успехом. Вагай умела держать мужчин на расстоянии.

— Но мы отклонились,— заметил Гуков.

— Да,— сказал Вадим Николаевич.— Так вот. Доставили утопленницу на берег, вызвали «скорую», а до приезда пытались что-либо сделать сами. Тщетно. Врач «скорой помощи» определил наступление смерти от удушья, судебно-медицинский эксперт подтвердил заключение после обязательного вскрытия. Дело бы так и прошло, да повернул все другой случай. Дай мне свою московскую сигарету, Андрей.

— Бросил я,— виновато улыбнулся Гуков и развел руками.

— Ладно,— сказал Королев.— А я вот слабак.— Он достал пачку сигарет «Дорожные» и закурил.— Родителей у Вагай не оказалось,— продолжал рассказ Королев.— Воспитывалась она у тетки, проживающей в городе Лида, в Белоруссии. Тетку известили о случившемся телеграммой, а пока суд да дело, вскрыли квартиру погибшей, чтобы в последний путь было во что обрядить, да и вещишки ее следовало описать на всякий случай, до передачи родственнице. Тогда-то все и началось. Работник милиции обнаружил конверт с подписанным нашим адресом. Это насторожило. Стали разбирать бумаги на столе. Ничего стоящего не нашли. Догадались заглянуть в ведро для мусора и там разыскали три смятых листка. Все три были началом заявления опять-таки к нам. Но даль-

ше слов: «Я хочу сообщить...» — заявительница не пошла. Не решилась Ирина Вагай писать дальше. Тут уж осмотр превратился в тщательный обыск, который дал главное: копии секретной документации из закрытой лаборатории комбината «Рубежанскникель».

— Режиссер интересуется проблемами производства никеля, — заметил Гуков. — Странное любопытство. Прямо скажем, странное...

— Гм, — сказал Вадим Николаевич, — более чем странное. Такие странности бьют по шее твоего покорного слугу в первую очередь. Словом, приняли мы этот «несчастный случай» к производству. Повторная судебно-медицинская экспертиза заявила, что Ирину Вагай утопили.

Гуков молчал. Ему было непривычно видеть старого товарища таким раздраженным, осунувшимся, беспокойным. Видимо, Вадим Николаевич с трудом привыкал к самостоятельной работе. Он один нес ответственность за все происходящее на его участке, а это иное дело по сравнению с тем, когда работаешь в аппарате и спрашивают с тебя лишь за те дела, которые ведешь сам.

«Хорошо, что Василий Кузьмич послал сюда именно меня, — подумал Гуков. — С незнакомым Вадиму было бы трудней».

— Я хотел бы взглянуть на оба заключения и побеседовать с экспертами-медиками, — сказал Андрей Иванович.

— Сделаем, — кивнул Королев. — Ну что еще? Мы выяснили круг знакомых Ирины Вагай. Конечно, у нее было много знакомых на комбинате. С ее приходом во Дворец культуры по-настоящему заработал народный театр. Спектакли Вагай высоко оценили в Каменогорске, областном центре. Она — талантливый режиссер и быстро сумела пленить наш Рубежанск. Были разговоры о поездке в Москву. Смерть Ирины Вагай искренне огорчила рубежанцев. Да... Мы установили ее связи с работниками закрытой лаборатории. Хорошо была знакома Ирина с заместителем завлаба инженером Муратовым. Тимофей Старцев ревниво утверждал, что к Муратову Ирина была более благосклонна, нежели к нему. Муратова не было в Рубежанске в день убийства. Он прилетел в одном самолете с тобой.

— Уж не сидел ли я рядом с ним?

— Точно. Мы ведем его от самой Москвы.

— Значит, и меня «вели» тоже? — Гуков рассмеялся. — Лихо! А что, есть против Муратова нечто серьезное?

— Одни, так сказать, гипотетические предпосылки. Он имеет доступ к секретным материалам и был близок с погибшей. Это все.

— А Старцев?

— За ним тоже ничего. Держим под наблюдением. Парень крепко переживал смерть Вагай. Может быть, притворялся... Раза два напился. Старцева даже от показательных соревнований отстранили. Сейчас будто успокоился.

— Попытки связаться с Вагай, письма, телеграммы в ее адрес?

— Пока ничего. За исключением одного. Труп ее отправили в морг для вскрытия, а квартиру опечатывать пришли утром. Пригласили в понятые дворничиху. Она и рассказала работникам милиции, что около двух часов почи к ней прибежала соседка, просила унять подвыпившего мужа. Это из квартиры этажом выше. Дворничиха поднялась в квартиру, утихомирила буяна, выпила с благодарной женой стакан чаю с вареньем на кухне и отправилась домой. На площадке, где находилась квартира Вагай, увидела молодого человека, который склонился у двери. Был он, сказала дворничиха, как будто пьян. Кепка, надвинутая на лоб, очки и черная бородка. «Вроде не рубежанский», — сказала она. На вопрос, что ему здесь надо, парень пробормотал неразборчивое в ответи спустился, пошатываясь, вниз. Как ни странно, но дворничиха ничего еще не знала о смерти Ирины Вагай.

— Думаешь, пришли за документами? — спросил Гуков.

— Допускаю. А почему бы и нет? Мы пригласили дворничиху в милицию, устроили так, чтоб она видела тех, кто связан был с Ириной Вагай. Женщина ни в ком не опознала почного «гостя».

— Борода — примета довольно условная, — сказал Андрей Иванович. — Хотя такие случаи бывали в нашей практике. Помнишь Никельград?

— Ну как же! — отозвался Королев. — Тогда нам подставили мнимого убийцу, но улики хватало.

— Ладно... Начнем все сначала, поищем кончик, который надо потянуть, чтоб клубок размотался. Не размотается — с другого конца потянем. Главное — спокойст-

вие, Вадим! Пусть враги волнуются, им все равно труднее, нежели нам.

— Разве что этим утешимся... Ты на пляж пойдешь?

— Думаю пойти, поглядеть натуру.

— Нам вместе появляться не стоит. Враги, конечно, знают меня в лицо. Буду в отделе. Вернешься — позвони мне.

Гуков хотел ответить, что это ему подходит, но не успел — зазвонил телефон.

Андрей Иванович поднял трубку и передал Королеву.

— Спрашивают тебя, твои, должно быть, парни.

— Да, — сказал в трубку Королев. — Так... Понятно... Так... Понял...

Гуков с тревогой смотрел на вытянувшееся лицо Вадима, его глаза, которые сузились, стали жесткими, свинцового цвета.

— Хорошо. Сейчас буду.

Королев отнял от уха трубку, странно посмотрел на нее, осторожно опустил на рычаг, со всхлипом, судорожно вздохнул.

— Ну, товарищ из Центра, — тихо сказал он, — на пляж мы поедем вместе. Только что убит Тимофеем Старцев.

«И НА ПЛЯЖЕ УБИВАЮТ»

Его убили ударом ножа в сердце.

— Точный удар, — сказал судебно-медицинский эксперт, осмотрев тело Тимофея Старцева. — Профессионально сработано, чисто.

— Вы меня утешили, Иван Пантелеевич, — буркнул Королев.

— Смерть наступила примерно два часа назад. Дело тут ясное, по моей, разумеется, части. Ну а подробности сообщу позднее, когда позволите забрать труп для исследования. Вопросы ставите обычные: другие травмы, яды, алкоголь?

— Пока да. — Королев повернулся к Гукову: — Думаю, что можно увезти труп.

— Конечно. Только...

— Я уже распорядился. Вывезут незаметно. Об этом никто не знает, кроме наших, начальника спасательной станции и одного старика. — Он подождал молодого сотрудника: — Действуйте, Мелешин, действуйте так, как

я вам сказал. Где эти люди? Начальника станции вы предупредили?

— Конечно. И он, и этот старик на турбазе, рядом, Вадим Николаевич. Находятся в отдельных комнатах, ребята из угрозыска присматривают за ними.

Труп Старцева аккуратно завернули и вынесли к машине, которую подогнали к сараю, где хранился спасательный инвентарь и где произошло убийство. До этого сарай был тщательно обследован оперативной группой, но только ни орудия убийства, ни каких-либо следов, могущих навести на преступника, обнаружено пока не было.

Гуков и Королев остались вдвоем.

— Что скажешь, Андрей Иванович? — спросил Вадим Николаевич.

Гуков развел руками, медленно огляделся вокруг.

— Что тут сказать, — проговорил он после минутной паузы. — Оказывается, и на пляже убивают.

— Выходит, так, — угрюмо буркнул Королев. — А вот и начальник спасательной станции.

К ним подходил невысокий полный мужчина с выпуклой грудью и задорным хохолком на голове. Он был взволнован, беспокойно теребил в руках светлую летнюю шляпу.

— Весьма огорчен, весьма... Такое событие! — Начальник спасательной станции надел шляпу, потом спохватился, виновато улыбнулся и сдернул ее с головы: — Готов к вашим вопросам. Хотя все это мне... Да... Словом... Весьма неприятно!

— Скажите, пожалуйста, кто сообщил вам о смерти Старцева? — спросил Гуков.

— Наш сторож, Пахомов Федор Матвеевич. «Убили, начальник, нашего Тимку...» — сказал он мне. Я мигом на склад. Так и есть. Не дышит наш Тимофей. Позвонил в милицию...

— Что он за человек, этот сторож? Расскажите о нем. Пахомов, вы говорите? — переспросил Андрей Иванович.

— Пахомов и есть. Станный человек, но добрый. Дед Пахом — его так называют. Работник отменный, службу знает, сам бывший флотский, только вот... — Начальник станции замаялся.

— Ну-ну, говорите! — поощрил его Королев.

— Знаете ли, выпивает, — застенчиво улыбаясь и почему-то шепотом произнес начальник станции.

Гуков и Королев обменялись взглядами.

— И крепко? — спросил Королев.

— Не то чтобы... Пьяным его не назовешь, только вот запашок всегда в наличии.

— Ну, ладно. Пойдемте в ваш кабинет, — устало проговорил Вадим Николаевич. — Подпишите там протокол.

Труп Тимофея Старцева обнаружил сторож спасательной станции Федор Матвеевич Пахомов. Опустившийся, неопрятный старик, закоренелый пьяница, ухитрявшийся постоянно находиться в состоянии подпития.

Для тех, кто окружал Пахомова, он оставался старым чудаковатым алкашом или попросту чокнутым дедом, на которого порой находили приступы активной деятельности. Тогда все на спасательной станции ходило ходуном: дед Пахом затевал большой аврал, мокрую приборку. Он с остервенением махал шваброй, мыл с мылом крашенные стены, не забыв подключить к этим работам весь штат станции.

Дед Пахом служил в свое время на флоте, и поэтому уснащал речь морскими словечками и был виртуозен по части сочного боцманского мата... А в общем, стариком дед Пахом был безвредным, отходчивым. Главное, мог поправить по утрам молодые разгульные головы, втайне изготавливая особое зелье, именуемое им «бормотушкой». Жаждающие опохмелиться парни относились к старику с душевной симпатией. Но порой сторож станции напускал на себя профессорский вид и начинал говорить так, словно выступал на международном симпозиуме, и приходил в ярость, когда кто-нибудь, еще не предупрежденный заранее, называл его вдруг дедом Пахомом.

— Попрошу не искажать моего имени, молодой человек! — выпаливал громко в лицо незадачливому собеседнику дед Пахом. — Меня зовут Федором Матвеевичем!

Старика хорошо знали в городе, он был своего рода примечательностью Рубежанска, хотя вряд ли кто мог рассказать историю его жизни, и все судили о ней по тем байкам, которыми он удостаивал слушателей.

Гуков был предупрежден по поводу особенностей характера деда Пахома, и Андрей Иванович начал допрос старика с исключительной любезностью. Он вошел в комнату, где ждал допроса Пахомов, вежливо поздоровался, уселся за стол и сказал:

— Меня зовут Андреем Ивановичем. Мне поручено

расследование убийства гражданина Старцева, а поскольку вы единственный свидетель, то ваши показания...

— Свидетелем убийства я не был,— перебил его Пахомов.— Мною обнаружен труп — и только. Чего не надо — не лепите.

— Совершенно верно,— улыбнулся Гуков, ответив точно в такой же тональности, в какой говорил с ним сторож.— Вы правы, Федор Матвеевич. Я выразился не совсем так, как мне хотелось. Неудачно сформулировал.

— Вам нельзя ошибаться в формулировках, гражданин следователь,— буркнул Пахомов.

— Почему «гражданин», а не «товарищ», Федор Матвеевич? — продолжая улыбаться, спросил Гуков.— Я хочу сказать: работали у «хозяина»? Приходилось бывать в заключении?

— Нет,— сказал Пахомов.— От «хозяина» и его щедрот бог миловал... Сидеть я не сидел, а слышать приходилось, что именно так вас следует величать.

— Это неверно. Можете называть меня просто Андреем Ивановичем или товарищ Гуков, как вам больше правится. Да... Вы, конечно, понимаете, Федор Матвеевич, что для нас важны мельчайшие подробности, поэтому, будьте любезны, расскажите, пожалуйста, как все было.

— Могу и рассказать, мне это нетрудно, отчего же, раз надо. Я ведь сторожем здесь служу, значит, должен обладать повышенной, так сказать, бдительностью. Как все это было? Сейчас припомню. Так... Ночную вахту сдаю в восемь утра, сдаю дежурному спасателю, он приходит на час раньше других. Сегодня дежурил... должен был дежурить Старцев. Пришел Тимофеев за десять минут — я их так приучил, салаг, пораньше, значит, приходиться, как на флоте принимают вахту. Ну вот. Принял он у меня плавсредства, моторный сарай и тот, где его... Ну, понимаете... Принять принял, а расписаться в журнале забыл. Вернее, заторопился за пивом — на турбазе, здесь вот, значит, бочку открыли. «Обожди,— говорит,— дед Пахом, голова со вчерашнего трещит, дай мне баллон, я за пивком сгоняю». Ну дал ему трехлитровую банку, а сам решил свою голову прочистить и пошел к себе пропустить баночку «бормотушки».

— Чего-чего? — изумленно переспросил Гуков.

— «Бормотушки». Сие питье изготавливается мною в медицинских целях сугубо для личного потребления. По-

могает от любой хворобы, в том числе и душевной. И хорошо снимает утреннюю головную боль.

— Это вы про похмелье?

— Про то самое.

— Знаете, Федор Матвеевич, на английский язык слово «похмелье» так и переводится: утренняя головная боль.

— В языках я не искушен, начальник.

— Андрей Иванович... — подсказал Гуков. — Мы же договорились...

— Ах да... Так вот, «бормотушка» очень при похмелье помогает. Могу и вас попользовать при случае... Андрей Иванович. — Старик с явной насмешкой глянул на Гукова.

— Спасибо, — спокойно сказал Андрей Иванович. — Как-нибудь воспользуюсь вашим любезным предложением. Итак, Старцев отправился за пивом...

Дед Пахом поскреб пальцами заросшую недельной щетиной щеку, потом сдвинул на глаза засаленную кепку блином, почесал затылок.

— Никуда он не успел отправиться, бедолага, — горестно вздохнул старик. — Так и умер с тяжелой головой, не опохмелившись. Уж лучше б я ему «бормотушки» налил...

— Значит, за пивом Старцев не ходил?

— Нет. А вы разве не видели в сарае стеклянную банку?

— Была такая.

— Вот ее я ему и дал. Она так и стояла там, пустая, когда увидел его... Не успел он за пивом. Пока я пробую с «бормотушки» снимал, время шло, уже и Лев Григорьевич, наш начальник, должен был подойти, а Тимофей нет, и в журнале он не расписался. Пошел я было на турбазу, а потом решил, что так негоже: и меня на станции не будет, и дежурный пропал. Смотрю, Лев Григорьевич идет. Поздоровались. Где дежурный, спрашивает. Тут, говорю, где-то. Принесите, говорит начальник, вахтенный журнал. Он, начальник, как раз по субботам его смотрит и замечания свои оставляет. Сейчас, говорю, принесу. И тут пришла мне в голову мысль: Тимофей ведь пиво принес, сидит и пьет в сарае для спасательного инвентаря. Пошел я в сарай, открываю дверь — пусто. Потом уже рассмотрел: лежит Тимофей лицом вниз, а баллон пустой в стороне валяется. Ну, думаю, дела, с пива

парень упился, принял на старые дрожжи. Признаться, взъярился я на Тимофея, подскочил к нему, за плечо рванул, поворотил к себе, а у него глаза открыты, а видеть — не видит. Да... Перепугался, было дело. Оставил все как есть, сарай сообразил закрыть на замок, а сам ко Льву Григорьевичу. Шуму поднимать не стал, все сделал по субординации, доложил начальству...

— Вы правильно поступили, Федор Матвеевич, ни к чему об этом знать всем. Люди к вам на пляж отдыхать идут, незачем омрачать их такими новостями.

— Это точно,— сказал Пахомов.— У нас тут вон девица на прошлой неделе утонула, а теперь вот такое дело.

— С девицей-то все просто,— отмахнулся Гуков,— там несчастный случай, а здесь — другое. Скажите, вы не видели посторонних на территории станции, Федор Матвеевич?

— Никого не было,— твердо сказал старик.— Я б и не позволил разгуливать посторонним...

— Ну а когда вы принимали свое целебное средство, мог кто-нибудь войти сюда?

— Не доверяете, значит, старику, намекаете, значит... Ну да ладно. Вообще-то, ворота у нас закрыты, калитка тогда была на щеколде, вывеска висит: «Посторонним вход запрещен». Но войти-то могут, и в заборе дыры, денег нам на ремонт не дают. Экономят на спасении, мать их за ногу!

— Так мог кто-либо проникнуть на станцию?

— Мог,— несколько сникшим голосом сказал старик.— Мог, конечно, только прошу учесть, что дежурство я сдал... Тимофеем.

— Но ведь Старцев в журнале не расписался? — усмехнулся Гуков.

— Это точно,— сокрушенно покачал головой Пахомов.— Не успел он расписаться, все торопился за пивом, голову поправить.

— Как вы думаете, Федор Матвеевич, кто мог убить Старцева?

Старик развел руками:

— Ума не приложу. Тимофей — парень добрый, врагов у него не припомню. Спортсмен хороший. В городе его ценят. Правда...

Он замолчал.

— Продолжайте, продолжайте, Федор Матвеевич,— попросил Гуков.

— А что там греха таить! — махнул рукой дед Пахом. — Бабник он был отменный, это вам всякий скажет. Ну, конечно, с такой мужской статью немудрено бабником сделаться. Бывало, по пляжу в плавках идет — ну чистый Аполлон, поверите, глаз отвести бабоньки не могут. Конечно, и обиженные могли быть среди мужиков.

— Вы кого-нибудь знаете? Из обиженных...

Дед Пахом отвернулся:

— Особого учета не вел, мне это без надобности. Только уж очень был Тимка неразборчивый кобеляка. У ближнего мог жену увести. А сказано было в древности: не пожелай жены ближнего своего. А он всех желал... Да. Вот наш Лев Григорьевич — святой человек, мухи не обидит. И справедлив! И жена у него — королева. Пожитное дело, за ноги никого не держал, только видел, что и наша начальница по Тимке млела, это точно. Да и кто из ихнего слабого полу при виде его не млеет!...

Гукова так и подмывало спросить старика, не знает ли тот чего-нибудь об отношениях Ирины Вагай и убитого Старцева, но Андрей Иванович понимал, что никто не должен догадываться об их интересе к «несчастному случаю», происшедшему на прошлой неделе, к той истории, которая стала уже забываться всеми, кроме тех, кого это теперь непосредственно касалось.

РАЗГОВОР СО СТОРОЖЕМ

— Подобьем бабки, Андрей Иванович? — спросил Королев.

Пошел десятый час вечера, но за окнами гостиничного номера, где сидели они вдвоем, было еще довольно светло. Гуков заказал из ресторана ужин в номер, чем достаточно удивил администрацию. О подобном сервисе рубежанские общепитовцы знали только по иностранным кинокартинам, но заказ приезжего товарища из Москвы исполнили. Королев ел плохо, часто принимался за сигареты, налегал на местную минеральную воду, в городе от дневной жары было душно, а пива Вадим Николаевич, в отличие от Гукова, не любил.

— Ты ничего не ел, Вадим, — упрекнул начальника горотдела Андрей Иванович. — Никогда не следует связывать удачи и неудачи с собственным аппетитом.

— Завидую твоему олимпийскому спокойствию, Андрей,— сказал Королев.— Впрочем, оно и понятно. Ведь обитаешь ты как раз там, на священной горе. У нас, простых смертных, провинциалов, отсутствуют многие из ваших качеств.

— Ладно-ладно! — прервал его Гуков.— Ты повернул, как говорится, не в ту степь, и я не поверю тебе, если скажешь, что работа в Москве меня как-то изменила.

— Да вроде нет, кажется, что ты все тот же, и по-прежнему приносишь жертву Гамбринусу.— Королев кивнул в угол номера, где стояли пустые бутылки из-под пива.

— Грешен, балуюсь пивком. Кстати, для провинциального города у вас неплохое пиво.

— Спасибо и на этом. А мы-то своим никелем гордились...

— Погоди, и до никеля дойдет очередь, за тем я сюда и приехал. Не пиво ведь пить, в самом деле! Так, говоришь, подобьем бабки? Хорошо. Только подождем немного, я позвоню, чтобы убирали со стола, кажется, есть ты уже не будешь.

Стол убрали. Друзья расположились в креслах, у открытой балконной двери. Королев закурил, Андрей Иванович, поколебавшись немного, потянул из пачки сигарету тоже.

— Брось! — сказал Вадим Николаевич.— Опять начнешь.

— Не начну. Уже проверено. Выкурю с тобой одну за компанию. Ты станешь излагать?

— Могу и я. Давай посмотрим на дело с точки зрения сегодняшнего убийства. Ставим главный вопрос, который возникает при расследовании любого преступления, когда личность преступника неизвестна. Кому выгодно? Кому нужна смерть Тимофея Старцева? Рассматривать ее, эту смерть, можно с двух позиций. Или она связана с убийством Ирины Вагай, или не связана. В первом случае можно допустить, что к устранению режиссера, начавшей колебаться — это можно заключить по ее попытке написать нам разоблачающее заявление,— Старцев имеет прямое отношение. Тем более что именно Старцев поднял тревогу. Но теперь, когда судебно-медицинская экспертиза подтвердила насильственный характер смерти Вагай, эта версия не стоит и выеденного яйца.

ца. Тимофей Старцев лгал. Почему? Не он ли и утопил Ирину, выполняя чье-то задание? А теперь убрали и его самого...

— И ночной визит в дом Вагай,— напомнил Гуков.

— Конечно, и он связан с развернувшимися событиями. Но как связан? Знали ли враги, что документы находятся в квартире Вагай, или искали нечто, могущее навести нас на след? Ну, скажем, то же самое заявление, о существовании которого они могли подозревать... Может быть, стоило задержать Старцева? Уже тогда, когда стало известно, что Ирина Вагай убита.

— А что это могло дать? У тебя нет против него никаких улик.

— А ложь на допросе?

— А как доказать, что это ложь? Старцев ведь не утверждал, что скрывшимся под водой пловцом была именно Ирина Вагай.

— Вероятно, не утверждал. Но тогда в случае задержания он был бы жив.

— «Был бы»... У нас с тобой сплошные «бы», Вадим. Это все по части благих пожеланий. Сам ведь знаешь, что больше семидесяти двух часов ты не мог бы его держать, а на большее при таких уликах никакой прокурор не даст санкцию на содержание под стражей. Заключение эксперта вы получили в понедельник. В четверг или пятницу выпустили бы Старцева, а в субботу его бы зарезали, как это и произошло в действительности. И этим арестом только бы насторожили врага, показали бы, что наша фирма не верит в несчастный случай.

— Сдаюсь,— сказал Королев, шутливо поднимая вверх руки.— Железная логика у вас, товарищ представитель Центра. С первой позицией ясно. Вторая версия совсемдохлая. Ведь если смерть спортсмена не связана с Вагай, тут версий сколько угодно, и самая близкая, лежащая на поверхности,— убийство из ревности. Кому-нибудь Тимофей Старцев перешел дорогу, при его успехе у женщин это немудрено. А соперников у него...

— Имя их — легион,— улыбнулся Гуков.— Кстати, Вадим... Этот самый дед Пахом намекнул, что наш спортсмен даже жене своего начальника строил глазки.

— Уж не думаешь ли ты, что этот петушок, который и мухи, как о нем говорят, не обидит...

— А что ты думаешь? Ревность, как и любовь, прибавляет сил.. По моей просьбе Вася Мелешин проверил

намок сторожа. Не беспорочна супруга начальника станции. Были у нее грешки со Старцевым, увы, были.

Королев покачал головой.

— Если расследовать каждый грех этого красавца, — сказал он, — мы утонем в версиях и подозрениях.

— А что делать? Такова наша доля, Вадим. Нельзя нам ни в воде тонуть, ни в огне гореть. А тонуть в фактах — вовсе зряшное дело... Пусть твои парни займутся связями спортсмена. Забросим широкий бредень, авось что зацепим.

— Васе Мелешину я поручу отрабатывать с другими эту вариацию. И ребят из уголовного розыска попросим подключиться. Но, поскольку мы связываем это дело с Вагай, убийство Старцева останется в нашем производстве. Ты сам-то что возьмешь на себя, Андрей?

— Личную жизнь Ирины Вагай и разработку сотрудников той самой лаборатории, — сказал Гуков. — Она закодирована буквой «Сигма»? Значит, вот этой «Сигмой» я и займусь... Кого ты мне даешь в помощники?

— Пожалуй, Мелешин самый подходящий.

— Так он ведь у тебя уже пристроен к делу Старцева, ищет повод для ревности.

— Ничего, его на все хватит. И потом, честно признаться, интуиция подсказывает, что тут не ревностью пахнет.

— А я завтра утром схожу на станцию, с дедом Пахомом поговорю, потом поброжу по пляжу, — сказал Гуков. — Василий Кузьмич в шутку рекомендовал мне вести расследование в плавках, а я по случаю ЧП даже из чемодана их не вынул.

— Давай-давай вытаскивай! — сказал Королев. — Для наших мест стоит небывалая жара. Как на юге загорись. Только гляди кожу не сожги, солнце у нас обманчивое.

— Не сожгу, — пообещал Гуков. — И вот еще что. Я подготовлю запрос о связях Ирины Вагай в столице. Надо знать, кем и чем она была, пока училась там в институте культуры. Ты организуй, чтоб завтра моя депеша ушла из Рубежанска.

— Будет сделано, — сказал Королев.

Гостиничный буфет открывали в семь утра. Гуков с удовольствием выпил два стакана чаю, именовавшегося в меню почему-то калмыцким. Чай был с молоком, маслом и солью. О таком напитке Андрей Иванович только

слыхал от товарищей, работавших в Средней Азии, и чай ему, такой непривычный, неожиданно сразу пришелся по вкусу.

Хороши были и свежие горячие беляши. Гуков любил завтракать плотно. Рубежанская кухня подняла ему настроение. На пляж Андрей Иванович отправился пешком и без десяти минут восемь уже снимал щеколду калитки спасательной станции.

Здесь было пустынно и тихо.

«Не видно бдительного сторожа Федора Матвеевича,— подумал Гуков.— Не «бормотушкой» ли пробавляется сей оригинал?»

Он угадал. Андрей Иванович нашел деда Пахома в небольшой, заваленной рухлядью каморке — она служила жильем для старика и, по-видимому, «лабораторией» для его сомнительных опытов. Гуков постучал в дверь, услышал неразборчивое бормотание и вошел.

Неуютное жилье старого и неопрятного человека, давно махнувшего рукой на бытовые условности...

Сторож сидел за ветхим деревянным столом перед трехлитровой банкой с темной жидкостью. Подле стояла большая алюминиевая кружка, ее дед Пахом, кажется, только что опорожнил до половины. Стук в дверь помещал ему расправиться с тем, что Гуков уже определил «бормотушкой». Он заметил, как плескалась, успокаиваясь, жидкость в кружке, а Федор Матвеевич медленно вытирал губы тыльной стороной ладони.

— Здравствуйте, Федор Матвеевич,— приветствовал старика Гуков.— Извините, что побеспокоил.

Воздух в каморке был тяжелым, замешанным на сложных запахах. Различались порой мутный дух застарелого нечистого белья и пригоревшей пищи, запах масляной краски. Но одолевал все остальное запах перебродивших дрожжей, которые наверняка были главным компонентом в знаменитой пахомовской «бормотушке».

— Доброе утро, молодой человек,— сказал дед Пахом. — Не извиняйтесь, в это время к Федору Матвеевичу можно входить даже без стука. Садитесь к столу.

— Почему именно в это время? — спросил Андрей Иванович, осторожно усаживаясь на табурет, который старик выудил ногой из-под стола.

— Набравшийся ввечеру просыпается рано,— ответил Федор Матвеевич. Он встал, достал еще одну кружку и наполнил ее доверху.— Поутру его мучит жаж-

да, желание пропустить глоток становится нестерпимым, но магазины во власти драконовского закона, а ждать нету мочи. И тогда страдалец вспоминает про Федора Матвеевича с его знаменитой «бормотушкой» и без стука — я понимаю его состояние и потому прощаю такое хамство — входит к деду Пахому, так они меня называют между собой, я знаю... Пейте, молодой человек, вы сегодня первый, и еще постучали к тому же.

— Разве я похож на человека, который жаждет опохмелиться, Федор Матвеевич? — улыбнулся Гуков.

— Я не физиономист, молодой человек, но ко мне по утрам приходят только за этим. И потом, «бормотушка» есть зелье особое, ничего общего с опохмеляющими средствами не имеющее, хотя и голову лечит, это точно. Отведайте.

«Придется тебе, Гуков, глотнуть этой отравы,— подумал Андрей Иванович, беря кружку в руку.— Утешимся тем, что пьем «бормотушку» в оперативных целях».

Он сделал добрый глоток и отнял кружку ото рта.

— Еще немного, молодой человек, и тогда можете закурить. Обычно эти два порока — вино и табак — идут друг с другом об руку. Пейте!

Гуков выпил. Жидкость была холодной и на вкус приятной. В ней были какие-то фрукты, солод, хмель и еще нечто. Для питья «бормотушка» казалась вещью вполне приемлемой.

— Вы спросили, молодой человек, похожи ли на того, кто с похмелья,— медленно произнес Федор Матвеевич, вновь наполняя кружку.— Видите ли, я не всматривался в ваше лицо, я редко всматриваюсь в людские лица, знаю, что лицо — занавес, который закрывает то, что делается в душе человеческой. И порой этот занавес черный...

— Интересно,— сказал Гуков.

Он ощутил вдруг, как все окружающее стало неестественно ясным, обострилось зрение, мышцы напряглись, подобрались.

«Бормотушка»,— подумал Андрей Иванович,— действует...» Он сделал еще глоток и отставил кружку.

— Отчего же Тимофей Старцев не прибег вчера к этому средству? Оно, по-моему, радикальнее пива.

— Вчера я имел лишь малую толику для себя и отказал ему, о чем искренне сожалею. Я боялся остаться

без «очков». Да... И сегодня вы помешали мне вовремя надеть «очки». Поэтому и встретил я вас «слепым».

Гуков внимательно посмотрел старику в глаза и ждал, когда тот прикроет их стеклами очков.

Пахомов вдруг глухо заклохтал, и Андрей Иванович понял, что старик смеется.

— Вы забавный молодой человек,— сказал Федор Матвеевич,— и нравитесь мне, хотя и работаете в милиции.

— Вам не нравятся работники милиции? Почему?— быстро спросил Гуков.

— Нет, отчего же, и там есть всякие. Но я считаю, что люди перенимают к себе в душу то, возле чего они вращаются. Вот я много лет при спасателях состою. Значит, и во мне прижилась способность приходить к людям на помощь, спасать их, так сказать...

— Особенно по утрам,— заметил усмехнувшись Гуков.

— А что вы думаете?! Может быть, именно по утрам я и необходим людям. Итак, приму на душу, с вашего разрешения.

Федор Матвеевич бережно поднял кружку и опрокинул в себя ее содержимое.

— Ух, ты! — сказал он, отдуваясь и ставя кружку на стол.— Хороша голубушка! — Пошарил рукой под всякой всячиной, завалившей стол, и вытащил измятую пачку сигарет. — Подымлю малость,— сказал дед Пахом,— теперь я до обеда зрячий.

Гуков недоуменно смотрел на старика.

— Вы, я вижу, не поняли меня, молодой человек, ждали, когда очки извлеку... Нет-нет, глаза мне служат еще хорошо! Тут другое. Обычно люди носят очки, чтобы лучше видеть. Но порою слепнут не глаза — близорукими становятся сердца человеческие, людские души. По разным причинам. Тут и усталость от бед, выпавших на чью-то долю,— ведь от чужого горя тоже мутнеет сердце. Усталость от испытаний несправедливостью, от неудачливости... Либо, наоборот, от больших удач. Человеку необходимо чувство меры во всем. Но как раз это чувство самое неустойчивое в нем. Вот и вырастают бельма на душе. Много веков ищут люди средство от душевной слепоты, только ничего не придумано ими. Только это... — Старик щелкнул пальцем по банке с «бормотушкой»: — Вот мои очки. Принял кружку вовнутрь — и до

обеда семафор окружающим: «Ясно вижу!» К обеду начинаю слепнуть — еще кружечка идет. Хожу по земле, смотрю на мир зрячими глазами, а она бормочет там, внутри: «Ничего, Федор Матвеевич, пробьемся. Жизнь хоть и паршивая штука, но кое-какую прелесть и в ней, курве, обнаружить можно. Так и бормочет, бормочет весь день, утешает, потому и зову ее «бормотушкой».

— Да у вас целая философская система,— сказал Гуков.

— Какая там система! — махнул рукою старик.— Хотите, я открою вам смысл жизни?

— Хочу,— улыбнулся Андрей Иванович.

— Смысл жизни в том, что нет в ней никакого смысла,— сказал дед Пахом и победно воззрился на собеседника.

— Сильно сказано, Федор Матвеевич, хотя и спорно,— заметил Гуков.— Но в «бормотушке» вашей есть нечто... Рецепт-то, поди, секретный?

— Какие там секреты! — отмахнулся Федор Матвеевич.— Сахар, дрожжи, натуральный хмель, грушевый отвар да чернослив. Ну и изюмчик идет в присадку, опять же сроки выдержки и сочетание того и другого, опыт, конечно, и кое-какие хитрости еще. Тут в округе пытались изготовить зелье... Похожее получилось, а до кондиции не дошло, всеми признано.

— Дело мастера боится,— сказал Гуков.— Только вот что странно. Судя по всему, ваш напиток неплохо поправляет голову. И если бы Тимофей Старцев принял вчера «бормотушки», то...

— Был бы жив. Но кому суждено быть повешенным, тот не утонет,— ответил сторож.— Видимо, так Тимохе на роду было написано. А ведь не пожадничай я, посидел бы он со мною здесь, вот как вы сейчас, глядишь, и цел оказался бы паренек.

— Какие у вас с ним были отношения? Разговоры теоретических с Тимофеем не вели?

— Куда ему! Он мышцами был силен, покойник. А отношения были нормальные. Правда, порой говорил ему про женский вопрос... Не люблю в мужиках этой кобелистости. Говорил Тимофею, что добром он не кончит, только Тимофей смеялся... Отвечал мне: мол, это ты, дед, оттого говоришь, потому как сам не можешь любить.

— Вы, Федор Матвеевич, раньше на флоте служили? — спросил Гуков.

— Было дело, — уклончиво ответил Пахомов и, потянувшись через стол, засунул окурок в овальную консервную баночку из-под марокканских сардин. Он вдруг подозрительно глянул на Гукова: — А вы сюда как, по доброй воле или при исполнении?

Андрей Иванович рассмеялся:

— По доброй, по доброй, Федор Матвеевич. Пришел с озером познакомиться, с пляжем, с вашей станцией, ну и с вами тоже. Я недавно сюда перевелся, надо осмотреться, людей узнать. Сегодня ведь воскресенье. Вот и искупаюсь заодно.

— Это точно, — сказал дед Пахом. — Надо, конечно. А вы и впрямь приезжий, я вас до вчерашнего дня ни разу не встречал. А если купаться, то пошли на воздух. Чего тут сидеть, в берлоге стариковской.

Они стояли у входа в сторожку. Дед Пахом курил, Гуков с интересом, он его не скрывал, оглядывался вокруг.

— Присматриваетесь! — утвердительно тоном произнес старик. — И правильно. Вам надо.

— Надо, Федор Матвеевич, — согласился Гуков.

В воротах станции показались двое. В мужчине Андрей Иванович узнал начальника спасательной станции, Льва Григорьевича.

«Подожди, — подумал Гуков, — как же его фамилия... Ах, да! Бледноруков. Странная фамилия. Лев Григорьевич Бледноруков. А это, конечно, его жена. По определению деда Пахома — королева».

Когда Лев Григорьевич с женой, рослой красивой женщиной лет тридцати или меньше, проходил мимо, начальник станции запнулся, сбился с шага, вопросительно глянул на Гукова: не нужен ли я? Андрей Иванович чуть заметно покачал головой. Дескать, пока нужды в вас нету. Жена Льва Григорьевича оценивающе осмотрела вежливо поклонившегося ей Андрея Ивановича. Когда же вместе с мужем миновала сторожку, оглянулась и измерила Гукова взглядом.

— Чистая тигра, — сказал ей вслед дед Пахом.

РАЗГОВОР С МЕРЛИНОМ

Рейсовый самолет из Франкфурта-на-Майне прибыл в Шереметьевский аэропорт с опозданием на полчаса. Над

большей частью Польши и Белоруссии висел мощный грозовой фронт, и пилоты провели машину в обход, запасным маршрутом.

Среди пассажиров, прилетевших этим рейсом, была группа туристов из Швейцарии. Ожидавший их прибытия гид и переводчик «Интуриста», недавний выпускник Института иностранных языков, заметно нервничал, поглядывал на часы.

Туристов из Швейцарии ждал и еще один человек. Внешне он ничем не отличался от москвичей — мужчина «летнего образца». Легкие светлые брюки, туфли-плетенки, светлая безрукавка навыпуск с накладными карманами. Правда, на аэропортовской площади был припаркован бежевый автомобиль «вольво» с дипломатическим номером. «Вольво» принадлежал этому человеку, но при первом взгляде на его ординарную фигуру это никому бы не пришло в голову... Закамуфлированный под обычного москвича дипломат беззаботно разгуливал по залам международного аэропорта. Он постоял у киосков с сувенирами, купил газеты «Труд», «Сельскую жизнь» и «Морнинг стар», а когда объявили на четырех языках о задержке рейсового самолета из Франкфурта-на-Майне, то дипломат, как говорится, и ухом не повел.

Оставаясь в Шереметьеве еще какое-то время, этот человек дождался, когда группа туристов из Швейцарии прошла контрольно-пропускной пост и таможенный досмотр. Все оказалось в полном порядке, границу для туристов открыли, и они переступили символическую черту, за которой начиналась для них территория Советского Союза и где ждал их с нетерпением представитель «Интуриста». Как только это случилось, хозяин «вольво» с дипломатическим номером с удовлетворением отметил про себя, что все идет как по маслу. Поговорку эту он мысленно произнес на русском языке, которым владел довольно неплохо и зачастую уснащал речь поговорками, видя в этом особую лингвистическую элегантность. Теперь ему нечего было делать в Шереметьеве. Но дипломат позволил себе задержаться здесь еще четверть часа, которые ушли на то, чтобы выпить чашечку кофе.

Автобус с туристами уже ушел. Через некоторое время по Ленинградскому шоссе лихо промчался и приземистый «вольво».

...Огромный зал верхней одежды универмага «Москва», что на Ленинском проспекте столицы. По разные стороны длинного ряда мужских костюмов стояли двое мужчин. Одного из них, с длинным лицом, еще вчера можно было увидеть в Шереметьевском аэропорту, когда он садился в автомобиль «вольво», а потом мчался вслед за автобусом «Интуриста». Второго без труда можно было бы разыскать среди группы швейцарских туристов, прилетевших в Москву.

Оба они делали вид, будто рассматривают костюмы. Эти люди ни разу не взглянули друг на друга и переговаривались вполголоса. Продолжая необычную беседу, они переходили в отдел мужских плащей, пальто, трикотажа... Все их движения были естественны и непринужденны. И дипломата, и туриста невозможно было бы в чем-то заподозрить.

— Послушайте, Кэйт, вы уверены, что вам удастся сбить с толку ваших опекунов, когда вы идете на встречи, подобные сегодняшней?

— Не надо паники, Мерлин, — проговорил человек с длинным лицом, которого называли Кэйтом. — Во-первых, я, как говорят русские, не первый раз замужем. Это выражение трудно перевести на ваш язык, но ведь вы и русский знаете как бог. Разумеется, русский бог, православный. Во-вторых, никакой встречи у нас с вами нет. В-третьих, дело гораздо серьезнее, чем вы можете предполагать.

— Выкладывайте, — сказал Мерлин.

— Признаюсь, миссия ваша в Рубежанск не из легких, но риск того стоит. Ваше путешествие туда принесет огромную пользу фирме, да и вы не останетесь в накладе. Мне думается, вы сможете завязать с этой нашей, прямо скажем, малосимпатичной работой, где нас не берется страховать ни одно общество на свете, и заняться разведением роз или настурций на какой-нибудь миленькой ферме близ Лазурного берега. Но сначала — Рубежанск, надо навестить Кулика. Все остальное потом. Как говорят русские, кончил дело — гуляй смело.

— В ваших словах мало утешительного, Кэйт, хотя, признаться, уговариваете вы вполне профессионально.

— Еще бы! Ведь я готовился к роли католического священника и успешно изучал богословие.

— Что же изменило ваше решение, Кэйт?

— Целибат. Обязательное безбрачие католического

духовенства, которое папа римский не рискнул отменить до сих пор.

— Насколько мне известно, вы так и не были женами, да и сейчас проходите по разряду старых холостяков.

Кэйт улыбнулся. Он встретился взглядом с хорошенькой продавщицей и галантно наклонил голову. Девушка кивнула в ответ, улыбнулась Кэйту.

— Это так. Но я могу совершить эту глупость в любой момент. Дело не в том, Мерлин, чтобы осуществить. Дело в том, чтобы постоянно ощущать, что ты можешь это осуществить. Усекаете? Гм... То есть, я хотел сказать, понимаете разницу?

— Очень хорошо понимаю. Это созвучно моим представлениям о человеческих потребностях, Кэйт.

— И отлично. Однако перейдем к делу. Что мы имеем в Рубежанске? Как всегда, наш резидент Кулик провел отличную операцию. Но произошла накладка с его помощником, чего мы никак не ожидали, поскольку готовили этого человека долго и всерьез. Агент по кличке Друг оказался, увы, недругом. Конечно, Кулик предпринял превентивные меры, но материалов заполучить ему так и не удалось.

— Почему так получилось? — спросил Мерлин.

— Вербовка человека с никелевого комбината осуществлялась через Друга. Этот агент по кличке Святой был связан только с изменившим нашему делу человеком. Кулик знает Святого, но Святой не знает Кулика. Агент на комбинате работает исключительно за деньги, он прагматик чистой воды, никакие идеологические и иные эмоции его не волнуют. Случай в моей советской практике довольно редкий, но бывает здесь и такое. Они сами говорят: в семье не без урода. Судя по наблюдениям Кулика, чекисты не подозревают о роли Друга. Значит, материалы Святой еще не передал Другу. Иначе бы в Рубежанске начался вселенский шум. Устранение Друга прошло гладко. Его провел один из рядовых исполнителей Кулика. Делом занялась была милиция, но теперь она похерила его, списав как несчастный случай. Но со смертью, так сказать, неверного Друга исчезла надежная связь Кулика с нами.

— Откуда все это известно вам, Кэйт? — спросил Мерлин.

— Рубежанский резидент прислал шифровку, исполь-

зовав одноразовый канал связи. Пока вы не попадете туда, Кулик ничего не сможет сообщить.

— «Попадете»... Легко сказать. А если я сам попадусь? Ведь шла речь о дипломатическом прикрытии, и я просил...

— Мало ли что вы просили, Мерлин! — перебил его Кэйт. — После совещаний в Хельсинки и Белграде наше правительство берет курс на потепление отношений с русскими. Фирма не разрешает действовать так, чтобы официальных представителей объявляли персоной нон грата. А главное — в Рубежанск с дипломатическим паспортом вообще не попасть. Только с «серпастым, молоткастым», как говорил их знаменитый поэт, можете приехать в город, который интересуется шефов. А паспортом я вас снабжу отменным. Липы не держим, Мерлин.

— Моя задача?

— Привезти Кулику деньги, на которые он выкупит необходимые материалы у Святого. Вы примете эти материалы у Кулика и отправитесь домой за обильным гонораром. Предложу шефу отметить вас и по советскому обычаю: пусть купит вам путевку на курорт. Полечите нервы. У русских это делает профсоюз, а для вас пусть раскошелится фирма.

— Какой переход границы вы мне подготовите?

— Улетите из Москвы с другой туристской группой, с документами на другое имя.

— Что-то слишком просто получается у вас, Кэйт. Не водят ли вас за нос чекисты? Не работаете ли вы у них под присмотром?

— Нет, Мерлин, вам определенно надо лечить нервы. Я сижу тут, фигурально выражаясь, на вулкане, и гораздо спокойнее, рассудительнее вас, Мерлин...

— У вас дипломатический паспорт, Кэйт. Не путайте божий дар с яичницей.

— Как вы сказали? «Божий дар»... Если позволите, я потом запишу. Эту пословицу я не слыхал. Откуда у вас такое знание языка?

— Я окончил факультет лингвистики в Оксфорде, Кэйт, русское отделение. И потом, в нашем доме говорили на этом языке. Правда, богословие знаю, разумеется, хуже, нежели вы, несостоявшийся аббат.

— Так вам цены нет в России, Мерлин! Я всегда говорил, что наша фирма умеет подбирать кадры. Мо-

жет быть, останетесь на постоянную работу, а? Скажем, учителем русского языка в средней школе?

— Я не склонен сейчас шутить, Кэйт. И потом, мне пора в гостиницу. А я еще не сделал покупок, за которыми отправился в город. Как я найду Кулика в Рубежанске?

ИНЖЕНЕР МУРАТОВ ВСТРЕВОЖЕН

Никелевый комбинат в городе Рубежанске строить начали в годы Великой Отечественной войны.

Это было тяжелое для страны время, когда гитлеровцы рвались к Волге, а горные егеря карабкались по скалам Кавказа, чтоб водрузить нацистское знамя на вершину Эльбруса. Для решительного наступления Красной Армии пужны были танки, сотни, тысячи танков. Но танки немыслимы без крепкой брони. Непробиваемой же делал ее никель. Комбинат был построен в рекордно короткие сроки, и танковая броня, укрепленная его никелем, успела принять на себя удары фашистской артиллерии.

В послевоенные годы комбинат «Рубежанскникель» постоянно расширялся, совершенствовал производство. В наши дни это было передовое современное предприятие цветной металлургии и опорная база для научно-исследовательских работ.

Воскресное пребывание Андрея Ивановича на пляже озера Ультигун ничего не добавило к тому, что они уже имели в расследовании. Всевозможные кандидаты в преступники отпадали один за другим. Гуков и Королев решили в понедельник утром продолжить негласное расследование в закрытой лаборатории «Сигма». Надо было искать путь, по которому ушли оттуда секретные материалы... Руководству комбината еще ничего не было известно, и Андрей Иванович предложил рассказать обо всем директору.

— Конечно,— сказал он, когда собирались вместе с Королевым отправиться на «Рубежанскникель»,— мы рискуем, знакомя кого бы то ни было с фактом утечки секретной информации, но директору комбината должны обо

всем сообщить. Мы не можем вести у него на предприятии расследование втемную.

— Согласен,— откликнулся Вадим Николаевич. — Ружников — толковый мужик, на его помощь можно рассчитывать.

— Тогда поехали,— сказал Гуков.— Мы успеем еще поговорить с ним до планерки. А потом останемся и посмотрим на тех, кто руководит лабораторией и имеет доступ к ее секретам.

Иван Артемьевич Ружников, директор «Рубежанскникеля», был повергнут в смятение рассказом Гукова и Королева, но держался хорошо, стойко. Глуховатым от волнения голосом спросил:

— Что надо делать мне, товарищи?

— Вам пока ничего, Иван Артемьевич,— сказал Королев.— Расскажите Андрею Ивановичу, в чем смысл работы лаборатории. Потом охарактеризуйте людей, которые занимаются проблемой. Андрей Иванович, правда, кое-что знает по части никеля, так вы ему больше про лантаниды.

— Хорошо,— согласился директор.— Скажу только, что наша лаборатория «Сигма» сумела разработать новый метод извлечения никеля из руды. Метод этот дает громадный экономический эффект. Он позволяет получить из того же количества руды больше металла и более высокой кондиции. Как я понял из вашего рассказа, и эта методика попала...

— Да,— кивнул Гуков,— просочились и эти материалы.

— К сожалению,— добавил Королев.

Директор вздохнул и продолжал:

— Это не так страшно, как другое. Старшим инженером этой лаборатории Петром Тихоновичем Кравченко предложена идея весьма оригинального свойства. Дело в том, что наша руда — а комбинат работает на собственном сырье, у нас свой рудник и два карьера,— наша руда содержит целый букет лантанидов. И в довольно большом процентном содержании.

— Это редкоземельные элементы, если мне не изменяет память,— сказал Андрей Иванович.

— Совершенно верно. Четырнадцать элементов, следующих в таблице Менделеева за лантаном, и еще иттрий со скандием — вот они и образуют группу редкоземельных элементов, которые в природе всегда встреча-

ются совместно. Но извлечение их, а тем паче разделение — сложнейший технологический процесс. Раньше, когда редкоземельные металлы представляли, можно сказать, академический интерес, лабораторный, эта проблема не стояла так остро, как сейчас, когда началось широкое промышленное использование этих элементов.

— Иттрий, кажется, применяют в радиоэлектронике? — заметил Гуков.

— И там, и для легирования сталей, и еще кое-где, — ответил Иван Артемьевич. — Словом, овладение редкоземельными элементами имеет важное государственное значение, и технологическая схема Кравченко давала принципиальное решение этому. Собственно, вся лаборатория «Сигма» переключилась на разработку и техническое воплощение его идеи.

— Кто знал об этих работах? — спросил Гуков.

— Знали многие, — вздохнул директор. — Увы...

— Инженер Кравченко впервые сообщил о своем открытии на научно-технической конференции в Каменигорске, — пояснил Королев. — Это уже потом было принято решение о переводе работ в этой области на закрытый режим.

— Но в его выступлении не было ничего конкретного, — возразил Ружников. — Только сама идея...

— Этого, видимо, было достаточно, чтобы заинтересоваться и самим инженером, и исследовательскими работами, — сказал Гуков. — Во всяком случае, вы видели, что по тем бумагам, которые обнаружены у Ирины Вагай, можно судить о главном в предложении Кравченко.

— Да, — сокрушенно произнес директор, — там есть все или почти все. Ведь разработка технологической схемы почти закончилась, осталась доводка второстепенных деталей. Еще немного — и мы хотели представлять Кравченко к Государственной премии. С Москвою это согласовано.

— А остальные работники лаборатории? — спросил Королев.

— Они не имеют отношения к самой идее создания новой технологии, но активно помогали Петру Тихоновичу в дальнейшей разработке процесса.

— Кто знал о существовании работ? — задал вопрос Андрей Иванович.

— Кроме самого Кравченко, конечно, еще заведую-

щий лабораторией, Александр Васильевич Горшков и его заместитель инженер Муратов.

— Инженер Муратов? — спросил Гуков.

— Да, Михаил Сергеевич Муратов. Весьма способный исследователь, талантливый инженер. А что?

— Да нет, ничего. Нам бы, Иван Артемьевич, хотелось посмотреть этих людей, но так, чтоб не вызывать лишних разговоров.

— Они будут сейчас на планерке.

— Вот и отлично. С вашего разрешения, мы посидим здесь с Андреем Ивановичем, — сказал Королев. — А затем оставьте всех троих, заведите какой-нибудь разговор. После этого пусть останется инженер Муратов. Товарищ Гуков, да и я тоже, хотим задать ему несколько вопросов.

Инженер Муратов заметно нервничал.

Он вздрогнул, когда Андрей Иванович спросил его, знаком ли Михаил Сергеевич с Ириной Вагай, и с тех пор беспокойство не оставляло инженера.

— Да, — сказал он, — я был знаком с Ириной Вагай.

— И хорошо знакомы? — спросил Гуков.

Они беседовали в кабинете директора комбината вдвоем. Ружников любезно согласился предоставить им его, а Королев предложил Андрею Ивановичу провести эту встречу самому.

— Меня Муратов может знать в лицо, и потому незачем раньше времени информировать его о том, что его особей в связи с Ириной Вагай интересуется подобная организация. А ты можешь выдать себя за кого угодно.

Инженер Муратов на вопрос Андрея Ивановича ответил не сразу.

— Видите ли, — начал он, — наше знакомство с Ириной... Как вам сказать... Это было нечто особенное... А собственно говоря, какое вам до всего этого дело? На каком основании вы вмешиваетесь в мою личную жизнь?

Гуков успокаивающе улыбнулся:

— Извините, Михаил Сергеевич, вы правы. Я должен был представиться и объяснить существо дела, которое привело меня к вам. Я представитель прокуратуры области, из Каменогорска. К нам поступило заявление, анонимное правда, будто с Ириной Вагай произошел не несчастный случай. Пишут о том, что она якобы покончила с собой...

— Покончила с собой?! — вскричал Муратов. — Но ведь это же абсурд! Форменная чепуха!

— Почему? — спросил Гуков. — Почему вы так считаете? Что вам известно об этом? Говорите!

Михаил Сергеевич опустил голову.

— Я любил ее, — тихо произнес он. — Я очень любил Ирину.

Наступило молчание... Инженер Муратов поднял голову.

— Я закурю, можно? — спросил он, опустив руку в карман.

— Конечно, конечно, Михаил Сергеевич!

— Да, я любил Ирину Вагай, готов сейчас сказать об этом, если мои признания помогут вам объяснить ее загадочную смерть.

— Загадочную?

— Вот именно. Я не верю в несчастный случай, не верю и в самоубийство. Ирина слишком любила жизнь. Она многое любила, вот только меня...

— Но к вам она была более благосклонна, нежели к другим. Так, по крайней мере, утверждал Тимофей Старцев.

— А, этот щелкопер и фанфарон... Пустой, самонадеянный павлин. Ирина называла его «пан спортсмен», а он радостно улыбался при этом, не понимая, что над ним издеваются.

— Расскажите о погибшей подробнее. Может быть, рассказ ваш наведет на какие-то размышления. Вы уже сделали довольно ответственное предположение. Ведь если не было самоубийства и несчастного случая, то остается только одно. Но тогда возникает множество недоуменных вопросов. Словом, я внимательно слушаю вас, Михаил Сергеевич.

— Ирина была необыкновенной женщиной. Не думайте, что я субъективен в силу своего чувства к ней. Об этом вам скажут все. Талантливый режиссер, обаятельный человек, широкая натура, гостеприимная и умелая хозяйка, добрая и отзывчивая душа. Я хотел жениться на ней...

— Жениться?! — воскликнул Гуков. — Но ведь вы не свободны, Муратов, у вас жена и двое детей...

— Ну и что же? — с вызовом спросил инженер. — Разве это помеха для настоящей любви?

— Не знаю, — осторожно произнес Гуков. — Самому не

доводилось попадать в подобное положение, а по чужому опыту судить не имею права.

— Вот именно,— горько сказал Михаил Сергеевич,— не имеете права. Вы порядочный человек, товарищ прокурор... Все остальные считают, что они вправе залезать в души человеческие прямо в сапогах.— Он снова закурил.— Ирина сказала, что любит меня, но только никогда не принесет зла другой женщине. Видите, какая душа была у этого человека? Я уехал в командировку, а когда вернулся...

Инженер Муратов опустил голову.

— Мы возвращались вместе,— тихо напомнил Гуков. Михаил Сергеевич недоуменно взгляделся в него.

— Сидели рядом в самолете...

— И у вас в руках был томик Сименона,— сказал Муратов.— Теперь я вспомнил, где вас видел.

— Совершенно верно.

— Я тоже достал такой же, уже здесь, сегодня.

«О смерти Ирины он мог узнать еще позавчера,— подумал Андрей Иванович.— Мог ли я, находясь под впечатлением известия о гибели любимого человека, спокойно гоняться за книгой.

— Вам нравится детективная литература?

— Я собрал, пожалуй, все, что выходило у нас в стране на русском языке,— несколько хвастливо сказал Михаил Сергеевич.— Есть кое-что и на английском. Я неплохо знаю этот язык.

— Значит, у вас есть и кое-какие навыки криминалиста,— улыбнулся Андрей Иванович.— Не скажете ли мне в таком случае, какие наблюдения, факты, может быть, нечто замеченное вами в поведении Ирины Вагай, словом, что вынуждает вас подозревать в этой истории преступление?

— Ну что вы, какой из меня криминалист!.. А тут даже и повода вроде нет, чтобы такое предположить. Я, знаете ли, исхожу из метода исключения. Ирина — прекрасный пловец, не могла она утонуть в этой луже. Она страстно любила жизнь, во всех ее проявлениях, и не способна была лишиться себя жизни. Да и причин для того не было никаких. Мне хочется думать, что она, как и я, пошла бы ради нашей любви на все, но... Я взрослый человек, инженер, конструктор, всю жизнь имеющий дела с точными расчетами, и отдаю себе отчет в том, что

Ирина не бросилась бы ради меня куда угодно очертя голову.

— И все-таки, — спросил Гуков, — что заставляет вас предполагать убийство?

— Интуиция, наверно... Я не могу объяснить, почему пришла мне в голову подобная мысль. Правда, перед отъездом я замечал в Ирине некое беспокойство, будто она ждала неприятной вести или боялась чего... Я даже сказал ей об этом. Она беззаботно рассмеялась, мне показался искусственным этот смех, но мы оба только что пережили то самое объяснение, понятное дело, нервы у обоих были не в порядке. Потом я уехал.

— Мы подумаем и над вашим предположением, Михаил Сергеевич. А теперь расскажите о народном театре, ведь вы были там на главных ролях. Мне хотелось бы узнать о ближайшем окружении вашего режиссера.

Их беседа продолжалась еще около часа и закончилась просьбой Гукова не рассказывать никому об этой встрече.

Едва Муратов ушел, зазвонил телефон. Гуков подумал, что звонят директору, и трубку поднимать не стал. Телефон позвонил-позвонил и утомонился. Андрей Иванович ждал, когда придет Королев, но того все не было. Вдруг щелкнуло в динамике селекторной связи, и голос Королева недовольно проворчал:

— Ты, Андрей Иванович, что же трубку-то не берешь? Жду тебя в парткоме, этажом ниже. Заходи.

Гуков спустился к Королеву.

— Ну, — спросил Вадим Николаевич, — как тебе пришелся инженер Муратов?

— Он производит впечатление искреннего человека, — сказал Андрей Иванович. — Но все это ничего не значит. Мне показалось, что о любви своей к Ирине Вагай он говорил, как профессиональный актер.

— Это и понятно, — отозвался Королев. — Ведь он был одним из лучших исполнителей в народном театре.

— Меня смущают его упорные заявления о том, что Ирину Вагай убили. Если он причастен к этому делу, то зачем ему так усиленно подводить нас к мысли о совершенном преступлении? Не логично, Вадим.

— А не уловка ли это, Андрей? Понимаешь, иногда преступник нарочито поступает так просто, что следовательно и в голову не приходит разгадка, он не допускает мысли о такой простоте поведения подозреваемого. Сле-

дователь ищет глубже, уходит в стороны, разрабатывает десятки версий, одну сложнее другой... А оказывается, нужно было протянуть руку и взять то, что находилось на поверхности, перед его глазами.

— А вот это логично, — заметил Гуков.

— Слушай дальше, не перебивай, а то ускользнет мысль. Если Муратов тот, кого мы ищем, то он может быть причастен к гибели Ирины Вагай, хотя и не был в это время в Рубежанске. И Муратов может допускать мысль о том, что нам известно о насильственной смерти режиссера. Тогда нет смысла туманить нам головы несчастным случаем. Ничего у тебя не возникло подспудного при разговоре с инженером?

— Да нет вроде... Впрочем, я записал наш разговор на пленку, и в отделе ты можешь послушать его.

— Хорошо. А я побывал в лаборатории. Беседовал с Горшковым, интересовался режимом сохранения секретности. Все у них по инструкции, безмятежность полная. Горшков внешне абсолютно спокоен, таким может быть человек, который и не подозревает о случившемся.

— А чего ему тревожиться, если не сам завлаб передал материалы.

— Ты уверен?

— Я ни в чем не бываю уверен, пока не держу в руках факты.

— Следовательно, мы имеем двух человек, имевших доступ к секретам инженера Кравченко. Горшков и Муратов.

— А может быть, надо искать третьего? — сказал Гуков.

Андрей Иванович встал и посмотрел в окно.

— Иди-ка сюда! Быстро! — вскричал он вдруг. — Муратов...

Они увидели, как Михаил Сергеевич быстрыми шагами, едва ли не бегом, выйдя из проходной комбината, пересек площадь, рванул на себя дверцу вишневого «Жигули». Автомобиль резко взял с места и, набирая скорость, исчез за поворотом.

— Звони Горшкову, — сказал Андрей Иванович.

— Александр Васильевич? — спросил Королев. — Это опять я вас беспокоил. Не могли бы вы пригласить к телефону инженера Муратова. Да? А где же он? — Королев опустил на рычаг трубку: — Михаил Сергеевич

отпросился с работы. Сказал, что ему надо срочно отлучиться часа на два. Заведующий лабораторией «Сигма» добавил, что инженер Муратов был при этом встревожен.

«СИМПОЗИУМ» НА ПОДМОСКОВНОЙ ДАЧЕ

Залитый солнцем Казанский вокзал, казалось, снялся с насиженного места и перенесся в одну из далеких южных республик, поезда из которых он принимал уже несколько десятков лет. Его просторные залы и перроны заполняли смуглые люди в халатах и тюбетейках. Экспрессы высыпали из металлического нутра толпы пассажиров. Человеческое месиво галдело на разных языках, суеилось, мельтешило у подножия высоченных стен оригинального творения архитектора Щусева, а сверху пещадно палило совсем не московское жаркое солнце. И только там, откуда отходили электрички, было поспокойнее. Еще не наступил час пик, и москвичи не ринулись из раскаленных каменных джунглей под спасительную сень зеленого пригородного кольца.

Двое молодых людей, лет по двадцати пяти, едва успели на электричку. Двери с шипением захлопнулись за их спинами.

— Пойдем в вагон, Валя?

— Нет, Костик, мест достаточно, а пароду мало. Насидеться успеем на даче, а так и покурим еще.

Электричка плавно отошла от перрона.

Валентин достал из кармана пачку сигарет «Кэмел» и протянул приятелю.

— Ого, — сказал Костя, — изволите курить американские?

— А что, — отозвался Валентин, — чай, мы в столице живем! Общаемся, так сказать, с загпивающим Западом в рамках принципов мирного сосуществования. Это не в твоём Павлограде...

— Павлодаре, — поправил Костя.

— Это один черт. Я б от такого «дара» отказался безоговорочно и бесповоротно, а ты вот...

— А что я? Теперь тоже в Москве. Отработал три года и вернулся. Или я не москвич!

— Ты, Костя, хаммер! Так и надо!

— Как ты меня назвал?

— Хаммер. Молоток то есть по-английски. Это у нас

новое словечко появилось такое... Означает оно, что молодец ты, Костя! Понял там, у себя в провинции, что нуи вселенной приходится на сей стольный град? Где будешь работать?

— Пока не решил, — уклончиво ответил Константин. — Есть несколько вариантов. Надо подумать.

— Можешь рассчитывать на меня. Правда, сам еще пока числюсь по народному театру во Дворце культуры завода. Но уже имею дело в телевидении, в документалке снял три сюжета, к «Мосфильму» подбираюсь. Кое-какие связи и в театрах есть.

— Да ты, Валя, молодец! — воскликнул Константин. — Или этот, как его, хаммер...

Приятели рассмеялись и пошли вовнутрь — посидеть в вагоне и поболтать «за жизнь». За три года разлуки у обоих накопилось много всяких впечатлений.

Встретились они случайно около двух часов назад. Валентина Вигрдорчика, своего однокашника и приятеля во институту культуры, Костя Колотов увидел на станции метро «Площадь Революции». После восторженных восклицаний и крепких объятий Валентин привел Колотова в летний павильон «Метрополя», заказал коньяк, боржом и фрукты, а когда вышли по рюмке, предложил Косте отправиться с ним вместе в Удельную, к Сонечке Ромовой.

— Там, старичок, собирается небольшой «симпозиум». Будут и наши, и кое-кто из крупных киношников. Хотя режиссер Ромов и почил в бозе, его дача в Удельной стараниями Варвары Иосифовны не захирела. Такие там собираются общества, я тебе дам! Но мамы сегодня не будет, она кости греет в Пицунде. Однокашница Соха проходит за хозяйку. Значит, как ты понимаешь, детский крик на лужайке обеспечен. Едем, не пожалеешь, дедуля! Надеюсь, ты не забыл нашу славную Соху?

Костя помнил Сонечку Ромову, миловидную и бездарную дочь действительно талантливого кинорежиссера. Он не забыл ее серые глубокие глаза, которые, что греха таить, не давали ему покоя целых два, а то и три курса. Вспомнил он и еще кое о чем и для вида поколебался. Неудобно, мол, не приглашен. Но Валя Вигрдорчик был напорист и стоек. Наконец Костя согласился. Тогда они допили коньяк и отправились на Казанский вокзал.

— Кто будет из наших? — спросил Костя на платформе, когда они сели в электричку.

— Из наших? — переспросил Вигрдорчик. — Соня будет, ты будешь. Ну и ваш покорный слуга... Хватит?

— Не густо, — сказал Колотов.

— А ты хотел весь курс созвать?

— Весь не весь... Послушай, Валя, а ты ничего не слышал о Васе Рахлееве?

— Вася в Сибирь умотал, работает там режиссером музыкально-драматического, поставил современную оперетту. Недавно «Совкультура» его хвалила.

— А про Ирину Вагай ничего не слышно?

— Кажется, она тоже в Сибири. Сибирь теперича, друг мой запечный, очень модная штука стала. В народном театре Ирина. С нею Соха Ромова вроде бы пересывается. У нее и спросишь.

— В Москве-то много наших?

— Кто был с пропиской, все остались сразу, либо в первый же год прикатили обратно. На радио есть наши ребята. Кто в телевидение залез, кто самостоятельностью руководит... Пристроились неплохо, подхалтуривают на стороне, обрастают связями — в Москве без них труба дело. Ты, дед, на меня опирайся, я тебя пристрою, все будет оки-доки, не дрейфь. Да и у Сони через помершего папу есть связишки. Опять же Варвара Иосифовна к тебе благоволила, хотя и не дала карт-бланш на союз с дочерью, искала кого пофартовее...

— Я и не добивался этого! — недовольным тоном перебил его Костя. — И вообще эти пристраивания не по мне.

— Узнаю Василия Грязнова! — вскричал Вигрдорчик и хлопнул товарища по плечу. — Ты все тот же, рыцарь печального образа. А все же на Соху виды ты имел, не отпирайся, сохнул ты по Сохе, сохнул, это факт!

Довольный каламбуром, он рассмеялся.

— Раздалась она, твоя бывшая пассия... Кушать больно любит. Только вот ума, способностей не прибавилось. Воткнули ее на студию Горького вторым режиссером... Ведь организатор она неплохой и папино имя умест использовать по делу. Кентов у нее половина Москвы, во всех сферах. Впрочем, сам увидишь. Уже Малаховка?.. Ну вот и нам скоро выходить.

— Театр! Не говорите мне за театр, у меня от того слова несварение желудка. Слушайте сюда!

— Этот пижон — с одесской студии. Он привез свою картину про моряков на конкурс, — шепнул Валентин Косте и подлил ему в длинный узкий стакан из бутылки с виски «баллантайн». — Работает под биндюжника, а вообще, серая личность.

— Что такое театр в наши дни? — продолжал тем временем киношник из Одессы. — Это тень отца Гамлета, не больше и не меньше. Она существует лишь для того, чтоб напомнить о том, старом добром времени, давно канувшем в Лету. Но эта бледная тень-таки не имеет никакого влияния на события современности и на саму, те сезеть, действительность. Собственно говоря, театр в том виде, в каком мы его помним, был всегда кушаньем для узкого круга ценителей.

— А театр Эллады? — подбросил вопрос Вигрдорчик.

— Ха! — сказал одессит. — Вы вспомнили за такую древность... Но этот ваш корректив только подтверждает мою мысль, ибо опять же свободные грэки, — он так и произносил это слово, резко нажимая на обратное «е», — эти самые афинские и прочие грэки-таки принадлежали к избранному слою. Как мне помнится, рабов на трагедии Эсхила не приглашали. И в Риме был такой же порядок...

— А народный театр Ренессанса? — опять вклинился Валентин. — Карнавалы, ярмарочные представления, величественные действа, принятые на вооружение католической церковью?

— Так то же балаган! Я ж имею сказать, юноша, за театр в его классическом обличье, про тот, что начинается с вешалки. Время театра прошло, поскольку исчез его зритель. Толпе или, те сезеть, народу пужно хлеба и зрэлищ. Старая, как мир, истина. Ну, хлебом занимаются другие, а вот по части зрэлищ — это, будьте ласковы, ко мне. Кино, кино и еще раз кино! Вот что нужно толпе. Дайте мне голливудскую смету и не ставьте рэдакторских рогаток, и я переверну мир!

— А он и так неплох, мир наш, — проговорил Костя. — Зачем же ставить его вверх ногами?

— А вы, простите, шо цэ такэ? Звидкиля будете? — прищурившись, спросил одессит.

— Режиссер, — ответил Костя.

— И что вы поставили, режиссер? «Носорога»? «Ста-леваров»? «Премию» Гельмана? А может быть, «Человека со стороны»?

— Этих пьес я не ставил.

— А что вы ставили?

— «Вишневый сад», «Сирано де Бержерак», «Десять дней, которые потрясли мир».

— Ха! А откуда вы изволите быть? С Малой Бронной? Из «Современника»? С Театра на Таганке? Или, может быть, с театра на Лубянке?

— Костик учился с нами, — вмешалась в разговор Сонечка, — потом работал в Молодежном театре, в этом, как его... На целинных землях, в общем.

— Повятно, энтузиаст и землепроходец, значит, — успокаиваясь, проговорил одессит. — В провинции оно, конечно, все по-другому смотрится... Теперь и Одесса-мама совсем окраина России.

— Костя перебирается в Москву, здесь будет работать, — добавила Сонечка.

— Ну вот и ответ на все вопросы. Собственно, и спорить было не из чего. Рыба ищет где глубже, а человек — где рыба! Так у меня в моей фильме один герой, капитан траулера, изъясняется — здоровая у него философия.

— А у вас она, философия эта, тоже здоровая? — спросил Костя.

— Послушайте, салага, не надо со мной заводится... Дядя Гоша этого совсем не любит. С дядей Гошей надо ладить. И ша!

— Мальчики! Мальчики! — вскричала Сонечка Ромова. — Перестаньте спорить. Валя, налей мужчинам виски!

Режиссер повернулся к Сонечке:

— Выпить — оно, конечно, творческому человеку трэба. И знаете шо? Вот ваш папа, простите меня, дорогая хозяйюшка, он знал, что толпе трэба. Он дюже хорошо разумел за массовость искусства, добрэ усекал по части наших кинских дел.

Резкий автомобильный сигнал заставил всех вздрогнуть.

— Это Кэйт! — воскликнула Сонечка. — А ведь говорил, что не сможет заехать, такой противный...

Сквозь металлические прутья ворот виднелся поставленный у обочины «вольво» бежевого цвета.

— Хау ду ю ду! — крикнула Сонечка гостю. — Гутен таг, дорогой Кэйт!

— Наше вам с кисточкой! — отозвался Кэйт, привет-

ливо улыбаясь Соне, пожимая ей обе руки сразу и внимательно взглянув на Костю.

— Знакомьтесь. Это Костя, мой однокашник, а это Кэйт. Наш общий друг.

— Вы часто ели вместе одну и ту же кашу? — спросил Кэйт.

Соня недоуменно глянула на него.

— Вы сказали, Соня, про этого молодого человека: однокашник. И я мог думать...

Соня расхохоталась:

— Ах, вот вы о чем! Ну и шутник! Мы учились с Костей в одном институте, про таких людей говорят — однокашник...

— Еще одна идиома для моей коллекции, — сказал Кэйт. — Вы позволите мне сразу записать...

Он достал из кармана блокнот и поршневую ручку.

— Записывайте, да поскорее. Идемте на веранду, там вас ждут гости и виски. И режиссер Сагайдаенко, из Одессы.

— О, Сагайдаенко! Интересный мастер. Но я имею времени в обрез и приехал только сказать, что не могу провести у вас вечер. Один коктейль — и пора ехать.

Соня подхватила Кэйта под руку и увлекла к веранде.

— Кто это? — спросил Колотов у Вигрдорчика, когда они стояли с коктейлями в дальнем углу.

— Кэйт! Рубаха-парень! Веселяга и поддававший. Он то ли дипломат, то ли аккредитованный в Москве представитель западного пресс-агентства. Хорошо знает и кино, и театр и по части литературы мастак. Сигареты достает, любое пойло... Одним словом, хаммер. Тебя Соня познакомила? Тогда любую импортыгу через Кэйта достанешь.

— А ему какой в этом интерес?

— А общение? С загадочной русской душой общение? Сейчас, брат, на Западе к нашей душе повышенный интерес, за это валютой платят. А Кэйт вроде книгу пишет...

— И скольким бутылкам виски эквивалентна твоя душа, Валя?

— Ну, ты брось эти намеки! Я просто использую эту лошадиную морду — и все. А до моей души ему не добраться.

— Смотри, Валя, такие дяди ничего даром не дают.

— Чересчур бдительным стал ты в своем Павлограде.

— Павлодаре.

— Ну, значит, в нем... Знаем мы, дорогой провинциал, и про наведение мостов, и про деидеологизацию, и про попытки мирного востания... У нас во дворце такие зубры международное положение читают, что только держись. А как же мирное сосуществование? Разрядка, Хельсинки? Ведь не означает же все это, что мы зверем на них должны смотреть? Так что, брат, мы тут дело знаем туго. И вовсе даже не лопухи.

— Ну-ну, — только и ответил Вигрдорчику Колотов, что еще он мог сказать.

Кэйт выпил свой коктейль, простился со всеми и уехал. Костя успел заметить, что он передал одесскому кинорежиссеру визитную карточку. Одессит согласно покаивал головой и бережно спрятал ее в желтый объемистый бумажник.

В воротах появились еще две пары. В одном из парней Колотов узнал молодого актера, снявшегося недавно в многосерийном фильме о гражданской войне. Он узнал его, несмотря на то что экранный кавалерист-буденновец отпустил длинные пряди волос, лежавшие на плечах модного пиджака с блестящими пуговицами. Остальные были Колотову неизвестны.

— Был женихом Ирины Вагай, — шепнула про актера Сонечка Ромова. — Вот дуреха, отказалась от него, уехала в свой Рубежанск! А теперь этого парня к премии представляют. Могла бы стать лауреатшей. Серж далеко пойдет.

— Как она? — спросил Костя. — Ты вроде переписываешься с нею?

— Давно не писала, только на днях отправила ей письмо. Кэйт вот тоже про Ирину спрашивал.

— Кэйт? А он-то при чем?

— О, Костик! Тут такая история! Гранд романтик... У них ведь любовь была.

— У Ирины и у этого типа? Откуда они знают друг друга?

— Ирина на последнем курсе с ним познакомилась, в Доме кино. Ты знаешь, он даже жениться на ней хотел.

— Выдумываешь, Соня.

— Точно! Наверно, она и этому вот красавчику отказала из-за Кэйта. А потом вдруг взяла и уехала в свою Тьмутаракань. «Ты уедешь к северным оленям, в жаркий

Туркестан уеду я...» Правда, когда в Москву приезжала, встречалась с Кэйтотом у нас на даче.

— Интересно, — сказал Костя. — И даже весьма. «Такие вот бывают у вас интересные дела», — с горечью подумал он.

«ХВАТИТ УБИЙСТВ НА ПЛЯЖЕ!»

Вадим Николаевич обвел собравшихся тяжелым взглядом. Глаза его были красными, воспаленными.

— Мы собрались, товарищи, для того, чтобы подвести предварительные итоги, — начал Королев, — и выработать наконец эффективные способы ведения этого дела, которое должно же когда-нибудь быть сдвинуто с мертвой точки, черт возьми! Хватит убийств на пляже!

«Опять не сдержался, — подумал Андрей Иванович. — Нет, положительно он нуждается в отдыхе. Иначе и дело не пойдет».

— Что мы имеем? — продолжал Королев. Он уловил укоризненный взгляд Гукова и взял себя в руки. — Два убийства на пляже — вот что мы имеем в первую очередь. И утечку материалов из секретной лаборатории. Судя по обстоятельствам дела, можно взять за основу такую версию. Ирина Вагай, являясь вражеским агентом, установила связь с кем-нибудь из лиц, имеющих доступ к закрытым материалам. Официально таких лиц трое. Заведующий лабораторией, инженер Муратов и сам автор открытия инженер Кравченко. Кто из них? А может быть, есть и четвертый, о котором мы не подозреваем.

— Автора, пожалуй, можно исключить; — заметил Василий Мелешин, один из самых молодых сотрудников отдела.

Все повернулись к нему, и Мелешин покраснел, глянул на Гукова, под руководством которого он участвовал в этом деле. Андрей Иванович кивнул ему ободряюще.

— Резонно, — произнес Гуков. — Но и Кравченко мог проявить неосторожность... Невзначай поделиться информацией с коллегой или еще как...

— Это мы учитываем, — сказал Королев, — и потому тщательно изучаем окружение всех троих сотрудников «Сигмы». Пока ничего путного не получили. Но пойдем дальше. Режиссер Вагай получает секретные материалы. Теперь она должна передать их некоему Иксу. Либо это

сам хозяин, либо его связник. Но женщину охватывает раскаяние. Она надеется приподнять черный запавес и вытается сообщить нам обо всем, начинает писать заявление, затем отправляется на пляж, где ее убивают. Почему? Можно предположить, что шефы Ирины Вагай узнали о колебаниях агента. Возможно, она пригрозила им разоблачением. Все это нам предстоит узнать. Вопрос: знали ли они о том, что материалы находятся у Вагай? У Андрея Ивановича есть одно соображение, на котором он предлагает построить расследование. Слово товарищу Гуккову.

— Мне думается, что они не знают о передаче материалов Ирине Вагай. Более того, я уверен: им еще ничего не известно, — сказал Андрей Иванович. — Ночной визит в ее квартиру не в счет. Могли искать улики связи Ирины с нами, могли искать и подтверждение тому, что она дрогнула, заколебалась. И они бы нашли их, эти едва начатые заявления в наш адрес. Но «гостя» спугнула дворничиха, а утром начался осмотр квартиры. За результатами осмотра тщательно следили, и когда увидели, что легенда с несчастным случаем у них прошла — а это ваша заслуга, товарищи, — то успокоились. И теперь... Но, прежде чем я расскажу о своем предположении, мне хотелось бы, чтобы Вадим Николаевич продолжил рассказ о предполагаемом разворачивании дальнейших событий.

— Со вторым убийством дело обстоит еще туманнее, нежели с первым, — вздохнул Вадим Николаевич. — Посудите сами, товарищи. Смерть Тимофея Старцева не дает нам ни одной прямой зацепки. Если по делу об убийстве Ирины Вагай мы можем перекинуть мостик к обнаруженным в квартире документам, то убийство Старцева в равной степени может быть и политическим, и заурядно уголовным. Что склоняет нас к первому варианту? То, что Старцев обнаружил, как якобы она тонула. Это раз. Теперь я все больше склоняюсь к мысли о том, что в этой части Старцев лгал, все было иначе. Второе. Его личные связи с погибшей. По уголовной же версии, наиболее достоверной причиной является ревность одного из многочисленных рубежанских рогоносцев, ставших таковыми по милости этого красавчика. Включая, товарищи, и начальника спасательной станции. Он один из наиболее возможных кандидатов в убийцы. Эта версия по-прежнему тщательно исследуется товарищами из уголовного розыска. Параллельно изучают они и другие возможности, близкие

им по роду работы. Но пока оставим это в стороне. Связан ли Тимофей Старцев с первым преступлением? Является ли он сообщником, которого убрали по не понятным еще для нас причинам? Или Старцев и есть убийца Вагай, уничтоженный для запутывания следов? А может быть, именно он приходил в ту ночь к Ирине и наказан за то, что не выполнил задания? Не стал ли он таким же колеблющимся, как и убитая женщина? Мог оказать свое влияние на поведение Старцева и насильственный характер смерти Ирины Вагай... Что скажете, товарищи?

Первым взял слово заместитель Королева, седой высокий человек, опытный работник. Гуков вспомнил, что в этом году он готовится уйти на пенсию. С сорок первого года все воюет и воюет бывший «смершевец». И «лесных братьев» брал, и по убежищам-схронам, где прятались оуновские бандиты, пришлось ему поползать... Королёвский зам разобрал все выдвинутые его шефом положения и согласился, что оба убийства связаны между собой. Он предложил ряд мер по установлению канала утечки закрытых материалов из лаборатории. Дельно выступал заместитель. «Есть еще порох в пороховнице, — отметил Гуков, — не оскудели сметливостью старые кадры».

Дошла очередь и до Васи Мелешина. Тот встал, беспомощно завертел головой, глянул на Андрея Ивановича, словно искал поддержки.

Гуков улыбнулся.

— Мы... в общем... — проговорил Мелешин, — Андрей Иванович и я... словом... Вместе!

— Нельзя ли пояснее! — недовольно поморщился Королев. — Что значит «вместе»?

Андрей Иванович, продолжая улыбаться, поднялся со стула, успокаивающе повел рукой в сторону Мелешина.

— Вася прав, — сказал Гуков. — Мы вдвоем выработали ряд мер, которые и хотим вам предложить. Кстати, тут больше от Васиных идей, нежели от моих. Если он и смутился сейчас, то от невозможности четко разделить авторство.

— Мы ведь все вместе придумали, Андрей Иванович! — взволнованно сказал Мелешин. — Но только после того, как вы... Без вас бы я и не додумался!

— Хорошо, Вася, хорошо... Разве в этом суть? Пусть товарищи послушают тебя. Учись излагать свои соображения перед коллективом. Начинай рассказывать о нашей задумке, а будет надобность, я тебе помогу.

Мелешин приободрился, откашлялся, подтянулся и, слегка отвернувшись от пытливого взгляда Королева — чтоб не смущал, — заговорил...

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ДЕДОМ ПАХОМОМ

Гуков сидел в малом зале Дворца культуры металлургов и слушал лекцию о международном положении. Выступал доцент-историк из Каменогорска. Говорил он толково и обстоятельно. А в первом ряду сидел инженер Кравченко. Гуков посматривал иногда в его сторону и видел затылок человека, чье открытие вызвало такой нежелательный для нас интерес за кордоном. И в это время Гуков вдруг почувствовал, что сзади на него пристально смотрят. Он неторопливо повел туловищем, будто бы усаживаясь поудобнее, и резко повернул голову.

За колонной, откуда — Гуков готов был поклясться в этом — только что рассматривали его тяжелым взглядом, никого не было.

«Понятно, — подумал Андрей Иванович, — вот тебе и первый сигнал. Заработала хитрая машина... Мною явно интересуются, и делается это не из праздного любопытства».

Больше он не поворачивался и взгляда на затылке не ощущал. Тут и доцент закончил лекцию, ему нестройно похлопали, вопросов не было, все потянулись к выходу. Гуков не торопился, пропустил всех, и Кравченко тоже, вышел в фойе за инженером следом... В буфете торговали бутылочным пивом, все направились туда, и тут Гуков потерял инженера Кравченко из виду. Прямо удивительно: был человек — и вдруг пропал! Андрей Иванович огляделся по сторонам, пожал плечами и вошел в буфет. Он с сомнением посмотрел на очередь, занятые столики, и тут его окликнули:

— Андрей Иванович!

Это был Федор Матвеевич, сторож со спасательной станции. На нем был вполне приличный костюм, рубашка в полоску, без галстука, застегнутая доверху. Федор Матвеевич сидел за столом, где стояло с полдюжины непечатых бутылок и столько же опорожненных, и рукой подзывал Гукова.

— Прошу ко мне, — сказал Федор Матвеевич, когда Гуков приблизился. — Негоже вам в толпе тискаться, а

мне пива еще поднесут. Угощайтесь пока, вот и стакан чистый.

Андрей Иванович, несколько удивленный свежим видом старика и его присутствием во Дворце культуры, присел на стул:

— По какому случаю праздник, Федор Матвеевич? И не есть ли это измена «бормотушке»?

— Никак нет, Андрей Иванович. Пиво идет по особь статье. А пришел я сюда согласно моим правилам: раз в неделю на одетых людей глянуть, чтоб не одичать вконец среди пляжных голяков. Такое мое правило на сегодня... А пиво вы пейте.

— Спасибо, — сказал Гуков и наполнил стакан. — Пиво я люблю. Угощение за мной. Я ведь еще и за знакомство с «бормотушкой» отблагодарить вас должен.

— Стоит ли об этом говорить! Для хорошего человека мне ничего не жалко.

— А как вы различаете их, Федор Матвеевич, плохих и хороших?

— Это простое дело. По глазам вижу.

Гуков вдруг увидел, что в буфет вошли Кравченко и еще один человек, который что-то горячо втолковывал инженеру. Тот слушал его внимательно, медленно оглядывал зал — то ли место искал свободное, то ли увидеть кого хотел.

Потом Гуков и сам не мог объяснить себе, почему он задал деду Пахому вопрос именно в этот момент. Но вопрос был задан Андреем Ивановичем именно в тот миг, когда в буфете появились эти двое.

— Интересно, — сказал Гуков, — а по незнакомым, впервые увиденным глазам, Федор Матвеевич, вы можете определить сущность человека?

Дед Пахом кивнул и поднес стакан ко рту.

— Видите этих двоих? — показал глазами Гуков на Кравченко и его спутника. — Хорошие они или плохие?

Рука Федора Матвеевича, держащая стакан с пивом, чуть дрогнула. Дед Пахом медленно опустил стакан на стол. Андрей Иванович с любопытством смотрел на старика.

— Который из них вас интересует, начальник?

— Худощавый, тот, что впереди.

— Этот человек — большая умница. Но характером слаб, твердости в нем мало, мягкотел он характером, а вообще, добрый.

— А что про второго скажем?

— А он спиной ко мне стоит. И потом, дорогой начальник, за такие фокусы в цирке деньги берут, а вы вот задарма хотите. — Старик зло сощурился и пристально посмотрел на Гукова.

ПИСЬМО НА ТОТ СВЕТ

— Скажите, Михаил Сергеевич, вы действительно настолько любили покойную Ирипу Вагай, что готовы были оставить жену и двоих детей?

Инженер Муратов тяжело вздохнул, приподнялся в кресле, куда усадил его начавший допрос Королев, и вытер лоб смятым уже платком.

— Я не понимаю, — сказал он, — мне неизвестно, имете ли вы право задавать такие вопросы, тем более их задают мне уже не первый раз.

— Кто вас еще спрашивал?

— Ваш коллега, который присутствует сейчас здесь. — Муратов кивнул на Гукова, устроившегося в кабинете начальника рубежанской милиции, который уступил его для проведения допроса.

— Было такое, — сказал Гуков. — Спрашивал.

— Мы можем задать вам любой вопрос, если он обусловлен интересами расследования, товарищ Муратов, — спокойно произнес Королев. — Поэтому уж не взыщите... Придется отвечать.

— Расследования? — вскричал, снова приподнявшись, инженер. — Почему я должен отвечать на ваши любые вопросы? В чем меня обвиняют?

— Так уж сразу и обвиняют! — мягко проговорил Андрей Иванович. — Что это, право, Михаил Сергеевич, вы так всполошились? Успокойтесь. Вас просто допрашивают в качестве свидетеля. Обычное дело.

— Хорошо, — глухим голосом произнес Муратов. — Да, я любил эту женщину и был готов оставить семью ради нее.

Наступило молчание.

— Нет, — сказал инженер, — не так выразился. Оставить жену — это да. Детей оставлять я не собирался.

— Жена знала о ваших намерениях? — спросил Королев.

— Я хотел ей сказать, но Ирина запретила мне. Ирина не хотела причинять боль другой женщине. Это был не-

обыкновенный, святой человек! Да... Какая нелепая смерть! — Неподдельная глубокая скорбь прозвучала в голосе Муратова.

Гуков и Королев переглянулись.

— Вы, конечно, думали и о судьбе детей, — сказал Андрей Иванович, — когда принимали решение о союзе с Ириной Вагай.

— Думал, — ответил Муратов. — Я хотел их взять с собой.

— А жена ваша согласилась бы на это? — задал вопрос Королев.

— Нет, — глухо проговорил инженер и опустил голову. — Нет, она не согласилась бы. Я знаю это точно.

— И тогда бы вы оставили не только жену, но и детей тоже, — проговорил Гуков.

Муратов не отвечал.

— Скажите, Михаил Сергеевич, — спросил Королев, — где вы встречались с Ириной Вагай?

Инженер заметно смутился.

— В каком смысле? — проговорил он, запинаясь.

— В самом прямом. В каких местах вы виделись с нею?

— Во дворце культуры, на репетициях. Дома я у нее бывал. За город ездили. Ну и у общих друзей встречались...

— А на комбинате?

— Ирина часто бывала в цехах, она всегда говорила, что должна знать тех, для кого работает. Виделись мы с нею и на комбинате.

— И к вам она заходила? — спросил Андрей Иванович.

— Ко мне домой?! — воскликнул Муратов.

— Нет, зачем же! — сказал Вадим Николаевич. — В лабораторию «Сигма».

— В нашу лабораторию с обычным пропуском не попадешь, — проговорил, успокаиваясь, Михаил Сергеевич. — Да и не было нужды видаться нам еще и здесь, на моем рабочем месте.

— Значит, Ирина Вагай никогда не бывала в стенах лаборатории? — спросил Королев.

— А чего ей там делать? — вопросом на вопрос ответил Муратов.

— Хорошо, — сказал Королев. — Благодарю вас. — Он повернулся к Гукову: — Хотите спросить еще что-нибудь?

— Нет, достаточно, — ответил Андрей Иванович.

— Тогда вы свободны, товарищ Муратов. Прошу о нашем разговоре никого не информировать. Вы понимаете?

— Да-да! Конечно понимаю... Никому не скажу.

Инженер Муратов вышел.

— Ну, — сказал Королев, — как он тебе показался?

— Сложное впечатление. С одной стороны, тяжело переживает гибель любимого человека. Любовь в этом возрасте к молодой женщине — опасная штука. Ему ведь за сорок?

— Сорок пять.

— Бывает, что и сильные духом мужчины теряют голову в таких ситуациях. Только не забывай, что Муратов еще и способный актер. Все в один голос твердят: есть в нем божья искра.

— Я тебя понял, Андрей. Он мог и сыграть свое чувство к Ирине. Только зачем это ему пужно?

— Резонно, Вадим. Зачем это ему нужно?.. Не знаю. Но глаз с Муратова спускать нельзя. Тут возможен такой вариант: Ирина Вагай знала о допуске влюбленного в нее инженера к секретным материалам — она узнала об этом от некоего Икса, в подчинении которого находится. Икс приказывает ей обольстить Муратова, что большого труда Ирине не составило. Когда инженер, как говорится, созрел и был готов бросить семью, Ирина Вагай ставит ультиматум: или материалы и она, либо Муратов не получит ее. Тогда Муратов, потерявший от чувства к молодой женщине голову, и решается на преступление. Он передает режиссеру секретные материалы и уезжает в командировку.

— И тот его срочный отъезд с комбината на машине, свидетелями которого мы с тобой были, — задумчиво проговорил Королев. — Помнишь? Это было после твоего с ним первого разговора...

— Да, — сокрушенно сказал Гуков, — на своем «Жигуленке» Муратов обошел твоих ребят. Они ведь его потеряли, и мы до сих пор не знаем, где был Муратов в течение двух часов.

— Я думал, что ты спросишь его об этом, Андрей?

— Зачем? Чтоб раскрыть наблюдение за ним? Пусть пока резвится свободно.

— Ладно, — сказал Вадим Николаевич, — с Мурато-

вым пока оставим. Ты мне скажи, что за хитрую акцию ты проводишь вдвоем с моим Мелешиным?

— Уже пронюхал... Неплохо у вас поставлена служба, товарищ начальник. Или сам Мелешин доложил?

— До Мелешина я еще доберусь! — притворно суровым тоном произнес Королев. — Ишь ты! Служит исправно чужому дяде, а про дорогого и близкого товарища начальника забыл! Ну и ты тоже хорош... Заимел какие-то собственные соображения и разрабатываешь их втихую. Как это называется, Андрей Иванович?

— Это согласно, Вадим, русской пословице: семь раз отмерь — один раз отрежь... Понимаешь, на голом месте построил гипотезу, на одной интуиции. Тебе рассказать, так ты, старый зубр, смеяться будешь, ничего, кроме эмоций, в этой моей версии нет. А Вася Мелешин — салага, он смеяться не будет. Да я и не посвящаю его во все. Он пока выполняет отдельные поручения, порой не догадываясь об их связи между собой. Ведь одному мне повсюду не успеть.

— Хорошо-хорошо! — перебил Гукова Королев. — Давай попробуй свою интуицию, я в ее существование всегда верил. Только вот сейчас она мне, моя интуиция, подсказывает, что мы оба схлопочем солидные «фитили» от Щербакова, если не разберемся со всем этим в ближайшее время.

— Наш дорогой начальник Щербаков не только на «фитили» горазд, — возразил Гуков. — Я ведь не успел тебе сказать... Из главной нашей конторы мне сообщили, что после установления прежних московских знакомств Ирины Вагай к делу подключились тамошние ребята.

— Это уже что-то, — сказал Королев. — Они там, мы здесь, глядишь, и обложим зверя.

— Давай еще раз посмотрим, как организовано хранение секретной документации в лаборатории «Сигма», — предложил Андрей Иванович. — Может быть, отыщем еще какую щелку...

— Давай посмотрим, — согласился Королев, но в это время в дверь постучали.

Вадим Николаевич крикнул:

— Войдите!

Вошел его заместитель.

— Прошу прощения, — сказал он. — Есть интересная новость. Посмотрите-ка вот это.

— Что это? — спросил Вадим Николаевич.

— Письмо на имя Ирины Вагай, — ответил заместитель. — Прибыло с утренней почтой. Отправлено из Москвы четыре дня назад. Отправитель С. Ромова, или, как она себя именует в письме, «Соха».

Королев вытащил листок из конверта, понюхал, хмыкнул, развернул и принялся читать. Гуков подошел к столу, взял в руки пустой конверт и стал внимательно рассматривать его. Вадим Николаевич прочитал письмо, взглянул на Гукова, пробежал глазами текст еще раз. Затем он протянул листок Андрею Ивановичу и сказал:

— По-моему, это тот самый второй кончик веревочки, о котором ты говорил в первый день своего приезда в Рубежанск.

МЕРЛИН ИЩЕТ РЕЗИДЕНТА

— Вы знаете, я так возмущена нашим сыном, что просто места себе не нахожу, Сергей Сергеевич! — проговорила модно одетая женщина средних лет, обращаясь к попутчику, с которым они вот уже вторые сутки ехали в одном купе скорого поезда Москва — Рубежанск.

Ее безмолвный супруг кротко сидел в углу, даже не пытаясь вступить в разговор, который вела его жена с этим вежливым, представительным москвичом, командированным в их Рубежанск.

— Я говорю отцу: «Воздействуй на парня по-мужски. Разве мне, слабой женщине, по силам справиться с этим верзилой акселератом?» Да разве он может!

Она махнула рукой. Семен Гаврилович пожал плечами и виновато улыбнулся.

— Чем же он вас так огорчил? — спросил Сергей Сергеевич.

В бумажнике Сергея Сергеевича лежал паспорт на имя Малахова, удостоверение корреспондента «Советской торговли» и соответствующее командировочное предписание. Спецкор Малахов направлялся в Каменогорскую область для сбора материалов к очерку о лучших людях, работающих в системе потребительской кооперации, и начать свой объезд этого обширного края решил с города Рубежанска.

— Так чем же вас так огорчил ваш наследник? — повторил свой вопрос Сергей Сергеевич.

— Ох и не спрашивайте лучше! Эти мне наследники, одна беда с ними!.. Закончил он в этом году школу, учился хорошо, подал на исторический в МГУ. На второй день

после выпускного бала отправили его самолетом в Москву. И сдал все на «отлично», прошел по конкурсу. Мы так радовались с отцом.

— И что же? — спросил Малахов.

— Через три дня вызывает нас на переговоры и убивает наповал. Решил он, дескать, сам делать историю, а не изучать ее. Перевелся на заочный факультет и подал заявление с просьбой отправить его на эту самую дорогу Сургут — Уренгой. Захотелось ему в тайге поработать. Мы с отцом на самолет — и в Москву. Три дня бились — ни в какую. Так и не сумели уговорить, уехал. Вчера провожали их эшелон. Музыка, цветы, а я только реву и слова сказать не в состоянии... А он, значит, рельсы в тайге... Вместо Ленинских гор... — Она всхлипнула и поднесла платок к покрасневшим и припухшим глазам.

— Ну будет, будет, Маша! — проговорил муж и осторожно провел по ее плечу ладонью. — Успокойся.

— Конечно, Мария Михайловна, не надо расстраиваться, — сказал корреспондент. — Сейчас такое время, молодежь стремится испытать себя, проверить на большом деле. Вот и ваш сын подался туда, где труднее. Вам гордится им пужно. Молодец!

— Вот и я говорю, — начал было Семен Гаврилович, отец будущего строителя заполярной магистрали, но Мария Михайловна грозно взглянула на него, и Семен Гаврилович умолк.

В дверях купе показалась проводница с подносом в руках.

— Чай будете? — спросила она.

— Разумеется! — воскликнул Малахов. — А я так целых два стакана. Люблю побаловаться чайком, московский ведь водохлеб.

— Потом повторите, если что, — сказала проводница, оставила четыре стакана и ушла.

Пили чай, говорили о жизни, но говорила в основном Мария Михайловна, мужчины больше слушали, а когда она решила прилечь, Малахов и Семен Гаврилович вышли в коридор курить и с увлечением беседовали о рыбалке, к коей оба были весьма пристрастны. Потом снова пили чай, затем улеглись спать. А утром, когда подъезжали к Рубежанску, Мария Михайловна написала Сергею Сергеевичу домашний адрес, просила заглянуть к ним:

— Мы живем в коттедже, на Июльской улице, дом

шесть, спросите любого, где живет инженер Дынец, моего мужа все знают...

Малахов обещал обязательно навестить этих милых, приветливых рубежанцев, с тем и расстались на перроне.

Малахов вышел на привокзальную площадь, купил в киоске городскую и областную, каменногорскую, газеты, журналы «За рубежом» и «Уральский следопыт». Облюбовав свободную скамейку в тенистой аллее, идущей от вокзала, Сергей Сергеевич присел и углубился в чтение.

Его попутчики, супруги Дынец, давно добрались до своего уютного коттеджа на Июльской улице. Мария Михайловна уже обзванивала подруг, призывала разделить ее сетования по поводу взбалмошного поступка сына. Семен Гаврилович подумывал о том, как ему улизнуть уже сегодня на комбинат, хотя на работу он должен был выйти только завтра. А Сергей Сергеевич все еще оставался на вокзале.

Послапец Кэйти торчал на вокзале, а потом в сквере, пытаясь обнаружить существование хвоста. Дорога для него как будто была спокойной, подозрительного Малахов — Мерлин не заметил. Но это ничего не значило. Его могли бести от Москвы до Рубежанска самым необычным образом. Ну, хотя бы с помощью тех же Марии Михайловны и Семена Гавриловича, которые вдруг окажутся вовсе не супругами, а сотрудниками контрразведки. А по прибытии в Рубежанск он, Сергей Сергеевич, мог быть передан другим людям, которые и довели бы его до самого резидента — Кулика. Все это учитывал Мерлин и был предельно осторожен. До встречи с резидентом против него почти никаких улик нет. Ну, скажем, фальшивые документы и незаконный переход границы... Ряд цифр, записанных тайнописью... Только вот расшифровать послание, направленное Кулику, чекисты не смогут — нужна книга для расшифровки, а она имеется лишь у резидента.

А вот если его, Мерлина, возьмут во время или после встречи с Куликом, тогда конец... Присутствие у него секретных документов ничем, кроме как шпионской деятельностью, не объяснишь. Правда, он их должен отправить бандеролью — и тогда со всех ног отсюда!.. Но дадут ли ему сделать это?

Сергей Сергеевич поднялся со скамейки и неловко направился к зданию вокзала. Он прошел в зал автоматических камер хранения. В зале было пусто, свободных камер достаточно. Малахов оставил в одной из них пуза-

тенький портфель, положил на него сверху плащ — день был солнечный, жаркий — и вышел в зал ожидания. Здесь он словно невзначай остановил проходящего мимо пассажира и спросил, как добраться до центра города. По пути Малахов четыре раза спрашивал дорогу, хотя прямая улица и вела его от вокзала к гостинице «Серебряное копытце». Дважды спрашивал Сергей Сергеевич у встречных и про время. Делал он это не случайно. Ведь если за ним идут по следу, идут так, что он этого пока не может обнаружить, то пусть хоть силы чекистов ослабнут, расплытятся. За каждым человеком, с которым он заговорил, вступил в контакт, будет установлено теперь наблюдение — а вдруг это связник Мерлина? Вот и набирал себе Сергей Сергеевич мнимых сообщников: пусть, мол, контрразведчики поломают себе головы...

В номере Малахов выкурил сигарету, постоял у окна, глядя на улицу, затем спустился вниз и спросил у администратора, где бы он мог пообедать.

— У нас ресторан хороший, сходите туда, пельмени ручной выделки, фирменное блюдо. А то в диетическое кафе, это за углом, налево.

В ресторан Сергей Сергеевич вошел с журналом «За рубежом» в руках. Журнал он положил сложенным пополам, названием вверх, и принялся ждать.

Обед подали быстро. Когда Малахов расплачивался с пожилым сидящим официантом, то, неловко повернувшись, смахнул локтем журнал на пол. Официант наклонился и подал журнал клиенту. Малахов поблагодарил официанта и спросил:

— Где у вас купаются? Жаркий день, не правда ли?

— Вы правы, — ответил официант, передавая Малахову сдачу. — Сегодня довольно тепло. А купаться надо в озере Ультигун. Там отменный пляж и народу в будний день не густо. На шестом автобусе от гостиницы, остановка так и называется — «Пляж».

— Благодарю вас, — сказал Сергей Сергеевич. — Пельмени у вас превосходные.

На остановке он взглянул на часы. Время еще есть. Ровно в пятнадцать часов по местному времени он, Мерлин, должен лежать подле четвертой кабинки для раздевания, если считать от вышки спасательной станции вправо. Лежать ему необходимо вверх спиной, в голубых плавках с тремя белыми полосами поверху. В таком положении Мерлин должен оставаться ровно десять минут. За-

тем ему необходимо сесть лицом к воде и начертить прутиком на песке номер комнаты в гостинице. Вот и все, что содержалось в инструкции Кэйти, которой он снабдил Малахова для связи с резидентом. Остальное его не касалось. Остальное было делом Кулика. Он найдет теперь Мерлина, выйдет на него с паролем. А пароль Сергей Сергеевич помнит наизусть.

Шестнадцать часов по местному времени. Теперь можно идти в гостиницу и ждать до вечера. В двадцать ноль-ноль Малахов выйдет на улицу и будет прогуливаться перед гостиницей. Затем ужин в «Серебряном копытце» и ожидание в номере. Если до утра резидент не обнаружит себя, Малахову надо выехать в село Крутиху, заняться там два дня корреспондентскими делами и вернуться снова в Рубежанск. В Рубежанске его будет ждать указание резидента, как поступать дальше. Если и в этот раз Кулик не обнаружит себя, Малахову надлежит выехать в Каменогорск и получить на главпочтамте, в отделе «До востребования», письмо с инструкцией. Что ему предпишут делать в дальнейшем, Сергей Сергеевич не знал, да и не пытался ломать голову над этим.

Он оделся, вышел на автобусную остановку и через двадцать минут был у себя в номере. Не раздеваясь, Малахов улегся на кровать, решив отключиться от всего, что было связано с его заданием здесь, в Рубежанске. Он сделал все как надо, и теперь ход остался за Куликом.

Вдруг зазвонил телефон.

Сергей Сергеевич медленно поднялся с кровати, подошел к столу, где стоял аппарат, но брать трубку не торопился. Телефон позвонил еще дважды и смолк. Если это Кулик, то сейчас он позвонит снова, дождетсЯ двух сигналов и опять положит трубку. Разговор может начаться лишь с третьего захода.

— Я туда попал? — спросил мужской голос.

— А куда вы хотели попасть?

— С вами говорят из Кедровского сельсовета. Мне нужна контора стройучастка номер восемь...

— Вас неправильно соединили, гражданин.

— Вот незадача! — сокрушенно проговорил мужской голос. — Тридцать пять минут не могу дозвониться. Вы уж извините.

— Бывает, — ответил Сергей Сергеевич, опустил трубку на рычаг и облегченно вздохнул.

«Ну вот, — подумал он, — резидент на месте, все в порядке, канал связи установлен».

Если б даже кто-нибудь следил за ним и слышал его разговор по телефону, то ему и в голову не могло прийти, что этот невинный диалог означал, что сегодня ночью Сергей Сергеевич должен найти дом номер восемь по улице Кедровой и войти в подъезд. А там, в ряду почтовых ящиков, прикрепленных на стене первого этажа, разыскать ящик тридцать пятой квартиры и вытащить оттуда документы, ради которых он проделал столь длинный и опасный путь.

В почтовом ящике, обозначенном цифрой «35», находилось письмо, адресованное в эту квартиру неким Тумалевичам. Тумалевичи действительно жили в тридцать пятой квартире, но находились сейчас в отпуске, в Средней Азии. Текст письма, его прочитал Мерлин в номере, был самым безобидным. Но при расшифровке Сергей Сергеевич узнал из него следующее:

«Товар не готов. Выходите на связь через сорок восемь часов. Время и место то же. Желательно ваше отсутствие на этот срок. Кулик».

«Корреспонденту» Малахову ничего другого не оставалось, как выехать в село Крутиху.

ВТОРОЙ КОНЕЦ КЛУБКА

Его взяли прямо в цехе. Саботаж на промышленном предприятии по гитлеровским законам военного времени предполагал смертную казнь. Но рабочих рук, квалифицированных специалистов не хватало. Он успел им стать за два с лишним года работы фрезеровщиком. Поэтому и отделался Семен Дынец заключением в концентрационный лагерь. Случилось это в канун Нового, сорок пятого года.

В Германию Семен попал летом сорок второго. Жил он до войны в небольшом украинском городе Белая Церковь. Закончил там семь классов и поступил учиться в одно из киевских фабрично-заводских училищ. Но учиться парнишке не пришлось. Киев захватили фашисты. Вернулся Семен в Белую Церковь, к родителям. Пробавлялся случайными заработками, чтобы помочь бедствующей семье — кроме него было еще пятеро детей, все мал мала меньше. Постепенно сумел установить связь с местным подпольем, выполнял кое-какие несложные задания: к парню пока присматривались. Впрочем, в ту пору слож-

ные и несложные поручения подполья определялись одной ценой — собственной жизнью.

Однажды, находясь в Киеве, попал Семен в облаву и угодил в число восточных рабочих, угоняемых гитлеровцами в Германию. Нашли у Семена справку о том, что он ученик ФЗУ, и это решило его судьбу: определено было шестнадцатилетнему парню работать на военном заводе. Здесь его тоже заметили подпольщики. Хорошо законспирированный комитет планомерно проводил акции саботажа на предприятии. Дважды подвергалась организация разгрому, гестапо не дремало, внедряло людей повсюду, но ядро уцелело, и вредительство продолжалось.

Волна третьего разгрома зацепила и Семена. Попал Дынец в концлагерь. «Прелести» этого «лагеря смерти» вкушать ему довелось более трех месяцев. В апреле сорок пятого, смяв проволочное ограждение, на аппельплац выкатились мордатые американские танки.

Надо ли говорить о радости узников! Счастливый Семен Дынец видел себя уже на улицах Белой Церкви в окружении отца с матерью, братьев и сестер, которые спились ему все эти годы... Но радовался Семен преждевременно. Всех освобожденных американцы поместили в другой лагерь — для перемещенных лиц. Конечно, это был не гитлеровский концлагерь, но попасть отсюда на родину было невозможно. К бывшим узникам, требующим встречи с советской оккупационной администрацией, зачастили подозрительные личности. Они рассказывали о репрессиях, которым подвергаются побывавшие у немцев советские люди, приводили доказательства, демонстрировали фальшивки, сфабрикованные специальными службами вчерашних союзников.

Проводилась тщательная интеграция перемещенных лиц. Связанных сотрудничеством с фашистами готовились использовать и впредь в подобных же целях. Кое-кто завербовывался в Иностранный легион. Бывало, и ликвидировали упорствующих... Убирали тех, кто сам не поддавался посулам и угрозам и других поддерживал в сопротивлении попыткам лишить их родины.

На парней, угнанных в Германию еще совсем в юном возрасте, специальные службы делали особую ставку. Предполагалось, что характеры их, убеждения не успели сформироваться, а годы, проведенные на чужбине, только способствовали их отдалению от родины, которая представляется им в некоем тумане. Если сейчас взяться за

таких ребят всерьез, дать им соответствующую подготовку, провести мозговую обработку, то со временем они могут стать отличными разведчиками в собственных странах, и ценность их особо возрастает, в связи с тем что нет необходимости придумывать для них какие-то легенды.

По таким соображениям попал в поле зрения одной из специальных служб и Семен Дынец.

— ...Да, это я.

— Очень хорошо, что это вы... До вас трудно дозвониться, весь день занят телефон. Чертовски деловой вы человек, не так ли? А с деловыми людьми всегда приятно общаться...

— Простите, с кем имею честь говорить? А, это ты, Вася! Кончай меня разыгрывать, дел по горло.

— Вот я и говорю: деловой человек. Таким вы мне и представлялись.

— Может быть, вы все-таки назоветесь? С кем я говорю? Сейчас положу трубку!

— Не торопитесь, Святой. Слушайте внимательно. У меня есть ирландский сеттер. У него изумительно верный нюх. Не купите для охоты?

— Что... Что вы сказали? Я... Да-да, ирландский сеттер...

— Повторяю: у меня есть ирландский сеттер. У него изумительно верный нюх. Не купите для охоты? И не суетитесь, Святой. Что вы там мямлите?!

— Сеттерам не доверяю. Ищу доброго терьера.

— Шотландского?

— Желательно фокса.

— О фоксе разговор пойдет особый. Нам надо встретиться, Святой. Имею к вам пару вопросов.

— Кто вы?

— Любопытной Варваре в толпе нос оторвали. Много будете знать, скоро состаритесь. Я — хозяин Друга. Известен был вам эдакий симпатичный песик по кличке Друг?

— Да, но ведь ее... Его...

— Это вас не касается. Вы хотите иметь приличную собаку, я реализую ваше желание. Но для этого нам надо увидаться.

— Сегодня я занят...

— Мне тоже не хочется вас видеть сегодня. Давайте встретимся завтра вечером. Впрочем, сделаем так. В двад-

цать один час войдете в камеру хранения железнодорожного вокзала и откроете автоматический шкаф. В шкафу лежит портфель с личными вещами и ваш гонорар. Он в коробке из-под конфет «Ассорти». Коробку возьмите себе, а на ее место положите... Ну вы сами знаете, что необходимо туда положить. Портфель оставьте в шкафу. Закройте его тем же цифровым кодом. Номер шкафа я сообщу вам завтра ровно в двенадцать часов. Действуйте как предложено. И тогда у вас будет премиленький фокстерьер. Ждите моего звонка, Святой.

В этот же день состоялся еще один разговор.

— Это Крутихинское сельпо?

— Оно самое.

— Здравствуйте. С вами говорят из облпотребсоюза. У вас находится корреспондент из Москвы? Тогда пригласите его к телефону.

— Сейчас позовем, он во дворе, с народом беседует. Маша, быстрее за корреспондентом! Скажи, из области требуют!

Позвали корреспондента.

— Слушаю! — крикнул он в трубку. — Да, это я, Малахов Сергей Сергеевич.

— Извините за беспокойство. Здравствуйте. Это вас из области, из потребсоюза, тревожат. Из города Каменогорска. Кулик моя фамилия, понимаете? Ку-лик...

— Я понял. Слушаю вас, товарищ Кулик.

— Из редакции вашего журнала звонили, просили узнать, в каком вы сейчас селе. Они хотят связаться с вами. Как в Москву-то, к вам в редакцию, позвонить?

— Беспокоятся, значит, товарищи? Это хорошо! Запишите редакционный телефон. Сто двадцать девять... Вы записываете?

— Записываю, записываю, товарищ Малахов...

— Пятьдесят восемь — шестьдесят пять. Записали?

— Пятьдесят восемь — шестьдесят пять. Записал. Спасибо! В пятницу думаете быть в городе?

— Видимо, в пятницу.

— Вот и хорошо. Успеем повидаться, товарищ Малахов.

— До свидания, товарищ Кулик.

Когда Андрей Иванович узнал, что состоится один из конкурсных концертов рубежанской художественной са-

модеятельности, он попросил Королева достать пригла-
тельный билет.

— Только один? — спросил улыбаясь Вадим Николае-
вич.

— Можно и два, — ответил Гуков. — Второй — Васе
Мелешину.

— Ну-ну! — протянул Королев. — Всего лишь... А я
уж, было дело, собирался взять тебя на крючок и начать
шантажировать угрозой рассказать кое-что Зое Ва-
сильевне.

— Без пользы, — сказал Андрей Иванович. — Зоя
Васильевна верит только мне, и никому больше.

— Тогда тебе легче. А моя благоверная нет-нет да и
нахмурит брови, когда задержу взгляд на ком-нибудь на
курорте или в гостях. Хотя где уж мне в стрекозлы пи-
саться!.. Четыре невесты растут. Скоро дедом буду.

— Ладно, дед, перестань плакаться. Ты, верно, забыл,
что я тебя и молодым-неженатым помню. Значит, на вечер
я загляну.

— С Васей?

— С Васей. Именно с ним.

— Ну хорошо, с концертом ясно. Чем закончился твой
разговор со Щербаковым по поводу письма этой Сохи
Ромовой к Ирине Вагай?

— Этот второй кончик начали распутывать еще в
Москве, до нашего сигнала о содержании письма. Пом-
нишь, как Соха пишет Ирине про некоего Кэйти? С полу-
скрытым намеком пишет. «Видела нашего вездесущего и
неунывающего Кэйти. Что-то на этот раз он забыл пере-
дать тебе свои приветы, или, точнее, поклоны, в его сти-
ле а-ля рюсс. А наш красавчик Серж будет скоро лауреа-
том. Не промахнулась ли ты, голуба, сменяв кукушку на
ястреба?» Но мы и без письма, по московским каналам,
знали о том, что Ирина Вагай еще в годы студенчества
была связана с господином Кэйтом. Как связана? Това-
рищ Щербаков дал команду выяснить это с максималь-
ной точностью. И тогда на дачу к Ромовым отправился
сотрудник. Кое-что визит его прояснил. Одновременно
этим Кэйтом занялись и с другой стороны. Но уцепиться
за что-нибудь пока не удалось. Господин Кэйт — стреля-
ный гусь. За здорово живешь его не прихватишь... Опять
же пользуется дипломатическим иммунитетом. Все, что
мы имеем против Кэйти, носит косвенный характер, увь...

Так что до поры до времени он может резвиться, этот «вездесущий и неунывающий Кэйт».

В конце первого отделения концерта из-за портьеры боковой двери, на которую нет-нет да и поглядывал Андрей Иванович, выглянул Вася Мелешин. Поймав взгляд Гукова, он кивнул и скрылся. Гуков досидел на концерте до перерыва. Потом он прошел в буфет. Когда прозвенел третий звонок, Андрея Ивановича в зале не было. Он вышел в вестибюль и боковым коридором свернул в служебные помещения. Перед неплотно закрытой дверью с табличкой: «Народный театр» Гуков остановился. Из комнаты слышались голоса. Андрей Иванович тронул дверь, она начала открываться, и вошел. В большой, увешанной портретами театральных корифеев комнате находились двое мужчин. Они сидели у круглого стола спиной к Гукову и громко разговаривали. Собственно, говорил один из них. Он заседал на собеседника, горячо убеждал его, но тот, им был инженер Муратов, односложно отказывал и покачивал головой.

Несколько минут Андрей Иванович не обнаруживал своего присутствия и сумел понять, что речь идет об участии Михаила Сергеевича в конкурсном спектакле. Он должен был состояться завтра. Но Муратов отказывался играть на сцене, не объясняя, впрочем, по каким мотивам он это делает.

Гуков кашлянул, но люди не заметили. Тогда он прошел вперед и сказал:

— Здравствуйте.

Инженер Муратов увидел Андрея Ивановича и, побледнев, поднялся со стула. Его собеседник сделал строгое лицо и спросил:

— Что вам угодно, гражданин?

— Интересуюсь вашим народным театром. Михаил Сергеевич, не затруднитесь представить меня.

Муратов покраснел и сказал:

— Знакомьтесь. Это Леонид Васильевич Ковров, наш, так сказать, профсоюзный опекун. А это... — Тут он запнулся, догадываясь, что Гуков попросил представить вовсе не в подлинном его качестве, и Андрей Иванович пришел ему на помощь.

— Гуков. Из областного управления, — сказал он, протягивая Коврову руку.

Какое управление он представляет, Андрей Иванович уточнять не стал, а Леонид Васильевич и не допытывался.

— Очень рад, — сказал он. — Так я пойду, извините... Мне к членам жюри необходимо пройти. А вы, Михаил Сергеевич, уж не подводите. Очень надеюсь на ваш патриотизм и доброе сердце.

Ковров кивнул им обоим и вышел.

Некоторое время Гуков и Муратов молча смотрели друг на друга. Андрей Иванович широко улыбнулся и жестом пригласил Муратова присесть.

— Покурим? — сказал он. — И поговорим по душам...

— Допрос в непринужденных условиях? — спросил инженер. — Так сказать, на нейтральной полосе?

— И никакой не допрос, — возразил Гуков, усаживаясь к столу и доставая сигареты, которыми запасся заранее. — Вы что же, Михаил Сергеевич, отказываете людям нашей профессии в праве обычного общения?

Муратов пожал плечами.

— Нет, почему же, — сказал он, доставая сигарету из протянутой ему Андреем Ивановичем пачки. — Я бы сказал, что мне простому смертному, даже интересно было бы пообщаться с вами, если б моя скромная персона не сделалась объектом вашего неизменного интереса.

— Поверьте, Михаил Сергеевич, если и есть к вам интерес, то исключительно как к человеку, могущему оказать нам помощь. Но сейчас я хотел с вами говорить о театре.

— О театре?

— Конечно. Для вас театр не просто возможность убить свободное время, мне так кажется. Не хотите играть завтра?

— Не могу. Ведь это был ее спектакль, она жила им... И не дождалась премьеры.

— А Ковров?

— Он член завкома, ведает культурой. Был когда-то неплохим инженером, вместе кончали Каменогорский политехнический институт. Сейчас работает начальником лаборатории НОТ. Стал чиновником, открыл для себя хобби — художественную самодеятельность. Талантами бог обидел, так он, по его словам, другим пробивает дорогу.

— И хорошо пробивает?

— Порою попросту мешает. Конечно, польза от него

есть. В основном по части достать, организовать, проверить. Но вкуса, увы, мало. Впрочем, среди наших культуртрегеров отсутствие вкуса явление не такое уж редкое.

— К сожалению, вы правы, хотя эти дела не в моей компетенции, но приходилось сталкиваться порой с подобными вещами. Так что вы решили в отношении своего участия в спектакле?

— Наверно, буду играть. Попытаюсь вызвать из подсознания другого Муратова. Того, который не знал ее, Ирину...

— И это возможно?

Муратов не отвечал. Он взял еще сигарету, закурил и стал смотреть в зашторенные окна отсутствующим взглядом.

Гуков молчал тоже.

— Знаете, — заговорил наконец Михаил Сергеевич, — мне кажется, что я виноват в смерти Ирины.

— Почему вы пришли к такому выводу?

— Вы сказали однажды, когда встретились со мною впервые, что прокуратура получила анонимное письмо, где говорилось о самоубийстве Ирины.

— Было такое дело.

— Так вот, я, помнится, категорически возражал против подобной версии. Не верил в несчастный случай, она была очень хорошим пловцом. Тогда остается одно: Ирину убили. Кто? Зачем? Я вспомнил о ее подавленном состоянии в последнее время, она пыталась скрыть его от меня, но тщетно. А теперь вижу, что ошибался. Прав был анонимный информатор: Ирина покончила с собой. И в смерти ее повинен я один.

— Почему вы так считаете, Михаил Сергеевич?

— Мне казалось, что такого сильного чувства, как мое к ней, у Ирины не было. А теперь думаю, что это не так. Ирина любила меня, но не могла переступить через свою совесть. Она знала, что отберет у моих детей отца, и не могла пойти на это, тем более что сама выросла сиротой, воспитывалась у тетки. Я не должен был позволять зайти нашим отношениям так далеко. Потому и вина вся ложится на меня.

— Интересный вы человек, Михаил Сергеевич, — сказал Андрей Иванович. — С вами любопытно беседовать. Но вот этот ваш ход беспомощен и недостоин вас. Да, в уголовном кодексе РСФСР есть статья, предусматриваю-

щая ответственность за доведение до самоубийства. Но это не тот случай, Михаил Сергеевич. Не надо брать на себя того, чего не было в действительности.

СЕМЕН ДЫНЕЦ РАССКАЗЫВАЕТ...

Семен Гаврилович Дынец вошел в зал Центральной телефонной станции, обвел глазами томящихся в ожидании переговоров людей, мысленно выразил им сочувствие и направился к окошечку, где принимали плату за телефонные переговоры в кредит — Мария Михайловна задолжала в этом месяце, беспрерывно вызывая Москву, их непутевого сына, выкинувшего такой немислимый фортель.

У окошечка стояла небольшая очередь. Семен Гаврилович встал за высокой тоненькой блондинкой, которая нетерпеливо вертела головой, вздыхала: ей, видимо, не хватало времени, а очередь подвигалась недостаточно быстро.

Девушка наконец не выдержала, рванулась в сторону и едва не бегом покинула зал. Дынец обрадовался, что очередь стала короче: ведь и он торопился тоже, и тут впереди стоящий гражданин стянул соломенную шляпу с головы, носовым платком обтер вспотевшую голову — дни в Рубежанске стояли жаркие, — и глаза Семена Гавриловича уставились в коротко остриженный затылок.

...В лагере для перемещенных лиц Семен Дынец познакомился с Дмитрием Ковалевым. Он был старше Семена на пять лет, попал в окружение под Харьковом в сорок втором году, помыкал горя вдоволь, но сдаваться не собирался, дважды совершал побег, едва не попал в газовую камеру, а теперь рвался на Родину.

Диму Ковалева начали обрабатывать одним из первых. Однажды он не вернулся в барак... Только на утро Дынец узнал, что его друг дал в морду одному типу, который предлагал ему «особую работу». Ковалева избили охранники и бросили в карцер.

Через несколько дней Ковалев вернулся и рассказал Семену, как пытались его завербовать в разведку. Видимо, он рассказывал об этом не одному Семену. Деятели из специальной службы не могли допустить утечки такой информации... Однажды Диму Ковалева нашли на окраине лагеря с ножом в сердце. Официальное расследование гласило, что этот русский был убит друзьями из-за неу-

латы карточного долга. На том дело и закрыли, хотя всем было известно, что Ковалев и карт-то никогда не держал в руках.

Дынец скоро понял, что перед ним два пути. Первый — предательство. Он знал по рассказам Ковалева, чего потребуют от него новые хозяева. Второй — отказаться от вербовки и разделить участь Димы. А ведь он так молод и давно не видел родного дома, Белую Церковь, родителей...

Где же выход? Может быть, есть и третий путь? А почему бы ему и не быть? Ведь он, Семен Дынец, может и переиграть этих типов! Он согласится только для вида, только чтоб выбраться отсюда, а уж потом найдется момент, когда он скажет им: «Ауфвидерзеен» — и смоемся к своим. Так и решил Семен Дынец поступить, когда придет очередь до него. Но вскоре его оптимизм заметно поубавился, когда Семену предложили подписать официальное обязательство работать на иностранную разведку.

Обработку вел молодой сотрудник секретной службы. Он ежедневно приезжал в лагерь, подолгу беседовал с выбранными им кандидатами. Этот сотрудник занимался и предварительным оформлением документов. Затем он отвозил новичков в особое место, где они проходили карантин перед зачислением в разведывательную школу. Звали этого человека Крафт. Он одинаково хорошо говорил по-немецки, по-английски и по-русски. Но хотя Крафт носил немецкую фамилию, повадки выдавали в нем янки. Был он бесцеремонен, нагл и пренебрежителен даже к английскому караулу, охранявшему лагерь перемещенных лиц.

Возил Крафта развеселый и лихой, постоянно находящийся под хмельком капрал по имени Абрахам, звали его все попросту Эб.

— Ну вот и все, дорогой Сеня, — сказал Крафт, взяв у Семена отпечатки всех десяти пальцев и правой ладони. — Теперь ты оформлен по всем правилам, готовый кандидат в зэки. Так ведь у вас называют тюремную братию?

— Я не знаю, — сказал Дынец. — В тюрьме не был.

— Ах да, ты ведь покинул Россию на заре туманной юности. Но теперь ты настоящий мужчина, и я верю, что скоро докажешь это. Не правда ли, парень?

Он был просто ясновидцем, этот бодрый, неунывающий Крафт:

— Сейчас мы отвезем тебя с Эбом в Кёнитц, там есть премиленькое местечко. В Кёнитце ты отдохнешь, покроешь жирком свои лагерные косточки, поваляешься в мягкой постели — словом, побываешь в санатории. А там — учеба и тренировка. Мы сделаем из тебя сверхчеловека. — Он сложил документы, оформленные на Семена, в портфель, щелкнул замком: — Сейчас поедem. Эб, где ты?

— Можно мне собрать вещи? — робко спросил Дынец.

— Нет, дорогой мой, в барак ты уже не вернешься. С этим покончено раз и навсегда. В Кёнитце ты получишь новые вещи, там все для тебя будет новое, все сменишь, кроме шкуры... Ха-ха! Но где мой Эб?

Вошел начальник караула и сообщил, едва улыбаясь, что капрал Эб пребывает в состоянии полной неспособности и вести машину, естественно, не может. О том, что Эба с молчаливого согласия офицера специально напоили английские солдаты, говорить он Крафту, понятное дело, не стал.

— Где машина? — зло спросил Крафт и разразился руганью.

— Здесь, мистер Крафт.

— Идемте, Дынец, — сказал Крафт. — Я отвезу вас сам.

Семен решился на побег, когда открытый джип, ведомый Крафтом, пересекал один из альпийских отрогов.

Дорога была пустынной. Она огибала возвышенность. Слева — отвесная стена, справа — глубокий провал, по самому дну которого бежала горная речка. Семен сидел позади водителя. В дороге он заметил гаечный ключ под сиденьем и теперь потихоньку выуживал его ногой поближе к себе.

Крафт резко затормозил на повороте. Семена бросило вперед. «Теперь самое время», — подумал Дынец. Он нагнулся и ощутил в ладони маслянистую поверхность гаечного ключа. Из всех сил зажал его в руке. Потом Семен, не замахиwаясь, из всех сил ударил ключом в коротко стриженный затылок Крафта.

Крафт дернулся под ударом. Он не опустил рук с баранки. Машина продолжала бежать по дороге. Потом Крафт посунул грудью к рулевой колонке и уронил на нее голову. Нога водителя соскользнула с педали газа, мотор заглох. Теперь джип двигался по инерции. Семен схватил желтый портфель — он стоял впереди, рядом с

сиденьем Крафта, — и прыгнул влево, на дорогу, к отвесной стене. Не устояв на ногах, Семен упал, не выпуская портфеля из рук. Приподняв голову, он увидел, как вихляющий джип проехал еще метров тридцать, затем тело Крафта стало валиться вправо, выворачивая руль. Машина накренилась и исчезла в пропасти.

До Семена донесся лязг и скрежет. Потом все стихло. Он медленно поднялся и бросился бежать по дороге.

Человек не стал надевать на голову шляпу.

Подошла его очередь, он склонился перед окошком и сказал:

— Мне бы, барышня, талончик на разговор. Село Крутиха, пять минут.

Дынец снова вздрогнул. Он и голос узнал... Его, Крафта, голос! Да что там голос, когда он явственно рассмотрел шрам на коротко стриженном затылке! Затылок этот навсегда врезался в его память, снился ему в ночных кошмарах... Семен Гаврилович покрылся испариной, ноги его противно дрожали. Когда Крафт отошел от окошечка, дважды повернувшись лицом к Семену Гавриловичу, Дынец едва не лишился сознания. Он не мог произнести ни слова, заикался, протягивая счета для оплаты, и в полном смятении вышел из зала. Тут он снова заметил Крафта у входной двери и принял решение.

Через некоторое время Семен Гаврилович рассказывал Королеву и Гукову историю своей жизни, историю неудавшейся вербовки. А главное, он поведал им о неожиданной встрече с Крафтом, которого считал погибшим. И вдруг Крафт здесь, в Рубежанске!

— Вы рисковали, Семен Гаврилович, — сказал Гуков. — Ведь он мог тоже узнать вас, этот Крафт. Впрочем, не исключено, что вы обознались.

— Нет-нет, — с жаром заговорил Дынец, — я не обознался! И смею вас уверить, что Крафт не узнал меня и не заметил, как я проводил его до самого дома. А имя, которое он носит сейчас, узнал случайно...

— В любом случае вы поступили мужественно, Семен Гаврилович, — сказал Королев. — Конечно, вам следовало рассказать о попытке завербовать вас иностранной разведкой еще тогда, когда вы сумели добраться до советской комендатуры... Но я хорошо понимаю, почему вы этого не сделали.

— Ведь я не хотел его убивать, только оглушить, — тихо произнес Дынец. — А потом машина упала в пропасть...

— Вы оказали нам неоценимую услугу, — сказал Андрей Иванович. — Но давайте условимся: вы больше никаких самостоятельных действий не предпринимаете.

КРАСНЫЕ ФЛАЖКИ ДЛЯ ВОЛКА

Ему стало страшно... Теперь он боялся вдвойне. Если раньше, до телефонного разговора с этим, судя по тону, властным и, наверно, не знающим жалости человеком, он страшился возможного разоблачения и последующего наказания, то теперь ему приходилось и от хозяев ждать расправы. Конечно, если он принесет секретные документы, то его оставят в покое. Но где он их возьмет, если все, что довелось ему тогда взять в лаборатории «Сигма», передано было Ирине Вагай?

Смерть режиссера на пляже вызвала у Святого противоречивые чувства. Он сделал свое дело и ждал, когда Вагай передаст ему условленную сумму. Но Ирина неожиданно выбыла из игры. Это могло означать и несчастный случай, и ее устранение. Ирина Вагай успела передать материалы шефу или не успела этого сделать? Если нет, тогда секретные документы могут обнаружить при осмотре квартиры, поднимется шум, начнется расследование... Возможно, захомутают и его, чего доброго... И Святой решился, изменив внешность, пробраться в квартиру режиссера, обыскать ее и убедиться в своих подозрениях или успокоиться.

Слугнутый дворничихой, он больше не рискнул повторить попытки и со страхом ждал, как развернутся события в дальнейшем. К его радости, шума никто поднимать не собирался. Смерть Ирины Вагай прошла как несчастный случай, все было тихо и спокойно... Значит, решил Святой, обошлось благополучно. Товар находится у покупателя. Теперь надо ждать за него выручку. Фирма надежная, эти обманывать на гонораре не станут.

Неожиданный звонок и произнесенный вслед за ним пароль напугали и обрадовали Святого. Собственно, тут больше было радости, но длилась она недолго. Как только шеф сказал, что он ждет документы, душа Святого ушла в пятки. Выходило, что материалов у них нет, Ирина Вагай ничего им не передала. Но где же они? Хра-

вятся в тайнике, о котором знала лишь Ирина? А что, если они попали в руки чекистов? И вся эта тишина вокруг истории с Вагай только хитрый маневр? Во всяком случае, шефу о переданных им, Святым, документах ничего не известно, и он требует сейчас их для себя.

Как быть? Передать ему нечего. Документов нет. Его самого вряд ли засекли, даже если и обнаружили секретные материалы в квартире режиссера. Чекисты, вполне вероятно, не знают о его роли в этой истории. Но шеф-то знает!

Итак, из двух зол надо выбирать меньшее. Сейчас опасен шеф. Святой не знает его, зато он знает Святого. Шефа необходимо переиграть. Но исчезнуть придется не только для него. Он исчезнет для всего мира... Того мира, в котором его знают.

Для этого нужны деньги. В двенадцать часов позвонит шеф и скажет цифровой код шкафа в автоматической камере хранения. Вечером он возьмет деньги, а взамен положит кое-что из второстепенных материалов, которые он добыл попутно. Вроде бы он и не знал, что требуют от него. А потом... Потом пусть ищут его в озере Ультигун. Он возьмет свою лодку, переправится на другой берег, а оттуда десять километров до железнодорожной линии, ведущей в Среднюю Азию. И пусть тогда шеф ищет его! Все знают, какой он заядлый рыбак и охотник, так и порешат, что стал Святой жертвой своей страсти. Почему бы и шефу не подумать так? Словом, всем привет, наше вам с кисточкой, чао-чао, бамбино... «Я еще покажу вам, на что способен. Недаром покойница, Ирина Вагай, царство ей небесное, назвала меня Святым. Интересно, а куда попадают после смерти шпионы?»

— Говоря математическим языком, мы имеем три неизвестные величины, которые стали известными, — сказал Вадим Николаевич. — Обозначим их Икс, Игрек и Зет. Тот самый таинственный Икс, стараниями которого проводилась операция по раскрытию секретных работ лаборатории «Сигма», наконец-то обнаружен. Сегодня мы, видимо, его арестуем. В разработке Икса главная заслуга принадлежит нашему московскому коллеге Андрею Ивановичу Гукову.

— И Василию Мелешину, — подал голос Гуков.

— И ему, — согласился Королев.

— Игрека мы возьмем после того, как он выполнит предписание резидента и оставит свои следы на придуманном Иксом «почтовом ящике». Аппаратура для съемки скрытыми камерами подготовлена? — спросил Королев у заместителя.

— Все в полном порядке, Вадим Николаевич.

— Что же касается Зет, то на него у Андрея Ивановича особые указания из Москвы, им будут заниматься московские товарищи — вопрос о нем остается пока открытым.

— Хочу предложить, — сказал Гуков, — чтобы резидента до утра не брали. Утром в Рубежанск вернется Зет. И вполне возможно, что резидент захочет с ним встретиться. Может быть, он передаст какие-то указания, сведет связного из Центра с кем-то из своих людей и обнаружит этим дополнительные связи здесь, в Рубежанске. Думаю, стоит повременить с арестом Икса до возвращения связника в город.

— Резонно, — проговорил Королев и черкнул карандашом в листке бумаги, лежащем перед ним. — Согласен с предложением Андрея Ивановича. Итак, группу наблюдения и захвата Игрека возглавляю я. Не исключено, что после посещения «почтового ящика» он попытается покинуть город. Упустить его, сами понимаете, никак нельзя. Икс, возможно, захочет проверить надежность своего агента, за Иксом тоже следует смотреть в оба.

— Оставьте его за мной, — сказал Андрей Иванович. — Я с ним начинал, я и доведу этого гражданина до кондиции. — Когда они остались вдвоем, Гуков сказал: — Вот и расставили красные флажки для волка. Теперь ему не уйти... Облава начинается.

— Матерый зверюга, — заметил Вадим Николаевич. — Такие могут выкинуть самый необычный фокус. Поверх флажков прыгнет и уйдет. Боюсь, что и у него неплохо развита интуиция. Даже если мы и сделали все чисто, а почуять приближающуюся опасность может.

— Не спорю, — сказал Гуков, — потому как и сам его подловил, можно сказать, почти на одном чутье. — Королев подозрительно глянул на Андрея. Гуков рассмеялся: — Ну, на одном чутье. Тебе все мерещится, будто я что-то знаю такое, чего ты упустил. Нет, Вадим, все идет правильно. У тебя работают прекрасные люди, а сам ты первоклассный шеф, ничего не скажешь, зря меня Ва-

сильный Кузьмич к тебе гонял... Сам бы справился с этим делом.

— Ну не скажи! Ты мне здорово помог, Андрей.

— Не зря, говоришь, рубежанский хлеб ел? Вот и отлично! Ну, мне пора. Пойду к своему Иксу. Что подсказывает ему, как ты говоришь, развитая интуиция?

Едва Гуков вышел, Королев пригласил к себе Мелешина.

— Василий, — сказал он, — у меня к тебе личная просьба.

— Слушаю, Вадим Николаевич.

— Будет у тебя особое поручение. Да... Видишь ли, Андрей Иванович Гуков — опытнейший работник. Он большая умница, аналитик и психолог... Будет брать очень опасного противника, расчетливого и тоже, судя по всему, опытного. Могут быть всякие непредвиденные случайности. И сберечь его от случайностей в нашей власти. Бери Андрея Ивановича на себя. Ты понял меня?

ЕЩЕ ОДИН КАНДИДАТ В МЕРТВЕЦЫ

Запись включили, едва Игрек появился в зале автоматических камер хранения Рубежанского вокзала. Теперь киноплёнка фиксировала каждое его движение. Вошел он скорым, деловым шагом... Торопящийся на поезд пассажир, да и только. У нужного ему шкафа нервы Игрека вдруг сдали, и он прошел мимо, сделал круг по залу, подставляя себя под объективы в различных ракурсах. Наконец Игрек решительно остановился у автоматического шкафа под номером сто двадцать девять.

— Ну и вырядился! — сказал Вадим Николаевич заместителю. — Если б не знал, что это он, то не поверил бы. Ведь мы с ним знакомы. Черт те что! Наряд странный, борода...

— Вы не помните, Вадим Николаевич, словесный портрет того ночного «гостя» к Ирине Вагай, которого спугнула дворничиха? — спросил заместитель.

— Пойдите, — сказал Королев, — так это же вроде он и есть!

— Как будто он, — осторожно отозвался заместитель, — но утверждать со всей уверенностью не берусь.

— Хорошо, что подсказали, — проговорил Вадим Николаевич, не отрываясь от экрана, по которому они следили за действиями Игрека в зале автоматических камер

хранения. — Спасибо. Мы его снова загримирруем, покажем дворничихе, и вставим это лыко ему в строку тоже. И еще одну клеточку зачеркнули...

Стоя у заветного шкафа, Игрек обернулся и увидел, что в зале он совершенно один. Это открытие придало ему силы, и человек принялся набирать цифры кода, стараясь делать все побыстрее. При этом он исподтишка поглядывал вокруг.

— Боится, — сказал Королев. — Понятное дело, не профессионал ведь. Выдержка не та, не тренирован.

— И трус от природы, — добавил заместитель.

Они сидели перед телевизионным экраном в специальной машине, которая стояла неподалеку от вокзала, и видели каждое движение Игрека, фиксируемое камерой.

Остальные сотрудники ждали его снаружи. Здесь, на улице, да еще к ночи, техника может подвести. Без человека в таком тонком деле — увы! — не обойтись. Но вот Игрек открыл шкаф и вытащил из него портфель. Он повозился несколько с замками — видимо, не слушались, тряслись руки, — вынул из портфеля большую коробку конфет. Наверно, ему захотелось тут же раскрыть ее, но благоразумие не позволило, сдержался. С собой у него была легкая полиэтиленовая сумка. Игрек достал из нее сверток, подержал в руке, будто раздумывая, колеблясь, затем решительно сунул в портфель. В сумку он положил «конфеты» и вернул портфель на прежнее место, в шкаф под номером сто двадцать девять. Игрек набрал прежние четыре цифры... И вот он уже исчез с экрана.

— Ну все. Повели, — сказал Королев и щелкнул тумблером, отключая телевизионное наблюдение. — Теперь важно проследить за ним до такого момента, который позволит нам выявить его дальнейшие намерения. Включайте радиосвязь.

— Вадим Николаевич, — сразу заговорил динамик. — Я — Второй. Объект прошел в кассовый зал, стоит перед расписанием дальних поездов. Сейчас перешел к расписанию пригородных. Ведет себя спокойно.

— Раздумывает, не следит ли за ним резидент, — сказал Королев. — Продолжайте наблюдение... Всем, всем! Наблюдая за объектом, имейте в виду, что за ним могут следить со стороны. В случае обнаружения этого немедленно сообщите мне. Как поняли?

Сотрудники, участвующие в операции, поочередно доложили, что поняли хорошо.

— Объект выходит из зала на привокзальную площадь. За ним следует Первый. Передал ему наблюдение, — проговорил динамик.

— Первому! — сказал Вадим Николаевич. — Если объект поедет автобусом, поезжайте с ним вместе. Остальные посты по машинам — и следом. Если пойдет пешком, сдайте наблюдение Третьему на границе привокзальной площади. Всем остальным в этом случае выдвинуться впереди предполагаемого маршрута.

«Где-то там сейчас Андрей? — подумал Вадим Николаевич. — Каково ему наедине с тем зубром!.. Думаю, что Вася, если что, не подведет. Плохо, нет с ними связи».

— Кофе, Вадим Николаевич, — сказал заместитель и протянул крышку от термоса.

Королев залпом выпил кофе.

— О Гукове беспокоюсь, — сказал он. — Как там ему сейчас!..

— Андрей Иванович — опытный человек. У него такие были дела!..

— Объект садится в автобус, Вадим Николаевич. — Я — Первый, слеую за ним.

— Так, — сказал Королев. — Теперь связи с ним пока не будет. Поехали и мы. Сообщите, чтоб снимали привокзальные посты.

...Уже было совсем темно, когда человек со всеми предосторожностями, петляя по городу на случай, если за ним следят, добрался до пляжа и вскоре был у причала, где стояли частные лодки. Неподалеку от берега человек разыскал в кустах спрятанный загодя вещевой мешок с пожитками. Теперь все пути были отрезаны. Он вынес из сарайчика лодочный мотор и отомкнул замок на цепи. Отталкиваясь веслом, вывел лодку на свободное место и стал осторожно грести, чтобы уйти подальше. Когда от берега отделяло его метров триста, человек поставил мотор и дернул заводной конец. «Ветерок» завелся сразу. Едва мотор на лодке заработал, на озере возник звук еще одного двигателя, но, оглушенный работающим «Ветерком», человек этого не услышал. Держа на противоположный берег, он свободной правой рукой развязал вещевой мешок,

из полиэтиленовой сумки достал коробку, открыл ее и стал перекладывать в мешок пачки денег.

Пустая коробка полетела за борт, мешок бы завязан. Настроение у него резко улучшилось.

«Теперь осталось сделать так, чтобы поверили в мою смерть на озере...» Принесенную сеть он привяжет одним концом к лодке, пусть считают его браконьером. На берегу перевернет лодку и оттолкнет подальше. А вот в эту куртку — он всегда носит ее на охоте и рыбалке, приметная куртка — уже положены документы. Не все, конечно, хватит и водительских прав. Да... Машину оставлять жалко. Ну что ж, ничего не поделаешь, на машине далеко не исчезнешь. А куртку он бросит в воду, отойдет в сторону и бросит. Ее найдут сразу, вот и хорошо будет, славно он придумал, тут и комар носа не подточит.

Он представил, как вытянется лицо у того типа, который звонил, когда увидит, что он ему подложил в портфель, как надул тех и этих, и от души рассмеялся.

Надвигался высокий противоположный берег.

В лесу слышался тревожный и тоскливый крик птиц.

Ему дали перевернуть лодку и оттолкнуть ее от берега. Когда он швырнул в воду куртку, вдруг ярко вспыхнули электрические фонари и спокойный голос произнес:

— Не двигаться! Вы арестованы.

Королев подошел к нему, освещенному со всех сторон фонарями. Он снял с головы человека шапку, сдернул парик, затем двумя резкими движениями сорвал фальшивую бороду.

— Плохим пользовались клеем, гражданин Ковров, — насмешливо сказал Вадим Николаевич.

...Он потерял его на берегу озера. Поначалу все шло благополучно. Как и предполагал Гуков, резидент пришел на вокзал и довел Коврова до камеры хранения. В зал заходить резидент не стал, дожидаясь выхода своего агента снаружи. Когда Ковров сел в автобус, Икс неторопливой походкой направился к стоянке такси, взял машину и уехал. Гуков последовал за ним.

Андрею Ивановичу казалось, что он принял все меры предосторожности. По крайней мере, ничего в поведении резидента не говорило о том, что он чувствует, как к не-

му прицепили хвост. Гуков видел, что Икс ведет себя совсем спокойно. Он не пытается сбить возможных наблюдателей со следа, увлечен наблюдением за Ковровым и не заботится о своей безопасности.

И вот Андрей Иванович потерял резидента. Они вместе добрались до лодочного причала и видели, как Ковров выносит мотор, возится с цепью. Лодка медленно пошла от берега, и тут Икс исчез.

Андрей Иванович напрягся, прислушался, взял правее, осмотрелся, сместился в другую сторону. Нигде никого не было.

«Шляпа! — подумал о себе Гуков. — Упустил!»

С озера донесся звук мотора. Спустя несколько секунд Андрей Иванович услышал, как заработал второй двигатель.

«Так, — подумал он, — пошли за Ковровым... Но где же мой подопечный?»

Тут ему пришла в голову мысль: резидент может догадаться, что вторая лодка запущена не случайно. А если он еще и раньше заметил, что за Ковровым следят?

Андрей Иванович, только что глядевший в сторону озера, неожиданно повернулся. Его поворот изменил направление удара человека, бросившегося на Гукова с ножом в руке.

Гуков резко наклонился. Он сделал это с некоторым опозданием, и потому нападавший сбил его с ног. Он не сумел достать Андрея Ивановича ножом, но оружие не выпустил из руки. Теперь человек сидел на упавшем навзничь Гукове и держал его правой рукой, примеряясь нанести удар в сердце.

Андрей Иванович ударился при падении затылком, и хотя не потерял сознание, но был в состоянии ошеломленности. Правой рукой он пытался сбросить руку врага со своего горла, а ногами оттолкнуть его от себя... Неожданный свет озарил место схватки. Нападавший негромко охнул и упал на Гукова. Свет погас.

— Андрей Иванович! — раздался голос Васи Мелешина.

Снова вспыхнул свет.

— Андрей Иванович! — опять позвал Мелешин.

Гуков сбросил с себя тело противника, встал на четвереньки. Голова у него гудела. Андрей Иванович нащупал и подобрал выпавший из руки противника нож.

Вокруг собралось уже несколько человек.

— Вы не ранены? — услышал Гуков голос заместителя Королева.

— Слава богу, цел, — сказал Андрей Иванович. — Спасибо вам. Чем это ты его так угостил, Василий?

— А фонариком, Андрей Иванович. Что под рукой было...

Человек, лежавший ничком на земле, задвигался, потом повернулся и сел, прикрывая лицо рукавом от света.

— Чем это я вас так допек, Федор Матвеевич, что вы на меня с ножом, а? — спросил Гуков.

— Шустрый вы оказались паренек, — спокойно проговорил дед Пахом, неторопливо поднимаясь в свете электрических фонариков с земли и отряхивая руками колени. — Видимо, «бормотушка» моя пошла вам на пользу.

— Видимо, так, — сказал Андрей Иванович. — За «бормотушку» я все еще перед вами в долгу, господин Крафт.

КАК ВЕРЕВОЧКЕ НЕ ВИТЬСЯ...

Новехонький «Икарус» по добротной асфальтированной дороге быстро примчал Малахова из Крутихи в Рубежанск, и прямо с автобусной станции Сергей Сергеевич направился на железнодорожный вокзал.

Сейчас Мерлин не очень заботился об установлении факта наблюдения за собой — он считал, что если раньше его не обнаружили, то теперь у местных чекистов и вовсе не было причин пришивать ему хвост. Слежку за собой он бы в той же Крутихе сумел заметить.

Мерлину было невдомек, что вели его еще с той самой минуты, когда он, приземлившись на Шереметьевском аэродроме, прошел пограничный контрольно-пропускной пункт. Вначале это было обычное профилактическое мероприятие. Не прошла незамеченной и встреча Мерлина с Кэйтлом в универмаге «Москва». Правда, о чем они говорили друг с другом, установить не удалось. Но вот Мерлин, сменив обличье и документы, выезжает в Рубежанск. Это уже настораживало, свидетельствовало о причастности «туриста» к делу Ирины Вагай.

Теперь Мерлина опекали особенно тщательно. Но делали это так, чтоб он, этот специалист высшей квалификации, ни о чем не мог догадаться.

На экране было видно, как Сергей Сергеевич открывает шкаф номер сто двадцать девять и достает оттуда свой портфель.

— У нас есть пленка, на которой изображено, как этот «бородач» Ковров кладет в портфель сверток и достаёт деньги. И коробку пустую из озера выудили тоже. Все улики их связи между собой налицо.

— Не спорю, — сказал Гуков. — Но для нас не менее важно выйти с такими же уликами на Кэйти. Его кипучей деятельности в Москве давно пора положить конец. Поэтому-то Василий Кузьмич и дал нам команду проводить этого «корреспондента» обратно в столицу.

— Так, — сказал Королев, — это мне все понятно. Смотри-смотри, он что-то оставляет в шкафу!

— Газета, кажется, — произнес Гуков. — И ящик закрывает. Ставит на код... Видимо, это сигнал резиденту: все, мол, в порядке, товар получен, отбываю восвояси.

— Но господину Крафту уже не придется сюда больше заглянуть, — заметил Королев. — Голова не болит, Андрей?

— Все прошло. Крепко он меня обошел вчера. Я иду по его следам, а он по моим. Говорят, тигры применяют к своим преследователям подобный приемчик.

— А он и есть тигр, — сказал Королев. — И еще какой тигр! Так и не промолвил до сих пор ни слова...

— Жалко, что мы взяли его вчера, — посетовал Андрей Иванович. — Глядишь, сегодня он вышел бы на связь с этим «корреспондентом» и дал бы нам новые улики.

— Что ж, прикажешь ждать, пока он тебя освежает? — сердито буркнул Королев. — И так был на волоске от смерти.

— Да, Василию я жизнью обязан. Вовремя подоспел.

— Говорит Четвертый, — произнес голос из динамика. — «Корреспондент» заходит на почту.

— Шестому пройти за ним, — распорядился Королев, — а Пятому быть наготове изъять любую корреспонденцию, которую подаст объект. Пятый, сразу доложите, что он будет отправлять.

— Либо сообщение об окончании операции, — сказал Гуков, — либо сами материалы.

Вскоре Королеву доложили, что отправлена заказная бандероль по адресу: гор. Каменогорск, Главпочтамт, до востребования, Конторовскому Демиду Францевичу.

— Еще одна птичка в наших сетях, — заметил Королев, — хотя это может быть и непосвященный человек.

— Надо послать туда кого-нибудь для связи с каменогорцами, — сказал Гуков.

— Распорядитесь, — обратился Королев к заместителю и, кивнув Гукову, добавил: — Занимайтесь им сами, товарищи москвичи.

— Там есть кому заняться. Его уже ждут, — отозвался Андрей Иванович. — Твой работник готов выехать вместе с «корреспондентом»?

— С утра ждет команды. В одном вагоне поедет.

Сообщили, что «корреспондент» взял билет на фирменный поезд до Москвы.

— Отправление через сорок минут. Дождемся отхода, Андрей?

— Да уж проводим. Можно и на перрон выйти, поглядеть на гражданина Малахова, так сказать, в натуре.

— Оставайтесь здесь, — сказал Королев вернувшемуся заместителю, — руководите операцией, а мы с Андреем Ивановичем прогуляемся на перрон.

«По существу заданных мне вопросов могу сообщить следующее. С полгода назад я был на товарищеской вечеринке, устроенной режиссером народного театра Ириной Вагай по случаю премьеры. Находясь в состоянии опьянения, я высказывал некоторые мысли, которые свидетельствовали о моем недовольстве своим положением, говорил о желании иметь много денег, чтобы жить настоящей жизнью. Как оказалось впоследствии, мои слова были записаны незаметным для меня образом на магнитофонную пленку. Спустя несколько дней я получил от Вагай приглашение навестить ее. Надо сказать, что я этому несколько удивился, так как не подозревал о ее интересе ко мне, считая этот интерес чисто женским, мне было легко получить такое приглашение, и я не задумываясь принял его. У себя на квартире Ирина Вагай приняла меня весьма приветливо, угощала французским коньяком, хотя я и принес с собой хорошее вино и конфеты. Затем она начала разговор о том, что я живу ниже своих возможностей, а имеется случай разом вырваться из этого полунущенского существования.

Я сказал, что готов на все, если за это хорошо заплатят. Тогда безо всяких предисловий Ирина Вагай предложила мне достать материалы, раскрывающие суть открытия инженера Кравченко. Я знал о том, что лаборатория «Сигма» уже работает над этой темой, но ответил Вагай отказом. Тогда она дала мне прослушать запись моих высказываний, а затем показала листок бумаги, в

котором говорилось, что я даю обязательство сотрудничать с ними, и стояла моя собственноручная подпись. Я подумал, что этого всего мало, чтоб меня шантажировать, значит, фирма, которую представляет Вагай, не солидная. Так и заявил ей... Тогда Ирина Вагай усмехнулась и показала мне фотографии, где я был снят в лесу вместе с дочкой одного из наших инженеров».

Вопрос. Что предосудительного было в этой фотографии?

Ответ. По ней можно было сделать вывод об интимности наших отношений, а девица эта еще училась в школе... Ирина Вагай предупредила меня, что, в случае моего отказа сотрудничать с нею, эта фотография будет размножена тиражом в сотню штук и всюду разослана, включая родителей этой самой девицы и прокуратуру. Я понял тогда, что уголовной ответственности мне все равно не избежать. Одновременно Ирина Вагай назвала сумму гонорара за мою услугу, и я согласился, тем более что Ирина Вагай убедила меня, что это не обычный шпионаж, а промышленный, никакого ущерба, мол, своим я не принесу. Таким образом, я стал работать на Ирину Вагай, вернее, на тех, кто стоял за нею. Мне же она определила кличку Святой, и пароль, по которому со мной должны были связаться, минуя Вагай, если возникнет в этом необходимость.

Вопрос. Каким образом вы добыли секретные материалы?

Ответ. Подобраться к лаборатории «Сигма» было трудно. Я постепенно накапливал сведения, так как в качестве начальника лаборатории научной организации труда имел доступ повсюду, в том числе и в закрытую лабораторию. Но тайна секретных работ скрывалась в сейфе, которым могли пользоваться только завлаб Горшков, Кравченко и инженер Муратов. Мы решили с Ириной Вагай использовать последнего, так как известно было о его чувствах к режиссеру. Был разработан следующий план. Выбирается время, когда Горшкова и Кравченко не будет в лаборатории. Я захожу к Муратову, затеваю разговор. И в этот момент звонит Ирина Вагай и просит Муратова срочно выйти к ней из лаборатории, для входа в которую у нее нет пропуска. Я знал, что, приходя к себе в кабинет, Муратов снимает пиджак, в котором лежат ключи, вешает на спинку стула и поверх сорочки надевает белый халат. Важно было организовать так, чтобы

пиджак с ключами висел на стуле, а я находился в это время в кабинете. И нам это удалось. Не знаю, что сказала Ирина Вагай Муратову, только он выбежал после ее звонка из кабинета. Вагай обещала задержать его не менее чем на четверть часа. Этого оказалось достаточно. Я взял муратовские ключи, прошел в кабинет Горшкова. Ключ к замку у меня был подготовлен заранее — это дело несложное. Я вскрыл сейф и быстро записал то, что мне было нужно. По образованию я инженер-металлург, и мне не понадобилось долго разбираться в сути открытия Кравченко. Достаточно было взглянуть на его формулы хоть одним глазом да черкнуть для памяти в блокноте. Тем более что я заранее готовился по этой проблеме. Но тут я едва не попался, так как в момент возвращения Муратова только собирался положить ключи обратно — и не успел этого сделать. Правда, Муратов был сильно взволнован, и я, выбрав подходящую минуту, когда он отвернулся, положил ключи в карман пиджака, но не в тот, где они лежали, тут уж было не до точности! Не знаю, заметил ли это инженер Муратов...»

— Заметил, — сказал Андрей Иванович, откладывая в сторону протокол допроса Коврова. — Поздно, правда, но заметил. Мы долго тогда беседовали с Михаилом Сергеевичем во Дворце культуры. Так или иначе, но я подвел его память к этой истории, и он вспомнил про странный вызов по телефону. Тогда Ирина Вагай объявила ему, что ждет ребенка, а потом, продержав необходимое время, заявила, что пошутила... Вспомнил Муратов и про необычное поведение Коврова. Его и тогда смутило, что ключи оказались не в том кармане. Но Михаилу Сергеевичу и в голову не могло прийти подозревать Коврова.

— А кому могло прийти? — проговорил Королев. — И откуда только берутся такие подонки?! На все готов за деньги... И сам ведь так заявил! Кстати, как ты думаешь, кто его сфотографировал тогда в лесу?

— Это мог сделать и Тимофей Старцев по заданию Крафта, а может быть, и дед Пахом выследил Коврова. Кстати, Святой попался и на том, что не знал как следует закона. Ирина Вагай процитировала ему статью уголовного кодекса, где говорится об ответственности за связь с лицом, не достигшим половой зрелости. А поскольку девице не было восемнадцати, Вагай подвела Коврова под эту статью. Но дело ведь не в возрасте, а в ее фактическом развитии. Мне показали юную пессию

Святого. Думается, что уголовная ответственность Коврову явно не грозила.

— Да, Ковров глупо попался... Впрочем, они не случайно обратили внимание именно на него, — сказал Королев. — И Муратова вовремя нам удалось отвести от дела. Хорошо, что мы сумели установить, как мотался те два часа Михаил Сергеевич в поисках лекарства для дочери. А на Коврова мы вышли благодаря тебе, Андрей.

— Послушай, Вадим, не будем делить лавры, а?

— Не будем, — согласился Королев. — А Крафт все молчит...

— Ну, это тебе не Ковров! Правда, Святой — тоже мне ухарь купец. Захотел облапошить самого Крафта, подсунуть ему липу. А его прежде раскрыли как миленького. Крафт молчит? Ничего, заговорит в Москве. Василий Кузьмич не зря распорядился отправить Крафта и Коврова к себе. Ребята вышли через «корреспондента» Малахова прямо на Кэйти. Теперь этому дипломату хана. Объявят его персона нон грата и вышлют из страны.

— Вот и Семена Гавриловича просят приехать в Москву, — сказал Королев.

— Дынец для нас — просто находка, — заметил Андрей Иванович. — Здесь Крафт не захотел его признать... Что ж, может быть, и забыл. Хотя вряд ли забудешь такой удар по черепу. Но в Москве свидетельство Семена Гавриловича будет подкреплено документами — в наших архивах найдется кое-что о тех временах и о тогдашней деятельности Крафта. Трудно ему придется, не вывернется.

— Сегодня я отправлю всех в Москву, — сказал Королев.

РАЗРЕШЕНИЕ НА ПРОЕЗД В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

И этот день в Рубежанске был жарким.

Вдоволь поплавав в теплой воде озера, Андрей Иванович и Вася Мелешин выбрались на песок и улеглись рядом, подставив спины ласковому в это лето солнцу.

— Как хорошо, — проговорил Андрей Иванович. — Тихо и мирно. Расскажи кому из тех вон, что пекутся на песочке, какие разыгрывались здесь трагедии, — ни в жизнь не поверят.

— И правильно, — сказал Василий, — пусть не верят, пусть отдыхают спокойно.

— Как вот сейчас мы с тобой, — улыбнулся Гуков.

— Я вот что хотел спросить, Андрей Иванович. В отношении Тимофея Старцева. За что его убил этот Крафт?

— Понимаешь, Вася, тут заковыристая вышла история. Ведь как бы то ни было, а Тимофей Старцев питал какие-то чувства к Ирине Вагай. Ведь Крафт молчит, и мы пока лишь можем предполагать, что Вагай заколебалась, и это насторожило резидента. Тот сразу же приказал ее убрать и поручил это Старцеву. Тимофей приказ-то выполнил, утопил Ирину, а психика у него не выдержала, нервы сдали. Вот Старцев и зашил... Возможно, принялся в пьяном состоянии болтать. Короче говоря, стал опасен для Крафта. Тот его и «приголубил». Крафт — знаток своего дела. Не окажись ты рядом тогда — быть бы на этом чудесном озере третьему трупу.

— Знаете, чему я удивляюсь больше всего? — сказал Мелешин, когда они снова вышли из воды и уселись на песке. — Тому, что вы на этого деда вышли. Без малейшей зацепки, безо всяких улик почувствовали в нем врага. Уму непостижимо! Наш Вадим Николаевич любит с научной точки зрения объяснять любое явление, а тут какая уж наука, тут просто мистика...

— Ну, во-первых, дедом Крафта можно назвать с большой натяжкой — ему едва за пятьдесят, здоров он, как бык. Видел, какие мышцы, когда его обыскивали? Он играл деда и алкоголика, и играл, надо сказать, отлично. А во-вторых, никакой таинственности тут нет. Опыт, Вася, да. Он, и только он, рождает интуицию. Опыт приучает подмечать при расследовании преступления любую мелочь, любой просчет, допущенный преступником. А просчеты допускают все, в том числе и самые матерые враги.

— И у Крафта был просчет? У него были ошибки?

— Почему же не было!.. Были и у него. Ладно, открою тебе небольшой секрет. Почему я стал подозревать старого, спившегося человека? Алкоголик он нетипичный. Ведь в большинстве своем алкоголики — неинтересные люди. Каков бы ни был интеллект, какой бы ни обладал человек в свое время психической силой, алкоголь до противности одинаково разрушает мозг. И жертвы его убоги в своем пошлом однообразии. А дед Пахом был не таков. Он был по-своему интересен, но где-то переигрывал, бравировал своим пьянством.

— Но это ведь еще не улика, — возразил Василий.

— Верно, — согласился Андрей Иванович. — Потом

была уже более серьезная оплошность Крафта. Я спрашивал его, почему он так поступил. Но Крафт упорно молчит. Видимо, ему и самому не по себе оттого, что допустил такую оплошность. Тем более что его действия нелогичны, что ли. Ты помнишь пустую банку, которую нашли в том сарае, где обнаружили труп Тимофея Старцева? Крафт сказал мне, что передал банку Старцеву, чтоб тот сходил с нею на турбазу за пивом. Значит, на банке должны были быть следы пальцев обоих. Так?

— Верно, Андрей Иванович, но Крафт мог просто разрешить Тимофею Старцеву взять банку, и тогда следов его пальцев на банке не будет.

— Молодец, Василий! Совершенно верно подметил. Но уж следы Старцева будут на банке, во всяком случае. Я распорядился исследовать поверхность банки. И что же ты думаешь? На банке не было никаких следов вообще! Что же это значило? Одно из двух. Либо дед Пахом лгал, говоря про историю с банкой и пивом, — Старцев к банке не прикасался, — либо он держал ее в руках, но Крафт зачем-то уничтожил все следы. Зачем? Не знаю до сих пор. Но подозрение этим он во мне возбудил. И еще раз оп себя выдал, когда я обратил его внимание на Коврова — Святого, который вошел вместе с инженером Кравченко в буфет Дворца культуры. Правда, в какой-то степени я и сам раскрылся. Именно с этой минуты Крафт, видимо, стал догадываться о моем особом интересе к нему. Только я намеренно пошел на такой риск. Подзадоривал деда Пахома...

— Вызывали огонь на себя, — заметил Василий.

— Ну, не совсем так... — начал Андрей Иванович и недоговорил, заметив идущего к ним Королева.

— Ах вы, лежебоки! — сказал Королев. — Не знаю только, за что вас начальство поощряет...

— Хорошие новости? — спросил Гуков.

— Куда уж лучше! Звонил Щербаков. Тебе можно катать домой, Андрей Иванович, а твоему верному оруженосцу предоставлен внеочередной отпуск на десять дней, без дороги. Это помимо благодарности Василия Кузьмича и его разрешения на ваш проезд до Москвы в спальном вагоне.

— Вот это здорово! — воскликнул Мелешин. — Спасибо вам, Вадим Николаевич!

— Меня-то за что благодарить? Я б тебе здесь работы по горло нашел! — притворно хмурясь, сказал Королев.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Три лица Януса	3
Несчастный случай	194
Бремя обвинения	240
Черный занавес	328

Станислав Семенович Гагарин

ТРИ ЛИЦА ЯНУСА

Повести

Редактор *Бенке С. П.*
Рецензент *Валентинов И. А.*
Художественный редактор *Тихомирова Т. А.*
Художник *Васильев Н. А.*
Технический редактор *Дьякова Г. В.*
Корректор *Смирнова К. В.*

ИБ № 1693

Сдано в набор 19.06.80. Подписано в печать 31.03.81. Г-42686.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Об. нов. гарн. Высокая печать.
Печ. л. 13. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 23,16. Усл. кр. отт. 21,95.
Тираж, 100 000 экз. Изд. № 4/6661. Зак. 1-321. Цена 1 р. 50 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата

Отпечатано с матриц на книжной ф-ке им. М. В. Фрунзе, 310057,
Харьков-57, Донец-Захаржевская, 6/8.

Scan Kreyder - 15.07.2016
STERLITAMAK

1р.50к.

